

Санкт-Петербургский
государственный
университет

РОССИЯ

В глобальном мире: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Сборник работ VIII международной
студенческой научной конференции*

Санкт-Петербург
2020

УДК 316.42
ББК 60.56
Р76

Редакторы: Данилова Е. Н.
Коновалова К. А.
Матяшова Д. О.
Смирнов Е. В.
Попов Д. И.
Зенков М. А.
Габриелян М. О.

Р76 Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности: Сборник работ VIII международной студенческой научной конференции. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 454 с.

ISBN 978-5-98620-467-3

Сборник содержит доклады участников Восьмой международной студенческой научной конференции «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности», проведенной на базе Санкт-Петербургского государственного университета в октябре 2020 г. В нем представлен широчайший спектр взглядов молодых исследователей международных отношений и мировой политики — студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов — на политические, экономические и социокультурные явления и процессы, происходящие в современном мире

УДК 316.42
ББК 60.56
Р76

ISBN 978-5-98620-467-3

© Коллектив авторов, 2020
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ»

Габриелян М. О.

Эволюция энергетической дипломатии России на латиноамериканском направлении 7

Данилова Е. Н.

Аналитические центры США о перспективах отношений США и России в период президентства Дональда Трампа 17

Симанов Е. С.

Реформа НАТО и Россия 28

Федорова И. В.

Новые концептуальные рамки российско-американского информационного противостояния и роль публичной дипломатии в их реализации 40

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СУБРЕГИОНЫ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ»

Асланов И. В.

Место России в предвыборных программах европейских партий к выборам в Европейский Парламент 2019 года. 51

Белухин Н. Е.

Динамика отношений России со странами Северной Европы в начале 21 в.: общее и особенное 63

Коровина А. М.

Проблема «Северного потока – 2»: столкновение интересов России, государств Европейского Союза и США 73

Коцур Г. В.

Дискурсивный сюжет «движения» как ось европоцентризма в нормативном взаимодействии России и ЕС в области демократизации 84

Кузина О. Е.

Российско-германский научный диалог и его влияния на взаимоотношения государств 93

<i>Сергеева Д. О.</i>	Опыт имплементации Целей устойчивого развития в Германии и России.	103
<i>Садомцева А. Р.</i>	1941–1944: «Дело Финляндии — наше дело»? Позиция Швеции в отношении «войны — продолжения».	113
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»		
<i>Леонов Ю. И.</i>	Характеристика деятельности аналитических институтов ФРГ на территории РФ, Украины и Белоруссии	123
<i>Москаленко Д. Д.</i>	Оценки РФ (1993–2020) вторжения в Чехословакию в 1968 г. в контексте исторической политики РФ	133
<i>Писаревская Д. Д.</i>	Политические и экономические перспективы регионального объединения «Инициатива трех морей» как нового формата интеграции в ЦВЕ.	142
<i>Попов Д. И.</i>	Дискуссия о польско-российских отношениях на парламентских выборах в Польше 2019 г.	153
<i>Поснякова А. А.</i>	Правовое регулирование проекта «Северный поток – 2» в контексте энергетической безопасности ЕС	164
<i>Филиппова З. Н., Царяпкина В. В.</i>	Развитие российско-белорусских отношений в 2014–2020 гг.	173
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И РЕГИОНЫ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И АФРИКИ»		
<i>Даровская А. М.</i>	Российско-турецкое энергетическое сотрудничество на примере «Турецкого потока».	185
<i>Лабенский Я. В.</i>	Политика латинизации казахского алфавита в двусторонних отношениях Казахстана и России	193
<i>Назаров Б. С.</i>	Российско-турецкие отношения после 2015 г.: фактор США и внешнеполитический курс Эрдогана	203
<i>Олейникова А. Д.</i>	Саммит Россия — Африка. Перспективность диалога двух сторон .	213
<i>Себряк В. С.</i>	Развитие российско-израильских отношений в период 2000–2015гг.	221
<i>Смешко Е. И.</i>	Участие России в деятельности интеграционных объединений на Ближнем Востоке	232

<i>Шубина Д. С.</i>	Позиция России по Тибетскому вопросу	243
<i>Юззов В. М.</i>	Перспективы стратегического партнерства России и Ирана в третьем десятилетии XXI века	252
<i>Aref Bijan, Юдина Александра</i>	Роль России в Сирии: от геополитической конвергенции к конкурентному партнерству	263
<i>Dalsooz Jalal Hussein</i>	Россия возвращается к выстраиванию отношений с негосударственным актором — региональным правительством Курдистана	274
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»		
<i>Новиков К. М.</i>	Противостояние в Южно-Китайском море и позиция России	283
<i>Пронина В. А.</i>	Китай в освоении нефтегазовых ресурсов российского Заполярья: оптимальный сценарий сотрудничества	294
<i>Фокин Я. П.</i>	Торгово-экономические отношения России и Японии: причины проблем и пути их решения.	302
КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ»		
<i>Золотарев Ф. Е.</i>	Сравнение подходов России и Германии к обеспечению глобальной безопасности в сфере нераспространения: анализ третьего цикла ПК ДНЯО 2019	312
<i>Ильиных А. В.</i>	Россия и США: новый виток напряжения, есть ли шанс на стабильность?	321
<i>Росляков Ф. С.</i>	Военно-оборонительное сотрудничество России и АСЕАН в системе безопасности Юго-Восточной Азии.	331
<i>Морозов М. К.</i>	Военное сотрудничество России и Франции как этап развития диалога двух потенциальных центров многополярного мира	341
КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И МИРОВАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА»		
<i>Ануфриева А. А.</i>	Эволюция интересов России и перспективы в международном экологическом сотрудничестве, проблемы проведения национальной экологической политики	351

<i>Ишутинова А. С.</i>	Сотрудничество ЕС и России в сфере охраны окружающей среды: успехи и перспективы	360
<i>Родина Е. Ю.</i>	Основные направления экологического сотрудничества России и стран Северной Европы	372
<i>Смирнов Е. В.</i>	Как гром среди ясного неба: перспективы развития энергетического сотрудничества России и Евросоюза в условиях принятия «Зеленой сделки» Урсулы фон дер Ляйен	382
<i>Турцева А. В.</i>	Роль России в решении экологической проблемы: загрязнение Балтийского моря	392
КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ИНСТИТУТАХ: РОЛЬ, СТРАТЕГИЯ, ПРОБЛЕМЫ»		
<i>Заяц Е. А.</i>	Деятельность международных неправительственных организаций на Ближнем Востоке	401
<i>Золотова В. Э.</i>	Стратегия России в рамках современной системы межправительственного взаимодействия	408
<i>Кортунова А. Д.</i>	Россия и Парламентская ассамблея Совета Европы: проблема взаимоотношений.	417
	Список литературы.	426
<i>Лощилова А. М.</i>	Россия и Совет Европы: сотрудничество или противостояние?	428
<i>Розенштейн В. В.</i>	Аспекты гуманитарного сотрудничества России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества.	438
	Сведения об авторах.	450

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ»

Габриелян Максим Олегович

Эволюция энергетической дипломатии России на латиноамериканском направлении

The evolution of energy diplomacy of Russia in the Latin
American direction

Аннотация: В рамках данной работы проводится выявление ключевых особенностей энергетической политики Российской Федерации в Латинской Америке. Рассматриваются взаимные ключевые энергетические интересы России и стран данного региона, а также подчёркивается высокий потенциал сотрудничества. Особое внимание уделяется классификации энергетической дипломатии на основе: степени экономической или политической основы кооперации; акцента на двустороннем или многостороннем сотрудничестве; основной отрасли взаимодействия (нефтяная, газовая, атомная или альтернативные источники энергии) и их преимущества и недостатки, а также перспективы дальнейшего взаимодействия в энергетической сфере.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, нефть, атомная энергетика, газ, Россия, Латинская Америка

Abstract: This article identifies key features of the energy policy of the Russian Federation in Latin America. The mutual key energy interests of Russia and the countries of the region are examined, and the high potential of cooperation is emphasized. Particular attention is paid to the classification of energy diplomacy on the basis of: the degree of economic or political basis of cooperation; emphasis on bilateral or multilateral cooperation; the main industry of interaction (oil, gas, nuclear or alternative energy sources) and

their advantages and disadvantages, as well as prospects for further interaction in the energy sector.

Keywords: Energy diplomacy, oil, nuclear energy, gas, Russia, Latin America

Высокое значение энергетических ресурсов в структуре национальной экономики, а также растущая их роль в международных экономических отношениях, делают энергетическую отрасль всё более значимым фактором внешней политики Российской Федерации. Данная тенденция отчётливо прослеживается в большинстве направлений российской внешней политики, прежде всего в соседних региональных направлениях (ЕС, постсоветское пространство, Дальний Восток), где вопросы энергетики имеют ключевую ценность. Тенденция роста значимости энергетических ресурсов в отношениях между государственными акторами приводит к трансформации внешней политики и возникновению феномена «энергетической дипломатии». Автор данного термина С. З. Жизнин разделяет [4] подобный тип дипломатии как комплекс мер и действий, включающих прагматичное применение энергетического фактора в качестве инструмента политики формирования энергетической безопасности (снижение влияния от международных конъюнктурных тенденций, предотвращение применения энергетического «шантажа»). Вопросы энергетической безопасности особенно приобретают актуальность в связи с осложнением отношений РФ с США и противоречиями со странами Европейского Союза. Данные факторы повышает рискованность существующих энергетических связей и ставят под угрозу перспективы новых проектов в сфере. Данный факт «подталкивает» российское руководство искать возможные альтернативы в энергетическом сотрудничестве, новые контакты и проекты для диверсификации комплекса. Латиноамериканское направление представляется одной из возможных альтернатив для развития российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Помимо энергетики, между Россией и странами Латинской Америки существует многочисленный спектр [10] тем для потенциального взаимовыгодного сотрудничества, охватывающий сферы сельского хозяйства, чёрной металлургии, вооружений и

т.д. Взаимодействие в сфере топливно-энергетического комплекса является одной из неотъемлемых составляющих комплекса российско-латиноамериканского экономического сотрудничества и обладает высоким потенциалом.

Интересы РФ в развитии энергетической дипломатии в Латинской Америке вызваны несколькими факторами. Во-первых, фактор нефтяных и газовых ресурсов. Регион располагает [18] порядка 330 млрд. баррелей нефти (20% от доли общемировых запасов), а также 290 млрд. куб. газовых запасов (4% от доли общемировых запасов). Прямой контроль над данными источниками через российские энергетические компании или косвенный через тесные контакты с руководствами латиноамериканских стран могут позволить вносить корректировки в мировой нефтегазовый рынок и обезопаситься от колебаний цен. Во-вторых, объективные интересы поиска новых энергетических запасов и диверсификации доходов крупных корпораций. В-третьих, стремление к продвижению собственного промышленного оборудования, технологий и человеческого капитала через обеспечение латиноамериканских энергетических производств. Данный процесс способен поднять статус российской промышленной индустрии и её позиции на мировых рынках. В-четвёртых, Латинская Америка представляет интерес по политическим мотивам [13], фактором гегемонии США в Западном полушарии и стремление её «размыть» посредством продвижения российско-латиноамериканского сотрудничества. Энергетическая сфера является одним из наиболее эффективных способов закрепить подобное стратегическое взаимодействие.

Страны Латинской Америки заинтересованы в партнёрстве с РФ в энергетической сфере по «зеркальным» причинам. Допуск России в данную отрасль способен диверсифицировать латиноамериканские ТЭК, сделать их более независимыми от колебаний со стороны ключевых партнёров, а также позволяющими найти дополнительные источники развития. Идеи о сотрудничестве с Россией в стратегически важной энергетической отрасли популярны среди сил, скептически настроенных к фактору гегемонии США в Западном полушарии и стремящиеся проводить более многовекторную политику.

Латиноамериканское направление российской энергетической дипломатии имеет собственную специфику. Ключевым является вопрос первенства экономических или политических соображений в сотрудничестве. Рассматривая российскую энергетическую политику в Латинской Америке, можно заметить определённую закономерность — степень интенсивности колеблется от политических расстановок в регионе. Активизация данного регионального направления коррелирует с процессом «левого поворота» и прихода к власти в большей части государств левых политических сил. Сил, скептически настроенных на сотрудничество с США и нарративом о многополярности. Мы можем утверждать, что степень интенсивности данного сотрудничества так же, коррелирует со степенью радикальности подобных политических сил.

Данная закономерность прослеживается при сопоставлении деятельности российской энергетической политики в отношении ряда государств. Страной с наибольшей активностью российского энергетического комплекса является Венесуэла, придерживающаяся наиболее анти-американской повестки. Первым крупным достижением российской энергетической дипломатии в Венесуэле стало создание Национального нефтяного консорциума [6] (ННК) из пяти корпораций, вдоль реки Ориноко в 2008 г. Незадолго до создания данного консорциума, Каракас переживал очередной виток напряжённости [14] с США в условиях быстрорастущего торгового оборота за счёт экспорта и импорта нефти. Данный шаг в отношениях с РФ является очевидной попыткой начать процесс диверсификации венесуэльского ТЭК и обеспечения национальной энергетической безопасности. Дальнейшее увеличение российского присутствия также сопоставляется с ростом венесуэльского экономического и политического кризисов и большим осложнением в отношениях с США. Об этом свидетельствуют открытие новых нефтедобывающих предприятий, предоставление газовых месторождений, а также постепенная монополизация ННК «Роснефтью». Последний шаг особенно важен ввиду упрощения контроля над энергетической политикой через единую прокси-корпорацию, что подтверждает тезис о приоритете политического императива над экономическим.

Дополнительно об этом свидетельствует уход [5] «Роснефти» из Венесуэлы, совершённый в конце марта этого года и возникновении на месте компании «Росзарубежнефти», напрямую завязанной на государственные структуры (через Росимущество).

Проблему зависимости энергетического сотрудничества не от объективных экономических факторов, а от политических колебаний подтверждает и кейс Аргентины. Степень интенсивности двусторонних контактов в энергетической отрасли зависит от нахождения у власти умеренно левых перонистов или их оппонентов, имеющих различные подходы в вопросах внешнеэкономической политики. Последнее крупное соглашение в сфере энергетики было подписано между Газпромом и YPF в 2015 г. [3] в период президентства К. Киришнер. С момента прихода к власти М. Макри, переговоры в сфере атомной и гидроэнергетики приняли пробуксовывающий характер и ни к чему не привели. Возникновение новых энергетических интересов российского руководства (прежде всего в контексте освоения газового месторождения «Vacamuerta») так же взаимосвязано с политическими переменами в Аргентине и возвращением к власти перонистов во главе с А. Фернандесом. Российская энергетическая дипломатия в латиноамериканском регионе крайне зависит от политического фактора, расстановки внутренних сил в государствах региона, а также системных факторов глобальной международной арены. Энергетическое сотрудничество из исключительно экономических соображений носит менее масштабный и более локальный характер, прежде всего в контексте сотрудничества России с Мексикой, Бразилией, Чили и Колумбией.

Вторым аспектом, является акцент на одностороннем или многостороннем сотрудничестве. Российская энергетическая дипломатия опирается на билатеральный принцип как основной при проведении собственной политики. Тем не менее, помимо двусторонних контактов, Россия стремится к продвижению собственных энергетических интересов через международные площадки, организации и институты, регулирующие энергетические отрасли. Ключевой среди них в нефтяной отрасли можно выделить взаимодействие ОПЕК, служащей косвенным инструментом влияния российской энергетической отрасли в Латинской

Америке. Несмотря на неучастие России в данном картеле, сотрудничество в формате ОПЕК+ является необходимым инструментом в сфере регулирования [16] мировой добычи нефти и цен на данный ресурс. Учитывая, факт вхождения Венесуэлы в данную организацию, ОПЕК выступает одной из площадок российской энергетической дипломатии, в том числе на латиноамериканском направлении (в контексте достижения договорённостей по регулированию нефтедобычи).

Также, важным является вопрос атомной энергетики. МАГАТЭ предстаёт одной из вспомогательных площадок взаимодействия России со странами Латинской Америки в вопросах развития мирного атома. Ключевым партнёром в данной отрасли выступает Аргентина, достигшая наибольших успехов в данном вопросе. Стоит отметить, что российская сторона поддержала аргентинского кандидата Рафаэля Гросси на выборах директора МАГАТЭ, выступающего за более тесное сотрудничество организации с Россией [12]. Наиболее перспективным видится взаимодействие РФ со странами Латинской Америки через МАГАТЭ в контексте обучения и подготовки научного персонала, а также расширения контактов по вопросам развития атомной энергетики в регионе.

Помимо вышеперечисленных структур, всё большее значение приобретает фактор БРИКС в контексте российско-бразильского энергетического сотрудничества. Повестка энергетической безопасности является одной из ключевых [8] в рамках деятельности клуба. БРИКС представляется возможной площадкой, где РФ и Бразилия могут координировать экспорт энергоресурсов в остальные страны-члены объединения. О важности данного вопроса говорит формирование Энергетической ассоциации БРИКС, способной стать новым, вспомогательным инструментом российской энергетической дипломатии. Ещё одним механизмом представляется Новый банк развития [9], уже реализующим через совместные капиталовложения ряд энергетических проектов России (малая энергетика в Карелии) и Бразилии (альтернативные источники энергии). БРИКС предстаёт косвенным инструментом российской энергетической дипломатии в Латинской Америке, в том числе и как инструмент развития национального ТЭК.

Помимо этого, необходимо обратить внимание на текущие, наиболее перспективные отрасли энергетического взаимодействия. Сфера энергетической кооперации РФ сильно зависит от страны и её приоритетных направлений в развитии ТЭК. На текущем этапе, существует пять сфер: нефтяная, газовая, атомная, гидроэнергетическая, обеспечение и обслуживание энергетической инфраструктуры. Нефтяная отрасль преимущественно направлена на сотрудничество с Венесуэлой, Мексикой, Бразилией, Кубой и Колумбией. Однако, ввиду сложности продвижения нефтяной политики в Венесуэле и слабом развитии с остальными странами региона, факторе давления со стороны США, а также возрастающем запросе на развитие альтернативных источников энергии, нефтяное направление российской энергетической дипломатии претерпевает кризисную стадию.

Тем не менее, за последнее время наблюдается рост значимости иных сфер энергетического сотрудничества. Газовая отрасль демонстрирует успехи на латиноамериканском направлении, о чём свидетельствуют активизация деятельности «Газпрома», особенно в Боливии [1]. Также, представляет интерес вышеупомянутое аргентинское газовое месторождение «*Vaca Muerta*» на которое власти страны ставят большие надежды [17] в контексте развития национальной энергетической безопасности. Российское участие в развитии данного месторождения может заключаться как в виде участия модернизации транспортной инфраструктуры или создания новых узлов, так и предоставления новейших технологий для освоения месторождения.

Помимо газовой сферы, электроэнергетическая отрасль приобретает всё больший потенциал в контексте российской энергетической дипломатии в Латинской Америке. На текущем этапе, корпорация «Росатом» реализует крупный проект по созданию Центра ядерных исследований и технологий в городе Эль-Альто [2], строительство которого не было остановлено даже в связи с боливийским внутриполитическим кризисом (что можно трактовать как признак потенциала российской атомной энергетики, способной развиваться, несмотря на неблагоприятную политическую конъюктуру). Помимо боливийского направления, «Росатом» наращивает связи с Чили [11], а также ведёт перегово-

воры с бразильской стороной [15] о создании плавучей АЭС. Статус атомной энергетики как варианта «чистой» энергии, а также высокий авторитет российской атомной энергетической отрасли, представляют высокий потенциал на пути дальнейшей эволюции энергетической дипломатии. Также, помимо атомной энергетики, заметные успехи достигнуты в сфере экспорта технического оборудования. К примеру, «Силовые машины» поставляют запчасти и оборудование для развития гидроэнергетики Аргентины и Уругвая [9].

Подводя итоги, можно утверждать, что латиноамериканское направление российской энергетической дипломатии, является вспомогательным. Об этом свидетельствуют приоритет политических императивов над экономическими, и сильная волатильность, в результате которой российская сторона может «пожертвовать» собственными интересами в регионе. Помимо этого, необходимо учитывать, что энергетическая сфера является частью единого комплекса, через который РФ стремится закрепить собственные связи в латиноамериканском регионе.

Тем не менее, существует высокий потенциал сотрудничества и дальнейшей эволюции российской энергетической политики. Наиболее перспективными являются отрасли высокотехнологичные, а также наиболее безопасные для окружающей среды, нежели нефтяная отрасль. Особо стоит выделить газовую отрасль, а также электроэнергетику. Акцент на росте представительства атомной энергетики и российского промышленного оборудования в латиноамериканском регионе способны поднять престиж национальной промышленной отрасли. Также, расширяется список инструментов, через которые Россия способна косвенно осуществлять собственную энергетическую дипломатию. Прежде всего, международные организации, клубы и институты глобального управления.

Список литературы:

1. «Газпром» взял курс на Латинскую Америку // Рамблер Финансы. URL: <https://finance.rambler.ru/markets/38798838-gazprom-vzval-kurs-na-latinskuyu-ameriku/?updated> — 20.06.2020.

2. Власти Боливии возобновят проект ядерного центра «Росатома» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200311/1568409548.html>
3. Глухарев Ю. Латиноамериканское направление энергетической политики Москвы // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/latinoamerikanskoe-napravlenie-energeticheskoy-politiki-moskvy/> — 19.06.2020.
4. Жизнин С. Н. Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (геополитика и экономика) // Балтийский регион. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-energeticheskaya-diplomatiya-i-mezhdunarodnaya-energeticheskaya-bezopasnost-geopolitika-i-ekonomika/viewer> — 18.06.2020.
5. Крутихин М. Как «Роснефть» покидает Венесуэлу и поможет ли это компании избавиться от санкций? // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/396581-kak-rosneft-pokidaet-venesuelu-i-pomozhet-li-eto-kompanii-izbavitsya-ot-sankciy> — 19.06.2020.
6. Международный прецедент // Газпром нефть. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2011-march-projects/1104021/> — 18.06.2020.
7. Рязанова М. О. Факторы многостороннего энергетического сотрудничества стран БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-mnogostoronnego-energeticheskogo-sotrudnichestva-stran-briks> — 20.06.2020.
8. Рязанова М. О. Энергетическое взаимодействие в рамках БРИКС // Вестник МГИМО Университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskoe-vzaimodeystvie-v-ramkah-briks/viewer> — 20.06.2020.
9. «Силовые машины» поставят запчасти для ГЭС «Сальто Гранде» в Латинской Америке // Интерфакс Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/silovye-mashiny-postavyat-zapchasti-dlyages-salto-grande-v-latinskoj-amerike> — 21.06.2020.
10. Davydov V. M. Rusia en América Latina (y viceversa) // Nueva Sociedad. URL: <https://nuso.org/articulo/rusia-en-america-latina-y-viceversa/> — 18.06.2020.
11. Devitt P, Sherwood D. Russia's Rosatom may buy controlling stake in Chile lithium project // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-chile-lithium-russia/russias-rosatom-may-buy-controlling-stake-in-chile-lithium-project-idUSKBN1WU1MI> — 21.06.2020.
12. El argentino Grossi “muy optimista” sobre apoyo ruso para dirigir el OIEA // Agencia EFE. URL: <https://www.efe.com/efe/america/economia/el-argentino-grossi-muy-optimista-sobre-apoyo-ruso-para-dirigir-oiea/20000011-4060889> — 20.06.2020.
13. Gurganus J. Russia: Playing a Geopolitical Game in Latin America // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://>

- carnegieendowment.org/2018/05/03/russia-playing-geopolitical-game-in-latin-america-pub-76228 — 18.06.2020.
14. Romero S. Alleging Coup Plot, Chávez Ousts U.S. Envoy // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2008/09/12/world/americas/12bolivia.html> — 19.06.2020.
 15. Rosatom discute com Brasil projeto de usina nuclear para extração de hidrocarbonetos em alto mar // Sputnik Brazil. URL: <https://br.sputniknews.com/brasil/2019101514636968-rosatom-discute-com-brasil-projeto-usina-nuclear-para-extracao-hidrocarbonetos-em-alto-mar/> — 21.06.2020.
 16. Russian ministry, oil firms to meet after OPEC talks collapse –sources // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-oil-opecc-russia-meeting/russian-ministry-oil-firms-to-meet-after-opecc-talks-collapse-sources-idUSKBN20X19Z> — 19.06.2020.
 17. Vaca Muerta: Argentina's energy future // PwC Argentina. URL: <https://www.pwc.com.ar/es/publicaciones/assets/vaca-muerta-energia-argentina-i.pdf> — 20.06.2020.
 18. Why Latin America // Echo energy. URL: <https://www.echoenergyplc.com/our-portfolio/why-latin-america/> — 18.06.2020.

Данилова Екатерина Николаевна

Аналитические центры США о перспективах отношений США и России в период президентства Дональда Трампа

The US think tanks about the prospects of the US-Russian relations during the presidency of Donald Trump

Аннотация: в статье рассматриваются перспективы отношений между Россией и США на основе анализа мозговых центров США консервативной, либеральной, и центристской направленности за период президентства Дональда Трампа. Аналитические центры являются не официальными участниками политического процесса, которые влияют на принятие внешнеполитических решений в США. Анализ работы мозговых центров поможет предвидеть и понять политику США в отношении России.

Ключевые слова: Россия, США, мозговые центры США, сотрудничество, угрозы, национальная безопасность.

Abstract: The article discusses the prospects of US-Russia relations and analysis the conservative, liberal and centrist think tanks of the United States during the presidency of Donald Trump. Think tanks are the informal participants of political process to influence US foreign policy decisions. The analysis of think tanks' researches can help to predict and understand the US policy towards Russia.

Keywords: Russia, USA, US think tanks, partnership, threats, national security.

Аналитические центры или «мозговые центры» («think tanks») — это особое явление в системе развития научной и политической мысли в США. В Британской энциклопедии («Britannica») дается следующее определение: мозговые центры представляют собой институт, корпорацию или группу ученых-исследователей, которые сформированы для проведения междисциплинарных исследований и выработки рекомендаций в сфере политики или в иных специализированных областях знаний. Многие аналитиче-

ские центры являются не коммерческими, но они могут проводить исследования, как для государственных структур, так и для коммерческих организаций. По заказу правительства мозговые центры занимаются планированием социальной политики и национальной безопасностью, коммерческие проекты направлены на разработку и тестирование новых технологий и новых продуктов [20]. В данной работе будут рассмотрены аналитические центры, занимающиеся политикой и международными отношениями.

Первые мозговые центры в современном понимании этих учреждений зародились в США в начале XX в. [4] и они являлись своеобразным мостом между наукой и политикой, формой совмещения знаний и власти [2, С. 469]. Вполне закономерно, что со временем аналитические центры начали оказывать значительное влияние в процесс принятия внешнеполитических решений в США. В настоящее время влияние мозговых центров США так велико, что их даже называют пятой властью (the fifth estate) [14].

Среди исследователей-международников мозговые центры принято классифицировать по идеологической направленности. В данной работе будут рассмотрены наиболее известные консервативные, либеральные и центристские аналитические центры США, оказывающие влияние на политику США в отношении России в период президентства Дональда Трампа.

Для исследования были отобраны мозговые центры, которые заняли лидирующие позиции по глобальному рейтингу мозговых центров (Global Go To Think Tank Index Report), отчет о которых ежегодно публикует Пенсильванский университет. За 2019 г. влиятельными мозговыми центрами в США были названы: среди консервативных мозговых центров — Фонд «Наследие» (3 место), Американский институт предпринимательства (15 место); среди либеральных — Фонд Карнеги за международный мир (занял первое место среди мировых аналитических центров), Брукингский институт (был лидером среди мировых центров в течение 2016–2018 гг.) [9, Р. 58]; среди центристских — Центр стратегических и международных исследований (1 место) и Корпорация РЭНД (9 место) [9, Р. 82].

Аналитический центр Фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*) является примером классического мозгового центра правоконсервативной направленности, который также является и идеологом Республиканской партии США [3]. Исследования 2018 г. подтверждают значимость данного аналитического центра для 45-го президента США. К концу 2017 г. в администрации Дональда Трампа примерно насчитывалось 60 сотрудников-представителей из различных мозговых центров, из них 25 человек из Фонда «Наследие» и 11 человек из другого консервативного мозгового центра — Американского института предпринимательства [1].

Эксперты Фонда «Наследие» делают упор на военной силе США. В частности, аналитик по вопросам политики, ядерного сдерживания и противоракетной обороны в Фонде «Наследие» Пэтти-Джейн Геллер (*Patty-Jane Geller*) утверждает, что США смогут лучше укрепить свое вооружение, если не продлят Договор по открытому небу от 1992 г., который истекает в 2021 г. К этому США, по мнению экспертов, побуждает не соблюдение условий договора Россией [8].

Эксперты Фонда «Наследие» считают, что США следует укреплять свои военно-технические силы для сдерживания России, для этого следует постоянно заниматься модификацией своего вооружения. По мнению аналитиков разработка ядерного оружия малой мощности W76-2 на баллистических ракетах, запускаемых с подводных лодок Трайдент (*Trident II*) является хорошим томом примером [7].

Большое значение аналитики Фонда «Наследие» уделяют соседям России — Белоруссии и Украине. По их мнению, постепенно следует налаживать отношения с Белоруссией, так как Белоруссия является частью Европы и ее место также важно в архитектуре безопасности Европы. США также следует более тесно сотрудничать с европейскими коллегами по вопросам содействия демократии и защите прав в Беларуси и, таким образом, смягчать влияние России в этом регионе [15].

Отношения с Россией экспертами фонда рассматриваются и в контексте взаимоотношений США и Украины. По мнению ведущего американского эксперта по национальной безопасности и внешней политики Джеймса Карафано (*James Carafano*) Украина

важна для США: во-первых, по географическому расположению, которая помогла бы повысить коллективную безопасность; во-вторых, в качестве свободного государства, т. к. свободные государства имеют право выбирать и объединяться в целях общей безопасности (таким объединением является НАТО); в-третьих, малые государства способны вносить вклад в дело мира, безопасности и экономического развития. Эксперт выступает за дальнейшую поддержку Украины, в том числе, и за поддержку и усиление экономических санкций, за поставку оружия в Украину, за поддержку международной коалиции, осуждающей Россию за ее агрессивные действия в Украине [5].

Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institute for Public Policy Research) также придерживается мнения о России как о государстве, у которой стоит цель — обрести статус мировой державы перед мировым сообществом. По мнению института, Россия стремится разрушить союз западных государств, ослабить Европейский союз. Россия не создает альтернативной идеологии Западу, а стремится ограничить действия США. Соединенным Штатам Америки следует обеспечивать преобладание американских сил на любом уровне эскалации с Россией, противостоять российским информационным операциям и гибридным военным действиям, расширять американскую защиту удерживать членов и союзников НАТО, а также поддерживать те государства, которые симпатизируют НАТО. Также аналитиков института беспокоит тесное военное сотрудничество между Россией и Белоруссией. По мнению экспертов института, серьезной стратегической проблемой для НАТО является возможное базирование дополнительных российских войск в Беларуси [11].

Эксперты *Фонда Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace)* российско-американские отношения рассматривают в контексте контроля ядерного вооружения в мире и сотрудничество в области контроля стратегической стабильности в мире. Аналитики Фонда считают, что тема контроля вооружения в мире является не проблемой двух стран, а касается всех лидирующих мировых держав. Проблема поддержки минимальной стратегической стабильности в мире является

многосторонними отношениями между США, Россией и Китаем. В связи с этим, между США и Россией существуют круглосуточные линии связи между высшим военным руководством: министрами обороны, начальниками генерального штаба и американскими военнослужащими. По мнению экспертов, каналы связи между главами американской и российской разведки (аналогично и между США и Китаем) могут сыграть важную роль. Существуют постоянно функционирующие линии связи между руководителями США, России, Китая по вопросам национальной безопасности, иностранных дел и обороны, также, по мнению экспертов Фонда Карнеги, необходимо наладить диалог по вопросам стратегической стабильности. Эксперты Фонда понимают, что политические причины между США и Россией мешают им наладить диалог по стратегическим вопросам. Эксперты Фонда Карнеги прогнозируют, что проблема сохранения контроля над вооружениями в США и России, скорее всего, в будущем не улучшится. По вопросам стратегической стабильности важно участие не двух сторон, а трех — России, США и Китая. Стабильность на глобальном уровне зависит от отношений между тремя конкурирующими мировыми державами — США, Китаем и Россией. В связи с этим, следует вводить не двусторонние, а многосторонние ограничения по вопросам вооружения [18].

Эксперты Фонда понимают, что российско-американские отношения достигли своего минимума, что может привести к прямым военным столкновениям между двумя странами, поэтому необходимо контролировать ситуацию в Сирии и эскалацию на востоке Украины. По мнению экспертов Фонда, многое в США зависит от выборов в 2020 г.: Дональд Трамп возможно не сможет или даже не захочет стабилизировать отношения с Россией; в свою очередь, президент от демократической партии, скорее всего, начнет с жесткого подхода к России или у него может быть стратегический план для предотвращения усиления влияния России в мире [19].

Эксперты *Брукингского института (Brookings Institution)* считают, что основной причиной ухудшения российско-американских отношений является расширение НАТО, но также осуждаются и действия России по отношению к Приднестровью,

Крыму и Южной Осетии. По мнению аналитиков, США должны активно поддерживать трансатлантические связи с европейскими союзниками, для борьбы с усиливающейся Россией. США также следует позволить России иметь свою сферу влияния. Аналитики Брукингского института понимают, что отношения между США и Россией нуждаются в новом мышлении и конкретном стратегическом плане. По мнению аналитиков, конкуренция между США и Россией будет основным вызовом и угрозой внешней политики США [12].

Аналитические центры США центристской направленности обеспокоены усилением военной мощи России и увеличением влияния Российской Федерации на Ближнем Востоке и Африке. Например, по мнению представителей Сената Конгресса США, сотрудничающих с Центром стратегических и международных исследований, Владимир Путин воспользовался существующими трудностями в НАТО и укрепил торговые и энергетические связи с Турцией [21].

Одним из известных и влиятельных мозговых центров США, который оказывает экспертную поддержку Конгрессу, является *Центр стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International studies)*. В свое время экспертами Центра были Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский, что также способствовало усилению этого мозгового центра. В связи с тем, что Центр обслуживает как республиканцев, так и демократов, эксперты смотрят на существующие проблемы и перспективы с разных точек зрения. Эксперты Центра стратегических и международных исследований выделяет следующие основные угрозы для США, которые исходят от России: военные, политические, экономические, угрозы в области кибернетики и другие.

Для сдерживания России Центр предлагает: укрепить Североатлантический альянс (НАТО), США следует действовать совместно со своими союзниками в области экономики и политики и, таким образом, противодействовать невыгодному поведению России для США в мире. Аналитики считают, что, несмотря на противоположные точки зрения и мнения между США и Россией необходимо искать взаимовыгодные области сотрудничества, например, в сфере контроля над ядерным вооружением и

предотвращение дорогостоящей и дестабилизирующей гонки вооружений [21]. В финансовом военном бюджете США за 2021 г., который был подготовлен экспертами Центра, также упоминается ослабление влияния США перед Россией и Китаем в ключевых регионах мира [10].

Вопросы о сотрудничестве между двумя странами обсуждали с начала президентства Дональда Трампа. Тогда рассматривались как двусторонние вопросы сотрудничества (контроль над вооружениями), так и многосторонние (европейская безопасность) [16].

Также эксперты Центра стратегических и международных исследований совместно с Российским советом по международным делам (РИАЦ) в 2017 г. выделили основные перспективы сотрудничества России и США в трех областях: Европейская безопасность, конфликт на Украине и на Ближнем Востоке [13].

Эксперты США и России уверены, что судьба отношений между Россией и США связана с кризисом на Украине. Восточная Украина (Донбасс) — это не «замороженный» конфликт, любое мелкомасштабное столкновение может привести к обострению конфликта и к дестабилизации двусторонних отношений. Для решения проблем в Украине, возникших после кризиса 2014 г., эксперты предусматривают и обсуждение европейской безопасности параллельно с возобновлением переговоров по Донбассу. По мнению экспертов России и США, сложно сразу добиться конкретных результатов, в связи с этим, необходимо начать решение вопросов с обсуждения проблем, которые невозможно решить здесь и сейчас. Не следует обвинять участников конфликта в несоблюдении Минских договоренностей, большего внимания требует судьба местного населения Донбасса, страдающая от международного конфликта. По мнению экспертов Центра это приведет к предотвращению дальнейшей эскалации и облегчения бремени для людей затронутых конфликтом, также укрепится международное сотрудничество в области гуманитарной помощи, и налажутся связи между конфликтующими сторонами [6].

Эксперты *Корпорации РЭНД (Rand Corporation)* во всех действиях и намерениях России видят только акты агрессии (subversions). Они выделяют следующие стремления («акты агрес-

сии») России — это признание России одной из великих держав на мировой арене другими государствами; сохранение сферы влияния России; прекращение расширения Европейского Союза и НАТО на восток. Перечисленные «акты агрессии» России эксперты Корпорации РЭНД объясняют как защита своей территориальной целостности и действующего политического режима. По мнению специалистов Корпорации РЭНД, российская внешняя политика — это действия России по подрывной деятельности (Russian subversion) в отношении внутренней политики других стран, в частности, таких как Черногория, Украина, США [17].

Таким образом, кратко рассмотрев основные направления исследований мозговых центров США по отношению к России, можно сделать вывод, что, несмотря на разные идеологические подходы все мозговые центры всех трех подходов (консервативной, либеральной и центристской) едины во мнении, что Россия является сильным государством, от которой исходят угрозы для США. В связи с этим, каждый мозговой центр разрабатывает собственные подходы для взаимоотношений России и США.

Аналитические центры консервативной направленности — Фонд «Наследие», Американский институт предпринимательства, считают, что США следует укреплять свои военно-технические силы для сдерживания России, для этого следует постоянно заниматься модификацией своего вооружения и укреплять отношения с Белоруссией, как одним из акторов в архитектуре европейской безопасности.

Мозговые центры либеральной направленности — Фонд Карнеги за международный мир и Брукингский институт, рассматривают российско-американские отношения в контексте контроля ядерного вооружения в мире и сотрудничество в области контроля стратегической стабильности в мире. По их мнению отношения между США и Россией нуждаются в новом мышлении и конкретном стратегическом плане. Однако конкуренция между США и Россией будет основным вызовом и угрозой внешней политики США.

По мнению аналитических центров центристской направленности — Центр стратегических и международных исследований, Корпорация РЭНД, несмотря на исходящую военную, политиче-

скую, экономическую угрозы и угрозы в области кибернетики со стороны России, есть точки соприкосновения, которые помогут наладить взаимоотношения между двумя странами. Эксперты выделяют двусторонние вопросы сотрудничества (контроль над вооружениями), так и многосторонние (европейская безопасность).

Анализ работ и экспертных оценок разных мозговых центров в США показал, что в американской политической мысли существует несколько подходов на дальнейшее развитие российско-американских отношений. Несмотря на плюрализм взглядов администрация президента Дональда Трампа, скорее всего, по традиции Республиканской партии США, будет опираться на мнения экспертов консервативного крыла мозговых центров, что будет означать дальнейшее усиление военной мощи США и решение международных вопросов, в том числе и к России, с позиции жесткой силы. Несмотря на полученные результаты анализа мозговых центров США и угрозу возникновения новой гонки вооружений, всегда существует надежда на позитивное решение существующих вопросов между двумя странами, что доказывается существованием альтернативных мнений в экспертно-аналитическом сообществе США.

Список литературы:

1. *Выходец Р. С., Тарасова М. С.* Роль «мозговых центров» в формировании внешней политики США в период администрации Дональда Трампа: новые тенденции // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018. № 2 (39). С. 64. С. 59–66.
2. *Диксон П.* Фабрики мысли / П. Диксон. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 505. с.
3. *Козлов К. В.* Россия в концепциях американских политологов // Россия и Америка в XXI веке. — 2019. Вып. № 2. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005973-7-1/> — 30.06.2020.
4. *Кочетков Г. Н., Сунян В. Б.* «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики // Проблемы прогнозирования. 2010. № 5. С. 52–67.
5. *Carafano J.* Next steps in US-Ukraine bilateral relations: forging ahead / James Carafano. The Heritage Foundation. — June 18, 2019. URL:

- <https://www.heritage.org/global-politics/report/next-steps-us-ukraine-bilateral-relations-forging-ahead/> — 30.06.2020.
6. *Charap S., Kortunov A.* U.S.-Russian engagement on the Ukraine crisis. Is it possible and would it matter? — March, 2019. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/190313_CharapandKortunov_U.S.RussiaUkraineCrisis.pdf?7bmPfSHzS3le.OT7_ORGAaJlvEyL9AwB — 21.02.2020.
 7. *Geller P.* A big achievement for U.S. deterrence posture against Russia. — 08.02.2020. URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/big-achievement-us-deterrence-posture-against-russia> — 21.02.2020.
 8. *Geller P.* What U.S. leaving open skies treaty means for U.S.-Russia relations, May 27th, 2020. URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/what-us-leaving-open-skies-treaty-means-us-russia-relations> — 28.06.2020.
 9. Global Go To Think Tank Index Report. Think Tanks and civil societies program. The Lauder Institute. The University of Pennsylvania. — January, 2020.
 10. *Gordesman A. H.* The FY2021 U.S. Defense Budget Request: A Dysfunctional Set of Strategic Blunders. — 13.02.2020. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200218_Defense_Budget_Finalized.pdf?B8qcDPjBlhazuCFW_HsIU6LJJ5mhKoLZ — 16.02.2020.
 11. *Kagan F. W., Bugayova N., Cafarella J.* Confronting the Russian challenge: a new approach for the U.S. Institute for the study of war. Washington DC, June 19, 2019. P. 9, 53. 60 p. URL: <https://www.aei.org/research-products/report/russian-challenge-new-approach-for-us/> — 30.06.2020.
 12. *Kornobluth J. I.* Highlights: navigation US-Russia relations in 2020 and beyond. — 09.01.2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/01/09/highlights-navigating-us-russia-relations-in-2020-and-beyond/> — 21.02.2020.
 13. Key challenges in U.S.-Russian relations: are collaborative approaches possible. — 13.03.2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/key-challenges-us-russian-relations-are-collaborative-approaches-possible> — 21.02.2020.
 14. *McGann J. G.* The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance / James G. McGann. Brookings Institution Press: September, 2016. — 240 p.
 15. *Mrachek A.* U.S. Relations with Belaruse and the Russia effect. — 12.08.2019. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/us-relations-belarus-and-the-russia-effect> — 21.02.2020.
 16. *Oliker O.* Policy priorities in U.S.-Russia relations. A meeting report. — 17.11.2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/policy-priorities-us-russia-relations> — 16.02.2020.

17. *Radin A., Demus A., Marchinek K.* Understanding Russian subversion. — February, 2020. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE331.html> — 21.02.2020.
18. *Trenin D.* Strategic stability in the changing world. URL: <https://carnegie.ru/2019/03/21/strategic-stability-in-changing-world-pub-78650> — 21.02.2020.
19. *Trenin D.* The relationship between the USA and Russia in the Trump era. — 14.05.2019. URL: <https://carnegie.ru/2019/05/14/relationship-between-usa-and-russia-in-trump-era-pub-79119> — 21.02.2020.
20. Think tank. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/think-tank> — 29.06.2020.
21. U.S. policy toward Russia: a view from Congress. Transcript 2019 Transatlantic forum on Russia keynote address. — 21.11.2020. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/191121__U.S._Policy_Toward_Russia.pdf?G6.kdDe22n_QihV7VQUWO9a74HfN_FYJ — 16.02.2020.

Симанов Егор Сергеевич

Реформа НАТО и Россия

NATO Reform and Russia

Аннотация: Статья преследует цель выявить предпосылки и потенциальное содержание изменений в функционировании НАТО, а также роль России в этих изменениях на основании концептуальных документов в сфере национальной безопасности стран-участниц организации и самого Альянса. Для корректировки разницы в восприятии и правильной интерпретации различий в понимании безопасности работа обращается к аналитике, которая отражает западные точки зрения на Альянс и на вызовы безопасности его участников.

Ключевые слова: Реформа НАТО, евро-атлантическая безопасность, Россия.

Abstract: The article aims to identify the prerequisites and potential changes in the work of the Alliance, as well as the Russian role in them. The basis of the research is the national security strategies of NATO member-states and the Alliance strategic papers. The study uses Western analytics to correct the difference in understanding security. The analytics also reflects Western views on the Alliance and security challenges.

Keywords: NATO reform, Euro-Atlantic security, Russia.

Введение

«Являются ли союзники США по НАТО преступниками?» [21] и «Действительно ли мертв мозг НАТО?» [16] Приведенные высказывания президента США Дональда Трампа накануне Брюссельского саммита НАТО 2018 г. и французского президента Эммануэля Макрона накануне Лондонского саммита Альянса 2019 г. соответственно, иллюстрируют, недовольство ключевых участников НАТО (вклад США в бюджет Альянса является наибольшим, Франция на третьем месте) текущим положением дел в организации. Недовольство отражает национальное видение проблем блока, но тот факт, что оно было высказано не «за закрытыми дверями» заседания в ходе саммита, а вполне публично, вызывает дополнительный интерес к процессам внутри Альянса.

Доктрины и декларации НАТО

Прежде всего, необходимо на основании документов Альянса выделить угрозы безопасности и стабильности, обеспечение которых является декларируемой целью существования Альянса, в Евро-Атлантическом регионе. Работа с документами Альянса будет разделена на две части: сначала на основании концепций будут выделены основные угрозы, затем на основании деклараций саммитов НАТО будет произведен поиск новых угроз, не отмеченных в концепциях.

Стратегические концепции 1991 [10] и 1999 [11] гг. практически идентичны по своей структуре и содержат интересующую нас информацию об угрозах альянсу в кристаллизованном виде под заголовками “Security challenges and risks”. В разделе “The Security Environment” концепции 2010 г. об этом также говорится вполне прозрачно [9]. Отмечаются следующие общие пункты:

1. Полномасштабная внезапная атака на страны Альянса крайне маловероятна;
2. Вместо одной конкретной угрозы существует ряд потенциальных угроз различного масштаба, исходящих из разных источников. Среди них:
 - а. Нестабильность, кризисы и конфликты на «пограничных» Альянсу территориях;
 - б. Распространение ОМП и технологий его производства.

Второй пункт по-своему конкретизируется каждой доктриной (Табл. 1)

Таблица 1.

1991	1999	2010
Советское «наследие». В частности, вакуум власти на пространстве Восточной Европы	Возможность получения ОМП негосударственными акторами	Терроризм
Отсутствие стабильности в регионе Ближнего Востока	«Утечка» современных военных технологий в глобальном масштабе	Угрозы в киберпространстве

Теперь рассмотрим Уэльскую декларацию глав государств 2014 г. [12], Варшавское коммюнике 2016 г. [13] и Брюссельскую декларацию 2018 г. [7].

В Уэльской декларации 2014 г. Альянс повторил угрозы, отмеченные в концепциях предыдущих лет и обозначил свое осуждение действий России, охарактеризовав их как «агрессию», поддержав наложенные на Россию санкции и обозначив единственный приемлемый для Альянса вариант возобновления сотрудничества.

По итогам Варшавского коммюнике можно сделать вывод о том, что Россия начинает рассматриваться как новая потенциальная угроза. России предъявлены обвинения в дестабилизации обстановки в Европе — агрессивных действиях у границ НАТО, наращивании военного потенциала и нарушении договоренностей о сотрудничестве.

«С учетом этого, главы государств и правительств утвердили курс на стратегическое сдерживание России, в том числе за счет развертывания дополнительных воинских контингентов стран блока в Восточной Европе. Одновременно было заявлено об отсутствии намерений возобновлять практическое сотрудничество с РФ. В качестве условий для нормализации отношений выдвинуты «четкие изменения в политике Москвы, демонстрирующие ее возврат к соблюдению международного права и обязательств»» [3].

Параграф 5 декларации по итогам Брюссельского саммита 2018 г. говорит следующее: «Мы вновь подтверждаем наши решения в отношении России, согласованные на встречах в верхах в Уэльсе и Варшаве».

Отметим также значимость Лондонского саммита 2019 г. [8] и принятых в его рамках решений, а именно параграфа 7, который говорит о возможной разработке новой стратегической концепции или аналитического отчета по результатам деятельности НАТО.

Национальные доктрины безопасности

Страны, чьи нормативные документы рассматривались, были выбраны на основании их вклада в бюджет НАТО. Для этого

были использованы бюджетные отчеты Альянса за последнюю декаду (2009–2016 [18], 2013–2019 [19]). Был подсчитан средний бюджет Альянса и вклад стран-участниц за декаду; на основании полученных данных был выведен средний процент вклада стран. Крупнейшие доноры — США, Великобритания, Франция и Германия. Был также введен дополнительный критерий — расположение страны, проводящей активную внешнюю политику в пределах и за пределами НАТО, в стратегически важном регионе для Альянса. Данному критерию соответствуют Польша и Турция.

Участники Альянса регулярно публикуют документы, освещающие их позиции по вопросам безопасности (табл. 2). Специфика таких документов требует отметить, что в фокусе нашего рассмотрения будут находиться декларируемые национальные интересы и взгляд на роль НАТО в обеспечении безопасности.

Таблица 2.

##	Страна	Название документа	Год публикации
1	США	Стратегия национальной обороны США [15]	2018
2	Великобритания	Стратегия национальной безопасности и обзор стратегической обороны и безопасности Великобритании [14]	2015
3	Франция	Стратегический обзор по вопросам обороны и национальной безопасности [6]	2017
4	Германия	Белая книга по вопросам политики безопасности и перспективам развития вооруженных сил [4]	2016
5	Польша	Концепция обороны польской республики [5]	2017
6	Турция	На современном этапе доктрины безопасности и развития ВС разрабатывает Совет Национальной Безопасности	-

Начнем анализ с Турции как страны, позиция которой в рамках заявленной темы представляется наиболее сложной и противоречивой. В статье Зарубежного военного обозрения ««Неоосманизм» и строительство вооруженных сил Турции» [2] отмечается жесткая внешняя политика Анкары по отношению к территориям, которые Турция считает своей зоной влияния. Этому способствует сформулированная в турецком научном сообществе и воспринятая политической элитой концепция «Stratejik Derinlik» (стратегическая глубина). Речь идет о позиционировании Турции в качестве субрегионального лидера. Для достижения своих национальных целей Турция использует аппарат НАТО, хотя ей часто приходится проводить операции самостоятельно, без использования ресурсов Альянса, который негласно дает согласие на действия Турции.

Польская концепция обороны отводит НАТО центральную роль в обеспечении национальной безопасности, а также выделяет три основные угрозы: 1) агрессивную политику РФ и, как следствие, 2) угрозу безопасности восточного фланга НАТО и 3) угрозу южным границам НАТО из-за нестабильности региона Ближнего Востока и деятельности террористических группировок. В концепции содержится вывод о том, что «Новая реальность требует адаптации к ней структуры командования НАТО». Отмечается необходимость модернизации национальных ВС для соответствия стандартам НАТО и обеспечения большей гибкости их применения в операциях Альянса.

Немецкая «Белая книга» относит к первоочередным угрозам национальной безопасности терроризм и неконтролируемый поток беженцев [1]. Из-за этого в доктрине много внимания уделяется сотрудничеству внутренних силовых структур Германии и аналогичных внешних структур Евросоюза и НАТО. В «Белой книге» отмечается главенствующая роль Альянса в обеспечении европейской безопасности, и обосновывается необходимость увеличения влияния Германии в деятельности Альянса по обеспечению внешней и внутренней безопасности, а также в гражданской сфере. «Белая книга» отстаивает идею Европейских сил быстрого реагирования, подчеркивая не конкурентный, а подчиненный и партнерский характер отношений структуры с НАТО,

в соответствии с задачей разрешения конфликтных ситуаций в кратчайшие сроки.

Французский «Стратегический обзор» отмечает нарастающий кризис архитектуры безопасности в Европе, прямо говорит о приоритете национальных интересов Франции, ее стратегической автономии и необходимости создания более сильной Европы. НАТО отводится важная роль в обеспечении европейской безопасности, отмечается приверженность Франции статье 5 Вашингтонского договора. Дается оценка ситуации на восточном фланге НАТО, а также в Африке к югу от Сахары. Обзор не говорит напрямую об угрозах для страны, но дает перечень возможных конфликтных ситуаций и очагов напряжения, к нейтрализации которых Франции следует быть готовой. Обзор отмечает, что способность НАТО выполнять свои задачи в значительной степени зависит от прочности трансатлантических отношений. Подчеркивается особый статус Франции в Альянсе и независимость ее ядерных сил.

«Стратегия национальной безопасности и обзор стратегической обороны и безопасности» Великобритании одной из главных целей оборонной доктрины провозглашает защиту своих граждан по всему миру. В связи с этим терроризм идентифицируется как ключевая угроза (раздел «Внутренние и глобальные вызовы безопасности»). Россия рассматривается в разделе «Возрождение государственных угроз»: отмечается непредсказуемость ее поведения и, вследствие этого, возможность агрессии в отношении стран-участниц НАТО. Авторы «Стратегии...» делают вывод о необходимости возобновления Альянсом политики сдерживания и готовности британских ВС проводить различные виды операций для обеспечения безопасности. Важная роль отводится ядерному сдерживанию.

«Стратегия национальной обороны США» отмечает, что «американское военное превосходство уже не является безусловным» и выделяет соперничество с другими государствами, а не терроризм в качестве основного вызова безопасности страны. Стратегия говорит о попытках России «расшатать» единство НАТО. В рамках определения ключевых задач стратегия четко обозначает вектор развития: «страны НАТО продолжают борьбу

с политическим авантюризмом Российской Федерации, а также с террористическими организациями, пытающимися уничтожить как можно больше невинных людей. Кроме того, Альянс будет уделять приоритетное внимание ликвидации очагов нестабильности за пределами зоны его ответственности. В то же время необходимо адаптировать НАТО к изменяющейся международной обстановке в целях гибкого и ответственного реагирования на новые вызовы. Соединенные Штаты ожидают, что европейские союзники продолжают выполнять взятые на себя обязательства по увеличению расходов на оборону и модернизацию вооруженных сил перед лицом общих проблем в сфере безопасности».

Можно прогнозировать, что изменения примут форму корректировки институтов и структур Альянса в соответствии с современными вызовами. Во всех документах говорится о необходимости гибкого реагирования Альянса, предполагается политическая консолидация для ускорения процесса принятия решений и в то же время подчеркивается значение гибкости Альянса для обеспечения национальных целей его участников и быстрого разрешения региональных конфликтов (кризисного менеджмента).

Аналитические материалы

Отдельным пунктом следует рассмотреть репрезентацию проблематики эволюции Альянса и его места в системе евро-атлантической безопасности в западной аналитике. Восприятие Альянса в связанных с НАТО исследованиях представляется показательным.

Рассматривались статьи таких аналитических центров, как RAND Corporation, RUSI, IFRI и EUISS. Выборка аналитических центров основана на материалах «Индекса аналитических центров 2018 года» [22], секции «Лучшие аналитические центры в сфере внешней политики и международных отношений».

Важно отметить разделение аналитики на англо-американскую (RAND Corporation и RUSI) и европейскую (IFRI и EUISS). Основанием для подобного разделения являются акценты в рассматриваемой проблематике функционирования НАТО. Англо-американская традиция аналитических исследований концентри-

руется на потенциальных угрозах для Альянса и на практических действиях по их предотвращению. Европейские аналитики акцентируют внимание на проблемах взаимодействия НАТО и ЕС [25], а также месте ЕС в системе евро-атлантической безопасности.

Подобное акцентирование отражает различное восприятие Альянса и отношение к нему со стороны аналитиков. Американские аналитики воспринимают НАТО как своеобразное продолжение американской политики другими средствами. Это находит отражение в статье «Враждебные средства России» [17], написанной в рамках проекта, спонсируемого заместителем начальника штаба сухопутных войск США. Россия рассматривается как угроза безопасности НАТО. Задачей исследования является анализ российской политики и действий в исторической перспективе, выработка рекомендаций и контрмер по нейтрализации негативного воздействия российской политики на евро-атлантическую безопасность.

Другая статья «Что провоцирует путинскую Россию?» [24] рассматривает условные границы в сфере российской политики, затронув или перешагнув которые НАТО рискует столкнуться с сильной реакцией со стороны России. В связи с этим, исследование преследует цель нащупать эти границы и триггеры, чтобы выработать оптимальную стратегию сдерживания России.

Европейцы же смотрят на Альянс как на ключевую структуру в обеспечении европейской безопасности [20], что вступает в некоторое противоречие с американской точкой зрения на НАТО как на инструмент обеспечения своих интересов, в том числе глобальных. Отсюда активный поиск путей сглаживания противоречий между американской и европейской точками зрения, в том числе устранения пробела в понимании европейцами своего места в изменяющемся мировом порядке. Отмечается пассивность ЕС как игрока на международной арене, отсутствие единства в вопросах безопасности, из чего проистекают различия между национальными видениями отношений с НАТО (французское и отчасти немецкое желание большей автономии, а не простой зависимости от США, и польско-прибалтийская позиция по укреплению взаимодействия с американским союзником), отсутствие проработанной оборонной политики. Также отмечается, что со-

здание всего комплекса «оборонных» институтов и доктрин потребует вложения больших ресурсов, на что ЕС в текущей ситуации не готов.

Важно отметить комментарий RUSI [23], подтверждающий тезис об эволюции НАТО в сторону повышения гибкости и скорости реагирования и констатирующий новую ориентацию Альянса — отход от формулы действия на основании возможностей стран предоставить ресурсы Альянсу для коллективной обороны, и переход к угрозоориентированным действиям, что можно понимать как трансформацию Альянса в сторону превентивного устранения угроз, что, в свою очередь, потребует новой интерпретации статьи 5 Вашингтонского договора.

Какие выводы можно сделать на основании анализа западных исследований?

1. Различное восприятие целей Альянса среди стран-участниц в зависимости от региональной специфики взгляда на него. Американская позиция: Альянс — инструмент в преодолении широкого спектра вызовов, угрожающих Западу. Европейская позиция: Альянс — гарант европейской безопасности.
2. Европейское желание добиться большей стратегической автономии не следует понимать как автономию от США в принципе, но, скорее, как дистанцирование от глобальных вызовов, которые стоят непосредственно перед США и в меньшей степени перед Европой (в частности, ряд ближневосточных конфликтов и противоборство с Китаем).

Выводы

На основании исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) Для обеспечения status-quo, то есть доминирования, НАТО будет с необходимостью претерпевать изменения, имеющие целью адаптацию под новые условия;
- 2) Реформа Альянса преследует цель устранения как внутренних проблем, так и внешних угроз;

- 3) Реформа Альянса преследует целью сгладить противоречия между европейской и американской точками зрения на сущность Альянса и европейской безопасности;
- 4) Россия рассматривается как угроза европейской безопасности как на уровне НАТО, так и на уровне национальных доктрин безопасности. Для изучения российской тактики Альянс привлек значительные ресурсы и, как следствие, производит коррекцию своих институтов с целью восстановления баланса и потенциального доминирования с возможностью превентивных действий;
- 5) Что же касается России, то в 2020 г. должна быть опубликована новая стратегия национальной безопасности РФ, где будут закреплены цели страны в сфере обеспечения собственной и европейской безопасности, как и отношение к Альянсу с учетом вышеописанных изменений.

Список литературы:

1. «Военно-доктринальные основы новой оборонной политики Германии (2018)» // Зарубежное военное обозрение. 2018. №6. С. 19–25.
2. ««Неоосманизм» и строительство вооруженных сил Турции (2019)» // Зарубежное военное обозрение. 2019. №7. С. 23–28.
3. «Основные итоги Варшавского саммита НАТО (2016)» // Зарубежное военное обозрение. 2016. №8. С. 3–10.
4. Сайт министерства обороны Германии // «Weißbuch zur sicherheitspolitik und zur zukunft der bundeswehr». 2015. URL: <https://www.bmvg.de/de/themen/weissbuch> — 01.06.20.
5. Сайт министерства обороны Польши // «Komceptja Obronna Rzeczypospolitej Polskiej». 2017. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/defenceconcept-publication> — 01.06.20.
6. Сайт министерства обороны Франции // «La revue strategique 2017». URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> — 01.06.20.
7. Сайт НАТО // «Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 11–12 июля 2018 года». URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=ru — 01.06.20.

8. Сайт НАТО // «Лондонская Декларация, опубликованная руководителями НАТО на встрече в Лондоне, 3–4 декабря 2019 г.». URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_171584.htm?selectedLocale=ru — 01.06.20.
9. Сайт НАТО // «Active Engagement, Modern Defence Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon 19.11.2010». URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.html — 01.06.20.
10. Сайт НАТО // «The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council 08.11.1991». URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm — 01.06.20.
11. Сайт НАТО // «The Alliance's Strategic Concept Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. 24.04.1999». URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?mode=pressrelease — 01.06.20.
12. Сайт НАТО // «Wales Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales 05.09.2014». URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode — 01.06.20.
13. Сайт НАТО // «Warsaw Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016». URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?mode=pressrelease — 01.06.20.
14. Сайт правительства Великобритании // «National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015». URL: http://factmil.com/load/dokumenty_mo/strategii/strategija_nacionalnoj_bezопасnosti_i_obzor_strategicheskoy_oborony_i_bezопасnosti_velikobritanii/7-1-0-1892 — 01.06.20.
15. «Стратегия национальной обороны США» // Зарубежное военное обозрение. 2018. №6. С. 101–112.
16. A blunt interview of Emmanuel Macron with The Economist // «Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead» 07.11.2019. URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead> — 01.06.20.
17. *Connable Ben, Stephanie Young, Stephanie Pezard, Andrew Radin, Raphael S. Cohen, Katya Migacheva, and James Sladden*. Russia's Hostile Measures: Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2539.html — 01.06.20.

18. Defence Expenditure of NATO Countries (2009–2016). URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_03/20170313_170313-pr2017-045.pdf — 01.06.20.
19. Defence Expenditure of NATO Countries (2013–2019). URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_11/20191129_pr-2019-123-en.pdf — 01.06.20.
20. *Freya Grünhagen, Tobias Koepf*. The changing global order — Which role for the European Union? // *Genshagener Papiere*. №23. 2019. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/sg_genshagner_papiere_23_web.pdf — 01.06.20.
21. *Jeremy Diamond*. Trump opens NATO summit with blistering criticism of Germany, labels allies 'delinquent' // CNN. 11.07.2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/07/10/politics/donald-trump-nato-summit-2018/index.html> — 01.06.20.
22. *McGann, James G*. 2018 Global Go To Think Tank Index Report (2019) // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. №16. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16 — 01.06.20.
23. *Peter Roberts*. NATO 2030: Difficult Times Ahead. 2020. URL: <https://rusi.org/commentary/nato-2030-difficult-times-ahead> — 01.06.20.
24. *Pezard, Stephanie and Ashley L. Rhoades*. What Provokes Putin's Russia? Detering Without Unintended Escalation. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE338.html> — 01.06.20.
25. The EU and NATO. URL: <https://www.iss.europa.eu/content/eu-and-nato> — 01.06.20.

Федорова Изабелла Владимировна

Новые концептуальные рамки российско-американского информационного противостояния и роль публичной дипломатии в их реализации

The new conceptual framework of the Russian-American informational confrontation and the role of public diplomacy in its implementation

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальные основы нового витка информационного противостояния, начавшегося после присоединения Крымского полуострова к России и усиленного ситуацией, сложившейся после выборов американского президента 2016 г. Автор анализирует две категории: «пагубное влияние» и «стрессоустойчивость», их место в политической линии США в отношении России, а также роль публичной дипломатии в их реализации. В результате показано, что данные термины обрамили заложенные в 2014–2015 гг. основы публичной дипломатии в Европе и Центральной Азии и придали им более явный антироссийский окрас.

Ключевые слова: публичная дипломатия, пагубное влияние, стрессоустойчивость, США и РФ, пропаганда, информационное противостояние.

Abstract: The article discusses the conceptual framework of a new round of informational confrontation that began after the Crimean Peninsula became the part of Russia and intensified by the situation on the 2016 US presidential election. The author analyzes two categories: “malign influence” and “resilience”, their role in the US political attitude to Russia, as well as the role of public diplomacy in their implementation. As a result, the paper highlights that the new conceptual framework has consolidated US public diplomacy in Europe and Central Asia and has made it even more anti-Russian.

Keywords: public diplomacy, malign influence, resilience. US-Russian relations, information confrontation, propaganda.

Введение

Информационное противостояние, являющееся характерной чертой российско-американских отношений, вошло в новый виток эскалации с середины второго десятилетия XXI века: на фоне присоединения Крымского полуострова и ситуации, сложившейся вокруг выборов американского президента в 2016 г., в основы внешней политики Соединенных Штатов Америки были заложены две концепции: «пагубное влияние» (*maligninfluence*) для обозначения политической линии Российской Федерации, и «стрессоустойчивость» (*resilience*) как механизм противостояния внешнему вызову со стороны России, который следует развивать в партнерских государствах, в частности, в странах Европы и бывшего СССР.

В новых условиях публичная дипломатия, традиционно охватывающая международные проекты в области образования, культуры и информации, нацеленные на содействие достижению внешнеполитических целей государства, становится центральным звеном в процессе наращивания стрессоустойчивости целевых стран. Цель данной работы — выявление особенностей развития публичной дипломатии США в странах Европы в период с 2017 по 2020 гг. с учетом изменений концептуальной базы изучаемой области.

Концепции «пагубное влияние» и «стрессоустойчивость» как основа новой политической линии в отношении России

Первые шаги по оформлению новой концептуальной рамки в отношении российской политики были предприняты экспертами Центра стратегических и международных исследований. В отчете «*The Kremlin Playbook: Understanding Russian Influence in Central and Eastern Europe*», опубликованном в июне 2016 г., эксперты обозначили политику России в европейских странах термином «пагубное влияние», сравнив ее с вирусом, атакующим демократические страны изнутри [9]. Наращивание стрессоустойчивости при этом было обозначено в качестве стратегии противодействия [Ibid., с. XVI].

Ситуация, сложившаяся вокруг президентских выборов в США 2016 г., стала катализатором оформления и закрепления

данных категорий в политическом дискурсе США. Согласно официальному определению, законодательно закреплённому за термином «пагубное влияние» в середине 2018 г., под ним понимается «скоординированное, прямое или косвенное применение национального дипломатического, информационного, военного, экономического, делового, коррупционного, образовательного и иного характера враждебными иностранными державами с целью оказания влияния на устои, поведение, решения и итоговые результаты внутри США» [15]. Несмотря на то, что в рамках определения враждебные действия направлены внутрь США, к политическим актам со стороны России, попадающим под данный термин в официальной документации, относятся действия России в Грузии и Украине, ведение информационной войны [20], «усилия по подрыву западных демократических процессов и институтов с помощью кибератак и дезинформации», поддержка режима Асада в Сирии [18], «использование энергетических ресурсов в качестве инструмента принуждения и политического давления» [14], а также «вопиющие нарушения прав человека, применение насилия против оппонентов в стране [России] и за рубежом» [18]. В результате к 2019 г. за Россией был закреплён ярлык угрозы западным институтам и демократическим ценностям: «Каких результатов Россия пытается добиться через пагубное влияние? Главные геополитические цели Кремля по отношению к Западу заключаются в ослаблении западных демократий, фрагментации трансатлантического сообщества (включая НАТО и ЕС) и подрыве международных норм, касающихся продвижения демократии и прав человека» [7].

Концепция укрепления стрессоустойчивости как механизм противодействия политике России была введена в политический дискурс в законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций» от 2017 г. [13]. При этом термин был употреблён без конкретного определения. Рассматривая историю его развития в академических кругах, отмечаем, что согласно одному из первых определений, «стрессоустойчивость определяет постоянство отношений внутри системы и является мерой способности этих систем воспринимать изменения <...> и при этом сохраняться» [12, с. 17]. На настоящий момент данная категория

широко распространена в научной дискуссии [1; 24] и употребляется в широком смысле как свойство системы восстанавливаться после шоков и потрясений.

В качестве концептуальной основы американской политики укрепление стрессоустойчивости целевых стран было представлено в 2019 г. Агентством США по международному развитию в стратегии под названием «Основы противодействия российскому пагубному влиянию» [10]. Документ зафиксировал ряд важных положений: во-первых, был определен статус стран Европы как основной целевой аудитории программ и проектов, во-вторых, за Россией был закреплен статус государства, распространяющего «пагубное влияние», а, следовательно, представляющего внешний вызов США и ЕС, наконец, стрессоустойчивость была обозначена как главный компонент стратегии реагирования на этот вызов [Ibid.]. Также в стратегии были обозначены 4 сферы противодействия отечественной политике: экономика, демократия и верховенство закона, средства массовой информации и энергетика.

Публичная дипломатия как инструмент противодействия «пагубному влиянию» и укрепления стрессоустойчивости

Несмотря на то, что стратегия противодействия «пагубному влиянию» со стороны России была представлена лишь в 2019 г., цель по противостоянию «негативному влиянию» со стороны России в Европе и Центральной Азии была зафиксирована еще в 2014 г. [3]. Здесь прослеживается влияние присоединения Крымского полуострова, которое спровоцировало развитие европейского направления публичной дипломатии США, основная цель которого — оградить страны Европы и постсоветского пространства от влияния России. С 2017 г. противостояние «российской дезинформации и пропаганде» официально вышло на первое место в целях публичной дипломатии США в Европе и сохраняется приоритетной по настоящее время [5, с. 171; 4, с. 232; 6, с. 197].

С середины 2017 г. в различных ведомствах стало складываться особое направление по противодействию «пагубному влиянию»: в Министерстве внутренней безопасности и Федеральном Бюро Расследований были созданы особые группы по иностран-

ному влиянию [8]. В 2018 году проекты по мониторингу и стратегическому реагированию на политику России в цифровом пространстве были инициированы Кибернетическим командованием США. Закон о национальной обороне на 2020 г. учредил создание Центра реагирования на иностранное пагубное влияние, в частности, со стороны России [19]. Строчка «борьба с пагубным влиянием» стала фигурировать в бюджетах различных ведомств, так, например, в бюджетных запросах Агентства США по международному развитию на данное направление запрашивается \$661 [21] и \$787,8млн [22] на 2020 и 2021 гг. соответственно. Наконец, для консолидации усилий по борьбе с российским влиянием в Европе был создан Отдел стратегических коммуникаций европейской публичной дипломатии (EUR StratComm). Данное подразделение занимается организацией межведомственных встреч, воркшопов и иных мероприятий по разработке планов и стратегий в данной сфере [6, с. 199].

Анализируя в ретроспективе основные направления развития проектов по европейскому направлению публичной дипломатии с 2014 г., мы приходим к выводу, что в целом они соответствовали выделенным в стратегии 2019 г. [10], в связи с чем, мы находим релевантным отразить их в данном порядке.

Демократическая стрессоустойчивость и верховенство закона

Для усиления демократической стрессоустойчивости стратегия 2019 г. предусматривает три группы проектов: 1) укрепление системы сдержек и противовесов; 2) наращивание стрессоустойчивости гражданского общества; 3) уменьшение уязвимости электоральной системы перед вмешательством извне. Подобные программы активно финансируются правительством США. Так, согласно свободному закону об ассигнованиях от 2019 г., на содействие странам Европы и Центральной Азии по данному направлению выделено порядка \$760 млн. [11]

Информационная стрессоустойчивость

Согласно стратегии, достижение информационной стрессоустойчивости предполагается посредством противодействия манипулированию информацией через три сферы: 1) обеспечение

способности местных СМИ предоставлять качественные, заслуживающие доверия новости и информацию; 2) развитие медиаграмотности населения; 3) укрепление законодательной базы и рабочей среды, способствующей развитию независимых СМИ [10]. Стоит отметить, что в рамках публичной дипломатии, это направление является наиболее обширным.

Центр Глобального Вовлечения (далее — ЦГВ) занял одну из лидирующих позиций в области противодействия пропаганде и дезинформации. Наряду с проектами по разработке, тестированию и распространению технологий по распознаванию и противодействию пропаганде, находящихся в ведении Команды технологического взаимодействия [23], в настоящий момент Центр оперирует двумя крупными инициативами в области распознавания и изучения характера информационной политики в 13 странах Центральной и Восточной Европы, а также рассчитанным на два года проектом по укреплению информационной стрессоустойчивости в целевых странах, бюджет которого превышает \$1 млн [6, с. 133]. Также ведомство спонсирует бюро, реализующие программы публичной дипломатии в Европе. В общей сложности при финансировании ЦГВ реализуются 18 программ из 15 стран [6, с. 197].

Кроме этого, в 2016 г. была запущена межправительственная сеть в области цифровой дипломатии в странах Европы. Ключевая цель данной программы — усилить цифровое взаимодействие в области трансатлантического партнерства по противодействию дезинформации [4, с. 234]. Всего в рамках проекта было обучено свыше 250 представителей правительства стран Европы. Для публичной дипломатии данный проект представляет собой так же площадку наращивания совместного потенциала по противостоянию дезинформации посредством построения каналов цифровых коммуникаций с населением ключевых стран [6, с. 199].

Для создания альтернативного источника информации в странах ЕС и постсоветского пространства в 2017 г. Агентством США по глобальным медиа при сотрудничестве сетей «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа / Радио Свобода» была запущена международная сеть вещания «Настоящее время» [5, с. 9]. На канале транслируется контент различного характера и на-

правленности: политические ток-шоу, например, «час с Тимуром Олевским», программы по проверке российского новостного контента — «Смотри в оба», репортажи о России — «Неизвестная Россия» [4, с. 240] и т. д. Согласно наиболее актуальным на текущий момент данным, программы транслируются в 20 странах через 92 канала, включая кабельное и спутниковое ТВ, и 51 аффилированных СМИ, 9 из которых в России. Охват канала в России насчитывает порядка 4,1% населения страны [6, с. 205].

В рамках развития медиаграмотности также были запущены проекты «Полиграф» (в 2016 г.) и «Фактограф» (в 2017 г.) на английском и русском языках соответственно [5, с. 9]. Данные сайты представляют собой выборку отечественных новостей, категоризированных в зависимости от их соответствия американским стандартам «правдивости» на: «сомнительно», «да, но», «не факт, но», «фейк» и т.д. [2; 17].

Наряду с этим, отдельные проекты были запущены и непосредственно внутри сетей вещания. Так, «Радио Свобода» инициировала живое обсуждение наиболее ярких новостей в программе «Face the Event», документальную серию о жизни в России «Signs of Life», а также региональный проект «Siberia.Realities» о жизни на Урале и т.д. [6, с. 203]. Аналогично последнему были запущены программы «Crimea.Realities» для трансляции на Крымском полуострове и «Donbas.Realities» для населения восточной части Украины [6, с. 206]. Кроме этого были разработаны и запущены программы для большинства стран пост советского пространства, например, в Грузии запущена программа «Перспектива», рассказывающая о жизни в стране с западной точки зрения [6, с. 207]. Согласно опросу, проведенному Агентством США по глобальным медиа, порядка 3,8% россиян смотрят контент сети еженедельно [6, с. 203] (для сравнения в 2013 г. аудитория канала «Радио Свобода» насчитывала менее 0,5%) [16, с. 6]. «Голос Америки», в свою очередь, транслирует такие проекты, как «Sapiens» — 10-ти минутные лекции о различных аспектах жизни в США и России, а также об отношениях между странами, «Artifact», рассказывающую об американской культуре через исторические объекты, «Hi, Tech!» — молодежное шоу об инновациях и т.д. [6, с. 212].

Программы по работе с журналистами стали неотъемлемым звеном публичной дипломатии США на этом этапе. Так, в Азербайджане была запущена инновационная программа электронного обучения, предоставляющая возможности профессионального развития журналистам [5, с. 173]. В Молдове программа «TV Content Fund» позволила правительству США не только наладить поток инвестиций на развитие СМИ в регионе, но и поощрять дубляж американских и европейских кинокартин и сериалов на местный язык [6, с. 200], а в рамках проекта «Американский кинопоказ» молодые сценаристы получили возможность обучения в Голливуде [5, с. 173].

В Украине при поддержке Вашингтона был организован ряд туров для европейских журналистов в восточную часть страны для отслеживания ситуации изнутри и оценки действий России в регионе [4, с. 235]. Здесь стоит отметить, что Украина в целом стала центром борьбы с дезинформацией в программах публичной дипломатии США. В стране была запущена одна из крупнейших программ по развитию медиаграмотности населения «Learn to Discern». В рамках первого этапа проекта в 50 школах Украины были проведены трехмесячные курсы по обучению молодежи навыкам определения ложных информационных потоков, информационных вбросов и т. д. На втором этапе предполагается внедрение обучающих проектов в области медиаграмотности «как основной компетенции в национальной программе среднего образования Украины к 2021 году» [6, с. 199].

Энергетическая стрессоустойчивость

Для укрепления энергетической стрессоустойчивости рассмотрены следующие меры: 1) укрепление энергетической безопасности стран-партнеров; 2) снижение уровня зависимости от российских энергоресурсов; 3) улучшение системы регулирования энергетического сектора. Данное направление не входит в сферу публичной дипломатии, однако, одним из примеров его реализации является проект *Electric Transmission System Operator*, в рамках которого Агентство США по международному развитию спонсирует проекты по диверсификации поставок энергоресурсов в Молдову [10].

Экономическая стрессоустойчивость

Наконец, в рамках построения экономически стрессоустойчивого общества предлагается, во-первых, поддержка мероприятий, способствующих диверсификации экспорта европейских стран и повышению конкурентоспособности товаров на западных рынках, и, во-вторых, укрепление финансовых рынков и повышение их уровня соответствия международным стандартам [Ibidem]. Например, при сотрудничестве с группой предпринимателей «Chamberí Valley», консульство в Мадриде провело ряд конференций, призванных усилить двусторонние связи в области информационных технологий, торговли и инвестиций, а также стимулировать развитие стартапов [5, с. 172]. А в Швеции для беженцев были организованы курсы программистов «Powercoders», после которых 18 компаний предложили должности 15 участникам [6, с. 198].

Заключение

В результате проведенного анализа мы показали, что новые концептуальные рамки российско-американских отношений обрамлены двумя категориями — «пагубное влияние» и «стрессоустойчивость», первая из которых направлена на дискриминацию отечественной политики в странах Европы и Центральной Азии, а последняя — на обозначение метода противостояния российскому влиянию. Будучи введенными в политический дискурс, данные термины охватили европейское направление публичной дипломатии, придав ему яркий антироссийский окрас. Публичная дипломатия США, в свою очередь, после присоединения Крымского полуострова к России и ситуации, сложившейся вокруг выборов президента США 2016 г., получила новый импульс развития, а также дополнительное финансирование проектов. Мы выявили ряд новых проектов, нацеленных на снижение роли России в регионе и переориентацию европейских стран в сторону трансатлантического сотрудничества. В результате, можно говорить о том, что проекты, запущенные в странах Европы после 2014 г., нашли свое концептуальное оформление после выборов в США 2016 г. благодаря введению двух изучаемых категорий, что

завершило процесс формирования как вектора развития публичной дипломатии в странах Европы, так и политической линии США в отношении России.

Список литературы:

1. Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России: Коллективная монография / под ред. Т. А. Романовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 312. с.
2. Фактограф, RFE/RL. URL: www.factograph.info/ — 25.05.20.
3. 2015 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. U. S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/247329.pdf> — 25.05.20.
4. 2017 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf> — 23.05.20.
5. 2018 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2018-ACPD.pdf> — 18.05.20.
6. 2019 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/2019-ACPD-Annual-Report.pdf> — 18.02.20.
7. *Carpenter M.* Undermining Democracy: Kremlin Tools of Malign Political Influence, U. S. Congress. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA14/20190521/109537/HRG-116-FA14-Wstate-CarpenterM-20190521.pdf> — 28.05.20.
8. Combating Foreign Influence. FBI. URL: <https://www.fbi.gov/investigate/counterintelligence/foreign-influence> — 13.05.20.
9. *Conley H. A.* The Kremlin Playbook: Understanding Russian Influence in Central and Eastern Europe. CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/kremlin-playbookCSIS> — 29.05.20.
10. Countering Malign Kremlin Influence Development Framework. USAID. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1863/CMKI_Development_Framework_.pdf — 25.05.20.
11. H. J. Res.31: Consolidated Appropriations Act, 2019. U.S. Congress. URL: www.congress.gov/bill/116th-congress/house-joint-resolution/31/text — 18.05.20.
12. *Holling C. S.* Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. Vol. 4. P. 1–23.

13. H.R.3364: Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> — 30.05.20.
14. H.R.4209: Countering Russian Influence Through Interagency Coordination And Leadership Act. U. S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4209/text?format=txt> — 27.05.20.
15. H.R.5515: John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. U. S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5515/text> — 30.05.20.
16. Inspection of U.S. International Broadcasting to Russia. Office of inspector general. URL: <https://oig.state.gov/system/files/217908.pdf> — я 25.05.20.
17. Polygraph.Info. RFE/RL.URL: www.polygraph.info/ — 28.05.20.
18. Russia Fact Sheet 2018. U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/russia-fact-sheet> — 28.05.20.
19. S.1790: National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. U. S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> — 12.05.20.
20. S.Res.54: A resolution expressing the unwavering commitment of the United States to the North Atlantic Treaty Organization. U. S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-resolution/54> — 26.05.20.
21. State Department and U.S. Agency for International Development FY 2020 Budget Request. U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/state-department-and-u-s-agency-for-international-development-fy-2020-budget-request/> — 15.05.20.
22. State Department and U. S. Agency for International Development FY 2021 Budget Request. U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/state-department-and-u-s-agency-for-international-development-usaid-fy-2021-budget-request/> — 15.05.20.
23. Technology Engagement Team. Global Engagement Center. URL: www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/global-engagement-center/technology-engagement-team. — 28.05.20.
24. The Routledge Handbook of International Resilience / ed. by D. Chandler, J. Coaffee (eds). London, 2017. 402 p.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СУБРЕГИОНЫ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ»

Асланов Ильяс Васифович

Место России в предвыборных программах европейских партий к выборам в Европейский Парламент 2019 года

The Place of Russia in the European Parties' Election
Programmes for the 2019 European Parliament Election

Аннотация: За последние несколько лет отношения между Евросоюзом и Россией заметно ухудшились. Выборы в Европейский Парламент 2019 года были первыми, где этот кризис в отношениях был использован в агитационных целях. Данная статья показывает, какое количество внимания было уделено Российской Федерации в предвыборных программах, какие аспекты политики РФ затрагивались партиями в ходе выборов, и с какими факторами это было связано. Контент-анализ манифестов европартий и национальных партий пяти крупнейших европейских стран позволяет сказать, насколько сильно отношение к России зависит от идеологии партии и ее степени поддержки евроинтеграции.

Ключевые слова: Россия, Европейский Парламент, европейская партия, манифест, предвыборная программа.

Abstract: Throughout the last few years, the relations between European Union and Russia have deteriorated significantly. The 2019 European Parliament Election was the first where this relation crisis was used in the election campaign. This article shows the amount of attention received by the Russian Federation in election programmes, the aspects of Russian policy that were used by parties during

the election and the factors those aspects were related with. The manifesto content analysis of European parties and national parties of the five biggest European countries allows to tell how perception of Russia correlated with parties' ideology or their stances on European integration.

Keywords: Russia, European Parliament, European party, manifesto, election programme.

Введение

Выборы в Европейский Парламент 2019 года стали первыми выборами после ухудшения отношений между Европейским союзом и Российской Федерацией. Внешняя политика России, введенные с обеих сторон санкции, обвинения во вмешательстве РФ в суверенные дела европейских стран, кризис в российско-украинских отношениях — все это внесло свой вклад в появление российской повестки у европейских партий. Затишье в использовании российского фактора в предвыборных программах, наступившее после окончания Холодной войны, сменилось возобновленным интересом партий к РФ [11, С. 541]. Однако в ЕС нет единства в оценке России и проводимой ею политики. Среди партий Евросоюза представлен широкий спектр мнений о Российской Федерации: от резкой критики до призывов к дружеским отношениям.

В научном сообществе существует несколько взглядов на то, что является определяющим фактором для отношения европейских партий к России. Последователи одной из самых популярных теорий придерживаются мнения, что на уровень отношений влияет идеология партии, а также ее национальная принадлежность. Брагироли разделяет партии на три группы: находящиеся на левом и правом краю спектра и склоняющиеся к центру [1, С. 72]. Первые показывают наиболее благоприятное отношение к РФ, вторые также демонстрируют положительный уровень, но отстают от своих левых коллег, а для третьих, куда Брагироли включает либерал-демократов и зеленых, наоборот характерна антироссийская риторика. Национальная принадлежность остается вторичной за исключением случаев Прибалтики и Польши, которые показывают низкие уровни доверия к РФ [1, С. 74–75].

С другой точки зрения поддержка России имеет корреляцию с уровнем евроскептицизма в той или иной партии [8, С. 10]. Чем сильнее партия критикует европейскую интеграцию, тем более заметно ее одобрение российской политики. И наоборот, РФ трудно добиться снисхождения у проевропейски настроенных сил. Более того, в некоторых странах, таких как, например, Соединенное Королевство, евроскептицизм является единственной площадкой для пророссийских позиций, что позволяет лишь увереннее говорить о привязке антиглобалистской риторики к положительной оценке РФ [8, С. 8].

Несмотря на широкий консенсус мнений о значимости влияния идеологической составляющей, некоторые ученые отрицают политическую направленность партии как ключевую причину в их отношении к России. Ондерко в своей статье говорит о разнообразных позициях внутри партийных групп ЕС и об отсутствии систематической зависимости между идеологией и восприятием политики РФ [11, С. 537]. Но даже в таком случае не отрицаются пророссийские взгляды самых маргинальных политических сил Европы. Политика России, в связи с ее антиглобалистской и антизападной направленностью, остается привлекательной для крайне левой и крайне правой стороны спектра [2, С. 228].

В данной статье автор ставит перед собой задачу выяснить, какими были позиции европартий и национальных партий крупнейших стран Западной Европы по отношению к России в предвыборных программах к выборам в Европейский Парламент 2019 года. В статье при помощи контент-анализа рассматривается частота упоминаний РФ в программах, а также контекст, в котором они употреблялись. Таким образом, можно проследить, насколько сильно принадлежность к партийной группе или стране оказывала влияние на характер упоминаний РФ в манифестах и программах партий.

Методология

В основе данной статьи лежит контент-анализ манифестов и программ партий к выборам в Европейский Парламент 2019 года. Объектами контент-анализа являются предвыбор-

ные манифесты и программы европартий и национальных партий Германии, Франции, Соединенного Королевства, Италии и Испании. Автором были выбраны вышеперечисленные государства, так как они являются как пятью наиболее представленными в Европарламенте, так и самыми влиятельными странами Евросоюза и Западной Европы. Несмотря на то, что на данный момент Соединенное Королевство вышло из Европейского союза, а места депутатов ЕП от Великобритании были распределены между другими странами ЕС, Британия все еще оставалась полноправным членом Евросоюза во время выборов в Европарламент, уступая в креслах ЕП только Франции и Германии. В связи с этим автор счел необходимым учесть в данной статье также и позиции партий Великобритании.

В статье рассматриваются манифесты восьми европартий из десяти представленных в ЕП на данный момент. Причиной неполноты этого списка является отсутствие манифестов у двух европартий. Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР) не вели предвыборную кампанию в 2019 году и, соответственно, не выпускали какой-либо манифест, а партия «Идентичность и демократия» (ИД) образовалась уже после выборов на основе группы «Европа наций и свобод», у которых также не было программы в 2019 году [3, С. 11].

Национальные партии пяти вышеупомянутых государств были выбраны по следующим характеристикам. Партия должна была либо являться лидером в контексте партийной группы данной страны и занимать при этом не менее пяти кресел ЕП, либо обладать существенным количеством мест в национальном парламенте страны. Таким образом, в статье рассматриваются следующие партии. От Германии: ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП, Союз 90/Зеленые, АдГ, Левая партия. От Франции: Республиканцы, Социалистическая партия, «Вперед, Республика», Европа-Экология-Зеленые, Национальное объединение, Непокоренная Франция. От Соединенного Королевства: Лейбористская партия, Либерально-демократическая партия, Партия зеленых, ШНП (Консервативная партия и Партия Брексита не выпустили свои манифесты для выборов в ЕП 2019 года). От Италии: «Вперед, Италия», Демократическая партия, Лига, Братья Италии,

Движение пяти звезд. От Испании: Народная партия, ИСРП, «Граждане», «Голос», «Унидас Подемос».

При проведении контент-анализа манифесты и предвыборные программы были проанализированы на предмет наличия упоминаний о России. Под упоминанием понимались такие слова, как «Россия», «Российская Федерация», «российский/ая/ое» на английском языке в случае манифестов европартий и на официальном языке страны рассматриваемой партии в случае национальных партий. Смысловые отрезки предложений, включавшие упоминания, были затем помещены в одну из следующих шести категорий: критика внешней политики РФ; исполнение в РФ прав человека; сотрудничество с РФ; глобальные вызовы; противопоставление ЕС и РФ; другое.

Критика внешней политики представляет собой негативное отношение к проводимому Россией курсу и, в основном, связана с агрессией на территории Украины, санкциями, и другими воспринимаемыми европейскими партиями угрозами со стороны России. Вторая категория охватывает обвинения РФ в пренебрежении правами человека на собственной территории, а также призывы поддержки гражданского общества в России. Сотрудничество с РФ подразумевает выражение солидарности с российской политикой и желание повысить уровень взаимодействия между странами. Глобальные вызовы характеризуют общемировые тенденции, подрывающие безопасность и связанные, в том числе, с РФ. Противопоставление является нейтральным сравнением конкретной страны или Европейского Союза с Россией в той или иной сфере (примером данной категории может служить желание равноправного диалога ЕС с РФ, США и КНР).

Результаты

На общеевропейском уровне Россия затрагивается в пяти манифестах европартий из восьми (Рисунок 1). Партия европейских социалистов (ПЕС), Европейская партия зеленых (ЕПЗ) и Европейский свободный альянс (ЕСА) проигнорировали российскую повестку в своих предвыборных программах. Среди оставшихся партий наблюдается низкий уровень упоминаний России: ни у одной он не превышал рубеж в пять единиц.

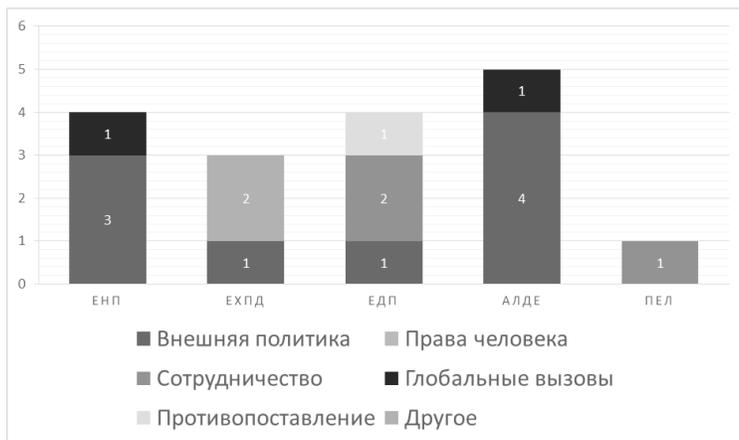

Рисунок 1. Упоминания России в манифестах европейских партий

Характерным также является преобладание в манифестах критики российской внешней политики: на нее приходится более половины (9/17) упоминаний. Лидерами в этой области являются Европейская народная партия (ЕНП) и Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ) [4; 7]. При этом любопытным является различие между народниками и либерал-демократами в контексте упоминаний внешней политики РФ. ЕНП фокусируется на усилении в России авторитаризма и его возможной экспансии за пределы границ РФ [4], в то время как АЛДЕ говорит только о российской агрессии на территории Украины [7].

Европейское христианское политическое движение (ЕХПД) высказывается против экспансии РФ, а также использует пример России наряду с другими странами для обозначения своих позиций по юридическому статусу проституции [14]. Европейская демократическая партия и Партия европейских левых в большей степени поддерживают Россию [6; 9]. И если для крайне левых это характерный шаг, то уровень поддержки РФ еврофилами и либе-

ралами из ЕДП является прецедентом, выбивающимся из концепции идеологического характера отношения к России.

На национальном уровне о РФ высказываются 18 партий, представивших к выборам свою программу, из 26. При этом у шести партий количество упоминаний России в манифестах превышает 5 единиц. Характерно, что пять из шести этих партий — немецкие, шестая — французское Национальное объединение. Стоит также отметить, что Германия является лидером по числу упоминаний РФ, на нее приходится более двух третей всех случаев (64/93).

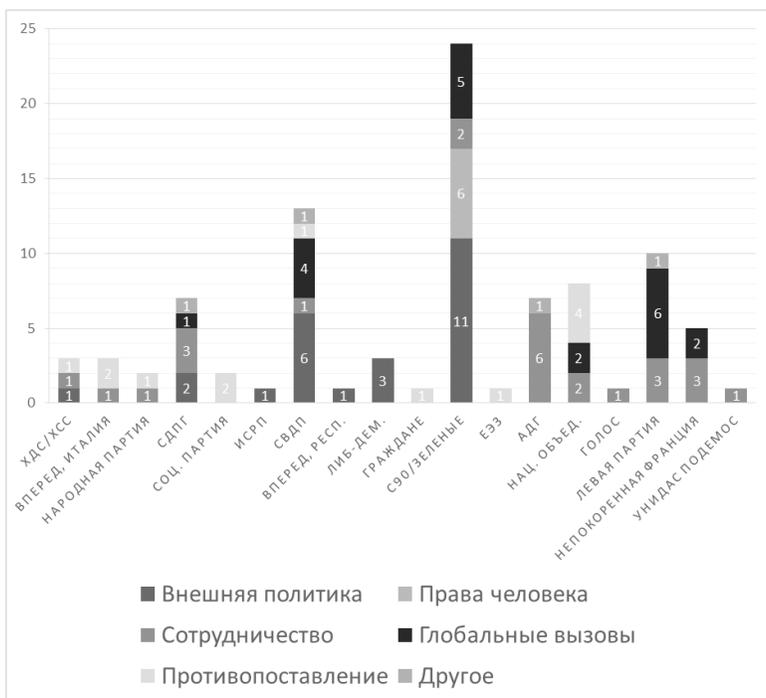

Рисунок 2. Упоминания России в предвыборных программах национальных партий Европы к выборам в Европейский Парламент 2019 года

Рисунок 2. показывает распределение упоминаний по национальным партиям, а Рисунок 3. дополнительно сортирует партии по участию в европарламентских партийных группах. Как можно заметить, национальные партии показывают разнообразные результаты в отличие от скоординированных манифестов их коллег по европартиям. Так, если ЕНП, как ранее говорилось, выступает с критических позиций в отношении РФ, то рассматриваемые в работе участники группы — ХДС/ХСС, «Вперед, Италия» и Народная партия, на троих имеют всего одно упоминание с критикой российской политики и больше склоняются к сотрудничеству с РФ [15; 13; 10].

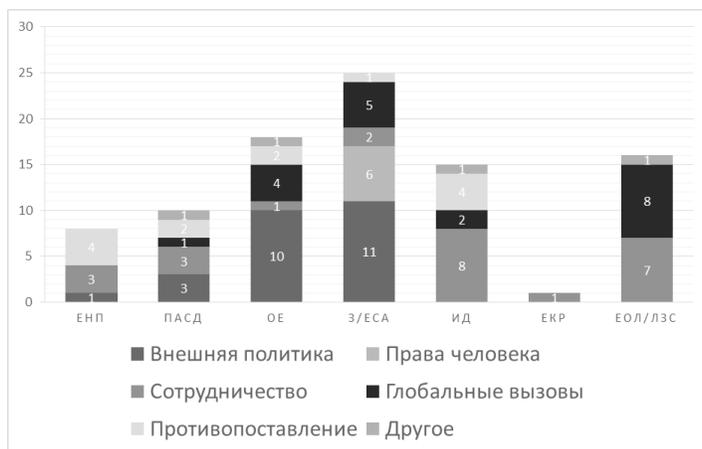

Рисунок 3. Россия в еврומанифестах национальных партий Европы (партии отсортированы по участию в европарламентских партийных группах)

В остальном, можно говорить о корреляции между идеологией партийной группы и ее отношением к РФ. Социалисты показывают равномерные результаты во всех категориях. Члены «Объединенной Европы» и зеленых демонстрируют наиболее негативное мнение касательно России, что объясняется особым вниманием этих групп к правам человека и соотносится с под-

держкой оппозиционных российских партий [1, С. 72]. Немецкие зеленые являются единственной партией, которая упоминает в своем манифесте нарушения прав человека в РФ и делает упор на поддержку НКО, продвигающих в России демократические идеалы [5].

В то же время, партии, находящиеся на обоих краях политического спектра, демонстрируют солидарность с Россией. Более того, ни одна из рассматриваемых в статье крайне правых или крайне левых партий не высказывает недовольства российской политикой. Стоит сказать, что «Альтернатива для Германии» держит рекорд среди всех партий по положительным упоминаниям РФ — шесть единиц [12]. Другие радикальные партии, как левого, так и правого толка, также не отстают от своих немецких коллег и демонстрируют благоприятное отношение к России.

Если говорить про разделение по странам, то упоминания о РФ здесь распределяются неравномерно. Как можно видеть из Рисунка 4., основное количество упоминаний приходится на

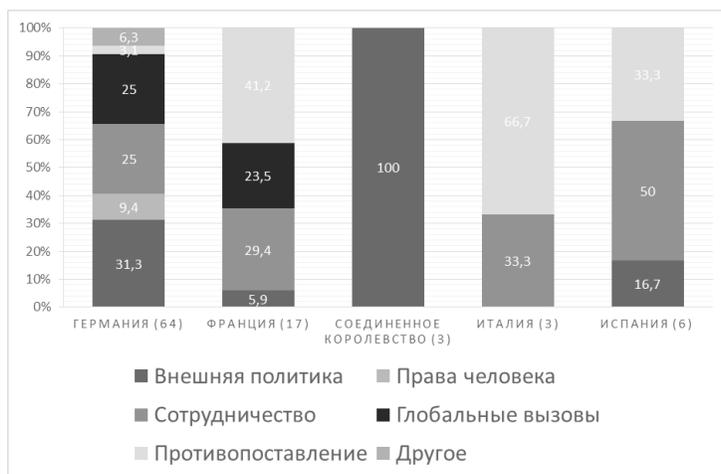

Рисунок 4. Распределение категорий по странам в процентах (в скобках указано общее число упоминаний России для страны)

Германию и Францию, в то время как Британия, Италия и Испания остаются в стороне. При этом если в Германии негативное мнение о РФ все же превалирует, то французские партии более склонны к положительной или нейтральной оценке России. Британцы показывают характерный для них антагонизм, а Испания и Италия, наоборот, в процентном соотношении более всех настроены на сотрудничество, что подтверждает тезис Ондерко о благоприятном восприятии России в странах Южной Европы [11, С. 536].

Заключение

В большинстве случаев роль России в европейских предвыборных программах сводится к источнику угроз для европейской безопасности. Негативное отношение к внешней политике просматривается как в европейских, так и в национальных манифестах. Тем не менее, на уровне национальных партий стремление к сотрудничеству с Россией остается достаточно популярным. Европейские партии также уделяют внимание участию РФ в решении общемировых вызовов и глобальных проблем. Не являются малочисленными и призывы к усилению ЕС для равноправного противодействия РФ, КНР и США в разных сферах политики. Причем последнее свойственно всем видам партий, за исключением крайне левых.

Как можно видеть, корреляция между идеологией партии и ее отношением к России все же присутствует. Либерал-демократы и зеленые выступают самыми яркими критиками российской политики, а на евроуровне к ним присоединяются еще и народники. Крайне правые и крайне левые партийные группы наоборот более настроены на диалог и сотрудничество с РФ. Социалисты, в свою очередь, имеют разносторонний взгляд на российскую проблему. Тем не менее, отдельные случаи, такие как позиция ЕДП или народных партий национального уровня не позволяют сказать, что идеологический фактор в полной мере применим к характеру восприятия Российской Федерации.

Связь уровня евроскептицизма партии с отношением к России, хоть и правдива в большинстве случаев, также не является всеобъемлющей. «Обновленная Европа» и зеленые действи-

тельно негативно оценивают российский курс, а евроскептики из «Идентичность и демократия» и Объединенных левых, наоборот, его поддерживают. Однако, более нейтральный взгляд на РФ от проевропейских социалистов и региональных народников вместе с европейскими демократами и здесь не дают заявить о стопроцентной применимости подхода.

Влияние регионального фактора на основе результатов статьи проследить сложно. Малое количество упоминаний России среди европейских стран и неравномерность их распределения не позволяют сделать точных выводов. Тем не менее, из имеющихся данных можно говорить о пророссийских позициях Франции, Италии и Испании, антироссийской риторике Великобритании и разностороннем взгляде внутри Германии.

Подводя итоги, можно сказать о том, что зависимость между политическими позициями европейских партий и/или уровнем их поддержки европейской интеграции и отношением партий к Российской Федерации действительно прослеживается. Тем не менее, у этого правила есть и свои исключения, как, например, подход членов ЕНП, ЕДП и ПАСД. Несмотря на то, что Россия все еще в большинстве случаев воспринимается агрессором, образ РФ как возможного партнера не сильно отстает в популярности от своего антипода.

Список литературы:

1. *Braghioli S.* Voting on Russia in the European Parliament: The Role of national and party group affiliations // *Journal of Contemporary European Studies.* — 2015. — Vol. 23. — №. 1. — P. 58–81.
2. *Braghioli S., Makarychev A.* Russia and its supporters in Europe: trans-ideology à la carte? // *Southeast European and Black Sea Studies.* — 2016. — Vol. 16. — №. 2. — P. 213–233.
3. *Cooper L., Dunin-Wąsowicz R., Milanese N.* The dawn of a Europe of many visions: What the European election manifestos tell us about the conflict, paralysis, and progress ahead. URL: https://www.academia.edu/40372736/The_dawn_of_a_Europe_of_many_visions 27. — 06.2020.
4. EPP Manifesto «Let's open the next chapter for Europe together». URL: <https://www.epp.eu/files/uploads/2019/04/EPP-MANIFESTO-2019.pdf> — 27.06.2020.

5. Europas Versprechen erneuern. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/B90GRUENE_Europawahlprogramm_2019_barrierefrei.pdf — 27.06.2020.
6. Europe Stand Up! Election Manifesto. URL: https://www.democrats.eu/sites/default/files/inline-files/2019_PDEManifesteElect_EN_0.pdf — 27.06.2020.
7. Freedom, opportunity, prosperity: the Liberal vision for the future of Europe. URL: https://www.aldeparty.eu/sites/alde/files/40-Resolutions/2019_freedom_opportunity_prosperity_the_liberal_vision_for_the_future_of_europe_0.pdf — 27.06.2020.
8. Gressel G. Fellow travellers: Russia, anti-Westernism, and Europe's political parties // European Council on Foreign Relations. — 2017. — Vol. 14. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR225_-_FELLOW_TRAVELLERS1.pdf — 27.06.2020.
9. Let's create a different Europe! URL: https://www.european-left.org/wp-content/uploads/2019/01/7392-01_EL_Wahlpr19_A6_EN_V02_190321.pdf — 27.06.2020.
10. Manifiesto del Partido Popular ante las Elecciones Europeas de 2019. URL: http://www.pp.es/sites/default/files/documentos/programa_pp_europeas2019.pdf — 27.06.2020.
11. Onderco M. Partisan views of Russia: Analyzing European party electoral manifestos since 1991 // Contemporary Security Policy. — 2019. — Vol. 40. — №. 4. — P. 526–547.
12. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019. URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2019/02/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch-RZ.pdf — 27.06.2020.
13. Programma Forza Italia Europee 2019. URL: <http://web.archive.org/web/20190406044225/https://italiasvegliati.it/programma/> — 27.06.2020.
14. Strong Values, Strong Nations, Strong Europe. Election Manifesto 2019. URL: https://ecpm.info/ElectionManifesto_A4_40pg.pdf — 27.06.2020.
15. Unser Europa macht stark. Für Sicherheit, Frieden und Wohlstand. URL: <http://web.archive.org/web/20190526201007/https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/europawahlprogramm.pdf?file=1> — 27.06.2020.

Белухин Никита Евгеньевич

Динамика отношений России со странами Северной Европы в начале 21 в.: общее и особенное

The Dynamics of Russia's Relations with the Countries of Northern Europe in the Early 21st Century: Common and Specific Tendencies

Аннотация: Отношения России со странами Северной Европы в начале 21 в. носили неоднородный и противоречивый характер, что особенно ярко демонстрируется динамикой отношений со Швецией и Данией, которые поочередно выступали и с активной критикой как внешней, так и внутренней политики России, и проявляли стремление к ведению конструктивного диалога. В статье на основе анализа двухсторонних отношений России с Данией, Швецией, Финляндией и Норвегией делается попытка оценить военно-политическую ситуацию в Балтийском регионе и Северной Европе наряду с перспективами будущих отношений России со странами Северной Европы.

Ключевые слова: Северная Европа, Балтийский регион, Дания, Швеция, Финляндия, Россия, Норвегия.

Abstract: Russia's relations with the countries of Northern Europe in the early 21st century were controversial and lacked consistency, which is particularly evident in the cases of Denmark and Sweden which successively offered strong criticism of the foreign as well as the domestic policies of Russia and at the same time made efforts to have a constructive dialogue with Russia. Based on the analysis of Russia's bilateral relations with Denmark, Sweden, Finland and Norway the article presents an attempt at assessing the military and political situation in the Baltic region and Northern Europe together with the prospects of Russia's relations with the countries of Northern Europe.

Keywords: Northern Europe, the Baltic region, Denmark, Sweden, Finland, Russia, Norway.

Отношения России со странами Северной Европы в начале 21 в. развивались по различным траекториям, в частности, периоды

улучшения отношений с одной страной сопровождалось ухудшением отношений с другой, что особенно заметно на примере отношений России с Данией и Швецией, динамика которых в 2000–2014 гг. была противоположной, что, в свою очередь, дало повод отдельным исследователям говорить о том, что Россия строит свои отношения со странами региона, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй» [5]. С 2014 г., на фоне общего ухудшения отношений России и западных стран, страны Северной Европы значительно сблизились в восприятии угроз региональной безопасности и активизировали региональные форматы сотрудничества (НОРДЕФКО и NB8), что, однако, на практике не выразилось в проведении общей «русской» политики. Североевропейские исследователи склонны объяснять подобные резкие изменения внешнеполитического курса в отношении России, произошедшие в 2002 г. и 2008 г., на основе концепции «уроков прошлого», а именно индивидуальной интерпретацией отдельных политиков исторического опыта соответствующей страны [2]. Однако представляется, что сама выборка тех или иных «уроков истории», а также их прочтение обусловлены скорее выполнением идеологических функций, а не их использованием в качестве инструментов рационального осмысления внешней политики [1].

Начало 2000-х обещало стать началом продуктивного двустороннего сотрудничества между Россией и Данией — в 2002 г. должен был состояться первый с 1964 г. государственный визит главы России в Данию, который приходился на период председательства Дании в Совете ЕС. Однако вместо начала продуктивного сотрудничества в отношениях между двумя странами осенью 2002 г. наступил один из наиболее серьёзных кризисов со времени холодной войны, который был вызван проведением 28 октября в Дании конгресса чеченского народа (датские власти не попытались обратиться с просьбой о переносе конгресса на менее провокационную дату, как рекомендовали некоторые представители ЕС). Проведение конгресса совпадало, таким образом, с официально объявленным по всей России трауром в связи с террористическим актом на Дубровке (23–26 октября 2002 г.). Кроме того, датские власти отказались экстрадировать в Россию Ахмеда Закаева (который был арестован и подвергся короткому предварительному

заклучению, но экстрадирован не был за отсутствием достаточных оснований) по обвинению в ряде терактов в конце 1990-х годов и теракта на Дубровке. Премьер-министр Дании Андерс Фогт Расмуссен также воспользовался сложившейся ситуацией для эскалации данного кризиса в датских СМИ, подчеркнув в статье в одной из крупнейших датских газет достоинства судебной системы Дании и право Закаева на свободу слова, а также проведя параллели между нынешним сильным курсом Дании и «прежней трусливой политикой Дании, которая выступала со сдержанной позицией и всеми способами избегала конфронтации и обострения отношений с великими державами» [2]. Датский премьер-министр продолжил выступать с провокационными заявлениями и статьями и в дальнейшем, часто тем самым отесняя на второй план министра иностранных дел Дании Пера Стига Мёллера. Во время Оранжевой революции на Украине (2004–2005 гг.) Дания выступила с критикой избрания Януковича и заявила, что демократические процедуры были нарушены в ходе выборов, однако, в деле практической поддержки революции Дания проявила минимальную или вообще никакой инициативы и, в целом, заняла более сдержанную позицию, чем США, Польша и Литва, которые выступали с намного более жёсткой критикой и открыто обвиняли Россию во вмешательстве в выборы. В ответ на это Россия ещё в 2002 г. отменила встречи в рамках Межправительственного Российско-Датского Совета экономического сотрудничества вплоть до 2006 г. и по большей части заморозила все дипломатические и правительственные контакты, в результате чего датские дипломаты были вынуждена согласовать детали перезахоронения императрицы Марии Федоровны главным образом с представителями РПЦ, а не с представителями госучреждений [5]. Другой эпизод обострения отношений между Данией и Россией был связан с празднованием 60-ой годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне, когда незадолго до своего участия в юбилейном праздновании в Москве, куда Андерс Расмуссен был приглашён в качестве гостя на Парад Победы, премьер-министр Дании обратился к президенту РФ с предложением принести извинения странам Балтии за советскую оккупацию (1944–1991 гг.) по аналогии с теми извинениями, которые руководство Германии

принесло за преступления нацистского режима. В. В. Путин, в свою очередь, уклонился от рукопожатия с датским премьер-министром в ходе Парада Победы, что не осталось незамеченным [5]. Другим эпизодом похолодания отношений между Россией и Данией стала поддержка последней предоставления Грузии и Украине плана действий по членству на Бухарестском саммите НАТО в апреле 2008 г. На этом фоне заметно активизировались отношения со Швецией. В 2007 г. Москву посетила королевская семья Швеция. В рассматриваемый период также был учреждён Межправительственный Российско-Шведский Совет для координации экономического сотрудничества, а шведский премьер-министр в отличие от датского коллеги выразился гораздо менее критично в отношении легитимности выборов на Украине в 2004 г. и не выдвигал требований об отставке избранного президента [5]. В мае 2004 г. премьер-министр Ханс Перссон дезавуировал заявление министра иностранных дел Лайлы Фрейвальдс, которая изначально не решилась признать убийство Ахмата Кадырова в качестве акта терроризма.

В 2008 г. между Данией и Швецией произошла «смена ролей» — Дания взяла курс на нормализацию отношений, в то время как Швеция неожиданно взяла курс на обострение, когда министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт сравнил интервенцию России в Грузии с аннексией Чехословакии в 1938–1939 гг. и незамедлительно был объявлен персоной нон грата в России, а политические контакты между Россией и Швецией перешли на максимально низкий уровень. Карл Бильдт, в то время бывший председателем комитета министров, отправился в Тбилиси, когда ещё были распространены слухи о наступлении российских войск на столицу Грузии, где заявил, что целью России возможно является смена режима в Тбилиси и что нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан находился под угрозой вследствие наступления российских войск. Одновременно бывший министр иностранных дел Швеции Ханс Бликс наряду с министрами иностранных дел Франции, Германии и Финляндии раскритиковал проведённую Бильдтом историческую аналогию. В 2009 г. во время председательства Швеции в ЕС, Россия безуспешно пыталась добиться перенесения саммита ЕС-Россия из Стокгольма в Брюссель. В 2013 г.

России совместно с Канадой удалось отклонить заявку ЕС о том, чтобы стать наблюдателем в Арктическом Совете, что являлось одной из приоритетных задач Бильдта во время председательства Швеции в организации, что вызвало скандал и обмен колкостями между министром иностранных дел России Сергеем Лавровым и его шведским коллегой. В дальнейшем Швеция выступала с резкой критикой внутривнутриполитических событий России, таких как выборы в Государственную Думу в 2011 г., задержание Алексея Навального в 2013 г. и принятие закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в том же году. Похолодание отношений со Швецией проявилось и в эпизоде с проведением явно затянутой процедуры экологической экспертизы в связи с проектом «Северный Поток-1», что было особенно заметно на фоне быстрого решения Дании одобрить проект осенью 2009 г. Другим эпизодом обострения российско-шведских отношений стал «инцидент Страстной пятницы», когда российский стратегический ядерный бомбардировщик совершал манёвры в опасной близости от воздушного пространства Швеции и объектов военной инфраструктуры, включая Радиотехнический центр вооружённых сил Швеции, который по информации Эдварда Сноудена в тесном сотрудничестве с американскими разведывательными службами осуществлял слежку за российскими объектами и должностными лицами [4]. В то же время с уходом Андерса Фога Расмуссена с поста премьер-министра в 2009 г. Дания начинает нормализацию отношений с Россией, о чём свидетельствовал визит министра иностранных дел Пера Стига Мёллера в Россию. В 2010 г. состоялся первый визит главы РФ Дмитрия Медведева в Данию с 1964 г., а на следующий год состоялся ответный визит королевской четы Дании в Россию. Проводились многочисленные встречи между Данией и Россией на уровне премьер-министров и министров иностранных дел, а в 2010 г. Дания как первая страна ЕС заключила с Россией партнёрство по модернизации. В 2011 г. возник известный эпизод, когда два премьер-министра В. В. Путин и Ларс Лёкке Расмуссен вместе выпили пиво в парке Тиволи в 2011 г. Кроме того, в 2012 г. датские власти предпочли не создавать публичный скандал в связи с делом о шпионаже, который проводил профессор финского

происхождения Тимо Кивимяки, завербованный российскими спецслужбами. В отличие от Швеции, датская критика внутривнутриполитической ситуации в России в указанный период практически отсутствовала или отходила на второй план по сравнению с заявлениями других европейских стран. Датские исследователи также говорят, что изменение отношений с Россией с 2009 г. могло быть обусловлено начавшимся территориальным спором по поводу арктического шельфа [2].

В отношениях с Финляндией и Норвегией, как уже отмечалось, таких резких смен курса не было и, в целом, преобладали тенденции прагматического и сдержанного сотрудничества.

Финляндия инициировала проведение политики «Северного измерения» во время своего первого председательства в Совете ЕС в 1999 г. и фактически выступила в качестве посредника между ЕС и Россией, в то же время, стремясь не допустить финляндизации и по меркам традиционной финской политической культуры довольно резко отреагировав на события 2008 г. в Грузии [9]. В целом, несмотря на то, что интенсивность российско-финских политических контактов на уровне парламентариев, премьер-министров, министров иностранных дел и президентов зачастую выше, чем у других северо-европейских соседей, характер отношений Финляндии с Россией является «технохратическим и бюрократизированным» и будто лишённым собственно политического содержания, так как Финляндия, опираясь на опыт финляндизации холодной войны, стремится транслировать все потенциально сложные вопросы на уровень многосторонней дипломатии ЕС (отсюда активная поддержка Финляндией принятия коллективной стратегии ЕС в отношении России в 1999 г.) [8].

В отношениях России и Норвегии преобладали тенденции сотрудничества, главным образом, в северных широтах, а также стремление разрешить давний пограничный спор в Баренцевом море, что удалось сделать в 2010 г. Важным было и то, что Норвегия в отличие от Дании на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. была против предоставления Украине ПДПЧ.

Таким образом, до современного кризиса можно условно разделить страны Северной Европы на прагматиков — Норвегию и Финляндию, и Швецию и Данию, которые в большей мере ру-

ководствовались принципами так называемой «политики ценностей» или «værdipolitik» (дат.). Также стоит отметить, что оба эпизода ухудшения отношений имели спонтанный характер — отношения с Данией ухудшились в 2002 г. на фоне общего развития контактов России с западным сообществом в рамках борьбы с общей угрозой терроризма после трагедии 11 сентября, а ухудшение отношений со Швецией в 2008 г. было неожиданностью для России, так как Швеция до этого проводила осторожную и сдержанную политику, а Карла Бильдта шведские СМИ даже заклеили как «побратима России» («Rysslandskramare»).

Факторы, вызывающие сближение или расхождение стран Северной Европы во внешней политике, важны для объяснения процессов оборонной интеграции в регионе и понимания позиции стран в отношении общеевропейских оборонных инициатив, т.е. для эффективной оборонной интеграции необходима и политическая. В исторической перспективе, однако, даже при наличии значительной внешней угрозы страны Северной Европы, как правило, не выступали с единой позицией (примером чего служит провал проекта создания Скандинавского оборонительного союза в 1948–1949 гг., отсутствие единой позиции накануне Второй мировой войны и различные отношения стран региона с ЕС и НАТО, различная реакция стран региона на решение США о вторжении в Ирак в 2003 г. [6]). Единое понимание угроз региональной безопасности среди североевропейских стран, которое начало складываться после 2014 г., до настоящего времени не выразилось в существенных внешнеполитических акциях за исключением совместной статьи министров обороны четырёх стран и министра иностранных дел Исландии в норвежской газете *Aftenposten* в 2015 г., что само по себе можно считать серьёзным дипломатическим достижением. В то же время к предложению Карла Бильдта о проведение совместной североевропейской манифестации в центре Киева в феврале 2014 г., в которой должны были принять министры иностранных дел пяти североевропейских стран, присоединился лишь датский коллега Мартин Лидегор, что отражает различную степень «чувствительности» или напротив прагматизма североевропейских стран в отношении России [3].

Формально лишь автономные территории Дании, Гренландия и Фарерские острова, не присоединились к санкционному режиму против России, в то время как все пять стран Северной Европы присоединились к санкциям против России, что привело к выравниванию общей динамики отношений со странами региона [4]. Отношения с Норвегией особенно ухудшились после 2014 г., когда Норвегия объявила, что санкции распространяются и на Шпицберген, территорию с особым международным статусом. Приход администрации Д. Трампа породил неуверенность среди североευропейских правительств в том, насколько США готовы обеспечивать гарантии безопасности в рамках НАТО. Требования Д. Трампа о повышении военных расходов членов НАТО до 2% ВВП привели к решениям стран Северной Европы об увеличении оборонных бюджетов впервые с конца холодной войны, что скорее обусловлено желанием сохранить статус «образцовых союзников» в рамках НАТО, чем непосредственной реакцией на военно-политические угрозы. О повышении военных бюджетов заявили также Норвегия, Эстония, Литва, Латвия, Польша и даже неприсоединившаяся Швеция. Несмотря на данные обязательства ни Дания (1.35%, к 2023 г. планируется достичь 1.5%), ни Норвегия (1.70%) как члены НАТО не достигли требуемой доли военных расходов от объёма ВВП. Саммиты НАТО в 2014 г. и 2016 г. были отмечены возвращением альянса к стратегии сдерживания России и решением о размещении четырёх мультинациональных батальонов НАТО в странах Балтии и Польши в рамках Усиленного Передового Присутствия (Enhanced Forward Presence). Таким образом, проблема обеспечения безопасности в Скандинавско-Балтийском регионе приобретает не только региональное измерение, но и трансатлантическое, так как эффективность сдерживания России на балтийском направлении становится и проверкой эффективности гарантий безопасности НАТО для балтийских и североευропейских союзников [7]. Несмотря на возникшую общность в восприятии военно-политических угроз и сомнения в гарантиях НАТО в связи с «неудобным» президентом США, значительного сближения и расширения военно-политического сотрудничества между членами НАТО Данией и Норвегией и неприсоединившимися Швецией и Норвегией не произошло.

Напротив, Дания и Норвегия по мере возможности стремились удовлетворить требования Д. Трампа в рамках НАТО и приспособиться к его курсу.

В целом, говорить о «факторе Трампа» как дополнительной причине ухудшения отношений стран региона с Россией можно лишь косвенно, так как ухудшение является следствием региональной динамики в сфере безопасности. Единственным исключением является ситуация с «Северным Поток-2», которая напрямую повлияла на динамику отношений Дании и России в негативную сторону. Хотя в этом случае речь скорее шла о геэкономических интересах США (расширение экспорта СПГ в Европу), чем о противодействии «российской угрозе». Ряд шпионских скандалов между Норвегией и Россией в 2017–2018 гг. также не связан с политикой Д. Трампа. Проведение саммита Путин-Трамп в Хельсинки в июле 2018 г. само по себе является большим достижением финской дипломатии, однако проблемы безопасности в Скандинавско-Балтийском регионе на нём не затрагивались, несмотря на попытки президента С. Ниинистё. В заключение также стоит упомянуть о проведении в регионе масштабных военных учений как символах трансатлантической солидарности таких как «Единый Трезубец» («Trident Juncture») в Норвегии, в которых приняло участие 50 тыс. военнослужащих из 31 страны, включая неприсоединившиеся государства Швецию и Финляндию, ставшие крупнейшими учениями подобного рода с 1980-х гг. Здесь же стоит упомянуть и серию военных учений в Норвегии «Холодный Ответ» («Cold Response») и военные учения в Швеции «Аврора 17» («Aurora 17») с привлечением не только северных государств, но и США и европейских стран-участниц НАТО. В Арктическом регионе также проводятся военные учения «Арктическое испытание» («Arctic Challenge Exercise»). Всё это указывает на то, что, несмотря на критику союзников по НАТО со стороны нынешнего президента Д. Трампа, Скандинавско-Балтийский регион продолжит оставаться точкой напряжения как непосредственно в отношениях между Россией и странами региона, так и в отношениях Россия-НАТО и Россия-ЕС.

Список литературы:

1. *Mumford A.* Parallels, Prescience and the Past: Analogical Reasoning and Contemporary International Politics // *International Politics* 52, 1–19 (2015).
2. *Mouritzen H., Mellander M.* Learning to Assert Themselves — Small States in Asymmetrical Dyads — Two Scandinavian Dogs Barking at the Russian Bear. // *Cooperation and Conflict*, 51:4, 447–467 (2016).
3. *Mouritzen H.* Fire Nordiske Ruslands-Relationer. På Vej mod en Fællesnordisk Ruslands-politik efter Krim og Trump? // *Internasjonal Politik*, 77:2, 197–222 (2019).
4. *Mouritzen H.* Putin, Trump and Norden: from Divergence to Convergence of Nordic Security Policies — DIIS, Working Paper, 2019.
5. *Mouritzen H.* Rusland og Norden — Del og Hersk — DIIS, Policy Brief, 2018. // URL: <https://www.diis.dk/publikationer/del-hersk> — 01.06.20.
6. *Mouritzen H.* The Nordic-Baltic Area: Divisive Geopolitics at Work. // *Cambridge Review of International Affairs*, 19:3, 495–511 (2006).
7. *Ekengren M.* A Return to Geopolitics? The Future of the Security Community in the Baltic Sea Region // *Global Affairs*, 4:4–5, 503–519 (2018).
8. *Etzold T., Haukkala H.* Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*, 19:2, 249–260 (2011).
9. *Воронов К. В.* Стратегии международной адаптации малых стран: сателлитизм vs финляндизация // *Международная жизнь*. — 2019. — № 5. — С. 44–55.

Коровина Анастасия Максимовна

Проблема «Северного потока – 2»: столкновение интересов России, государств Европейского Союза и США

The problem of the 'Nord Stream 2': the clash of interests between Russia, the European Union and the United States

Аннотация. В статье анализируется политическая ситуация, сложившаяся вокруг строительства «Северного потока – 2» — магистрального газопровода из России в Германию. Актуальным в раскрытии проблемы является понимание основ политических решений, касающихся строительства газопровода. Цель исследования заключается в объяснении причин образования конфликта путём сравнения мотивов и энергетических стратегий государств и структур, чьи интересы напрямую или косвенно затрагиваются реализацией проекта. Автор приходит к выводу, что у России есть возможность реализовать проект к концу 2020 года. При этом большую роль играет срок окончания строительства, который определит будущее энергетической политики страны и компании «Газпром» на ближайший период.

Ключевые слова: Северный поток – 2, энергетическая стратегия России, Германия, санкции, США, Европейский Союз, экспорт и импорт природного газа.

Abstract. The article analyzes the political situation surrounding the construction of the Nord Stream 2 gas pipeline from Russia to Germany. Understanding the basics of political decisions related to the construction of the gas pipeline is relevant in solving the problem. The purpose of the study is to explain the causes of conflict by comparing the motives and energy strategies of states and structures whose interests are directly or indirectly affected by the project implementation. The author concludes that Russia has the opportunity to complete the project by the end of 2020. At the same time, the completion date will play a major role as it will determine the future of the country's energy policy.

Keywords: Nord Stream 2, Russian Energy Strategy, Germany, sanctions, the United States, the European Union, export and import of natural gas.

Энергетическая политика России и, особенно, нефтегазовая составляющая — один из государственных приоритетов. Экспорт газа, по которому Российская Федерация занимает лидирующую позицию в мире, формирует одну из основ Энергетической стратегии до 2035 года, в которой провозглашается необходимость регионального развития энергетики, а также повышение конкурентоспособности [9]. Однако укрепление России на рынке не может не провоцировать недовольство ряда стран.

Строительство «Северного потока – 2» имеет большое экономическое и политическое значение для России. Новый газопровод не только позволит избежать реализации экспорта газа через транзитные страны, сделав поставки более выгодными как для России, так и для ЕС, но и укрепит положение Российской Федерации в регионе. При этом ряд стран (к примеру, США, Украина и Польша) выступили против претворения в жизнь проекта. Подобное столкновение интересов — важная проблема современных международных отношений.

Согласно разработанному проекту, «Северный поток – 2» — дополнение к уже существующему газопроводу «Северный поток», связывающему Россию и Германию. Газопровод проходит по дну Балтийского моря, позволяя Российской Федерации осуществлять экспорт газа в обход территорий транзитных государств: Украины, Белоруссии, Польши, а также других восточноевропейских и прибалтийских стран [6].

В принятии решения по строительству двух новых ниток газопровода важную роль сыграл опыт эксплуатации оригинального Северного потока, позволившего поставлять европейскому потребителю природный газ по сниженным ценам. Более того, последующая эксплуатация газопроводов по территории ряда стран Восточной Европы связана с огромными рисками: из-за изношенности труб могут возникнуть аварийные ситуации, что неизбежно приведёт к издержкам, потери части дохода, а также возможным катастрофам.

Северный поток – 2 позволит «Газпрому» создать комплекс, состоящий из двух газопроводов, который будет обладать проектной мощностью в 110 млрд кубометров в год. При этом цена на сам газ, проходящий через Северный поток, будет снижена.

Одним из простых ответов на вопрос, почему России выгодно реализовать строительство даже своими собственными силами с большими затратами, является то, что в долгосрочной перспективе проект сыграет большую роль как в сфере экономики, так и в политике. На данный момент и на момент запуска газопровода российская сторона несёт большие расходы. Многие эксперты также отмечают, что Газпром сможет окупить строительство за период от 8 до 30 лет. Таким образом, работа газопровода может приносить прибыль от 320 миллионов до 2,2 миллиардов евро в год. Данные показатели зависят от того, какие тарифы на транзит газа будут согласованы Газпромом и его партнёрами.

Однако транзит газа по «Северному потоку – 2» все равно будет обходиться экспортирующей компании намного дешевле, чем по газопроводу через Украину в Словакию:

1. Цена на экспорт газа по «Северному потоку» для Газпрома на конец 2019 года составляла \$125 за тысячу кубометров газа;
2. Экспорт газа по газопроводу через Украину и Словакию — \$146 за тысячу кубометров газа;
3. При средней цене за тысячу кубометров газа в \$170 для компании намного выгодней становится транспортировка по дну Балтийского моря.

Новые нитки газопровода по Балтийскому морю позволят «Газпрому» сохранить около \$1 млрд в год, а также избежать конфликтных ситуаций, невыгодных условий транзита и перебоев в поставках, возникающих в условиях нестабильной политической ситуации [13].

Ключевую роль также играет Европейская газовая сеть. Европейский рынок для Российской Федерации представляет особое значение: во многом, именно энергетический аспект лежит в основе самих отношений России с государствами-членами ЕС. В момент кризисных ситуаций энергетическая значимость Российской Федерации для Европейского Союза играет ключе-

вую роль, особенно сильно это заметно на фоне сокращения добычи газа внутри ЕС, а также уменьшения объёмов поставок из Африки.

Необходимо учитывать цели Европейского Союза относительно устойчивого развития, создания стабильной экологической ситуации в регионе, что также отражается и на энергетической стратегии развития. На 2020 год именно природный газ является топливом, необходимым для обеспечения успешного перехода к повсеместному использованию возобновляемой энергии, источников которой на данный момент недостаточно для обеспечения всех государств ЕС. Природный газ можно назвать универсальным, так как его применение реализуется как в промышленности, так и в бытовых условиях, что и объясняет спрос на него.

При таком положении в регионе для Российской Федерации выгодно создать условия, когда поставки газа в Европу могут осуществляться в ещё больших объёмах и по сниженной цене. Всё это, казалось бы, делает проект Северного потока – 2 выгодным как для России — так как откроется возможность для получения ещё большей прибыли и поставок газа без посредников, — так и для ЕС — так как около 40% импорта природного газа приходится на Российскую Федерацию. Однако проект характеризуется как наличием сторонников, так и противников — все они имеют свои интересы, зачастую выявляющие серьёзные различия во взглядах на то, какие решения должен принимать ЕС [14].

Ключевыми сторонниками проекта «Северного потока – 2» являются крупнейшие государства Европы: Германия, Франция, Австрия, Швеция, Нидерланды, Финляндия. Данные страны воспринимают проект как экономически выгодный, особенно для северо-запада Европы, и не видят в нём угрозу для диверсификации. Согласно заявлению министра экономики и энергетики Германии Петера Альтмайера, американский СПГ дороже, чем газ, поставляемый по трубопроводу, поэтому США необходимо смириться с тем, что Европа тоже ставит свои экономические интересы на первое место. Более того, министр подчёркивает, что российский газ важен для европейского энергоснабжения, а объём торговли между Россией и Германией будет только расти [18].

Необходимо выделить ряд точек преткновения, определяющих характер проблемы «Северного потока – 2»:

1. Противоречивость политики ЕС и расхождение интересов государств-членов.

Возникающие противоречия серьёзно сказываются на единстве позиций государств-членов ЕС, так как вопрос энергетики и солидарность в рамках этого направления — одни из ключевых положений Договора о функционировании Европейского Союза. Это также подтверждается заявлением Европейской комиссии в 2014 году, подчёркивающим, что все решения о поддержке крупных инфраструктурных и энергетических проектов (к примеру, «Северный поток») должны обсуждаться и поддерживаться на европейском и региональном уровнях.

Ряд европейских государств (особенно страны Центральной Европы) рассматривают Северный поток – 2 как возможность для России подорвать единство Европейского Союза через усиление противоречий по энергетическим вопросам. При этом, строительство газопровода ставит под сомнение не только энергетическую политику ЕС, но и политику относительно России и Украины. А) С одной стороны, Европейский Союз вводит в отношении России политические и экономические санкции. С другой, европейские компании активно закупают российский газ; Б) Европейский Союз не блокирует проект «Северного потока – 2», который подразумевает исключение Украины из ряда транзитных стран, что несёт за собой крупные убытки для страны.

Польша, Венгрия, Румыния, Эстония, Латвия, Литва, Хорватия, Словацкая Республика, Чешская Республика ещё в 2016 году подписали петицию, направленную против реализации проекта «Северного потока – 2». Они выражают опасения о существовании больших рисков для энергетической безопасности Центральной и Восточной Европы. Такая же реакция последовала и от Италии. Если основные поставки российского газа будут реализовываться через Северный поток на территорию Германии, то это позволит ФРГ получить серьёзные механизмы влияния на весь энергетический рынок в ЕС.

Необходимо также учитывать тот факт, что ранее Италия обвинила Комиссию ЕС в применении двойных стандартов: про-

ект Северного потока – 2 не был отвергнут, как это произошло с Южным потоком, который мог бы позволить Италии укрепить своё положение в регионе.

При этом, Франция заняла менее враждебную позицию, достигнув с Германией компромисса относительно поправок к Третьему энергопакету, что позволило продолжить строительство Северного потока – 2 [19].

Рассматривая украинскую проблематику в контексте Северного потока – 2, нельзя не учитывать тот факт, что с введением в эксплуатацию нового газопровода Украина потеряет около 2 миллиардов долларов в год из-за потери транзитных выплат. Данная сумма составляет около 2% ВВП Украины [2].

С одной стороны, Германия выступает на стороне Украины в рамках конфликта в восточной части страны. С другой, многие политические силы Германии поддерживают идею более тесного сотрудничества с Российской Федерацией. Так, и проект «Северного потока – 2» выгоден ФРГ: Германия станет не только центром по распределению больших объёмов импортируемого газа, но и будет играть одну из ключевых ролей в ценовой политике [19].

Несмотря на то, что российская и немецкая стороны заявляли об исключительно экономическом значении сотрудничества, невозможно отрицать политическое значение «Северного потока – 2»;

2. Транзитные страны (Украина, Польша, Белоруссия) будут получать меньше дохода;

3. Возникнет конкуренция с американским СПГ.

Уже с начала 2000-х гг. США быстрыми темпами наращивали добычу газа, что позволило к 2017 г. привести производство на уровень в 760,6 млрд м³ (в 2005 г. уровень составлял 511 млрд м³). Поэтому уже в 2016 году США вышли на внешний рынок. Несмотря на то, что основные поставки СПГ реализуются, в основном, в государства Латинской Америки и Азии, США стремятся выйти на европейский рынок топлива и закрепиться на нём [13].

Правительство США будет стремиться поддерживать экспорт СПГ. Это отчасти подтверждается законопроектом «О противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии» от 2017

года. Он предписывает использовать средства Фонда противодействия российскому влиянию для оказания помощи НАТО и ЕС, чтобы укрепить энергетическую безопасность и уменьшить зависимость от российских источников энергии [15]. Законопроект не был принят в качестве самостоятельного закона, но его положения были включены в другие законы: к примеру, в «Противодействие противникам Америки посредством закона «О санкциях» [16]. 20 декабря 2019 года президентом США Дональдом Трампом был подписан Закон о Национальной Безопасности на 2020 год, включающий в себя Закон «О защите энергетической безопасности Европы». На основе Закона правительство США ввело санкции против компаний, чьи суда участвовали в прокладке труб газопровода. Согласно позиции администрации Трампа, строительство Северного потока – 2 является продолжением агрессии Российской Федерации против Украины [17]. Так, под удар попала швейцарская компания Allseas, занимавшаяся укладкой труб для обеих ниток газопровода, что спровоцировало её отказ от работы над строительством и смещение сроков завершения проекта на неопределённый период [1].

Возможность для России укрепить свои энергетические отношения со странами Европейского Союза, а также не использовать территорию Украины для транзита, согласно позиции Вашингтона, будет направлена на то, чтобы подорвать стабильность на Украине, лишив её дохода от газового транзита и сделав уязвимой. Более того, американская сторона выступает в поддержку диверсификации источников энергии в Европе, тем самым предотвращая зависимость Европейского Союза от российского газа [17].

Действия США относительно проекта входят в разрез с целями, которые преследует ФРГ. Таким образом, можно обозначить различные позиции как ведущих стран Европейского Союза, так и США относительно будущего развития отношений с Россией, что может привести к серьёзным разногласиям в рамках введения новых санкций и вопроса энергетической безопасности ЕС;

4. Усиление зависимости Европейского Союза от поставок российского газа: несмотря на то, что для ЕС импорт газа из России с вводом в эксплуатацию Северного потока – 2 станет на-

много выгоднее, у Газпрома на топливном рынке в ЕС существует много конкурентов. Поэтому доля российского газа будет зависеть от его конкурентоспособности по сравнению, например, с СПГ [11].

Основной заинтересованной стороной в реализации проекта является Российская Федерация. Европейские государства продолжают оставаться основными импортерами российского топлива. Это подталкивает сторону-экспортёра находить новые пути для более безопасного и дешёвого транзита. К примеру, возникновение кризиса в отношениях между Российской Федерацией и Украиной поставило под угрозу поставки газа и могло привести к большим финансовым потерям и дефициту газа в ЕС. Поэтому строительство прямого газопровода к рынку сбыта позволит решить проблему политических рисков. Эксплуатация четырёх ниток газопровода по дну Балтийского моря также выгодна и в экономическом плане: транспортировка по маршруту Северного потока на 20% ниже по стоимости, чем реализация транзита по территории Украины — \$ 2.1 за 1 тысячу м³ на 100 км вместо \$2.5. Это позволит компании сохранить около \$1 млрд в год [11].

Однако нельзя преуменьшать значение Северного потока – 2 для самой Европы. На 2020 год можно отметить падение уровня добычи газа в Европе — в Нидерландах, Норвегии и Великобритании, — что объяснимо относительно целей ЕС по переходу на возобновляемую энергию. Однако спрос на газ не падает, чему способствует низкое содержание в нём углерода, что безопаснее для окружающей среды в сравнении с углём. Статистика показывает, что к 2035 году в Европейском Союзе существенно вырастет дефицит импорта газа, который может составить 120 млрд м³. Северный поток – 2, согласно расчетам, сможет обеспечить треть дополнительного импорта в государства ЕС [8]. В комплексе с поставками СПГ, проектом Южного коридора — системы газопроводов, которая направлена на бесперебойную подачу газа в «Турецкий поток» [10], — четыре нити Северного потока покроют постепенно возникающий дефицит импорта, создадут полноценную газотранспортную инфраструктуру и обеспечат около 26 млн домохозяйств [8].

Существуют также прогнозы экспертов о смещении центра торговли газом в Азиатско-Тихоокеанский регион, куда, несомненно, будут направлены основные ресурсы американского СПГ. При этом близость ЕС к газовым месторождениям Российской Федерации на севере обеспечивает надёжные поставки даже в периоды кардинальных изменений на топливном рынке [5].

По итогам проведённого исследования можно сделать вывод, что ввод в эксплуатацию «Северного потока – 2» имеет стратегическое значение для Российской Федерации, так как позволит ещё более эффективно наладить поставки газа в Европу, уменьшить издержки и избежать риска возникновения кризисных ситуаций с транзитом. Переориентация с газопровода через Украину на путь по Балтийскому морю позволит Газпрому сохранить около \$ 1 млрд в год.

У России также есть возможность достроить газопровод самостоятельно с помощью судна «Академик Черский», согласно Министру энергетики РФ Александру Новаку [7]. По заявлению президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, строительство «Северного потока – 2» будет окончено к концу 2020 — началу 2021 года [3]. 16 февраля 2020 года заявление также сделал официальный представитель Газпрома Сергей Куприянов, прокомментировав высказывание министра энергетики США Дэна Бруйетта о том, что Россия не обладает необходимыми технологиями для строительства, словами «никогда не говори никогда» [4].

Успех договорённостей между Россией и Германией относительно строительства Северного потока – 2 позволяет многим экспертам говорить об укреплении сотрудничества не только между данными государствами, но и между Российской Федерацией и ЕС, а также ставить под сомнение будущее санкционной политики в отношении России.

Список литературы:

1. Американские санкции против «Северного потока – 2» вступили в силу. Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://ria.ru/20191221/1562669926.html> — 17.04.2020.

2. В Раде оценили потери ВВП Украины в случае остановки транзита газа. Официальный сайт медиа-холдинга РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dfb0d599a79476fcc3975d3> — 17.04.2020.
3. Выступление президента Российской Федерации В. В. Путина на совместной пресс-конференции с канцлером ФРГ Ангелой Меркель, 11 января 2020 года. URL: <https://ria.ru/20200111/1563322278.html?in=t> — 01.07.2020.
4. «Газпром» дал США совет «никогда не говори никогда» «Северном потоке – 2». Официальный сайт медиа-холдинга РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2020/5e4862129a7947f0f1d74eba> — 01.07.2020.
5. Зачем Европе «Северный поток – 2». Официальный сайт Nord Stream 2. URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/kompaniia/obosnovanie-proekta/> — 17.04.2020.
6. Как устроен «Северный поток – 2». Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6060715> — 17.04.2020.
7. Новак заявил, что «Северный поток – 2» запустят до конца 2020 года. Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7438593> — 01.07.2020.
8. Проект в цифрах. Официальный сайт Nord Stream 2. URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/?page=factsfigures> — 17.04.2020.
9. «Северный поток – 2». Новый экспортный газопровод из России в Европу через Балтийское море. Официальный сайт «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream2/> — 17.04.2020.
10. Система газопроводов «Южный коридор». Официальный сайт «Газпром». URL: <https://invest.gazprom.ru/about/projects/koridor/> — 17.04.2020.
11. Факты и мифы. Официальный сайт Nord Stream 2. URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/dlia-pressy/fakty-i-mify/> — 17.04.2020.
12. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. URL: <http://government.ru> — 01.07.2020.
13. Юшков И. Борьба за «Северный поток – 2»: интересы игроков — Российский совет по международным делам, 25 июня 2018.
14. Sziklai B. R., Koczyl A., Cserecsik D. The geopolitical impact of Nord Stream 2 — Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences and Keleti Faculty of Business and Management, Budapest — SSRN Electronic Journal – 2019 — 01.07.2020.
15. Bill overview. Countering Russian Influence in Europe and Eurasia Act of 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1221> — 17.04.2020.

16. Countering Russian Influence in Europe and Eurasia Act of 2017. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/115/s1221> — 17.04.2020.
17. Fact Sheet on U. S. Opposing to Nord Stream 2 — December 27, 2019. URL: <https://www.state.gov/fact-sheet-on-u-s-opposition-to-nord-stream-2/> — 01.07.2020.
18. *Eick F, Vetter P, Altmaier P*: „Benötigen mehr Gas aus Russland“. URL: https://www.welt.de/print/die_welt/wirtschaft/article205973529/Peter-Altmaier-Benoetigen-mehr-Gas-aus-Russland.html — 01.07.2020.
19. *De Maio G*. Nord Stream 2: A failed test for EU unity and trans-Atlantic coordination. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/04/22/nord-stream-2-a-failed-test-for-eu-unity-and-trans-atlantic-coordination/> — 01.07.2020.

Коцур Глеб Владиславович

Дискурсивный сюжет «движения» как ось европоцентризма в нормативном взаимодействии России и ЕС в области демократизации

The discursive construction of «transition» as the axis of Eurocentrism inside the normative interaction of Russia and the EU in the field of democratization

Аннотация: В ходе нормативного взаимодействия в области демократизации Россия подвергается со стороны ЕС разной степени включения и исключения из политического сообщества и совместной идентичности. Во многом эти процессы реализуются за счет функционирования дискурсивного сюжета «движения», представляющего социальную действительность в виде «пути» или «дороги», где означающее «Россия» стремится к идеологически установленному образцу «европейскости» и «демократичности». Постмарксистский дискурс-анализ на основе теории гегемонии Ш. Муффа и Э. Лаклау позволяет определить ключевые механизмы включения и исключения в высказываниях первых лиц России и ЕС, дебатах в парламентах, основных внешнеполитических документах, а также в среде медиа. Кризис в отношениях Москвы и Брюсселя 2014 г. не привел к радикальному выходу России из европоцентристского формата отношений: в то время как одна часть конструкций в официальных дискурсах обеих сторон временно дезактивировалась, другая сохранила свои позиции, что показывает глубокую степень седиментированности европоцентристских паттернов и категорий в российском публичном поле.

Ключевые слова: отношения Россия-ЕС, дискурс, демократия, международные нормы, европоцентризм.

Abstract: Russia is the object of constant inclusion and exclusion from the political community and common identity during the normative interaction with the European Union in the field of democratization. In many respects, both processes are realized through the discursive construction of «transition», where the social reality is represented as a «road» with the signifier «Russia», moving toward the ideologically established standard of «Europe» and «democracy». A post-Marxist

discourse analysis shows that the Ukrainian crisis of 2014 between Moscow and Brussels did not lead to the transformation of this Eurocentric style of relations. While some parts of the discursive construction were temporarily deactivated, the other ones stayed put, revealing a deep sedimentation of Eurocentric patterns and categories inside the Russian public field.

Keywords: the Russia-EU relations, discourse, democracy, international norms, Eurocentrism.

«На западной стороне такие ценности как демократия, права человека и верховенство закона. На российской — авторитаризм и презрение к личности и закону...» [21]. «Да, Россия — европейская страна, и российская история и цивилизация не могут быть отделены от Европы...» [22]. Обе процитированные выше позиции можно назвать весьма распространенными в дискурсе чиновников и политиков Евросоюза, а также в среде медиа, что явственно свидетельствует о том, что Россия в постоянно подвергается исключению и включению в совместное сообщество и идентичность по линии демократии со стороны Брюсселя. Так как оба процесса взаимно перетекают друг в друга, ключевым здесь становится момент степени включения или исключения: в той мере, в которой первое ослабевает, второе приходит на его место. Ниже будет показано, что подобные стадии возникают благодаря функционированию сюжета «движения» в официальных дискурсах России и ЕС, построенной на метафоре пути или дороги, где Россия стремится к идеологически установленному образцу «европейскости» или «демократичности». Эмпирическим материалом выступают заявления первых лиц Москвы и Брюсселя, дебаты в парламентах, ключевые внешнеполитические документы сторон, а также статьи в медиа. Большая часть источников не может быть приведена в рамках данной короткой статьи — лишь наиболее показательные цитаты. Методологической рамкой работы является постмарксистский дискурс-анализ Ш. Муффа и Э. Лаклау на базе теории гегемонии [18]. Она предполагает видение дискурсивного пространства в качестве поля борьбы за плавающие и пустые означающие. Главный фокус при анализе направлен на работу эквивалентности и различия. Посредством первой означающие

увязываются друг с другом, вторая же процедура приводит к их разделению. Затем цепи означающих помещаются внутрь или за границу политического сообщества и идентичности, то есть подвергаются включению или исключению [18, с. 63]. Сюжет «движения» составлен из 3 дискурсивных фигур в европейской сетке смыслов и 4 в российской (под фигурой понимается дискурсивная конструкция, посредством которой плавающие означающие соотносятся с конкретным политическим контекстом). Начнем с первой парной фигуры — совместной работы.

Данная фигура инклюзивна за счет того, что означающие «Россия» и «Европа» описываются как находящиеся внутри процесса совместной деятельности. «Развитие нашего партнерства с Россией — это одна из самых важных, неотложных и самых сложных задач, с которыми мы сталкиваемся вместе...» [11], — говорит Верховный представитель Х. Солана в ходе своего выступления в Датском институте МО в 2002 г. Означающие «Россия» и «ЕС» в рамках цепочки эквивалентности оказываются по одну сторону политического сообщества. Ключевым обстоятельством здесь становится измерение будущего, которое описывается как превосходящее нынешнее состояние отношений. «Визовый режим остается одним из основных барьеров на пути развития человеческих и экономических контактов между Россией и Европейским союзом. Его отмена станет мощным импульсом для реальной интеграции России и Европейского союза...» [2], — гласит Концепция внешней политики 2013 г. Аналогичным образом и «Общая стратегия Европейского союза по отношению к России» от 1999 г. содержит многочисленные ссылки на светлое будущее, которое характеризуется через «углубление отношений», «развитие обменов» и «растущую взаимозависимость» [13]. Определенный путь вместе уже пройден, и здесь показательна метафора «шага»: «...очевидны и наша последовательная позиция, и многочисленные конкретные шаги по интеграции в Европу...» [4]. Развитие отношений происходит путем накопления совместного символического капитала — доверия, опыта, расширения форматов взаимодействия. «У нас был очень конструктивный разговор по целому ряду вопросов от экономического сотрудничества и изменения климата до вопросов прав человека и меж-

дународных проблем. И я считаю, что мы можем сказать, что мы достигли значительного прогресса в отношениях с Россией...» [16], — заявил Ж. М. Баррозу по итогам саммита 2006 г. Тем не менее, достигнутое меркнет перед будущими перспективами. «Разумеется, дорожные карты это не конец пути, а скорее начало нового этапа дальнейшего укрепления диалога Россия-ЕС...» [3], — пишет С. Лавров после заключения Договора о «четырех пространствах» в 2005 г. Таким образом, фигура совместной работы способствует включению означавших «Россия» и «Европа», которые помещаются в единый ряд цепочки эквивалентности внутри общего политического сообщества. Однако следует отдавать себе отчет в европоцентричном базисе данной дискурсивной конструкции, составленной из капиталистической логики накопления символического капитала и прогрессистского мифа эпохи Просвещения.

Следующая часть сюжета «движения» — это парные фигуры ориенталистского историцизма. В соответствии с ними транзитный статус присваивается уже только России, которая движется в направлении западного образца «европейскости/демократичности». В 1990–2000-х гг. конструкция способствовала скорее включению, нежели исключению из сообщества. «Я уверен, что Ваше президентство даст новый импульс демократическим и экономическим трансформационным процессам...которые приведут к росту и процветанию России... [только на] демократическом, процветающем и мирном континенте... Россия способна утвердить свою Европейскую идентичность...» [19], — такими словами глава Еврокомиссии Р. Проди приветствует В. Путина в начале его первого президентского срока в 2000 г. Исходя из подобного взгляда, Россия еще не стала демократией, а следовательно, европейской страной. Но она способна сделать это в будущем. В 2002 г. все тот же Проди в патерналистском ключе отмечает промежуточные успехи «младшего партнера»: «Я счастлив объявить, что мы даруем России статус полноценной рыночной экономики...» [15]. Иными словами, ЕС оставляет за собой право трактовать критерии соответствия образцу «европейскости» и степень включения. Фигура оказалась активно воспринята противоположной стороной интеракции — Россией. «Поэтому вот сегодня мы

фактически решаем: будет ли Россия дальше идти все-таки по демократическому пути и в Европу двигаться, либо мы сейчас возвращаемся снова в Азию...» [6], — такой пассаж можно было услышать в стенах Государственной Думы в 2000 г. В рамках цепочки эквивалентности означающие «Европа» и «демократия» увязаны между собой и помещены внутрь сообщества и совместной идентичности. Данный полюс бинарной оппозиции противопоставлен означающему «Азия» с его коннотациями прошлого и отсталости. Парламентариям вторит и В. Путин в своей знаменитой речи в Бундестаге ФРГ в 2001 г.: «Конечно, мы находимся в начале пути построения демократического общества и рыночной экономики. На этом пути есть преграды и препятствия, которые нам нужно преодолеть» [1]. Вновь мы сталкиваемся с хорошо нам знакомой метафорой дороги, которая должна привести в итоге к демократии западного образца. Однако по мере приближения к 2010-м гг. фигура из идеологической, но все же инклюзивной, превращается и вовсе в конструкцию исключения России, а преобладающими в официальном дискурсе ЕС становятся мотивы обратного движения, сползания, соскальзывания в прошлое — в СССР и тоталитаризм. Еще в 2004 г. один из европарламентариев заметил применительно к ситуации в России: «Похоже, что демократия отстывает... а президентские выборы все больше и больше напоминают фарсовое шоу с участием одного человека...» [14]. Метафора пути остается на месте, но означающее «Россия» уже начинает двигаться против условной «столбовой дороги истории», что становится поводом для исключения. После же событий 2014 г. эксклюзивная версия фигуры занимает абсолютно доминирующую позицию в официальном дискурсе ЕС. «Убийство показывает, что Россия соскальзывает во тьму террора против своего же народа... убийство — еще более ужасающее доказательство, то Россия погружается в темные времена...» [17], — так автор издания «PoliticoEurope» Д. Китинг описывает реакцию бывшего президента Литвы и главы одной из фракций Европарламента на убийство Б. Немцова в феврале 2015 г. Итак, Украинский кризис не положил конец действию фигуры ориенталистского историзма, а лишь способствовал преобладанию мотивов исключения над включением внутри тех же паттернов.

Однако сюжет «движения» содержит еще две специфические для российского дискурса непарные конструкции, а именно инклюзивные, но глубоко европоцентричные фигуры безальтернативности демократического развития для России и ссылок на европейский опыт. Первая предполагает метафору пути и артикуляцию выбора в пользу демократии и Европы, который не может быть отыгран назад. «Важный элемент нашей внешней политики — широкое сближение и реальная интеграция в Европу... это — наш с вами исторический выбор. Он сделан...» [5], — заявил В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию в 2003 г. Не остаются в стороне и составители ключевых официальных документов в этой области, например, Концепции внешней политики от 2013 г.: «Последовательное осуществление государственной внешней политики России призвано создавать благоприятные условия для реализации исторического выбора народов Российской Федерации в пользу правового государства, демократического общества, социально ориентированной рыночной экономики» [2]. Все дискурсивные стратегии данной инклюзивной фигуры преследуют одну цель — соединить означающие «Россия», «Европа» и «демократия» единой цепочкой эквивалентности и тем самым добиться включения первой в совместную идентичность. Вторая непарная конструкция представлена инклюзивной фигурой ссылок на европейский опыт. Она является частью сюжета о «движении», потому что описывает социальную действительность через нестабильность, своего рода «болото», не «утонуть» в котором может лишь тот, кто уже успешно прошел по определенной дороге в прошлом. Прошел и находится сейчас впереди. Наиболее часто эта фигура артикулируется при обосновании принятия законодательных инициатив. Еще «Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу» от 1999 г. утверждает в качестве одной из главных целей взаимодействия «привлечение хозяйственного потенциала и управленческого опыта Европейского Союза для содействия развитию социально ориентированной рыночной экономики России... и дальнейшее строительство демократического правового государства...» [9]. В 2004 г. в стенах Государственной Думы в ходе дебатов о миграционном законодательстве один из депута-

тов был еще более прямолинеен: «Надо все-таки готовить более суровые законы, использовать опыт Евросоюза, ничего не надо выдумывать» [7]. Кризис в отношениях с Западом не стал причиной для дезактивации фигуры. «В Европе-то по-другому делают: там не вводят уголовную ответственность, а предоставляют человеку право выйти на пенсию в более раннем возрасте... скажем, в Швеции стандартный возраст выхода на пенсию составляет 67 лет, но человек имеет право выйти на пенсию с 61 года; в другой европейской стране, во Франции, номинальный возраст выхода на пенсию составляет 65 лет...» [8], — рассуждает один из парламентариев в ходе болезненных дебатов по пенсионной реформе 2018 г. Фигура способствует солидаризации России и Европы, декларирует пусть и одностороннее, но включение первой в совместное сообщество и поныне.

Итак, сюжет «движения», описывающий социальную действительность через метафору пути и означающее «Россия» как стремящееся к идеологически установленным образцам «демократичности» и «европейскости», играет колоссальную роль в нормативной интеракции сторон. По сути, именно данный сюжет обеспечивает работу механизмов включения и исключения посредством определения степени соответствия того или иного означающего вышеуказанным стандартам. 6 из 7 дискурсивных фигур являются инклюзивными, обеспечивающими включение в совместное сообщество и идентичность, но все до одной стоят на европоцентризме, эксплуатирующем прогрессистский миф Просвещения, и капиталистической логике, перенесенной в политическую сферу. Кризис в отношениях России и Запада не стал причиной разрыва с подобными паттернами. 3 из 7 фигур продолжили свое функционирование и даже укрепились, а остальные 4 оказались дезактивированы лишь временно. Исследования с более широким временным интервалом, например, работы И. Нойманна [20, с. 28–40.], показывают, что дискурсивные конструкции такого рода возвращаются при первом же улучшении отношений сторон, потому что их корни уходят в бинарную оппозицию универсализма Просвещения и партикулярности Романтизма еще XIX века. Попытки утверждения «суверенной» [10] или «нелиберальной» [12] (как в Венгрии) демократии, пово-

рот на Восток, который осмысливается через количественное накопление символического капитала — увеличение товарооборота, расширение форматов взаимодействия, укрепление доверия — вовсе не способствует выходу из европоцентристской системы МО. Все это лишь демонстрирует беспомощность альтернативных идеологических проектов незападных акторов перед лицом всепоглощающего европейского Модерна, предполагающего, несомненно, неравноправный модус отношений ядра и периферии.

Список литературы:

1. Выступление в бундестаге ФРГ. Стенограмма. М.: Официальный сайт Президента Российской Федерации, 2001. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340>. — 28.03.20.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. М.: Информационно-правовой портал «Гарант.ру», 2013. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>. — 28.03.20.
3. *Лавров С. В.* Курс на Европу. // Российская газета. 11 мая 2005 г.
4. Послание Президента Федеральному Собранию. Стенограмма. М.: Официальный сайт Президента Российской Федерации, 2002. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21567>. — 28.03.20.
5. Послание Президента Федеральному Собранию. Стенограмма. М.: Официальный сайт Президента Российской Федерации, 2003. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>. — 28.03.20.
6. Стенограмма заседания 18 октября 2000 г. М.: Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, 2000. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2096/>. — 28.03.20.
7. Стенограмма заседания 12 мая 2004 г., N 25(739). М.: Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, 2004. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1311/>. — 28.03.20.
8. Стенограмма заседаний 13 сентября 2018 г. М.: Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, 2018. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4968/>. — 28.03.20.
9. Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.). М.: МГИМО, 1999. URL: 2013/243404/4.4.strategy_russia_relations_eu.htm. — 28.03.20.
10. *Сурков В. Ю.* Национализация будущего. // Эксперт. 20 ноября 2006 г.

11. Address by Javier Solana EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy “Europe’s Place in the World” at Danish Institute of International Affairs. Brussels: Official Website of the European Council and Council of the European Union, 2002. URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/discours/70719.pdf. — 28.03.20.
12. *Buzogány A.* Illiberal democracy in Hungary: authoritarian diffusion or domestic causation? // *Democratization*. Vol. 24. Is. 7, 2017. P. 1307–1325.
13. Common strategy of the European Union on Russia. Brussels: Publications Office of the European Union, 1999. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38943c06-7e5d-4ca3-acc3-c5154bd9c04e>. — 28.03.20.
14. Debates. Brussels: Official Website of the European Parliament, 2004. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20040226+ITEM-001+DOC+XML+V0//EN&language=EN>. — 28.03.20.
15. EU announces formal recognition of Russia as “Market Economy” in major milestone on road to WTO membership. Brussels: Official Website of the European Commission, 2002. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-02-775_en.htm. — 28.03.20.
16. Joint Press Conference with the Prime Minister of Finland Matti Vanhanen, President of the European Commission Jose Manuel Barroso, Secretary General of the EU Council and EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy Javier Solana, Prime Minister of Norway Jens Stoltenberg and Prime Minister of Iceland Geir Haarde following the Russia-EU summit meeting. Moscow: Official Website of the President of Russia, 2006. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/23921>. — 28.03.20.
17. *Keating D.* Mass rally for murdered politician in Moscow. // *Politico Europe*. 2 March 2015.
18. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London: Verso, 2001.
19. Message by Commission President Romano Prodi to Vladimir Putin, President of the Russian Federation. Brussels: Official Website of the European Commission, 2000. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-00-299_en.htm. — 28.03.20.
20. *Neumann I. B.* Russia and the idea of Europe: a study in identity and international relations // London: Routledge, 1996. P. 28–40.
21. *Sahakyan A.* Values, not territory, at stake in Ukraine. // *EU observer*. 10 March 2015.
22. Speech by President Barroso at the Russia-European Union — Potential for Partnership conference: “Moving into a Partnership of Choice”. Brussels: Official Website of the European Commission, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-249_en.htm. — 28.03.20.

Кузина Оксана Евгеньевна

Российско-германский научный диалог и его влияние на взаимоотношения государств

Russian-German scientific dialogue and its influence on
relations between States

Аннотация: В статье рассматривается деятельность научных и образовательных центров России и Германии и их перспектива для развития межгосударственных отношений. Анализируется интенсивность научного диалога между Россией и Германией, устанавливаются научные и образовательные центры России и Германии, а также дается оценка их деятельности для улучшения отношений между государствами. В результате исследования делается вывод, что для равноправного российско-германского научного сотрудничества необходимо улучшить положение науки в России. При этом нынешнее состояние научного диалога способствует межгосударственному взаимодействию в других сферах, но является недостаточным для улучшения политических отношений России и Германии в сложившихся напряженных международных условиях.

Ключевые слова: российско-германские отношения, российско-германское научное сотрудничество, публичная дипломатия, научная дипломатия, международное научно-техническое сотрудничество.

Abstract: The article examines the activities of scientific and educational centers in Russia and Germany and their prospects for the development of interstate relations. The intensity of the scientific dialogue between Russia and Germany is analyzed, scientific and educational centers of Russia and Germany are established, and their activities are evaluated to improve relations between States. It is concluded that for equal Russian-German scientific cooperation it is necessary to improve the position of science in Russia. At the same time, the existing scientific dialogue contributes to interstate interaction in other areas, but is not sufficient to improve political relations between Russia and Germany in the current tense international conditions.

Keywords: Russian-German relations, Russian-German scientific cooperation, public diplomacy, science diplomacy, international scientific and technical cooperation.

В современных условиях глобализации межгосударственный научный диалог как инструмент публичной дипломатии способствует не только достижениям в научно-исследовательских областях, но и повышению привлекательности государства для зарубежной общественности. При этом вложения в научно-образовательные программы за рубежом окупаются развитием других государственных сфер, прежде всего экономической и политической. Такое осознание преимуществ научного сотрудничества ведущими государствами, в частности, Россией и Германией, обуславливают его активное внедрение.

Кроме того, на данном этапе произошла трансформация российско-германских взаимоотношений — от особых отношений в напряженные. Такому переходу способствовали переизбрание В. В. Путина и его курс на суверенизацию, сильное влияние атлантизма в ЕС, украинский кризис, а также ограничения широкого российско-западного контекста [12]. В совокупности все это обуславливает актуальность данного исследования, так как научное сотрудничество открывает возможности для стабилизации политических отношений. Соответственно, в первом разделе будет представлено развитие научного диалога между Россией и Германией, во втором разделе — анализ деятельности современных научных и культурно-образовательных центров государств, наконец, в третьем разделе поднимается вопрос о будущем данных организации и их влиянии на межгосударственные отношения.

Российско-германский научный диалог

Российско-германский научный диалог имеет продолжительную историю. Начиная с открытия Петербургской Академии наук (1724) и до великих войн двадцатого столетия, ученые двух стран активно взаимодействовали между собой. В период Холодной войны интенсивность научного сотрудничества снизилась, но

обмен научной информацией согласно культурному соглашению (1959) не прекратился [16, S. 21–32]. После изменений международной системы активное научное сотрудничество возродилось: на официальном уровне между РФ и ФРГ были приняты следующие основные соглашения: Соглашение о культурном сотрудничестве (1992), Совместное заявление о стратегическом партнерстве между РФ и ФРГ в области образования, научных исследований и инноваций (2005), Соглашение между Правительством РФ и Правительством ФРГ о научно-техническом сотрудничестве (2009), наконец, Германо-Российская дорожная карта сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций (2018). Ключевым механизмом реализации принятых соглашений является Межправительственная Российско-Германская комиссия по научно-техническому сотрудничеству во главе с Министерством образования и науки РФ и Федеральным министерством образования и научных исследований ФРГ (ВМБФ).

По инициативе Президента России В. В. Путина и Федерального канцлера Германии г. Шредера была создана платформа для обсуждения актуальных межгосударственных вопросов и углубления сотрудничества во всех сферах «Петербургский диалог» (2001). Также между государствами не раз провозглашалось проведение «перекрестных» Российско-Германских годов, в том числе нацеленных на расширение научного сотрудничества: 2012–2013 гг. — «Германия и Россия: вместе строим будущее», 2014–2015 гг. — год немецкого языка и немецкой литературы в России, 2016–2017 гг. — год молодежных обменов, 2018–2020 гг. — Германо-Российский год научно-образовательных партнерств.

Кроме того, между странами развивается молодежный научно-студенческий обмен. Так, по данным Федеральной миграционной службы РФ за январь–декабрь 2019 года 4757 человек из Германии (0,7% от общего числа иностранных обучающихся) приехало на учебу в Россию [7]. Согласно данным ВМБФ в 2017 году россияне заняли третье место по численности среди иностранных студентов (5% от общего числа) [17].

Таким образом, несмотря на сложную политическую обстановку на данном этапе взаимоотношений государств все же на-

блюдается положительная динамика научного диалога. Этому способствуют как официальные контакты на высшем уровне, так и инициирование развития гражданского диалога между странами. По данным официального сайта Представительств Германии в России только в начале перекрестных годов научно-образовательных партнерств уже было зафиксировано проведение 989 партнерских проектов [8].

Деятельность Российско-Германских научных и образовательных центров

Накопленные традиции сотрудничества, официальные контакты на высшем уровне, а также осознание важности взаимодействия гражданского общества государств способствовали функционированию многочисленных научных и образовательных центров. В связи с этим, представляется целесообразным разделить организации на совместные и автономные, представленные на партнерской территории.

1. Совместные научные центры Большинство совместных научных и образовательных центров России и Германии иницированы вузами государств и открыты при них. Основными форматами взаимодействия являются организация совместных образовательных программ, проведение научных мероприятий и исследований, а также публикация материалов, посвященных различным аспектам взаимоотношений государств.

Наличие значительного количества договоров вузов России и Германии о сотрудничестве, а также активное участие неправительственных фондов в них обуславливают множество совместных центров. В связи с этим, для демонстрации разностороннего сотрудничества будут рассмотрены максимально разнонаправленные совместные организации.

В качестве примера гуманитарного сотрудничества выбран Российско-германский центр социальных наук при Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ; 1993), который сотрудничает с Генеральным консульством ФРГ в Санкт-Петербурге, Германской службой академических обменов, Гете Институтом, Университетом Билефельда, Университетом

Магдебурга и Университетом Эрфурта для развития международного научного и учебного сотрудничества в области социальных наук.

Аналогично были созданы кооперации между техническими вузами государств. Так, Германо-российский инжиниринговый центр «Машиностроение» (2015) был создан Казанским национальным исследовательским техническим университетом имени А. Н. Туполева — КАИ, АО «Казанский Гипрониавиапром», АО «Технопарк промышленных технологий «Инновационно-технологический центр «КНИАТ» и ООО «Агентство экономического развития Тюрингии» (LEG Thuringen).

Примером сотрудничества по приоритетным направлениям является Российско-Германская лаборатория полярных и морских исследований им. О. Ю. Шмидта (1999) Арктического и антарктического научно-исследовательского института Росгидромета (Санкт-Петербург), Института полярных и морских исследований им. А. Вегенера (Бремерхафен) и Центра морских геонаук (Киль). Кроме того, Лаборатория инициировала открытие международной магистерской программы «Полярные и морские исследования» на базе факультета географии и геоэкологии СПбГУ.

2. Автономные научные и образовательные центры

Автономные научные и образовательные центры государств представлены в основном немецкими отделениями. Все они имеют разный статус, направленность и формат деятельности.

Объединение им. Гельмгольца как крупнейшая головная организация для научно-технических и медико-биологических исследовательских центров открыло филиал в Москве (Российско-немецкий Дом, 2005). Основными направлениями деятельности Филиала являются консультационно-информационная деятельность по вопросам программ, мероприятий, конкурсов и стипендий объединения, а также содействие установлению связей между учеными [10]. Похожими функциями обладает представительство Общества им. Фраунгофера в Москве (2005). Ключевыми задачами представительства является передача технологий и расширение стратегического партнерства в области прикладных исследований [4]. Также Фонд Макса Вебера и его Германский исторический институт в Москве (2005) специализируются на изуче-

нии общей истории государств, а также поддерживает молодых ученых [18].

Также в России распространены представительства образовательных центров Германии. Прежде всего, речь идет о Германской службе академических обменов (DAAD), зонтичной организации вузов и объединений учащихся Германии. В России организация представлена Московским отделением и информационными центрами в Казани, Новосибирске и Санкт-Петербурге для информирования, консультирования и поддержки академических и студенческих обменов как россиян, так и немцев. По данным DAAD в 2019 году 3786 человек из России (6,2% от общего числа стипендиантов) получили стипендии на обучение или научно-исследовательскую стажировку в Германии. Что касается содействия обучению или научно-исследовательской стажировке немцев в России, то, согласно статистике DAAD за 2019 год, их количество составило 2,5% от общего числа немецких стипендиатов [14]. Кроме того, под управлением DAAD действует Германский дом науки и инноваций в Москве (DWIN) для создания единой сети российских и немецких ученых [9].

В России ключевыми научно-образовательными проектами за рубежом занимается подведомственное МИД РФ Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному сотрудничеству (Россотрудничество). В Германии Россотрудничество представлено Российским домом науки и культуры (РДНК). Крупнейший зарубежный культурный институт России обладает широкими полномочиями: от организации и проведения собственных мероприятий до взаимодействия и поддержки гуманитарных организаций. По данным сайта РДНК ежегодное количество участников мероприятий составляет около 200 тысяч человек [11]. Кроме того, РДНК организует курсы русского языка и помогает получить грант на обучение в России.

Таким образом, на современном этапе как в России, так и в Германии в самых разнообразных форматах функционируют многочисленные центры для интенсификации межгосударственного научного сотрудничества. При этом заявляется обоюдная

заинтересованность сторон и стремление к равноправному взаимодействию.

Экспертные оценки

Перспектива научного диалога между Россией и Германией оценивается экспертами положительно. Во-первых, российско-германское научное сотрудничество имеет продолжительную историю и, несмотря на разные политические трудности во взаимоотношениях между государствами, научный диалог никогда не прекращался [13, с. 119–124]. Во-вторых, обе страны четко определили приоритетные направления сотрудничества в соответствии с потребностями: Россия заинтересована в ускорении развития инновационно-технического потенциала, Германия — в притоке новых идей [1, с. 65–78]. Что касается эффективности научной дипломатии стран, то эксперты расходятся во мнениях. Большинство научно-образовательных организаций Германии, входящих в Альянс научных организаций (Allianz der Wissenschaftsorganisationen) и имеющих зарубежные представительства в России, единогласно заявляют о преимуществах своей научной дипломатии. С одной стороны, для развития науки такие общества выступают за углубленное сетевое сотрудничество научных организаций во всем мире, с другой стороны, также обеспечиваются научные интересы Германии. В результате их деятельности ВМВФ рассматривает научные обмены как предполитическое взаимодействие, которое также способствует успехам немецкой дипломатии, улучшая межгосударственные взаимоотношения (в том числе в условиях напряженных взаимоотношений) и образ государства за рубежом (как привлекательное место для образования и научных исследований) [15]. Непосредственно в отношении России можно провести аналогию с действиями немецкого посольства и консульств в Великобритании после временного ухудшения их взаимоотношений из-за отказа Германии участвовать в иракской войне: строго придерживаясь внешнеполитических позиций Федерального правительства ФРГ, загранучреждения Германии стратегически иницируют программы и мероприятия в рамках мягкой публичной дипломатии только с акцентом

на науку в России, а не на культуру, как было в Великобритании [19, S. 247–253]. В результате создаются положительные представления о Германии в российском обществе, при этом открываются возможности для привлечения внимания к немецкой внешнеполитической позиции.

В свою очередь, Концепция международного научно-технического сотрудничества РФ (2019) рассматривает научную дипломатию как часть публичной дипломатии, учитывающей интересы России в «развитии диалога научно-технического сообщества и улучшении взаимопонимания между народами» [6, с. 19]. При этом механизмы научной дипломатии России окончательно еще не разработаны. Основной проблемой, негативно сказывающейся на интенсификации научного диалога, является низкое финансирование науки со стороны Правительства России, что обуславливает непривлекательность материально-технической базы российских вузов для студентов и ученых развитых стран, упущенные возможности российской науки и потерю лидирующих позиций в различных областях науки, а также актуальную проблему утечки умов [3]. Не умаляя постепенное осознание важности развития российской науки и активизацию мер по ее поддержке на данном этапе, важно подчеркнуть, что проблемы внутреннего развития ограничивают потенциал публичной дипломатии, так как более высокий уровень развития в сравнении с государством-реципиентом упрощает обеспечение влияния [2, С. 180–181]. Соответственно, говорить об улучшении восприятия России немецким обществом за счет российской научной дипломатии в нынешних непростых политических условиях не приходится. Скорее, происходит расширение научного сотрудничества, часто посредством получения доступа к немецким технологиям и/или передачи результатов фундаментальных исследований, а также интеграция в европейское и мировое научно-исследовательское пространство [5, С. 71].

Таким образом, перспектива развития межгосударственных отношений посредством научного диалога России и Германии оценивается неоднозначно. С одной стороны, накопленный опыт взаимодействия, взаимопонимания и учет возможностей и потребностей страны-партнера, а также гражданская активность

создают условия для сотрудничества в иных гуманитарных и экономических сферах. С другой стороны, представляется маловероятным, что наработанная структура научного сотрудничества способствует преодолению политических разногласий между государствами. Более того, согласно экспертным оценкам, состояние науки в Германии является одним из факторов привлекательности страны, в то время как для науки России характерна слабость и частая зависимость от ситуационных правительственных решений. Соответственно, на данном этапе Россия в научном диалоге с Германией представляет преимущественно младшего партнера, что обусловлено нашими меньшими возможностями, а также немецким прагматическим подходом к сотрудничеству. При этом широкие российско-германские научные связи открывают возможности взаимодействия в других сферах, но неспособны преодолеть отчуждение в политических отношениях между государствами в сложившихся напряженных условиях международных отношений.

Список литературы:

1. Белов В. Б. Россия и Германия: научно-техническое сотрудничество // Современная Европа. 2004. №3 (19). С. 65–78.
2. Ганощенко А. «Мягкая сила»: добровольное взаимодействие и доступ к ресурсам // Международная жизнь. 2017. №8. С. 175–188.
3. Дежина И. Российская наука как фактор «мягкого влияния» // Российский Совет по международным делам. URL: <https://clck.ru/PbVw7> — 29.06.20
4. Зуева О. В. Fraunhofer-Gesellschaft. Ведущее объединение институтов прикладных исследований. URL: <https://clck.ru/PbVta> — 29.06.20.
5. Игнатущенко Е. И. Участие России и Германии в формировании Европейского научно-исследовательского пространства // Инновации. 2012. №2 (160). С. 66–72.
6. Концепция международного научно-технического сотрудничества РФ от 8 февраля 2019 года. URL: <https://clck.ru/PbVvc> — 29.06.20.
7. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года с распределением по регионам и странам. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://clck.ru/PbVqw> — 29.06.20.

8. Открытие Германо-Российского года научно-образовательных партнерств 2018–2020 гг. Официальный сайт Представительства Германии в России, 06.12.2018. URL: <https://clck.ru/PbVt4> — 29.06.20.
9. Сайт DWIH Москва. URL: <https://www.dwih-moskau.org/ru/> — 29.06.20.
10. Сайт Helmholtz. Research for grand challenges. URL: <https://www.helmholtz.de/ru/> — 29.06.20.
11. Сайт Russisches Haus der Wissenschaft und Kultur. URL: <https://www.russisches-haus.de/uber-uns> — 29.06.20.
12. *Тренин Д.* Россия и Германия: от отчуждения к новому соседству // Московский Центр Карнеги. URL: <https://clck.ru/PbVnk> — 01.07.20.
13. *Шелудченко Н. П.* Сотрудничество Германии и России в области науки и образования в начале XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и Политические науки. 2009. №4. С. 119–124.
14. Die weltweite Förderung nach Ländern. Official Website of DAAD. URL: <https://clck.ru/PbVuP> — 29.06.20.
15. Internationalisierung von Bildung, Wissenschaft und Forschung. Strategie der Bundesregierung. Bundesministerium für Bildung und Forschung, 2016. URL: <https://clck.ru/PbVuq> — 29.06.20.
16. *Maiziere L.* Vergangenheit und Zukunft der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen // Deutschland und Russland im wissenschaftlichen Dialog Neugier, Kompetenz, Erfahrung / ed.: K. Döring, A. Förster et al. Berlin: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2012. S. 21–32.
17. Mobilität von Studierenden und Wissenschaftlern steigt weltweit. Official Website of Bundesministerium für Bildung und Forschung, 12.07.2017. URL: <https://clck.ru/PbVsK> — 29.06.20.
18. Official Website of Max Weber Stiftung. URL: <https://clck.ru/PbVu9> — 29.06.20.
19. *Ostrowski D.* Die Public Diplomacy der deutschen Botschaften in den USA und Großbritannien im Zuge des Irakkonflikts im Vergleich // Die amerikanische Regierung gegen die Weltöffentlichkeit? / ed. Jäger T., Viehrig H. (eds). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. S. 237–260.

Сергеева Дарья Олеговна

Опыт имплементации Целей устойчивого развития в Германии и России

Implementation of Sustainable Development Goals in Germany and Russia

Аннотация: Реализация Целей устойчивого развития (ЦУР) занимает разное место в списке приоритетов стран-членов ООН. В работе сравниваются два национальных подхода к имплементации ЦУР. Проанализирована законодательная база, система ответственных государственных органов и статистика по ЦУР в Германии как одном из лидеров в этой области и России. Выявлены общие и различные черты подходов, основные сложности в ходе мониторинга и реализации ЦУР в этих странах.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, имплементация, Россия, Германия

Abstract: Every member state of the United Nations attributes different level of importance to the implementation of Sustainable Development Goals (SDG) in its priority list. The article analyzes the approaches to SDGs' implementation of two countries — Russia and Germany. The author reviews the legislation, the system of accountable state bodies and statistics on SDGs and concludes, which similarities, differences and challenges both states have while monitoring and implementing SDGs.

Keywords: Sustainable Development Goals, implementation, Germany, Russia

На 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г. была принята резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Документ призывает государства-члены ООН руководствоваться идеей взаимосвязи экономических, экологических и социальных факторов, т.е. концепцией устойчивого развития. Для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) каждое государство разрабатывает свой подход. Наибольшего успеха добились те

страны, где идеи ЦУР активно поддерживаются национальным политическим руководством, создана эффективная вертикальная интеграция в формате взаимодействия координирующего органа на высшем уровне и ответственных госорганов, нескольких министерств и ведомств, инициативы приветствуются гражданским обществом и бизнесом [11, С. 27]. В этой работе представлено сравнение первых двух аспектов реализации ЦУР в Германии и России. Эти страны были выбраны как примеры разных подходов к их имплементации. В случае Германии ЦУР полноценно включаются в законодательную базу государства как самостоятельное стратегическое направление политики, а в России цели перерабатываются под существующие стратегии развития государства [4]. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить, как каждый из факторов влияет на динамику показателей по ЦУР.

Цели устойчивого развития в законодательстве Германии и России

В Германии первая «Национальная стратегия устойчивого развития» появилась в 2002 г. Однако с принятием Повестки-2030 было решено пересмотреть базовый национальный документ. В новой редакции «Стратегии устойчивого развития» от 2016 г. перечислены цели и заданы четкие временные рамки их достижения, а также рассмотрены институциональные и управленческие аспекты мониторинга и реализации ЦУР [21]. После обнародования стратегии международные эксперты провели коллегиальный обзор (peer review) и указали на недостатки документа [25]. Обновленный вариант стратегии Германии в области устойчивого развития вышел в 2018 г. [22]. По сравнению с предыдущей версией, в ней была закреплена ведущая роль Комитета статс-секретарей, уточнены климатические цели и указано, что Германия намеревается продвигать устойчивое развитие на национальном, региональном и международном уровне.

В российском законодательстве понятие устойчивого развития впервые появилось в «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» 1996 г. Попытки обсудить стратегию устойчивого развития предпринимались в 2000 г. в со-

стве Комиссии Государственной Думы третьего созыва по проблемам устойчивого развития, а в 2016 г. было решено подготовить план реализации Повестки-2030 [6]. Однако по результатам проверки Счетной палаты Российской Федерации в 2020 г. такой документ не числится в списках стратегического планирования [8]. В России задачи, схожие с ЦУР ООН, реализуются в рамках государственных программ социально-экономического развития [6] и национальных проектов [2]. Эксперты отмечают, что цели национальных проектов схожи с ЦУР, но «носят оперативный и среднесрочный характер» [1], и поэтому не соответствуют ключевой идее устойчивого развития — трансформации трех аспектов жизни общества ради будущих поколений.

Распределение ответственности в государственных органах

По результатам ряда исследований, наиболее удачная институциональная модель имплементации ЦУР подразумевает наличие единого координирующего органа, подчиняющегося главе государства или правительству, и четкое разделение ответственности между исполняющими госорганами [13, 14, 18]. В таком случае координатор обеспечивает контроль за выполнением намеченных целей и гибко реагирует на изменения в политических приоритетах государства, так как занимается исключительно этой задачей. Органы-исполнители — скорее всего отраслевые министерства — имеют опыт в каждой сфере, но будут испытывать трудности при организации мониторинга и реализации ЦУР, поскольку параллельно отвечают за другие проекты. Важную роль играет участие министерства финансов в связи с тем, что имплементация ЦУР подразумевает значительные вложения (реализация проектов, обучение кадров, внедрение новых информационных систем и отчетности, создание новых органов и комиссий). Эти траты могут остаться на периферии государственных приоритетов без прямого выделения бюджетных средств [15]. Рассмотрим, как изложенные идеи реализованы на практике в Германии и России.

В Германии работу по имплементации принципов устойчивого развития на национальном уровне номинально возглавляет

канцелярия федерального канцлера [20, S. 4]. Таким образом подчеркивается важность повестки устойчивого развития для всех сфер политической жизни и обеспечивается управление деятельностью государственных ведомств в этой области. По сути, руководящим органом выступает Комитет статс-секретарей, в котором представлены все департаменты, а сам комитет подчиняется главе федеральной канцелярии [20, S. 12]. Комитет отвечает за уточнение и мониторинг выполнения индикаторов, поддерживает контакт с парламентским Советом по устойчивому развитию и представляет отчеты федеральному правительству.

На уровне ведомств и министерств Германии назначается координатор по устойчивому развитию, который курирует работу госоргана по этому направлению и поддерживает связь с Комитетом статс-секретарей. В «Стратегии устойчивого развития» 2018 г. содержится перечень конкретных ведомств с указанием запланированных или уже реализуемых мер, с помощью которых госорганы намерены содействовать достижению ЦУР. Министерства и ведомства самостоятельно определяют индикаторы, по которым будет проводиться работа в их сфере компетенции, и меры, необходимые для выполнения Целей [3, С. 168]. Как подчеркивается в докладе Счетной палаты Германии, в госорганах не разработана индивидуальная стратегия по ЦУР, что осложняет контроль за достижением индикаторов.

В России координирующим органом на высшем уровне является Межведомственная рабочая группа при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития (МРГ), образованная в 2012 г. У этой группы в подчинении находится Группа экспертов по информационно-статистическому обеспечению мониторинга ЦУР при МРГ, которая включает в себя представителей ряда министерств и ведомств под председательством Росстата. Росстат ведет статистический учет в соответствии с индикаторами ЦУР. Аналитическому центру при Правительстве Российской Федерации поручена подготовка добровольного национального обзора достижения ЦУР. Совместно с МИД РФ, Росстатом и другими федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ) Аналитический центр должен в июле 2020 г. пред-

ставить обзор в рамках Политического форума по устойчивому развитию под эгидой ЭКОСОС ООН [19].

Однако в этой иерархии есть несколько пробелов. Во-первых, в соответствии с Положением о МРГ, решения группы носят скорее рекомендательный характер, значит, ее полномочия ограничены при работе с исполнительными органами власти [8, С. 23]. Во-вторых, более двадцати министерств и иных ФОИВ занимаются реализацией ЦУР в своих областях в рамках общих компетенций, но, в соответствии с нормативными документами, у них отсутствуют полномочия для внедрения Повестки. Более того, в министерствах и ведомствах не назначен ответственный за исполнение ЦУР, что, в условиях отсутствия стратегии и плана, приводит к дополнительным сложностям [Там же, С. 18–19]. В-третьих, зачастую зоны ответственности ФОИВ пересекаются, так как они не уточнены в правовом поле, а межведомственная связь находится на низком уровне [Там же, С. 2]. В-четвертых, отмечается низкая осведомленность государственных служащих о содержании концепции устойчивого развития и предпринимаемых мерах [Там же, С. 31], на государственных порталах эта тема также плохо освещена, чего нельзя сказать о Германии.

Итак, в двух государствах координирующую роль выполняет комиссия при органе исполнительной власти высшего уровня, которая тесно сотрудничает со статистическим ведомством. В России работа исполнительных органов затруднена отсутствием нормативно закрепленных зон ответственности, но в Германии этого удалось избежать благодаря принятию общей Стратегии. Однако в обеих странах внутренняя деятельность ФОИВ осложнена тем, что ни один орган не утвердил внутренние стратегии реализации ЦУР в своей сфере.

Сравнение достигнутых показателей по ЦУР

В связи с тем, что система индикаторов и принцип оценки мероприятий государств в области ЦУР претерпевает изменения каждый год, показать динамику достижения целей с 2015 г. для каждой страны не представляется возможным. Более того, для 18 % показателей в ООН не разработаны единые методы сбора дан-

ных, а около 5 % относятся к глобальным и не оцениваются государствами самостоятельно [17]. Общий список целей и индикаторов обновляется ежегодно, последняя версия относится к апрелю 2020 г. [7]. Поэтому в рамках этого исследования сравним, по каким индикаторам официальные статистические службы в России и Германии предоставили данные и как оценивают их прогресс международные индексы ЦУР.

В Германии федеральное ведомство статистики публикует статистику по всем целям и индикаторам ЦУР на отдельной интернет-странице [24]. К июлю 2020 г. представлены данные по 151 индикатору, в разработке находится 78. Судя по отчетным сведениям, исходя из успешности мониторинга данных по показателям, можно выделить три группы: почти достигнутые цели (сведения предоставлены для более 75 % индикаторов по цели), цели в разработке (от 50 до 75 % индикаторов) и начатые цели (менее 50 %). К первой наиболее успешной группе относятся ЦУР 3, ЦУР 6, ЦУР 8, ЦУР 9; во второй группе целей в стадии разработки стоят ЦУР 2, ЦУР 4, ЦУР 5, ЦУР 7, ЦУР 11, ЦУР 12, ЦУР 14, ЦУР 15, ЦУР 16; в третью группу целей, по которым предоставлены менее 50 % данных, входят ЦУР 1, ЦУР 10, ЦУР 13, ЦУР 17 [23].

В России за мониторинг данных по ЦУР ответственен Росстат. Российское ведомство предоставило данные по 78 показателям, еще 9 находятся в разработке, а 160 индикаторов не разрабатываются вообще [9]. Если обратить внимание на статус отчетности по отдельным целям, то их также можно сгруппировать по трем категориям: к первой отнесем наиболее успешные (есть статистика по более, чем 60 % индикаторов); ко второй — те цели, которые разрабатываются (от 10 до 60 % индикаторов разработаны); к третьей совсем не разработанные или мало разработанные цели (до 10 % индикаторов отмечены как «разрабатываемые»). В первую группу попадают ЦУР 3, ЦУР 8, ЦУР 9; во второй группе — ЦУР 1, ЦУР 2, ЦУР 5, ЦУР 6, ЦУР 7, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 14, ЦУР 15, ЦУР 16; в третьей — ЦУР 4, ЦУР 12, ЦУР 13, ЦУР 16 [Там же].

При сравнении эффективности мониторинговой системы Германии и России необходимо заключить, что у Германии большее количество целей приближено к стадии завершения. В группах целей «в разработке» и «мало разработаны» можно выявить

несколько категорий, в которых обе страны не располагают статистикой или не выработали метод оценки индикатора: это ЦУР 2 (ликвидация голода), ЦУР 5 (гендерное равенство), ЦУР 7 (недорогостоящая и чистая энергия), ЦУР 11 (устойчивые города), ЦУР 13-16 (экологические цели). В ряду целей с наибольшим количеством предоставленных данных стоят ЦУР 3, ЦУР 8, ЦУР 9. Таким образом, статистика по экономическим вопросам в обеих странах более полная, чем по социальным и экологическим вопросам, что объясняется особенностями работы статистических ведомств, традиционно тесно связанных с министерствами экономики и финансов.

Что касается мониторинга прогресса государств по достижению ЦУР, то наиболее известным международным индексом оценки их прогресса является «Отчет по устойчивому развитию» 2019 г. Индекс является неофициальным, составлен фондом Бертельсмана и Международной сетью устойчивого развития на основе данных неправительственных организаций и официальной статистики. Отчет подвергался критике, так как включает данные из большого числа источников, вследствие чего содержат статистические ошибки или приводят усредненные значения [12, Р. 81]. В общем рейтинге этого индекса Германия занимает 5 строчку, Россия — 57 место [16]. В профиле каждой страны особый интерес представляет раздел, посвященный тенденциям, где оценен прогресс по каждой цели относительно показателей прошлых лет. Согласно этому рейтингу, Россия почти выполнила ЦУР 1, ЦУР 4 и ЦУР 8, по которым в национальной статистике представлены скудные данные. В профиле Германии высоко оценены усилия государства по выполнению ЦУР 15-17, хотя индикаторы по этим целям не находятся в активной разработке у государственного ведомства статистики.

После сопоставления данных из различных источников можно сделать вывод о том, что первый этап имплементации ЦУР — создание системы мониторинга — в двух странах далек от завершения, хотя в Германии собран большой объем данных. Отсутствие единой статистической базы затрудняет разработку мероприятий по достижению ЦУР и выявление приоритетных направлений.

Результаты исследования и выводы

В результате исследования выявлено, что государственная политика в области ЦУР в Германии и России отличается: если в первом случае она выделена в отдельное стратегическое направление, то во втором — является частью других государственных программ, в т.ч. национальных проектов. Сегодня страны в основном концентрируются на составлении статистики по нынешнему состоянию индикаторов. Для повышения эффективности работы госорганов на этом направлении необходимо более четко разграничить их зоны ответственности и выработать внутренние стратегии для каждого министерства или ведомства; это может стать задачей координирующего органа. Исходя из показателей по ЦУР двух стран, делаем вывод, что Германия продвинулась на этом направлении дальше, чем Россия. Это объясняется не только разрывом в социально-экономическом развитии государств, но и положением ЦУР в списке политических приоритетов страны. Германия на десятилетие раньше начала процесс перехода к устойчивому развитию и на момент принятия Повестки-2030 имела более высокие стартовые показатели и степень подготовленности государственных органов, чем Россия.

Список литературы:

1. Бюллетень Счетной палаты №6 (271) 2020 г. Экспертное мнение — URL: http://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-6-271-2020-g?fbclid=IwAR0NAFxFVF-x4_YfH-SYd26yXA6qK72yKHOQrTveQTPJ5m39K2b5lXmfI9TI — 25.06.2020.
2. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года, утвержденный Правительством Российской Федерации от 7 мая 2019 г. № 4043п-П13. — URL: <http://government.ru/news/36606/> — 25.06.2020.
3. *Игнатов А. А., Михневич С. В., Попова И. М., Сафонкина Е. А., Сахаров А. Г., Шелепов А. В.* Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций. 2018. — Т. 14. — No 1. — С. 164–188.
4. *Ланьшина Т. А., Баринова В. А., Логинова А. Д., Лавровский Е. П., Понедельник И. В.* Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах — лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций. — 2019. — Т. 14. — No 1. — С. 207–224.

5. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 2 марта 2016 г. № 95СФ «Об итогах парламентских слушаний «Повестка дня ООН в области развития на период после 2015 года — практические аспекты реализации». — URL: <https://base.garant.ru/71345280/> — 25.06.2020.
6. Сахаров А. Г., Колмар О. И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций. — 2019. — Т. 14. — № 1. — С. 189–206.
7. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. A/RES/71/313. E/CN.3/2020/2. — URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202019%20refinement_Rus.pdf — 24.06.2020.
8. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению повестки устойчивого развития за период 2019 года, истекший период 2020 года». — № 6 (271) 2020.
9. Федеральная служба государственной статистики. Статус разработки показателей ЦУР. — URL: <https://www.gks.ru/sdg/reporting-status> — 25.06.2020).
10. Alessandro M., Lafuente M., & Santiso C. The role of the center of government: A literature review (Interamerican Development Bank (IDB) Technical Note 581), 2013. — URL: <https://publications.iadb.org/en/role-center-government-literature-review> - 24.06.2020.
11. Breuer, Anita et al. Integrated Policymaking Choosing An Institutional Design For Implementing The Sustainable Development Goals (SDGs). Deutsches Institut Für Entwicklungspolitik (DIE), 2019.
12. European Court of Auditors. Journal. 2019. №3. — URL: https://www.eca.europa.eu/lists/ecadocuments/journal19_03/journal19_03.pdf — 24.06.2020.
13. Kindornay S., Gendron R. Progressing National SDG Implementation: An independent assessment of the voluntary national review reports submitted to the United Nations High-level Political Forum in 2019. Ottawa: Canadian Council for International Co-operation, 2020. — URL: <https://ccic.ca/fourth-edition-of-progressing-national-sdgs-implementation/> — 24.06.2020.
14. Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD survey on planning and co-ordinating the implementation of the SDGs: First results and key issues, 2016. — URL: <https://www.oecd.org/gov/cob-sdg-survey-overview-of-results.pdf> — 24.06.2020.
15. Swanson D., Pintér L., Bregha F., Volkery A., & Jacob K. National strategies for sustainable development. Challenges, approaches and innovations in strategic and co-ordinated action. Winnipeg: International Institute

- for Sustainable Development (IISD) and Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) GmbH, 2004.
16. Sustainable Development Report. Rankings. — URL: <https://dashboards.sdgindex.org/rankings> — 24.06.2020.
 17. UN Statistics. E-Handbook on Sustainable Development Goals Indicators' page. — URL: <https://unstats.un.org/wiki/display/SDGeHandbook/Home> — 24.06.2020.
 18. United Nations. Working together: Integration, institutions and the Sustainable Development Goals (World Public Sector Report 2018). New York: Author, Division for Public Administration and Development Management 2018. — URL: <https://publicadministration.un.org/en/Research/World-Public-Sector-Reports> — 24.06.2020.
 19. Voluntary National Review 2020. Russian Federation. || Sustainable Development Goals Knowledge Platform. — URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=30022&nr=1686&menu=3170> — 24.06.2020.
 20. Bundesrechnungshof. Abschließende Mitteilung an das Bundeskanzleramt über die Prüfung der nationalen Umsetzung der Ziele für Nachhaltige Entwicklung der Vereinten Nationen — Agenda 2030. — URL: https://www.intosai.org/fileadmin/downloads/focus_areas/SDGs_and_SAIs/sai_preparedness_audits/SDGs_Germany_prep_DE.pdf — 24.06.2020.
 21. Das Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und nukleare Sicherheit. Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie — Neuauflage 2016“ (Nachhaltigkeitsstrategie 2016). 2017. — URL: <https://www.bmu.de/themen/europa-internationales-nachhaltigkeit-digitalisierung/nachhaltige-entwicklung/strategie-und-umsetzung/nachhaltigkeitsstrategie/> — 24.06.2020.
 22. Die Bundesregierung. Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie — Aktualisierung 2018 (Nachhaltigkeitsstrategie 2018). Bundestagsdrucksache 19/5700. 2018. — URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/1559082/a9795692a667605f652981aa9b6cab51/deutsche-nachhaltigkeitsstrategie-aktualisierung-2018-download-bpa-data.pdf?download=1> — 24.06.2020.
 23. Statistisches Bundesamt. Berichtsstatus. — URL: <https://sustainabledevelopment-germany.github.io/reporting-status/> — 24.06.2020.
 24. Statistisches Bundesamt. Indikatoren der UN-Nachhaltigkeitsziele. — URL: <https://sustainabledevelopment-germany.github.io/> — 24.06.2020.
 25. „Veränderung — Chance — Dringlichkeit: die Vorteile nachhaltigen Handelns“, Peer Review 2018 zur Deutschen Nachhaltigkeitsstrategie, Bericht der Peer-Review-Gruppe unter dem Vorsitz von Helen Clark, 2018.

Садо́мцева Анна Романовна

1941–1944: «Дело Финляндии — наше дело»? Позиция Швеции в отношении «войны — продолжения»

1941–1944: «Is Finland's cause — ours?» Sweden's position in the «Continuation War»

Аннотация: В докладе рассматривается позиция Швеции в отношении действий Финляндии, направленных против СССР в 1941–1944 гг. Анализируется, какое влияние «война-продолжение» оказывала на положение Швеции на внешнеполитической арене. Особое внимание уделяется развитию советско-шведских отношений, так как с определенного момента именно Швеции была отведена особая роль посредника в урегулировании советско-финляндского конфликта.

Ключевые слова: Швеция, Финляндия, Вторая мировая война, А. М. Коллонтай, советско-финляндские отношения.

Abstract: The article deals with the position of Sweden in relation to Finland's actions against the USSR in 1941–1944. The impact of the “Continuation War” on Sweden's position in the international scene analyzed. Special attention is paid to the development of the Soviet-Swedish relations because Sweden was assigned a special role as a mediator in the settlement of the Soviet-Finnish conflict.

Keywords: Sweden, Finland, Second World War, Kollontay, the soviet-finnish relations.

Шведский лозунг «Дело Финляндии — наше дело» относится к периоду «зимней войны» 1939–1940 гг. Тогда нейтральная Швеция стремилась оказать гуманитарную помощь братскому народу — финнам — в войне с Советским Союзом. Между тем «Дело Финляндии» занимало особое положение во внешнеполитическом курсе Швеции и в последующие годы Второй мировой войны.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Один из ударов был направлен с севера, через оккупированную Норвегию и посред-

ством сотрудничества с Финляндией. Укрепление связей финского руководства с Германией нашло отражение в советско-финляндской «войне-продолжении» 1941–1944 гг. [6].

В войне между Финляндией и СССР германским руководством была отведена особая роль Швеции. Германия, используя страх шведов быть оккупированными гитлеровскими войсками, как это произошло с Данией и Норвегией в 1940 г., стала оказывать давление на правительство П. А. Ханссона. Утром 22 июня специальный уполномоченный К. Шнурре предъявил министру иностранных дел Швеции К. Гюнтеру требования германской стороны [16, С. 158; 18, С. 1078]. Целью Гитлера было использование шведских железных дорог для переброски войск, а также предоставления кредитов. При этом германской стороной отмечалось, что «Германия воюет ради Финляндии» [16, С. 159], что представлялось важным аргументом для пропуска шведами немецких войск.

К правительству Швеции обратилась и финская сторона, которая также сделала запрос на пропуск германских войск в Финляндию [23, С. 57; 24, С. 374]. В беседе с К. Гюнтером 22 июня финский посол в Стокгольме Х. Васа-шерна подчеркнул, что шведскому руководству необходимо выполнить требования Германии [17, С. 115; 26, С. 144]. Расчет германской и финской сторон был сделан на прежние настроения шведского населения в отношении судьбы Финляндии, а именно во что бы то ни стало поддержать братский народ, как это можно было наблюдать во время «зимней войны» [17, С. 115].

Однако шведы настороженно отнеслись к участию финнов в войне. Теперь так называемое «Дело Финляндии» уже не представлялось делом Швеции. Вступление соседней Финляндии в войну способствовало возникновению опасности для шведов быть втянутыми в военные действия. Тем не менее, целью шведов было сохранить нейтралитет, поэтому вынужденным шагом стал пропуск вооруженной «дивизии Энгельбрехта» из Южной Норвегии в Финляндию, что вызвало острый политический кризис в шведском правительстве. Впоследствии шведским руководством был предоставлен ряд уступок Финляндии, как и Германии, в виде транзита материалов и кредитов. Однако для Швеции это была необходимость, вызванная стремлением поддержать важные для

шведов экономические связи с обеими странами, а также обезопасить страну от возможного вторжения [21, С. 319].

Уступки шведского правительства вызвали негативную реакцию СССР, США и Великобритании. Данные страны также являлись важными торговыми партнерами Швеции, поэтому Стокгольму нельзя было допустить ухудшения отношений с ними. В подобной непростой ситуации, когда требовалось балансирование между великими державами, Швеции необходимо было решить, каким образом можно избежать втягивания в воронку войны при сохранении выгодных экономических связей. В данном случае, страны антигитлеровской коалиции, в первую очередь, СССР, которые были заинтересованы в шведском нейтралитете, обратили внимание шведов на нерешенный «финский вопрос». Предполагалось, что шведская сторона может способствовать выходу Финляндии из войны. Это означало, что «Дело Финляндии» вновь должно стать делом Швеции. Однако уже в ином значении, а именно посреднической миссии Стокгольма в советско-финляндском конфликте.

Обратить внимание шведов на выход Финляндии из войны стремилось советское руководство. 17 сентября 1942 г. состоялась беседа заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского со шведским посланником В. Ассарссоном. Тогда С. А. Лозовский сказал: «Финляндия делает все, чтобы все потерять» [15, С. 125]. Однако это не имело воздействия на шведскую сторону в силу того, что сами финны не были готовы прервать сотрудничество с Германией осенью 1942 г.

Финны стали проявлять активность в плане сближения с западными союзниками в конце 1942 г. [7, С. 204; 13, С. 246]. Для поиска возможного выхода Финляндии из войны финское руководство обращалось к американскому правительству как возможному посреднику в советско-финляндских отношениях [2, С. 18–20]. США поддерживали финнов в их желании выйти из войны. Однако в Хельсинки видели будущее советско-финляндского перемирия на основе границы 1939 г., что было неприемлемо для советского руководства. Необходимо было предпринять усилия для изменения точки зрения финнов относительно условий перемирия между Финляндией и СССР.

Американская сторона решила обратиться к дружественной финнам Швеции, которая уже имела опыт посреднической миссии в советско-финляндской «зимней войне». Предполагалось, что тесные шведско-финляндские связи будут иметь воздействие на финское правительство. Поэтому в конце 1942 г. американские дипломаты стали обращаться к Швеции по вопросу возможной посреднической миссии Швеции в советско-финляндских отношениях. В ноябре 1942 г. в г. Куйбышеве к шведскому посланнику В. Ассарссону неоднократно обращался военный атташе в СССР Д. Хендерсон [15, С. 140, 142]. Также этот вопрос затрагивался в беседах американского посла в Стокгольме Х. Джонсона и секретаря шведского МИДа Э. Бухемана на рубеже 1942–1943 гг. Вместе с тем, шведское правительство решило остаться в стороне от этого вопроса, так как подобные действия могли вызвать негативную реакцию Германии [17, С. 174].

Однако события коренного перелома изменили место «Дела Финляндии» в шведском политическом курсе. На это повлияло усиление позиций Советского Союза на международной арене, в отношениях с которым прослеживалось напряжение на протяжении всей войны. Победы Красной Армии вызывали вопросы у шведов в контексте беспокойства за дальнейшую судьбу финнов, которые сотрудничали с нацистской Германией. В Стокгольме опасались, что дальнейшее продвижение советских войск и участие Финляндии в войне против СССР будут иметь достаточно мрачные перспективы для финнов [20, С. 95, 97]. Во многом от того, как будет решен «финский вопрос», зависело развитие не только шведско-финляндских, но и шведско-советских отношений [10, С. 324–325].

Понимание шведами необходимости выхода Финляндии из войны подтолкнуло шведскую сторону к самостоятельному выяснению будущего финнов. 16 сентября 1943 г. шведский посланник в Москве В. Ассарссон обратился с этим вопросом к В. М. Молотову. Тогда шведский посланник спросил у советского наркома, существует ли какой-либо возможный выход Финляндии из войны. Ответ В. М. Молотова был достаточно резок и не предполагал в тот момент обсуждение «финского вопроса» со шведской стороны. По словам советского наркома, СССР не стоит торопиться

с этим вопросом, если нет соответствующих предложений от Финляндии [1, С. 4–6].

Однако подобные предложения финской стороны все же существовали, только финны обращались с ними не к Стокгольму, а к Вашингтону. Тем не менее, стремление финнов заключить перемирие с СССР по условиям 1939 г. виделось бесперспективным в США. Поэтому к концу лета 1943 г. американская сторона окончательно отказалась от посреднической миссии в советско-финляндском конфликте в пользу Швеции [11, С. 119]. Задача последней заключалась, во-первых, в давлении на финское руководство с целью принять советские условия. Во-вторых, посредством содействия выходу Финляндии из войны шведам необходимо было показать странам антигитлеровской коалиции, что Стокгольм остается нейтральным и не поддерживает Германию и ее союзников.

Посредническая миссия в советско-финляндском конфликте была передана Швеции на Московской конференции министров иностранных дел 1943 г. и Тегеранской конференции. В то же время 29 ноября 1943 г. советскому посланнику в Швеции А. М. Коллонтай были переданы финские условия перемирия через замминистра иностранных дел Швеции Э. Бухемана [17, С. 181].

В феврале 1944 г. в Стокгольме состоялись секретные советско-финляндско-шведские переговоры, где обсуждались условия советско-финляндского перемирия [14, С. 131–148]. Одним из главных пунктов будущего перемирия был территориальный вопрос. В Москве видели возможной границу с Финляндией только по Московскому мирному договору 1940 г., то есть Карельский перешеек с городом Выборгом должен быть передан СССР. Однако финское руководство не хотело отказываться от этой стратегически важной территории на Балтике.

О нежелании финского правительства принимать советские условия стало известно в начале марта 1944 г. на встрече Э. Бухемана и А. М. Коллонтай. Понимая, что переговоры вновь срываются, Швеция решила посодействовать смягчению советских требований. Глава шведского МИДа К. Гюнтер убеждал Александру Михайловну в невозможности выполнения финнами таких условий, как отказ изгнать германские войска в установлен-

ные сроки [19, С. 315–316]. Но советская сторона оказалась непреклонной, как и финская. 19 апреля 1944 г. финский отказ был передан СССР через шведское дипломатическое представительство. На некоторое время советско-финляндские контакты были приостановлены. В то же время военные действия между двумя странами продолжились.

Дальнейший ход развития события получили лишь после наступления советских войск на Карельском перешейке в июне 1944 г. Сложившееся положение на Карельском театре военных действий не могло не повлиять на позицию Швеции. Ее руководство видело возможным оккупацию Финляндии Советским Союзом, что казалось явным из наблюдений за продвижением Красной Армии в Карелии. Шведское военное руководство было озабочено перспективой нахождения советских войск в непосредственной близости от шведской границы. В этой связи правительство Швеции высказывало недовольство намеренным затормаживание Финляндией процесса урегулирования отношений с Советским Союзом. Такое развитие событий подтолкнуло шведскую сторону к более активным действиям в посреднической миссии. 17 июня 1944 г. Э. Бухеман в разговоре с финским посланником Г. А. Грипен-бергом рекомендовал финскому руководству согласиться на советско-финляндскую границу 1940 г. Также главнокомандующий финскими войсками К. Г. Маннергейм должен был поддержать новое правительство Финляндии [19, С. 322].

Успех Красной Армии имел свое воздействие и на финнов. 22 июня Г. А. Грипенберг получил указание через шведский МИД выяснить у советской стороны возможные пути выхода Финляндии из войны. На следующий день был получен ответ из СССР. В нем говорилось, что финское правительство должно направить советской стороне обращение о капитуляции Финляндии с целью дальнейших переговоров об условиях перемирия [19, С. 322–323].

Финское руководство пока что не спешило с ответом. В это же время 22 июня 1944 г. в Хельсинки прибыл Й. Риббентроп, который потребовал от финского правительства прекратить какие-либо контакты с СССР относительно заключения мирного договора. Более того, президенту Финляндии необходимо было письменно подтвердить намерение Финляндии продолжить со-

вместные действия с Германией, что и сделал Р. Рюти 26 июня [12, С. 446–447; 19, С. 331–332]. После достигнутого соглашения между Р. Рюти и Й. Риббентропом финской стороной вновь были отвергнуты советские требования о прекращении войны [13, С. 251].

Возвращение Финляндии к сотрудничеству с Германией вызвало негативную реакцию шведской стороны [25, С. 1]. Отчаянное положение Германии, вместе с ней и Финляндии, и решительное наступление советских войск могло привести к необратимым действиям. При затягивании конфликта неизвестно, сохранился ли бы нейтральный статус шведов. Ситуацию усугублял разрыв дипломатических отношений США с Финляндией 30 июня 1944 г. и давление Вашингтона на Стокгольм с целью ускорения урегулирования советско-финляндских отношений.

Продолжение совместных германо-финляндских действий подрывало шведскую посредническую миссию. Это волновало Швецию относительно развития отношений с СССР. В беседах с В. М. Молотовым [5, С. 3–4] и его заместителем А. Я. Вышинским [3, С. 2] в июле 1944 г. шведский посланник в Москве С. Седрблум обращал внимание на попытки Стокгольма вытянуть Финляндию из войны. До сих пор это не увенчалось успехом. Советское руководство принимало во внимание усилия Швеции. Однако Москва также следила за тесным экономическим сотрудничеством шведов с Финляндией и Германией [4, С. 2–3], которое не могло сказаться позитивно на развитии отношений между СССР и Швецией.

Во избежание ухудшения взаимоотношений с Советским Союзом шведская сторона продолжала проводить активную работу по выводу Финляндии из войны. Конкретными шагами в этом направлении можно считать обращение К. Гюнтера к финскому правительству в июле 1944 г. Глава шведского МИДа обещал помощь в уплате репараций [9, С. 188]. На этом этапе было решено подключить военные силы и показать их взгляд на сложившуюся ситуацию. 22 июля глава Штаба обороны Швеции К. Эренсверд составил «Об-зор военного положения». Он был создан спустя 2 дня после покушения на А. Гитлера и заканчивался словами: «Час поражения Германии стремительно приближается» [17, С. 191–192]. «Послание» К. Эренсверда было отправлено К. Г. Маннергейму и военному министру Финляндии Р. Вальдену.

В то же время премьер-министр Швеции П. А. Ханссон отправил обращение К. Г. Маннергейму. Глава шведского правительства призывал финского маршала взять на себя полномочия главы государства, чтобы добиться урегулирования отношений с Советским Союзом, так как с правительством Р. Рюти мир был невозможен [13, С. 254]. Данные шаги шведской стороны имели определенное воздействие на финское правительство. В конечном счете, 31 июля президент Р. Рюти ушел со своего поста. 4 августа президентом стал К. Г. Маннергейм, который в августе 1944 г. на встрече с фельдмаршалом В. Кейтелем подтвердил, что его страна в скором времени подпишет се-паратный договор с СССР [13, С. 254].

Швеция, в свою очередь, продолжала подталкивать финнов к скорейшему разрешению их внешнеполитического вопроса. 22 августа 1944 г. шведская сторона передала через Г. А. Грипенберга, что Швеция поможет финнам при уплате репараций [19, С. 347–348]. Чтобы финны вновь не потеряли интерес к переговорам с советским правительством, в августе шведское руководство отказало финскому банку в новых кредитах на продолжение войны [8, С. 372]. Успехи Красной Армии и разгром германских вооруженных сил, а также давление шведского правительства повлияли на финское руководство. Финляндия поспешила выйти из-под влияния Германии [17, С. 192]. 24 августа 1944 г. финская сторона подтвердила свое решение установить контакт с СССР. 29 августа советское правительство дало согласие принять финскую делегацию в Москве при условии, что Финляндия порвет отношения с Германией и предъявит ей требование о выводе своих войск с финской территории. Все остальные вопросы предлагалось решить во время переговоров, которые начались 14 сентября [7, С. 279]. 19 сентября 1944 г. было заключено советско-финляндское перемирие. Подписанием Московского перемирия завершилась посредническая миссия Стокгольма в отношениях СССР и Финляндии.

Анализ позиции Швеции в отношении «войны-продолжения» показал, что Стокгольм не поддерживал действия финнов, принимавших участие в военных действиях. Шведы не оказывали помощь финнам под лозунгом «Дело Финляндии — наше дело», как это было во время «зимней войны». Однако шведы стреми-

лись оказать помощь финнам в ином ключе, а именно выступив посредником в советско-финляндском конфликте.

Список литературы:

1. АВП РФ. Фонд 06 «Секретариат В. М. Молотова». Опись 5 Дело 34 Папка 4. Записи бесед т. В. М. Молотова с иностранными представителями в СССР. Т. 6.
2. АВП РФ. Фонд 06 «Секретариат В. М. Молотова». Опись 5 доп. Дело 482 Финляндия. Справка об англо-американской политике по отношению к Финляндии и планах Финляндии выхода из войны.
3. АВП РФ. Фонд 06 «Секретариат В. М. Молотова». Опись 6. Дело 23. Папка 2. Том 2. Записи бесед т. А. Я. Вышинского Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с иностранными представителями.
4. АВП РФ. Фонд 06 «Секретариат В. М. Молотова». Опись 6 Дело 33 Папка 4. Том 5. Записи бесед т. Лозовского, Заместителя Наркома Иностранных Дел СССР с иностранными представителями. Прием шведского посланника Се-дерблума 1 августа 1944 г.
5. АВП РФ. Фонд 06 «Секретариат В. М. Молотова». Опись 6 Дело 778 Папка 57. Швеция. Записи бесед т. Молотова со шведским посланником в СССР Седрблумом.
6. *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940–1941 гг. СПб, 2005.
7. *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.
8. *Кан А. С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй Мировой войны. М., 1967.
9. *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. М.: Международные отношения, 1964.
10. *Кен О. Н., Рупасов А. И., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы 1930–1950-е гг. М., 2005.
11. *Корунова Е. В.* Ослабление позиций Германии на северном фланге европейской подсистемы//Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. Под ред. Л. С. Белоусова и А. С. Манькина. М., 2020.
12. *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999.
13. *Невакиви Ю., Хенттиля С., Юссила О.* Политическая история Финляндии. 1809–2009. М., 2010.
14. *Садомцева А. Р.* Секретные советско-финляндские переговоры в Стокгольме в феврале 1944 г. в свете различных источников: про-

- блемы и достоверность // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Т. 2. СПб, 2016.
15. *Assarsson V. I skuggan av Stalin*. Stockholm, 1963.
 16. *Boheman E. På vakt*. Stockholm, 1964.
 17. *Carlgren W. M. Swedish Foreign Policy during the Second World War*. London, 1977.
 18. *Documents on German foreign policy 1918–1945. Series D. Vol. 12*. Washington, 1962.
 19. *Gripenberg G. A. Finland and the Great Powers*. Lincoln, 1965.
 20. *Karlsson R. Så stoppades tysktågen: Den tyska transiteringstrafiken i svensk politik 1942–1943*. Stockholm, 1974.
 21. *Levine P. A. Swedish neutrality during the Second World War: tactical success or moral compromise? // European neutrals and non-belligerents during the Second World War/Ed. by N. Wylie. Camb*
 22. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Er Kungl. Svenska Beskickningen. Uppteckning av samtal med utrikeskommissarie Molotov den 22 juli 1944.
 23. *Samråd i krigstid. Utrikesutskottetes memorialprotokoll. 1940–1945// Brundin M., Frykholm L., Tjemeld A., Wahlback K. Stockholm, 2007.*
 24. *Svensk utrikespolitik under andra världskriget. Statrådstal, riksdagsdebatter och kommuniqueer*. Stockholm, 1946.
 25. *Ulkoasiainministerion arkisto. M. 5 B. Gripenberg G. A. 12.07.1944.*
 26. *Wahlbäck K., Boberg G. Sveriges sak är vår: svensk utrikespolitik 1939–45 i document*. Stockholm, 1967. 237 p.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

Леонов Юрий Игоревич

Характеристика деятельности аналитических институтов ФРГ на территории РФ, Украины и Белоруссии

Characterizing the activities of German think-tanks in Russian
Federation, Ukraine and the Republic of Belarus

Аннотация: В статье рассматривается деятельность аналитических институтов, связанных с крупнейшими политическими партиями ФРГ, в частности, Фонда имени Конрада Аденауэра и Фонда имени Фридриха Эберта, на территории России, Украины и Белоруссии. Предпринимается попытка проанализировать деятельность данных институтов гражданского общества в контексте формирования мягкой силы Германии и внешней политики страны на постсоветском пространстве, рассматривается опыт существования дискуссионных площадок, созданных при участии германских публичных фондов. В докладе подчёркивается важность данных think-tanks для внешней политики ФРГ с точки зрения эффективности реализации программ данных фондов и формируемого социального капитала как в государствах бывшего СССР, так и в среде политической элиты Германии.

Ключевые слова: Республика Беларусь, неоклассический реализм, мягкая сила, think-tanks, внешняя политика ФРГ

Abstract: The article discusses the activities of think-tanks associated with the largest German political parties, particularly the Konrad Adenauer Foundation and the Friedrich Ebert Foundation, in

Russia, Ukraine and Belarus. Also an attempt is made to analyse the activities of these civil society institutions in the context of forming the Germany's soft power and the country's foreign policy in the former Soviet countries, the experience of discussion platforms emerged with the participation of German public funds is examined. The report emphasizes the importance of think-tanks for making and implementation in terms of the effectiveness of these foundations' programs and generated social capital both in the states of the former USSR and among the political elite of Germany.

Keywords: Republic of Belarus, neoclassical realism, soft power, think-tanks, Germany's foreign policy

Деятельности немецких think-tanks, как правило, уделяется куда меньшее внимание в научных публикациях и в общественно-политическом дискурсе, чем американским, в силу меньшего влияния на мировую политику и роли США и ФРГ в современной системе международных отношений. Но, несмотря на это, нельзя пренебрегать рассмотрением работы аналитических институтов Германии для лучшего понимания роли этих негосударственных акторов в международных отношениях, а также для изучения их влияния на гражданское общество в Восточной Европе, в частности, в Российской Федерации, Республике Беларусь и в Украине. Попытка изучить активность немецких think-tanks также позволит понять специфику отношений Германии со странами бывшего СССР. Таким образом, целями данной статьи являются рассмотрение деятельности аналитических институтов ФРГ, аффилированных с политическими партиями, на территории РФ, Украины и Белоруссии, а также попытка проанализировать их участие в формировании и реализации внешней политики страны с позиций неоклассического реализма на примере отношений с Республикой Беларусь в период с 2014 г. Также при написании статьи была предпринята попытка оценить инициативы немецких публичных фондов в сфере Track-II дипломатии, а также понять, является ли она в случае взаимодействия с РФ «конструктивистской на практике и реалистской в целях» [1]. Для достижения целей исследования также использовались такие методы, как контент-анализ и дискурс-анализ.

Аналитические институты ФРГ и их роль в формировании и реализации внешней политики страны

Анализируя роль немецких think-tanks в формировании и реализации внешней политики ФРГ, нельзя не отметить, что с точки зрения неоклассического реализма их деятельность носит двоякую роль: с одной стороны, они являются одной из «вмешивающихся переменных» [2] в механизме принятия внешнеполитических решений в ФРГ, разрабатывая стратегии и рекомендации действий и влияя на стратегическую культуру лидеров страны. С другой стороны, активность политических фондов дает повод для дискуссии об их статусе как инструменте внешней политики или самостоятельном акторе в международных отношениях, что позволяет оспорить доводы неоклассического реализма в пользу гипотезы зависимости действий негосударственных субъектов от внешней политики государства. Спорная роль немецких think-tanks в международных отношениях и внешней политике ФРГ также вызвана особенностями их развития и спецификой негосударственных политических институтов страны в целом. В силу того, что аффилированные с партиями аналитические институты, или “politische Stiftungen”, являются не структурами центральных аппаратов партий, а самостоятельно зарегистрированными некоммерческими объединениями, они обладают правом на субсидирование деятельности федеральным правительством, а «материнские» партии в то же время не имеют права вмешиваться в деятельность [3] [4]. В то же время при анализе руководства немецких политических think-tanks и их экспертов можно заметить, что значительную часть составляют члены «материнских» политических партий, в том числе занимавшие руководящие должности, что позволяет говорить о влиянии на процесс принятия внешнеполитических решений в Германии через накапливаемый социальный капитал.

Рассматривая работу данных аналитических институтов ФРГ и ее взаимосвязь с внешней политикой государства по отношению к РФ, Украине и Белоруссии, мы также должны не сбрасывать со счетов такое важное понятие для данной теории международных отношений, как «системные стимулы» [2]. Несомненно, главными

системными стимулами, повлиявшими на внешнюю политику Германии по отношению к Российской Федерации, Украине и Белоруссии, стали:

1. Проведение правительствами Украины и Белоруссии политики «многовекторности», выразившееся в поддержке партнерских отношений с Россией при одновременном участии в программе «Восточного партнерства» ЕС
2. Изменения во внутренней и внешней политике РФ, начавшиеся после 2011 г.
3. Украинский кризис 2014 г., а также реакция Российской Федерации и Республики Беларусь на вооруженный конфликт в Донбассе

В своих отчетах о зарубежной культурной политике МИД ФРГ выделяет, как правило, 6 партнёров среди “politische Stiftungen”: Konrad-Adenauer-Stiftung (KAS) (близок к ХДС), Friedrich-Ebert-Stiftung (FES) (аффилирован с СДПГ), Hanns-Seidel-Stiftung (HSS) (ХСС), Heinrich-Böll-Stiftung (HBS) («Союз90/Зеленые»), Friedrich Naumann — Stiftung für die Freiheit (FNS) (СвДП) и Rosa-Luxemburg-Stiftung (RLS) («Левые») [5] [6] [7]. Исходя из этого, можно увидеть, что МИД ФРГ готов взаимодействовать в рамках реализации своей внешней (в т.ч. и культурной) политики со всеми политическими фондами, аффилированными с центральными аппаратами парламентских партий ФРГ (нужно оговориться, что у «Альтернативы для Германии» еще не существует аналогичного think-tank и она располагает лишь организациями, действующими только на уровне федеральных земель).

Направления деятельности аналитических институтов ФРГ на территории РФ, Украины и Белоруссии

Анализируя деятельность немецких политических think-tanks на территории Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь с учетом специфики их деятельности с 1990-х годов, необходимо учитывать, что изначально реализацией политических программ стали заниматься Фонд Конрада Аденауэра и Фонд Фридриха Эберта, в то время как остальные предпочли сконцентрироваться на поддержке других институтов граждан-

ского общества, причем стоит заметить, что в период «красно-зеленой» коалиции близкий к социал-демократам think-tank играл более важную роль. После прихода Ангелы Меркель на пост канцлера ФРГ в 2005 г. активность FES на территории РФ, Украины и Белоруссии снизилась и главной организацией на территории этих стран среди немецких аналитических институтов стал Фонд Конрада Аденауэра, но и KAS, и Фонд Фридриха Эберта остались двумя главными организациями среди politische Stiftungen, занимающихся реализацией именно политических программ. [8]

Одним из ключевых направлений деятельности рассматриваемых негосударственных объединений в последние годы стало взаимодействие с аналитическими центрами РФ, Украины и Белоруссии, особенно с российскими коллегами. Данное направление работы стало особенно актуальным после 2013 г., когда сначала на фоне принятия в Российской Федерации закона об иностранных агентах немецкие фонды вынуждены были сократить количество мероприятий в сфере политического образования и взаимодействия с оппозиционными политическими объединениями, сконцентрировав свое внимание на поддержке других институтов гражданского общества, ученых и талантливой молодежи. Еще более важным фактором стал украинский кризис 2014 г., после которого немецкие think-tanks активизировали работу в Украине по вопросам выбора страной пути евроинтеграции, европейских ценностей и развития институтов гражданского общества. Также это стало поводом для реализации Track-II экспертных инициатив по взаимодействию с такими российскими аналитическими центрами, как Российский совет по международным делам (РСМД), Институт Европы РАН и Институт мировой экономики и международных отношений. Konrad-Adenauer-Stiftung выступает также соорганизатором Мюнхенской конференции по безопасности, проводимой в партнерстве с МИД ФРГ, ставшей одной из основных площадок обсуждения вопросов безопасности, в том числе и в Восточной Европе, что особенно проявилось в период после 2014 г., когда урегулирование ситуации в Донбассе стало одной из ключевых тем ежегодных конференций. Мюнхенская конференция по безопасности стала одной из важнейших площадок диалога не только для лидеров ведущих стран

мира (например, именно в рамках этого мероприятия была произнесена «мюнхенская речь» В. Путина), но также и для аналитических институтов, и в этой связи необходимо отметить активное участие РСМД в работе. В частности, в преддверии конференции в январе 2020 г. был опубликован документ «Двенадцать шагов по укреплению безопасности на Украине и в Евроатлантическом регионе» (далее — «12 шагов») [9], подписанный представителями российского РСМД.

Важным направлением работы аналитических институтов ФРГ на территории Белоруссии является привлечение студентов к сотрудничеству и участию в мероприятиях, а также реализация стипендиальных и образовательных программ. В этой связи нужно отметить партнерство Фонда Конрада Аденауэра и Фонда Роберта Боша с Европейским гуманитарным университетом (ЕГУ) в Вильнюсе, переместившимся туда после лишения права деятельности на территории страны в 2004 г. Для белорусских студентов, обучающихся как в высших учебных заведениях Республики Беларусь, так и в ЕГУ, KAS также проводит годовые программы с выдачей стипендий в размере 150 евро в месяц [10].

Деятельность Фонда Фридриха Науманна претерпела значительные изменения с начала 2000-х гг., что было вызвано не только внешними причинами, но и таким банальным внутривосточным фактором, как потеря популярности по итогам парламентских выборов, что отразилось и на федеральном финансировании деятельности организации. В настоящий момент активность данного публичного фонда сводится к поддержке талантливой молодежи и организации образовательных мероприятий

Фонд Генриха Белля при проведении своих мероприятий изначально прежде всего концентрировался на вопросах климата и гендерного равенства, поэтому основная задача реализуемых программ состояла в поддержке институтов гражданского общества, ограниченно участвующих в политическом процессе, что влияло на минимальные затруднения для деятельности в рассматриваемых странах и отсутствие проблем с получением федерального финансирования. Также в годовом отчете фонда за 2017 г. указано получение от МИД ФРГ особых средств в размере 180000 евро на проведение мероприятий в Белоруссии. [11]

Фонд Розы Люксембург, аффилированный с партией «Левые», считающейся одной из наиболее пророссийски настроенных в ФРГ, делает упор на проведение мероприятий в сфере «общественной дипломатии» в РФ, при этом сводя активность на территории Украины и Белоруссии к реализации программ по достижению социального (в т.ч. и гендерного) равенства.

Партнерство Республики Беларусь с аналитическими институтами ФРГ в контексте политики «многовекторности»

Деятельность немецких think-tanks на территории Республики Беларусь заслуживает отдельного рассмотрения в силу ее эффективности, достигнутой благодаря взаимодействию аналитических институтов ФРГ с правительством страны и неправительственными организациями в период с 2014 г. Во многом этот процесс повлиял на реализацию политики «многовекторности» как внешнеполитического курса Республики Беларусь, а также на появление Track-II инициатив, связанных с региональной безопасностью на постсоветском пространстве и в Европе, урегулированием украинского кризиса и реализацией программы «Восточного партнерства» ЕС. События 2014 г. на Украине послужили системным стимулом не только для германской, но и белорусской внешней политики, поскольку это не только подрывало безопасность в Восточной Европе, но и давало повод говорить о возможном повторении «украинского сценария» в Белоруссии. Предложения Александра Лукашенко по представлению в Минске площадки для урегулирования конфликта на Донбассе стали первым событием нового этапа в белорусско-германских отношениях, а президентские выборы 2015 г., по итогам в стране не было акций протеста, аналогичных событиям 2010 г., дали повод говорить о смягчении санкций против правительства Республики Беларусь. В связи с этим интересно упомянуть отчет Фонда Фридриха Эберта “Die EU und Belarus: Zeit für einen Politikwechsel” [12], вышедший в 2016 г. и содержавший предложения по смягчению санкций против приближенных президента Белоруссии, а также по восстановлению в том числе и диалога между институтами гражданского общества. Следующим шагом стало возобновление работы поддерживаемых

мого FESи Фондом Конрада Аденауэра «Минского форума» [13], а также смягчение критики режима Лукашенко.

Несомненно, одним из наиболее ярких примеров в данной связи является форум «Минский диалог», начавший функционировать в 2015 г. Периодически на сайте «Минского диалога» можно увидеть программные документы, выходящие при поддержке Фонда Конрада Аденауэра, например, статью председателя форума Евгения Прейгермана «Слухи о конце многовекторности сильно преувеличены» [14], написанную в ответ на интервью главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянова, в котором прозвучал тезис «многовекторность на постсоветском пространстве уходит в прошлое» [15]. Такая степень партнерства, впрочем, не всегда вызывает положительное отношение у специалистов по Белоруссии, к примеру, российский телеграм-канал «Бульба престолов» [16] склонен негативно оценивать совместную работу KASи «Минского диалога», полагая, что данная деятельность ведет к росту антироссийских настроений в стране, прежде всего среди политической элиты, а также возможному всплеску белорусского национализма и приходу к власти лиц, откровенно настроенных на дезинтеграцию с Российской Федерацией и последующую конфронтацию.

Подводя итог рассмотрению деятельности аффилированных с политическими партиями Германии think-tanks на территории РФ, Украины и Белоруссии, можно заключить, что, несмотря на субъектность, которой данные институты гражданского общества обладают в механизме принятия внешнеполитических решений ФРГ, на стадии имплементации решений они становятся инструментами внешней политики государства на уровне Track-II дипломатии. Более того, мероприятия по поддержке институтов гражданского общества на территории указанных государств напрямую зависят от системных стимулов, возникающих в системе международных отношений, и реакции на них как правительств этих стран, так и немецкого руководства.

Список литературы:

1. *Jones P.* Track two diplomacy in theory and practice. — Stanford University Press, 2015.
2. *Ripsman N. M., Taliaferro J. W., Lobell S. E.* Neoclassical realist theory of international politics. — Oxford University Press, 2016.
3. *Heisterkamp U.* Think Tanks der Parteien? — Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018.
4. *Pogorelskaja S.* Die parteinahen Stiftungen als Akteure und Instrumente der deutschen Außenpolitik // Bundeszentrale für Politische Bildung — URL: <https://www.bpb.de/apuz/27121/die-parteinahen-stiftungen-als-akteure-und-instrumente-der-deutschen-aussenpolitik> — 21.06.2020.
5. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik // Auswaertiges Amt - URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/289396/58d60f4040d34e5a1a0d69fba06de725/170427-akbp16-data.pdf> — 17.06.2020.
6. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik // Auswaertiges Amt - URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2177718/6b83bf55d94d0b813ad3e6fa701f79c3/akbp-bericht-2017-data.pdf> — 17.06.2020.
7. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik // Auswaertiges Amt — URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2232572/0b260ad27d3cb1619279a3355abe7e47/akbp-bericht2018-data.pdf> — 17.06.2020.
8. *Погорельская С. В.* «Мягкая» сила Германии: политические фонды // АПЕ. 2014. №3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-germanii-politicheskie-fondy> — 01.07.2020.
9. Двенадцать шагов по укреплению безопасности на Украине и в Евроатлантическом регионе // Российский совет по международным делам - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dvenadtsat-shagov-po-ukrepleniyu-bezopasnosti-na-ukraine-i-v-evroatlanticheskom-regione/> — 27.06.2020.
10. Ausschreibung: Stipendien für Studierende aus Belarus // Konrad Adenauer Stiftung - URL: <https://www.kas.de/en/web/belarus/veranstaltungsberichte/detail/-/content/ausschreibung-stipendien-fuer-studierende-aus-belarus> - 25.06.2020.
11. Jahresbericht 2017 der Heinrich-Böll-Stiftung // Heinrich Böll Stiftung — URL: https://www.boell.de/sites/default/files/web_jahresbericht_2017.pdf — 22.06.2020.
12. Die EU und Belarus: Zeit für einen Politikwechsel // Friedrich Ebert Stiftung URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id-moe/12331.pdf> — 25.06.2020.

13. Отчёт „Минский форум XVI „Беларусь и ЕС — будущее партнёрства: диалог, развитие, дигитализация“ // deutsch-belarussischegesellschaft — URL: <https://www.dbg-online.org/images/dokumente/minsk-forum-XVI/Sachbericht-Minsk-Forum-XVI-RU.pdf> — 25.06.2020.
14. *Прейгерман Е.* Слухи о конце многовекторности сильно преувеличены // Минский Диалог - URL: <https://minskdialogue.by/research/opinions/slukhi-o-kontce-mnogovektornosti-silno-preuvelicheny> - 22.06.2020.
15. Лукьянов: Многовекторность на постсоветском пространстве уходит в прошлое // Евразия. Эксперт — URL: <https://eurasia.expert/lukyanov-mnogovektornost-na-postsovetskom-prostranstve-ukhodit-v-proshloe/> - 22.06.2020.
16. Бульба престолов // TelegramURL: https://t.me/bulba_of_thrones — 22.06.2020.

Москаленко Диана Денисовна

Оценки РФ (1993–2020) вторжения в Чехословакию в 1968 г. в контексте исторической политики РФ

The evaluations of Russia (1993–2020) of Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia in 1968 in the context of policy of memory

Аннотация: В статье проанализированы официальные оценки российской властью вторжения войск ОВД в Чехословакию в 1968 г. Фокус работы направлен на российско-чешские отношения в период с возникновения Чешской Республики в 1993 по настоящее время. Оценки также были рассмотрены в контексте вырабатываемой на протяжении этих лет исторической политики России.

Ключевые слова: Россия, Чехия, вторжение в Чехословакию в 1968 г., российско-чешские отношения, историческая политика.

Abstract: This article studies the official evaluations of Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia in 1968 made by Russian authorities. The paper focuses on Czech-Russian relations for the period from the emergence of the Czech Republic in 1993 until the present day. The evaluations were also analyzed by putting them in the context of Russian policy of memory that has been working out during that time.

Keywords: Russia, Czech Republic, invasion of Czechoslovakia in 1968, Czech–Russian relations, policy of memory.

Приостановление процесса проведения реформ в Чехословакии путем ввода войск ОВД в ходе операции «Дунай» в 1968 г. стало важной вехой в истории развития отношений СССР и европейских стран социалистического лагеря. Это вмешательство стало практическим воплощением так называемой «доктрины Брежнева» или «доктрины ограниченного суверенитета», согласно которой Советский союз имел право вмешиваться в дела других стран, входящих в социалистический блок.

Прежде практически не обсуждаемый вопрос об этих событиях появился на повестке дня после «бархатной революции» 1989 г.: необходимо было решить не только специфические проблемы (например, вывод советских войск, которые продолжали находиться в Чехословакии с 1968 г.), но и найти путь к совместному диалогу о произошедшем. Обсуждение событий «Пражской весны» и ее подавления получило новый виток в результате распада СССР в 1991 г. и возникновения Российской Федерации, а также после «бархатного развода» 1993 г., когда появились современные Чехия и Словакия.

В статье фокус внимания был направлен на российско-чешский диалог и сделанные в ходе него российской стороной оценки событий 1968 г. в Чехословакии, поскольку обсуждение этого военного вмешательства со Словакией, с одной стороны, было гораздо менее бурным, чем с Чехией, а с другой стороны, в целом дублировало тон высказанных РФ мнений в рамках российско-чешских отношений (например, осуждение вторжения 1968 г. было включено в преамбулы Договоров о дружественных отношениях и сотрудничестве РФ и с Чехией, и со Словакией) [3; 4]. Был проведен анализ высказываний официальных лиц, документов, комментариев МИД РФ, резонансных эпизодов, связанных со спонсируемыми государством СМИ. Поскольку ввод войск в Чехословакию 1968 г. является частью прошлого, его оценки делались в рамках исторической политики, чей курс различался в зависимости от этапа ее становления. По этой причине интерпретации чехословацких событий были рассмотрены в хронологическом порядке в связи с задачами официальных исторических дискурсов разных периодов.

Среди отечественных исследователей исторической политики можно выделить А. И. Миллера, О. Ю. Малинову, В. А. Ачкасова, В. В. Титова. Работы вышеуказанных ученых послужили основой для представленного в статье анализа развития исторической политики, проводимой в РФ. Стоит отметить, что тема изучения оценок России вторжения в Чехословакию в контексте данного типа политики является недостаточно исследованной. Данная работа является актуальной, поскольку рассмотрение изменений мнений РФ по отдельным эпизодам прошлого позволяет проде-

монстрировать наличие определенной политической линии поведения государства.

Историк А. И. Миллер предложил следующее определение термина «историческая политика»: «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [12, С. 10]. Такой тип политики помогает формировать идентичность страны как в позитивном ключе (то, кем коллективное «Я» является), так и в негативном (то, кем коллективное «Я» не является) [8, С. 141]. Проведение определенной исторической политики имеет два вектора: внутривнутриполитический, т.е. направленный на консолидацию общества внутри государства, и внешнеполитический, т.е. касающийся самоутверждения и поддержания престижа на международной арене.

Россия с момента своего возникновения испытывала трудности при выстраивании единой и непротиворечивой исторической политики. Социалистическое прошлое и отношение к нему являются для РФ критически важными при конструировании своей национальной идентичности, поскольку Россия является правопреемником СССР. Если другие постсоветские и посткоммунистические страны нередко прибегают к образу «жертвы» жестоких и насильственных действий «Другого» (т.е. СССР) [1, С. 183–184], то РФ сложно поступить таким же образом. Последнее время также имеют место «войны памяти» [10], под которыми понимаются столкновения исторических политик разных стран. Такие противоречия стали результатом попыток пересмотра спорных сюжетов (прим. авт. — в основном о Второй Мировой войне, однако также сюжетов, касающихся действий СССР на протяжении всего периода существования этого государства), что в свою очередь отражается и на выстраивании РФ официального исторического дискурса.

Историческую политику Российской Федерации можно разделить на три периода [8], и оценки чехословацких событий соотносятся с каждым из них:

1. 1990-е: критический нарратив, концепция «новой России»;
2. 2000-е: эклектический нарратив, идея «тысячелетней России»;
3. 2010-е: апологетический нарратив.

В первой половине 1990-х г. молодое российское государство, появившись в результате распада Советского союза, только пыталось обрести свою идентичность. Первоначальный дискурс был в некоторой степени схож с дискурсами других постсоветских и посткоммунистических государств: Россия пыталась отдалиться от СССР, советский период подлежал критическому пересмотру. Власти выстраивали образ России через ее связь с демократическими ценностями [8, С. 145], выражалась нацеленность «на «демонтаж» советского идейно-политического наследия» [19, С. 46]. Критический нарратив использовался как обоснование новой политической системы, отличной от той, что существовала в СССР. Однако Россия была правопреемницей Советского Союза, поэтому полный разрыв с этой частью истории был невозможен. Это привело к корректировке курса в середине 1990-х: нарратив стал более компромиссным к периоду советской власти, одним из свидетельств чего стало возобновление парада на Красной площади по случаю 50-летия Победы [8, С. 146]. Такая непоследовательная, непродуманная позиция лишь затормозила и усложнила процесс обретения РФ своей идентичности.

Официальное отношение к событиям в Чехословакии было заложено в этот период в ходе восточноевропейского турне президента РФ Б. Н. Ельцина в августе 1993. В преамбуле Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой было указано желание «окончательно подвести черту под тоталитарным прошлым, связанным с недопустимым применением силы против Чехословакии в 1968 году» [4]. Помимо документального закрепления позиции России в Договоре, в ходе визита в Прагу Борис Ельцин возложил цветы к мемориальной доске в память о студентке, погибшей в ходе событий августа 1968 года [13, С. 1]. Однако официальные извинения Ельцин не стал приносить, поскольку, по его мнению, Россия не должна нести ответственность за действия, инициированные советским руководством [16]. Такое двойственное поведение, в котором сочетается и признание недопустимости применения силы в 1968 г., и нежелание связывать Россию с «тоталитарным прошлым» путем извинений, шло в русле критического нарратива и попытки отмежевания от истории СССР.

С приходом к власти В. В. Путина в 1999 г. историческая политика получает новый импульс развития; критический нарратив прошлого десятилетия подлежал пересмотру. Новый курс исторической политики можно назвать эклектичным, поскольку в нем сочетались символы, ценности, сюжеты разных эпох [8, С. 148]. В качестве его начальной точки может служить принятие в 2000 г. законов о государственной символике, что стало своего рода «примирением» с различными периодами истории. Герб с изображением двуглавого орла отсылал к дореволюционному времени, флаг был символом противостояния российской власти и советской, а музыка для нового гимна была позаимствована из гимна СССР. В центре новой исторической политики — идея о «тысячелетней России», могучей и героической стране с многовековой историей [8, С. 148]. В силу этой причины миф о СССР был рассмотрен по-новому: несмотря на то, что российская власть признавала недостатки этого государства, Советский Союз воплощал в себе образ великой державы, а потому стал чаще использоваться в положительном ключе. Смена отношения руководства выразилась в словах политика В. В. Путина о распаде СССР как о «крупнейшей геополитической катастрофе века» [15]. На протяжении второй половины 2000-х годов эклектический курс все больше склоняется к апологетическому, который станет доминирующим в следующее десятилетие.

В 2006 г. во время своего визита в Чехию президент России затронул тему вторжения в Чехословакию в 1968 г. Глава Российской Федерации подчеркнул приверженность оценкам, высказанным в начале 1990-х годов, однако высказал опасения по поводу использования интерпретаций событий «для раздувания каких-то антироссийских настроений» и подчеркнул, что о юридической ответственности речь идти не должна [17]. Однако Путин признал «моральную ответственность» за события августа 1968 года [17], что, по сути, означало разрыв с позицией отмежевания от советского прошлого предыдущего десятилетия. В этом и отразилась эклектичность курса: с одной стороны, президент выразил солидарность с курсом Ельцина, но с другой, заявив о «моральной ответственности», отошел от него. Высказывание по поводу потенциально некорректного использования исторических фак-

тов в политических целях говорит о понимании руководством РФ важности исторической политики и укрепляет образ сильной державы, которая готова защищать свои интересы в области истории.

В 2010-х гг. историческая политика начинает носить более систематический и институциональный характер. Однако в качестве точки отсчета этого периода следует взять 2009 г., когда была учреждена «Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», которая действовала вплоть до 2012 г [1, С. 187]. Этот период характеризуется усилением внимания государства к исторической политике (2013 — идея единого учебника по истории; 2014 — закон, предусматривающий уголовную ответственность за распространение ложных сведений о деятельности СССР во время Второй Мировой войны) [11, С. 49,54]. Курс становится апологетическим; происходит выработка унифицированного взгляда на историю, во многом охранительного. Все больше получает развитие образ великой державы, страны-победительницы.

Не последнюю роль в формировании такого курса играет международная обстановка, усиливаются «войны памяти». В 2009 г. Европейский парламент принимает закон о дне памяти жертв сталинизма и нацизма [14]. Как отмечает А. И. Миллер, конфронтация по поводу исторических интерпретаций усилилась в связи с событиями 2014 года [10]. Принятая в 2019 г. резолюция Европейского парламента, в которой было высказано мнение о пакте Молотова–Риббентропа как о «спусковом крючке» Второй Мировой войны, была встречена в России как попытка исказить историю [18].

Усиленное внимание государства к исторической политике и нападки со стороны других стран по поводу событий прошлого стали причинами для более бурного, чем в предыдущие годы, публичного обсуждения в 2010-х вторжения в Чехословакию. С середины десятилетия произошло несколько скандалов, связанных с государственными СМИ, где были даны положительные оценки этого события. В 2015 г. в эфире федерального телеканала «Россия-1» был показан документальный фильм о вводе войск ОВД в Чехословакию, целью которого, по мнению авторов, была

защита страны от переворота, якобы инициированного Западом. Этот эпизод стал причиной вызова посла России в МИД Чехии [20]. Еще один случай был связан с публикацией на сайте телеканала «Звезда», который спонсируется Министерством обороны. Статья носила заголовок «Чехословакия должна быть благодарна СССР за 1968 год». Она вызвала критику чешского президента, который на момент ее выхода находился в России [2]. Впоследствии публикация была удалена, а взамен появился комментарий редакции о том, что сайт данного телеканала — это «дискуссионная площадка, на которой размещаются разные мнения» [7]. Два дня спустя после критики публикации президентом Чехии МИД РФ подтвердил неизменность позиции России по событиям в Чехословакии, которая была изложена в Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве 1993 г. [9].

В декабре 2019 г. МИД России негативно отреагировал на принятие Чехией закона о Дне памяти жертв вторжения 1968 г. В комментарии на сайте министерства было отмечено нежелание Праги «перелистнуть страницу истории» [6]. В ответ на это президент Чешской Республики заявил, что его визит в Россию для празднования 75-й годовщины Победы находится под вопросом [5].

Вышеописанные эпизоды демонстрируют следование охранительной линии исторической политики 2010-х годов, которая стала результатом не только выстраивания образа великой державы, но и международных процессов. Отношения с Чехией все больше подвергаются влиянию «войн памяти», которые усиливаются не только в Европе в целом, но и в российско-чешских отношениях (например, по вопросу памятника И. С. Коневу [21]).

Российская Федерация на протяжении всего существования находится в поиске своей внутривнутриполитической и внешнеполитической идентичности. Историческая политика является инструментом в этом процессе, поэтому оценки событий в Чехословакии и акценты, расставленные в тот или иной период, становятся прямым результатом направлений и целей такой политики. Первоначальное стремление закрыться от советского прошлого сменилось использованием образа СССР как могучей державы, чьим наследником является Россия. Апологетическая направлен-

ность курса последних лет, разгоревшиеся с новой силой «войны памяти» заставляют РФ твердо придерживаться охранительной линии и резко относиться к точке зрения на события прошлого, которая отличается от ее собственной, что и происходит в последнее время в российско-чешском диалоге, в том числе по поводу событий в Чехословакии 1968 г.

Список литературы:

1. Ачкасов В. А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. №. 2. С. 181–192.
2. Внештатный автор создал ситуацию // Коммерсантъ. 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3475221> — 21.06.20.
3. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой республикой // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-394/48308 — 21.06.20.
4. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract — 21.06.20.
5. Земан обдумывает отказ от визита в Москву на парад Победы // РИА Новости. 2019. URL: <https://ria.ru/20191227/1562964026.html> — 22.06.20.
6. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с принятием в Чехии закона о признании 21 августа «Днем памяти жертв вторжения и последующей оккупации (ЧССР) войсками Варшавского договора в 1968 году» // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3961546 — 23.06.20.
7. Комментарий редакции по факту публикации статьи Л. Масловского о событиях 1968 года в Чехии // Официальный сайт телеканала «Звезда». 2017. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201711221504-kzlq.htm — 21.06.20.
8. Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. №. 6. С. 139–158.
9. МИД подтвердил позицию Москвы по событиям 1968 года в Чехословакии // РИА Новости. 2017. URL: <https://ria.ru/20171123/1509473990.html> — 22.06.20.

10. Миллер А. И. Войны памяти вместо памяти о войне // Новая газета. 2019. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/05/85240-voyny-pamyati-vmesto-pamyati-o-voyne> — 21.06.20.
11. Миллер А. И. Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. №. 4 (75). С. 49–56.
12. Миллер А. И. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Т. 2. С. 6–23.
13. Москва возвращается в Восточную Европу // Независимая газета. 1993. URL: https://yeltsin.ru/uploads/upload/newspaper/1993/nzv08_28_93/FLASH/index.html — 23.06.20.
14. О сравнении нацизма и сталинизма // BBC News. 2009. URL: https://www.bbc.com/russian/interactivity/2009/07/090713_blog_krechetnikov_stalinism — 21.06.20.
15. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Сайт Президента РФ. 2005. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> — 21.06.20.
16. Президент России не извинился за действия СССР // Коммерсантъ. 1993. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/57791> — 21.06.20.
17. Пресс-конференция по итогам российско-чешских переговоров // Сайт Президента РФ. 2006. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23467> — 21.06.20.
18. Путин счел беспардонной ложью резолюцию Европарламента о Второй мировой // РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df0fb3d9a7947d9bb521cda> — 23.06.20.
19. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. №. 3. С. 45–57.
20. Чехи и словаки возмущены российским фильмом о 1968 годе // BBC News. 2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/06/150601_czechs_slovaks_russians_row_over_film — 21.06.20.
21. Чехия сообщила о невозможности выдать памятник Коневу России // Lenta.ru. 2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/20/konev/> — 21.06.20.

Писаревская Дарья Дмитриевна

Политические и экономические перспективы регионального объединения «Инициатива трех морей» как нового формата интеграции в ЦВЕ

Political and Economic Prospects of the Three Seas Initiative as
a New Format of Integration in the CEE region

Аннотация: В статье дается подробный анализ деятельности регионального объединения «Инициатива трех морей», представляющего собой новую попытку интеграции стран ЦВЕ с целью экономического развития региона. Целью исследования стало определение возможных перспектив развития данного форума и оценка его потенциала как геополитического и экономического проекта. Автор делает вывод о том, что деятельность данного объединения является конструктивной и жизнеспособной только в области реализации проектов развития инфраструктуры региона без включения в повестку планов по вытеснению России с регионального газового рынка.

Ключевые слова: регион ЦВЕ, Инициатива трех морей, Польша, экспорт газа, региональное лидерство.

Abstract: The article provides a detailed analysis of the activities of the regional association Three Seas Initiative that represents a new attempt to integrate the countries of the CEE region with a view of the region's economic development. The study is aimed at identifying possible prospects for the development of this forum and assessing its potential as a geopolitical and economic project. The author comes to the conclusion that the activities of this association are constructive and viable only in the field of implementing region's infrastructure development projects without including plans to displace Russia from the regional gas market.

Keywords: the CEE region, Three Seas Initiative, Poland, gas exports, regional leadership.

К 2016 году в рамках Европейского союза выкристаллизовалась еще одна площадка регионального диалога для стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Речь идет об

«Инициативе трех морей» («Троеморье»; ИТМ; «Инициатива»), которая возникла в качестве неформального президентского форума 12 стран (Польша, Хорватия, Австрия, Венгрия, Словакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва, Чехия, Румыния и Болгария), расположенных между Адриатическим, Балтийским и Черным морями. На данный момент уже прошли встречи ИТМ на высшем уровне в Дубровнике (Хорватия, 2016 г.), Варшаве (Польша, 2017 г.), Бухаресте (Румыния, 2018 г.), Любляне (Словения, 2019 г.). Следующую встречу планируется провести в 2020 г. в Эстонии.

Страны Вишеградской группы, Балтийские государства, а также государства Юго-Восточной Европы, объединившиеся в ИТМ, являются неотъемлемой частью ЕС, однако переживают ряд сложностей, связанных с их общим социалистическим прошлым (недостаточно развитая инфраструктура, необходимость развития и унификации внутреннего рынка).

Решить эти проблемы посредством создания нового регионального наднационального объединения в 2015 г. предложило польское правительство во главе с победившей на выборах право-консервативной партией «Право и справедливость» (в лице президента Польши Анджея Дуды) и правительство Хорватии (в лице президента Хорватии Колинды Грабар-Китарович). Несмотря на то, что ИТМ фокусируется только на экономических аспектах региональной конвергенции, (на энергетике, транспорте и цифровых технологиях), она уже столкнулась с противоречивыми оценками.

В данном контексте интересно высказывание посла России в Эстонии Александра Петрова, который опасается, что предстоящий в 2020 г. саммит государств «Троеморья» в Таллине может попытаться способствовать изоляции Москвы [2]. Польская аналитика неоднозначно подчеркивает, что данный проект имеет свое геополитическое измерение и направлен на вытеснение российского газа с рынков Восточной Европы. Отмечается, что «в то время как ИТМ преследует экономические цели, большинство стран-участников объединения и многие другие страны считают, что данная Инициатива представляет собой еще один стратегический шаг на пути к безопасности: т.е. к необходимости сомкнуть ряды перед лицом угрозы с Востока» [21]. В этой связи представ-

ляется важным проанализировать деятельность ИТМ, в качестве нового политического феномена в ЦВЕ, определить перспективы развития данного форума и оценить его потенциал как геополитического и экономического проекта, а также сделать соответствующие выводы для российской стороны.

Цели инициативы и источники финансирования

Как заявляется, главными целями создания этого объединения являются еще большее сплочение Европейского союза, укрепление региональной взаимозависимости в области энергетики, транспортной инфраструктуры и цифровых коммуникаций стран Центральной и Юго-Восточной Европы, равно как и преодоление традиционного разделения на Восток и Запад [19]. По состоянию на 2018 г. территория стран-членов ИТМ составляет 28 % территории ЕС, их население равняется 22 % от общего по ЕС (114 млн человек), вклад этих стран в общий ВВП ЕС составляет только 10 % [11]. Считается, что неформальным лидером данного объединения стала Польша, которая занимает ведущие позиции как по численности населения и величине территории, так и по объему ВВП среди всех стран ИТМ.

Важно подчеркнуть, что главным инвестором в проекты сплочения региона является Европейский Союз, из структурных фондов которого (ключевой фонд — The Connecting Europe Facility) на развитие инфраструктуры в странах ИТМ к 2020 г. должно быть направлено свыше 2,5 млрд евро [11]. Вместе с тем, 5 июля 2019 г. во время саммита ИТМ в Любляне два национальных банка стран-участниц — польский Банк Национального хозяйства (прим. авт. — Банк Национального хозяйства — польский национальный банк развития со штаб-квартирой в Варшаве; является единственным государственным банком Польши) и румынский EximBank, официально объявили о создании собственного Инвестиционного фонда ИТМ [16]. Они взяли на себя обязательства на сумму более 500 млн евро. В настоящее время фонд открыт для присоединения других стран ИТМ. Предполагаемая цель фонда — привлечь от 3 до 5 млрд евро. Считается, что он сможет встроиться в инфраструктурные проекты Евросоюза об-

щей стоимостью до 100 млрд евро, в то время как потребности в финансовых средствах для стран ИТМ оцениваются в 570 млрд евро [15].

Проекты в сферах «Транспорт», «Энергетика» и «Цифровые технологии»

В соответствии с отчетом Еврокомиссии, подготовленным по результатам саммита ИТМ в Бухаресте в 2018 г., транспортная инфраструктура в 12 странах ИТМ по своей пропускной способности и по общему времени в пути (учитывая перемещение как по дорожному полотну, так и по железнодорожным путям) уступает аналогичной в странах Западной и Северной Европы. В этой связи целями стран-участниц «Инициативы» являются развитие транспортных сетей, прокладка новых автомобильных дорог с севера на юг, постройка новых и поддержка в надлежащем состоянии существующих железнодорожных линий между странами региона, а также планы по строительству водного коридора между реками Дунай, Одер и Эльба [11, р. 4].

Среди ключевых проектов по направлению «Транспорт» стоит отметить строительство Rail Baltica, железной дороги стандартной европейской колеи, которая должна будет соединить Берлин, Варшаву, Вильнюс, Каунас, Ригу и Таллин с целью улучшения сообщения между странами ЦВЕ. Безусловным бенефициаром данной инициативы должны стать страны Балтии, чья система железных дорог в результате строительства Rail Baltica будет лучше интегрирована в транспортную систему ЕС. Как заявлено в вышеупомянутом отчете Еврокомиссии, Rail Baltica должен стать «самым большим инфраструктурным проектом, реализованным в странах Балтии за последние сто лет» [11, р. 4]. Там же указана сумма в 1,5 млрд евро, которую ЕС уже направил на строительство данной магистрали. Координаторы данного проекта заявляют, что первый поезд из Таллина в направлении границ Литвы и Польши по данной железной дороге европейской колеи должен отправиться в 2025 г. [8]. Важно то, что в 2015 г. в строй был введен участок Rail Baltica, соединивший Белосток (Польша) и Каунас (Литва); в 2016 г. между этими городами было открыто

регулярное пассажирское сообщение. Однако существуют мнения, что в целом данный проект для стран Балтии будет скорее убыточным, например, госконтроль Эстонии уже заявил о повышении стоимости строительства узкоколейной железной дороги европейского образца и усомнился в том, что ж/д будет достроена к 2025–2026 гг. [5].

Другой значимый проект, который, как правило, часто ассоциируется именно с ИТМ — автострада *Via Carpatia*, которая должна пересечь с севера на юг семь государств (Литву, Польшу, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Грецию) вдоль восточного рубежа ЕС, вместе с ответвлениями в Румынии и Болгарии — более 3500 км и соединить Клайпеду с Салониками, Констанцей и Свиленградом. Идея создания маршрута *Via Carpatia* была выдвинута еще в 2006 г. Литвой, Польшей, Словакией и Венгрией под патронажем президента Польши Леха Качиньского [17]. Тогда была подписана Первая совместная Ланьцутская декларация о расширении ТЕН-Т (Трансъевропейские транспортные сети) посредством *Via Carpatia*. По словам министра инфраструктуры Польши Анджея Адамчика, на 2019 г., т.е. к 13-ой годовщине подписания Декларации, уже проложено около 8 тыс. километров трассы *Via Carpatia*, соединяющей север и юг Европы. Также он отметил, что в польской национальной программе дорожного строительства до 2023 г. предусмотрены все необходимые средства для реализации маршрута на территории Польши [1].

Проекты в категории «Энергетика» в соответствии с Отчетом о состоянии дел, подготовленным по результатам июньского саммита ИТМ в Словении в 2019 г. призваны укрепить межрегиональные энергетические коридоры посредством строительства интерконнекторов — соединительных газопроводов между странами-участницами с целью «снизить зависимость от внешних поставщиков энергоресурсов» [14]. Также предполагается, что они будут использоваться для транзита регазифицированного СПГ из СПГ-терминалов на побережье Балтийского и Средиземного морей (в польском Свиноуйсьце, литовской Клайпедо и будущем терминале в хорватском городе Крк) дальше в Европу.

Одним из ключевых в данной категории является проект газопровода между Польшей и Данией, известного как «Балтийская

труба» (Baltic Pipe) мощностью 10 млрд м³ в год [13]. Целью строительства является подключение Польши к норвежской газотранспортной сети и последующая транспортировка природного газа с норвежского шельфа в Северном море через Данию в Польшу и далее в страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Интересно отметить, что данный проект частично стартовал еще в 2001 г., но работы по строительству были приостановлены [18]. 4 мая 2020 г. президент Польши Анджей Дуда объявил о начале строительства газопровода, чему предшествовало подписание 30 апреля исполнительного контракта на строительство между польской фирмой Gaz System SA и итальянским концерном Saipem Limited [22].

Согласно вышеупомянутому Отчету от 2019 г., на своей начальной стадии также находятся проекты газопроводов «BRUA» (пройдет по территории Австрии, Болгарии, Венгрии и Румынии), «Eastring» (совместный проект Румынии, Болгарии, Венгрии и Словакии; плановая пропускная способность 20–40 млрд м³ газа в год) и СПГ-терминала на о-ве Крк в Хорватии (предполагаемая максимальная пропускная способность 2,6 млрд м³ СПГ в год). На строительство первой фазы газопровода «BRUA» в сентябре 2016 г. по соглашению с Еврокомиссией было выделено 179 млн евро [14, р. 20]. В отношении «Eastring» из фонда «The Connecting Europe Facility» были выделены средства на составление ТЭО (технико-экономического обоснования) [14, р. 22].

Относительно основных задач в области цифровых коммуникаций усилия стран-членов ИТМ направлены на преодоление разрыва в телекоммуникационной инфраструктуре между странами ЦВЕ и странами ЕС-15, создание платформ для расширения цифровой торговли, проведение соответствующих исследований и выработку плана создания целостной цифровой инфраструктуры «Three Seas Digital Highway», которая соединит страны региона, используя оптоволокно и технологии 5G. Также высок интерес стран ИТМ к общеевропейской инициативе WiFi4EU, которая обеспечивает бесплатный доступ к Wi-Fi в общественных местах, включая парки, библиотеки, медицинские учреждения, музеи в городах по всей Европе [10].

Геополитическое измерение ИТМ

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что саммит стран ИТМ в Варшаве в 2017 г. посетил президент США Дональд Трамп, вызвав своим появлением ряд неоднозначных высказываний в сторону как самого объединения, так и одного из его главных авторов — Польши. В адрес этой страны вновь звучат упреки, связанные с ее действиями по созданию геополитического объединения под патронажем США, призванного интегрировать страны ИТМ в нечто большее, чем просто региональный форум, целью которого является решение экономических проблем региона [6]. Также польские эксперты подчеркивают, что существуют определенные опасения со стороны стран ЕС-15 по поводу возможного превращения формата ИТМ в политический блок, способный конкурировать со «старой Европой» с целью противостоять стратегическому тандему ЕС в лице Германии и Франции [20]. Развитие партнерских отношений с США видится в странах ЦВЕ как гарантия своей безопасности как от восточного соседа, так и от усиления франко-немецкого ядра ЕС. Интересно отметить, что 15 февраля 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео во время Мюнхенской конференции по безопасности заявил, что США готовы выделить до 1 млрд долларов на финансирование энергетических проектов в странах ЦВЕ, входящих в инициативу «Троеморье», с целью снизить энергетическую зависимость этих стран от России [9].

Ситуация с энергетической политикой в регионе ЦВЕ представляет собой пример того, как, опираясь на финансирование из фондов Евросоюза, ведущие страны региона не только стремятся развивать его инфраструктуру, но также пытаются включить элементы геополитики в данную инициативу, противопоставляя, в частности, свою повестку российско-немецким энергетическим проектам в Европе. Важным элементом геополитической картины в регионе является развитие сети СПГ-терминалов, которое во многом связано со стремлением стран ЦВЕ «диверсифицировать поставки газа с востока».

В этой связи, например, польское правительство заявило, что не собирается продлевать контракт с российским газопро-

водом «Ямал-Европа», срок действия которого истекает в 2022 г. По словам уполномоченного польского правительства по вопросам стратегической энергетической инфраструктуры Петра Наимского, как только истечет контракт с Россией, газ в страну будет поставляться в сжиженном виде с помощью нового СПГ-терминала в городе Свиноуйсьце (Świnoujście), а также через газопровод Baltic Pipe [4]. Предполагается, что последний будет введен в эксплуатацию в октябре 2022 г. незадолго до окончания контракта с Газпромом [22].

Однако автор выделяет ряд факторов, которые ставят под сомнение перспективы ИТМ как геополитического объединения. Во-первых, стоит подчеркнуть, что далеко не все страны, которые объединились в ИТМ, разделяют позицию Польши и стран Балтии о том, что одним из главных соперников для ИТМ является «Газпром», и что следует планомерно противодействовать российским энергетическим проектам в регионе. Маловероятно, что такие страны ИТМ как Венгрия или Австрия будут ставить сомнительные геополитические инициативы выше собственных экономических интересов: они имеют тесные отношения с Россией, заинтересованы в поставках российских энергоносителей.

Во-вторых, важно понимать, что страны региона в целом не представляют собой политического монолита, что отмечают, в частности, и польские исследователи [12]. ИТМ объединяет страны с разными стратегическими интересами — в то время как Польша и Румыния готовы всецело воспользоваться гарантиями безопасности и поддержкой со стороны США, Чехия, Словакия и Словения же больше ориентированы на Германию и не собираются ослаблять свои связи с Евросоюзом — гарантом их стабильного экономического развития.

В-третьих, необходимо учитывать, что вышеперечисленные проекты могут быть реализованы лишь при серьезном финансовом вливании самих стран-инициаторов. Однако при рассмотрении предложенного Еврокомиссией проекта бюджета ЕС на 2021–2027 гг., считающегося с финансовыми потерями после выхода Великобритании из ЕС, возникло предложение увязать выплаты из бюджета ЕС с соблюдением странами норм Евросоюза в области верховенства права [7]. Для Польши, к которой существуют

претензии по поводу судебной реформы, и для Венгрии, отказывающейся принимать беженцев согласно квотам ЕС, могут быть сокращены размеры субсидий. В частности для Польши — главного нетто-бенефициара Евросоюза, дотации могут быть сокращены на 23 % [3], что серьезно осложнит реализацию каких-либо амбициозных энергетических проектов.

Заключение

Таким образом, представляется, что единственным форматом, при котором ИТМ будет жизнеспособна, становится сосредоточение на развитии инфраструктуры региона, как это декларировалось при создании ИТМ, без включения в повестку планов по вытеснению России с регионального газового рынка и по продвижению линии на следование в фарватере американских интересов в Европе. Автор уверен, что именно действия по строительству общей инфраструктуры в регионе имеют рациональную основу и действительно могут придать позитивный импульс развитию региональной кооперации и усилению интеграции стран ИТМ, превращая данное объединение в значимый и сильный региональный альянс, от существования которого может выиграть Европейский союз в целом.

Список литературы:

1. Адамчик: Польша обеспечила необходимые средства для строительства Via Carpatia. 17.04.2019. URL: <http://archiwum.radiopolsha.pl/6/136/Artykul/416377> — 18.07.20.
2. В Москве заподозрили страны «Инициативы трех морей» в попытке изоляции России. 17.12.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/688319> — 19.07.20.
3. Восточную Европу оставят без дотаций. 29.05.2018. URL: <https://expert.ru/2018/05/29/vostochnaya-evropa/> — 18.07.20.
4. «Газпром» не нужен: Польша собирается озолотиться на газе из США. 04.10.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/10/04/12737161.shtml> — 19.07.20.
5. Госконтроль Эстонии усомнился, что Rail Baltica будет построена в срок. 06.12.2019. URL: <https://lt.sputniknews.ru/>

- baltics/20191206/10831560/Goskontrol-Estonii-usomnilsya-chto-Rail-Baltica-budet-postroena-v-srok.html — 19.07.20.
6. Гулевич В. Польско-американское Троеморье. Журнал «Международная жизнь». 26.09.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20623> — 20.07.20.
 7. Еврокомиссия предложила проект бюджета ЕС на 2021–2027 годы в €1,28 трлн. 02.05.2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5172457> — 18.07.20.
 8. Первый поезд из Таллина к польско-литовской границе отправится в 2025 году. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/pervyj-poezd-iz-tallina-k-polsko-litovskoj-granice-otpravitsya-v-2025-godu.d?id=69922742> — 18.07.20.
 9. Польша поддерживает инициативу США вложить 1 млрд долларов в «Троеморье». 17.02.2020. URL: <https://www.polskieradio.pl/397/7836/Artykul/2456799>, Польша поддерживает инициативу США вложить 1 млрд долларов в «Троеморье» — 18.07.20.
 10. European Commission, Digital Single Market, Wi-Fi4EU, Free Wi-Fi for Europeans. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/wifi4eu-free-wi-fi-europeans> — 19.07.20.
 11. European Commission report The Three Seas Initiative Summit: European Commission Investments in Connectivity Projects. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/the_three_seas_initiative_summit_en.pdf — 19.07.20.
 12. Górká M. (2018). The Three Seas Initiative as a Political Challenge for the Countries of Central and Eastern Europe, Politics in Central Europe, 14(3). P. 68.
 13. Poland–Denmark interconnection [currently known as “Baltic Pipe”] Baltic Energy Market Interconnection Plan in gas, November 2019. URL: https://ec.europa.eu/energy/maps/pci_fiches/PciFiche_8.3.2.pdf — 17.07.20.
 14. Priority Interconnection Projects 2019 Status Report. URL: <https://irpcdn.multiscreensite.com/1805a6e8/files/uploaded/Status%20Report%202019-online.pdf> — 19.07.20.
 15. New fund to supplement EU infrastructure project financing. 12.06.2019. URL: <https://irei.com/news/new-fund-supplement-eu-infrastructure-project-financing/> — 18.07.20.
 16. The Three Seas Initiative Investment Fund officially established. 07.06.2019. URL: <https://media.bgk.pl/61041-the-three-seas-initiative-investment-fund-officially-established> — 18.07.20.
 17. Via Carpathia — An Investment in the Future. 13.03.2018. URL: <https://warsawinstitute.org/via-carpathia-investment-future/> — 18.07.20.

18. Marcin Szczepański BBN o wstrzymaniu prac nad projektem Baltic Pipe. URL: <https://www.wnp.pl/gazownictwo/bbn-o-wstrzymaniu-prac-nad-projektem-baltic-pipe,97476.html> — 20.07.20.
19. Minister Szczerki: Three Seas initiative to boost European unity. 04.05.2017. URL: <https://www.prezydent.pl/en/news/art,425,minister-szczerki-three-seas-initiative-to-boost-european-unity-.html> — 18.07.20.
20. *Orzelska-Stączek A.* (2018), Inicjatywa Środkowoeuropejska a Trójmorze — odmienne koncepcje współpracy w Europie Środkowo-Wschodniej [The CEE initiative and the three Seas — different cooperation concepts in the CEE] (in Polish), “Studia Polityczne” [Political Studies], No. 1 (46) 2018. P. 161.
21. *Popescu O.* (2017), Trójmorze — nowy instrument w polskiej polityce zagranicznej [Three Seas Initiative — new tool of the Polish foreign politics] (in Polish), “Polski Przegląd Dyplomatyczny, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych” [The Polish Diplomatic Review of the Polish Institute of International Affairs], No. 4 (71) 2017. P. 37.
22. Rusza budowa Baltic Pipe. Projekt uderza w gazową dominację Rosji. 04.05.2020. URL: <https://warsawinstitute.org/pl/rusza-budowa-baltic-pipe-projekt-uderza-w-gazowa-dominacje-rosji/> — 19.07.20.

Попов Дмитрий Игоревич

Дискуссия о польско-российских отношениях на парламентских выборах в Польше 2019 г.

The discussion about Polish-Russian relations in the parliamentary elections in Poland in 2019

Аннотация: Настоящее исследование посвящено вопросу польско-российских отношений на парламентских выборах в Польше в октябре 2019 года. Автором выдвинута гипотеза о существовании в польском обществе различных точек зрения на будущее взаимодействие Республики Польша и Российской Федерации, что должно находить отражение в предвыборной борьбе различных политических сил. С целью ее доказательства были проанализированы программы основных польских партий, высказывания главных партийных деятелей, а также публикации в СМИ, в которых освещались дискуссии о российско-польских отношениях накануне выборов. В результате исследования было выявлено, что при наличии господствующей среди поляков официальной концепции правящей национально-консервативной партии «Право и справедливость» о российской угрозе польскому государству существуют и мнения о возможности укрепления взаимодействия между странами, популярность которых также считается немалой.

Ключевые слова: Польша, Российская Федерация, Право и справедливость, Гражданская платформа, Польская крестьянская партия, Конфедерация.

Abstract: This study focuses on the issue of Polish-Russian relations in the parliamentary elections in Poland in October 2019. The author hypothesizes that there are different points of view in Polish society on the future interaction between the Republic of Poland and the Russian Federation, which should be reflected in the electoral struggle of various political forces. In order to prove it, we analyzed the programs of the main Polish parties, the statements of the main party figures, as well as media publications that covered discussions about Russian-Polish relations before the elections. As a result of the study, it was revealed that in the presence of the official concept of the ruling national conservative party “Law and justice” about the Russian threat to the Polish state which dominates among the

poles, there are also opinions about the possibility of strengthening interaction between countries, whose popularity is also considerable.

Keywords: Poland, the Russian Federation, Law and justice, Civic Platform, Polish People's Party, Confederation.

Результаты прошедших 13 октября 2019 года парламентских выборов в Польше не были для политических аналитиков неожиданными. Правящая национально-консервативная партия «Право и справедливость» (ПиС) смогла не только удержать власть, но и улучшить свой результат в количественном отношении [30]. Оппозиция оказалась не способна предложить альтернативу проводимой партией Я. Качиньского успешной социально-экономической политике, так что именно она сформировала правительство и на второй срок [1, С. 35]. В то же время в сфере внешней политике разгорелась борьба различных видений будущего Польши: основанной на принципах евроскептицизма, национализма и дружбы с США политики ПиС и проевропейского или многовекторного курса оппозиции [4, С. 69], что говорит о плюрализме мнений в Польше по данному вопросу.

Подобный раскол, на наш взгляд, характерен и для польско-российского взаимодействия. Эта проблема в последнее время действительно актуальна, поскольку и в исторической ретроспективе, и сегодня в отношениях двух славянских народов существует немало противоречий, являющихся основой для многих дискуссий. Отмечается непростое восприятие поляками россиян и в опросах общественного мнения: лишь 28% опрошенных говорят о симпатии [26]. Именно поэтому особенно интересным и важным выглядит анализ дебатов о российско-польских отношениях во время предвыборной борьбы. Мы выдвигаем гипотезу о существовании и в этом вопросе различных точек зрения среди польских граждан, которые и должны отражаться в платформах партий.

Итак, целью настоящей работы стало выявление различных точек зрения в польском обществе по вопросу будущей политики в отношении России через призму парламентских выборов 2019 года. Для достижения этой цели требуется, во-первых, проанализировать программы основных политических партий, определить

их мнение по вопросу российско-польского взаимодействия. К таким партиям относятся те объединения, представители которых смогли пройти в Сейм: ПиС, «Гражданская платформа», Польская крестьянская партия, «Левица», «Конфедерация».

Во-вторых, обратиться к высказываниям и действиям главных партийных деятелей, в которых заметно формирование дискурса о России. Особое внимание следует уделить публикациям в периодической печати в этот период. В качестве основных методов исследования автор использует сравнительно-аналитический, контент-анализ документов, индукция и дедукция, системный подход.

В своей программе наибольшее внимание уделила внешнеполитическому курсу страны и месту в нем России ПиС, определяющая на данный момент всю политику страны. Сторонники Я. Качиньского критиковали модель внешней политики, принятую прошлыми кабинетами Д. Туска [19, s. 33], когда была предпринята попытка перезагрузки отношений с РФ. Она говорила, по мнению ПиС, не о налаживании сотрудничества с соседней страной, а о сговоре с ней [28].

Отдельным пунктом характеристики новой внешней политики Польши является раздел «Отношения с Российской Федерацией». Несмотря на то, что консерваторы известны антироссийскими высказываниями, в своих программных документах они все-таки подчеркивают необходимость улучшения с ней отношений для обеспечения безопасности в Европе, хотя считают необходимыми ответные шаги РФ [19, s. 191]. Таким образом, уже в программе правящей партии заметна двойственность отношения к России.

Другие партии в своих программах об отношениях с РФ не пишут, но по отдельным вопросам внешней политики и обороны мы можем косвенно определить и их мнение о российско-польских отношениях. В программе основной оппозиционной партии — либерально-консервативной «Гражданской платформы» (ГП) (прим. авт. — на выборах 2019 года ГП выступала в блоке «Гражданская коалиция» вместе с мелкими центристскими европейскими партиями, например, «Современной», [30, С. 34]), в контексте безопасности страны особое внимание уделяется со-

трудничеству Польши по линии НАТО, расширению для ее обеспечения присутствия американских войск [17, s. 36], что может показаться невыгодным для российско-польского сближения. Когда же речь идет о внешнеполитической программе представителей данной партии, то ГП подчеркивает необходимость выстраивания более тесных отношений с Францией и ФРГ [17, s. 43]. Эта идея баланса в кооперации со странами ЕС и США кажется благоприятной и для перезагрузки отношений с РФ, на чем настаивала партия, находясь у власти. Однако в той же программе есть слова и об активизации «восточной политики» Польши [17, s. 45], что может вылиться в возможное противостояние России и Польши в Восточной Европе, поэтому и в программе ГП проявляется та же противоречивость в отношении к РФ.

В программе Польской крестьянской партии (ПКП) особое внимание уделяется внутренним проблемам — защите окружающей среды и развитию местного самоуправления [20]. Их решение косвенно делает возможным укрепление отношений и с РФ, поскольку за ним следует углубление взаимодействия Польши не с США, а с ЕС, поддержка которого важна в области экологии, а также развитие трансграничного сотрудничества польских воеводств, в том числе и с российскими регионами. В целом, особых противоречий с РФ в курсе ПКП, в отличие от других партий, почти не прослеживается.

Из программы блока «Левица», объединившего в своих рядах представителей различных польских левых сил, стоит выделить ликвидацию Института национальной памяти [21, s. 5], за которым неминуемо последует отказ от официального толкования истории. Следовательно, такая идея позволит уменьшить возможности для споров РФ и Польши на исторической почве.

Наконец, программа крайне-правого объединения «Конфедерация» отличается от других ярким проявлением евроскептицизма [18, s. 16], отстаиванием многовекторной внешней политики. Однако важной для нее остается и историческая политика как фундамент современного государства. Она выражается в «культурном и историческом наступлении» по продвижению польского взгляда на Вторую Мировую войну [18, s. 15–16], так что по данному вопросу столкновение с Россией избежать трудно.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что в партийных программах мы не заметили антироссийской направленности. Наоборот, речь идет о необходимости выстраивания нормальных отношений с Россией, хотя этот принцип не является основополагающим, отличается противоречивостью. Кроме того, отдельные положения документов могут косвенным образом влиять на укрепление российско-польского взаимодействия.

Среди высказываний основных политиков во время предвыборной гонки, которые определяли дискурс о России в польском обществе, выделяются антироссийски настроенные деятели ПиС. Делая упор на историю Польского государства [3, С. 113], где часто имело место противостояние с Россией, они и во время выборов использовали тезис о российской угрозе для сплочения народа. Польское руководство постоянно выступает за продление санкционного режима в отношении РФ, пытается помешать осуществлению проекта «Северный поток-2» [2, С. 133]. Нередки их заявления о необходимости усиления обороны страны (почти накануне выборов Президент Польши А. Дуда подписал с Д. Трампом «Совместную декларацию о развитии оборонного сотрудничества» [29]). Оправданием этой заботы о национальной безопасности служит угроза, исходящая, по мнению ПиС, именно со стороны РФ [8].

Особое внимание, как обычно, уделялось исторической политике. Летом 2019 года было торжественно отмечено 75-летие Варшавского восстания [7], в провале которого обвиняется советское руководство. Более важной датой стало 80-летие начала Второй Мировой войны — приуроченные к нему мероприятия подчеркивали исключительно польскую версию событий тех лет, в которой России отводится место агрессора [27].

В то же время среди однообразных речей о российской угрозе прослеживаются и отдельные замечания о необходимости приложения усилий для улучшения отношений Польши и РФ, но именно российская сторона должна сделать первый шаг [15]. Противоречивой была позиция Польши и по вопросу возвращения России права голоса в Парламентской ассамблее Совета Европы [23]. Подобные отступления от основного курса приходится делать, чтобы привлечь часть электората, выигрывавшего от сотрудничества с Россией (к примеру, польских фермеров).

Вопрос о России для оппозиции оказывается не столь важен, но и данный аспект нередко используется для критики национал-консерваторов. ГП постоянно критикует политику руководства ПиС, пытающегося сделать Польшу основным партнером США, и предлагает многовекторный курс. Прослеживаются идеи нормализации российско-польских отношений, хотя они не являются главной целью. Лидер партии Г. Схетына говорил о необходимости восстановления тесного приграничного сотрудничества с РФ [24], подчеркивал ненужность для Польши тратить огромные деньги на американских военных [12]. Однако другой политик из ГП — Д. Туск, обвиняемый Я. Качиньским в пророссийской политике — хоть и не соглашается с мнением ПиС по вопросу внешней политики, но на польском и европейском уровне выступает как противник укрепления отношений с РФ [5].

Характерно обращение к прошлому и ПКП. Ее лидеры также часто вспоминают историю Второй Мировой войны, делая акцент на героической борьбе крестьян против нацистов [10], и не обвиняют Россию в развязывании конфликта. Кроме того, ПКП, учитывая интересы своих избирателей-фермеров, наиболее отчетливо выдвигала требование отмены санкционного режима между ЕС и РФ. Об этом часто заявлял лидер объединения В. Косиняк-Камыш, за что обвинялся в пророссийской политике [2, С. 138], поэтому на текущих выборах ПКП решила занять к РФ нейтральную позицию, не упоминая о ней на дебатах, однако поляки продолжали именно ее называть агентами Москвы.

В предвыборной борьбе «Левица» также заняла более благожелательную позицию к России, хотя в ее состав вошли представители не только менее склонных к критике РФ социал-демократических, но и проевропейских, выступающих в защиту прав человека леволиберальных сил. При этом упоминалась Россия в заявлениях этого блока лишь единожды в Twitter [6], что вновь подчеркивает малозначимость данного вопроса в их платформе.

Особенно стоит отметить ярко выраженную позицию представителя правых сил — Я. Корвина-Микке, лидера объединения «Конфедерация». Не отрицая значимость взаимодействия с западными странами на равных условиях [14], он выдвигает тезис о необходимости выстраивания тесных добрососедских отноше-

ний с Россией, выгодных для польской экономики. Я. Корвин-Микке утверждает, что у Польши и России на данный момент нет противоречий, поэтому союз с ней так же возможен и желателен, как и с США [13], при этом именно нынешнее польское руководство оказывается виновным в обострении российско-польских отношений. В то же время ни о какой исключительной дружбе к Москве в речах Я. Корвина-Микке не наблюдается, хотя он получил в польском обществе репутацию российского агента. В таком случае весьма показателен успех его партии: даже с этими обвинениями она набрала более 1 млн голосов [30]. В любом случае, позиция лидера правых сил отчетливо показала, что в польском обществе действительно существует раскол по проблеме выстраивания отношений с Россией: так, например, в комментариях к выступлению политика нашлось место и поддержке идей политика-прагматика, и абсолютному их неприятию [14].

В заключение остановимся и на освещении поднятого в исследовании вопроса в польской периодической печати во время предвыборной гонки, где также можно увидеть значительное разнообразие. С одной стороны, публикуются материалы в поддержку правительственной линии, где РФ подается угрозой национальной безопасности, страной, целенаправленно ведущей информационную войну против поляков [9]. Можно заметить частое сравнение современной России с СССР по тому же вопросу памяти прошлого [22]. Отдельно стоит подчеркнуть, что все эти идеи поддерживаются в польском обществе, поскольку в комментариях к ним чаще всего можно увидеть лишь возгласы одобрения.

С другой стороны, в польских СМИ присутствуют и осторожные публикации в защиту польско-российского сотрудничества. В различных газетах заметно стремление оппозиционных сил обвинить действующее польское руководство в разжигании ненависти к РФ, в обострении конфликта и создании угрозы национальной безопасности [25]. В упрек ПиС вспоминают о временах правления ГП, когда от укрепления российско-польского взаимодействия — рос товарооборот, ширилось приграничное сотрудничество, появился целый ряд двусторонних структур — выигрывали обе стороны [16]. Появляются заметки о необходи-

мости иметь договоренность с Москвой в условиях политической нестабильности и подрыва безопасности в регионе [11]. В данных публикациях мы, конечно, не найдем проявления дружбы к России, поддержки российского правительства — в них заметен лишь прагматизм, но такие заявления говорят о важности польско-российского диалога для части общества Республики.

Суммируя все вышеизложенное, отметим, что в польском обществе действительно существуют различные позиции по вопросу взаимодействия с Россией, что и нашло подтверждение при анализе избирательной кампании лета-осени 2019 года. Выделяется официальная точка зрения представителей ПиС, согласно которой РФ на современном этапе, как и в прошлом, представляет для польской нации угрозу. Эта идея оказалась для польского общества весьма популярной, если учитывать сохранение и даже укрепление позиций ПиС у избирателей, поэтому именно она останется господствующей в ближайшие четыре года, с чем соглашаются политические обозреватели [1, С. 37].

Чуть менее активно принимается и другая позиция по развитию взаимодействия с РФ, в которой прослеживается идея о необходимости нормализации российско-польских отношений в силу обострения политической нестабильности в регионе Восточной Европы. Мы читаем это и в заявлениях оппозиции (ГП), и в польских СМИ, и даже в документах ПиС, так что и такое мнение находит отклик среди избирателей. В данной концепции нет места для укрепления дружбы между странами, они все равно рассматривают друг друга как соперники, поэтому эту точку зрения можно считать компромиссной, самой близкой и возможной альтернативой для курса, проводимого ПиС.

Наконец, часть оппозиции («Конфедерация», частично «Левица» и ПКП) действительно говорит о важности сотрудничества между Россией и Польшей, но и здесь мы видим скорее прагматизм партийных деятелей. Они подчеркивают выгоду от такого сотрудничества лишь для польской стороны и пытаются привлечь на свою сторону часть польского электората, недовольного излишне антироссийским курсом ПиС. Несмотря на частое упоминание польских крайне-правых сил как союзников РФ, в действительности они лишь осторожно обращают внимание на

важность налаживания отношений [2, С. 132]. Таким образом, третий путь по выстраиванию польско-российских отношений является наименее реализуемым и популярным, но он очень важен, поскольку окончательно подтверждает гипотезу о широком плюрализме мнений по поводу российско-польских отношений среди граждан Польши.

Список литературы:

1. *Ведерников М.* Парламентские выборы в Польше: национал-консерватизм vs «брюсселецентризм» // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 5. С. 33–39.
2. *Женгота К.* Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ // Балтийский регион. 2019. № 3. С. 125–141.
3. *Миллер А. И.* Политика памяти в посткоммунистической Восточной Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1. С. 111–121.
4. *Михалев О.* Состояние и перспективы либеральных партий в Польше // Современная Европа. 2018. № 7. С. 61–72.
5. Donald Tusk // Twitter. <https://twitter.com/donaldtusk/status/1165670022498463746> — 30.01.20.
6. Lewica // Twitter. URL: https://twitter.com/_Lewica/status/1173506053243379712 — 30.01.20.
7. 75.rocznica wybuchu Powstania Warszawskiego // Prawo i Sprawiedliwość. Aktualności. 31.07.2019. URL: <http://pis.org.pl/aktualnosc/75-rocznica-wybuchu-powstania-warszawskiego> — 30.01.20.
8. Aby wygrać, trzeba ciężko pracować // Prawo i Sprawiedliwość. Aktualności. 04.09.2019. URL: <http://pis.org.pl/aktualnosc/aby-wygrac-trzeba-ciezko-pracowac> — 30.01.20.
9. Dr Jerzy Targalski: Rosja chce chaosu i destabilizacji Polski // Fronda. 10.09.2019. URL: <https://www.frondda.pl/a/dr-jerzy-targalski-rosja-chce-chaosu-i-destabilizacji-polski,132869.html> — 30.01.20.
10. Dzień Walki i Męczeństwa Wsi Polskiej // Polskie Stronnictwo Ludowe. Aktualności. 12.07.2019. URL: <https://www.psl.pl/dzien-walki-i-meczenstwa-wsi-polskiej/> — 30.01.20.
11. Gadzała: Nie zamykać się na Kreml // Rzeczpospolita. 07.09.2019. URL: <https://www.rp.pl/Publicystyka/309059890-Gadzaala-Nie-zamykac-sie-na-Kreml.html> — 30.01.20.
12. Grzegorz Schetyna // Twitter. URL: <https://twitter.com/SchetynadlaPO/status/1139062681044959232> — 30.01.20.

13. Janusz Korwin-Mikke: Gdybym był ruskim agentem, to mówiłbym, że Rosję trzeba zniszczyć // Polska. 11.10.2019. URL: <https://polskatimes.pl/janusz-korwinmikke-gdybym-byl-ruskim-agentem-to-mowilbym-ze-rosje-trzeba-zniszczyc-rzad-pis-nie-umie-prowadzic-polityki/ar/c1-14492689> — 30.01.20.
14. Janusz Korwin-Mikke: współpracujemy z Rosją zamiast USA // Wirtualna Polska. 03.10.2019. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/wybory-parlamentarne-2019-janusz-korwin-mikke-wspolpracujemy-z-rosja-zamiast-usa-6431243626894977a> — 30.01.20.
15. Kaczyński: Opozycja ma jedną politykę, którą kontynuuje od początku — kłamać, kłamać i jeszcze raz kłamać // Wnet.fm. 05.06.2019. URL: <https://wnet.fm/2019/06/05/jaroslaw-kaczynski-opozycja-ma-polityke-by-klamac/> — 30.01.20.
16. Nowa Europa Wschodnia: когда всех устраивает враждебность // ИНОСМИ.РУ. 26.09.2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190926/245890795.html> — 30.01.20.
17. Program Koalicji Obywatelskiej // Platforma Obywatelska. Dokumenty. URL: <https://platforma.org/dokumenty> — 30.01.20)
18. Program Konfederacji Wolność i Niepodległość // Konfederacja. Program. URL: <https://konfederacja.net/program/> — 30.01.20.
19. Program Prawa i Sprawiedliwości 2019 // Prawo i Sprawiedliwość. Dokumenty. URL: <http://pis.org.pl/dokumenty> — 30.01.20.
20. Program Wyborczy 2019 // Polskie Stronnictwo Ludowe. URL: <https://www.psl.pl/> — 30.01.20.
21. Program Wyborczy Lewicy // Lewica. Program. URL: <https://lewica2019.pl/program> — 30.01.20.
22. Rosja na wojnie z historią. Jak usprawiedliwia się pakt Ribbentrop-Mołotow? // Dziennik Gazeta Prawna. 21.08.2019. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/artykuly/1426633,rosja-polska-ii-wojna-swiatowa.html> — 30.01.20.
23. Rosja w Radzie Europy: PiS za, a nawet przeciw // Rzeczpospolita. 05.07.2019. URL: <https://www.rp.pl/Komentarze/190709652-Haszczynski-Rosja-w-Radzie-Europy-PiS-za-a-nawet-przeciw.html> — 30.01.20.
24. Schetyna w Elblągu: Wrócimy do normalnych relacji między Polską a Rosją // wSensie.pl. 21.09.2018. URL: <https://wsensie.pl/polska/30173-schetyna-w-elblagu-wrocimy-do-normalnych-relacji-miedzy-polska-a-rosja> — 30.01.20.
25. Sparaliżowane relacje z Rosją. Ale to nie jest wina PiS-u // Onet. 08.10.2019. URL: <https://wiadomosci.onet.pl/tylko-w-onecie/polityka-wschodnia-pis-podsumowanie-rzadow/> — 30.01.20.

26. Stosunek do innych narodów // Centrum Badań Opinii Społecznej. 2019. № 17. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2019/K_017_19.PDF — 30.01.20.
27. Trzeba walczyć i zabiegać o prawdę // Prawo i Sprawiedliwość. Aktualności. 01.09.2019. URL: <http://pis.org.pl/aktualnosci/trzeba-walczyc-i-zabiegac-o-prawde> — 30.01.20.
28. Tusk gra na Rosję // Sieci. 04.09.2019. URL: <https://www.wsieciprawdy.pl/sieci-tusk-gra-na-rosje-pnews-4125.html> — 30.01.20.
29. Wspólna deklaracja Prezydentów PL i USA na temat pogłębiania współpracy obronnej // President.pl. Aktualności. 23.09.2019. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/art,1545,wspolna-deklaracja-na-temat-poglebiania-wspolpracy-obronnej.html> — 30.01.20.
30. Wyniki wyborów 2019 do Sejmu RP // Państwowa Komisja Wyborcza. Wybory do Sejmu i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej 2019. URL: <https://sejmsenat2019.pkw.gov.pl/sejmsenat2019/pl/wyniki/sejm/pl> — 30.01.20.

Поснякова Анна Алексеевна

Правовое регулирование проекта «Северный поток – 2» в контексте энергетической безопасности ЕС

Legal regulation of the Nord stream 2 project in the context of EU energy security

Аннотация: В работе освещается европейская правовая база, регулирующая строительство газопровода «Северный поток – 2», и связанные с этим проблемы разработанности энергетического законодательства и применимости к проекту существующих в ЕС механизмов регулирования. Даются ответы на такие вопросы как: является ли проект все же политической или коммерческой инициативой; а также является ли он угрозой энергетической безопасности ЕС или оказывает на нее положительное влияние. Раскрывается проблема правомочности применения Третьего энергетического пакета к «Северному потоку – 2».

Ключевые слова: энергетическая безопасность; Третий энергетический пакт; «Северный поток – 2»; международные отношения; Россия; ЕС.

Abstract: The paper highlights the European legal framework governing the implementation of the Nord stream 2 gas pipeline, and the related problems of the development of energy legislation and the applicability of existing EU regulatory mechanisms to the project. Answers are given to the questions such as: whether the project is still a political or commercial initiative; and whether it is a threat to the EU's energy security or has a positive impact on it. The author reveals the problem of the validity of applying the Third energy package to the Nord stream-2.

Keywords: energy security; Third energy Pact; Nord stream 2; international relations; Russia; EU.

В международных отношениях на современном этапе можно наблюдать два взаимосвязанных процесса: трансформацию методов ведения политической борьбы и политизацию многих об-

ластей межгосударственного сотрудничества. Энергетическое партнерство России и ЕС, наряду с другими сферами взаимодействия, используется в качестве предмета политической борьбы. Инициатива «Северного потока – 2», изначально воспринимавшаяся всеми сторонами как взаимовыгодный коммерческий проект, превратилась в основную угрозу европейской энергетической безопасности [1].

Под стратегией энергетической безопасности ЕС понимается набор определенных документов, регулирующих энергетическую сферу Европейского Союза. К ним относятся «Третий энергетический пакет» (2009), программный документ Еврокомиссии (2014), Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). Статья 194 (1) (1957).

Современная парадигма энергетической безопасности ЕС состоит из многих факторов: доступность энергии, соответствие экологическим параметрам, развитая транспортная инфраструктура и безопасность источников поставок. Энергетическая политика Европейского Союза направлена на поддержание и развитие этих факторов путем либерализации рынка, разработки новых технологий, развития возобновляемых источников энергии, инвестирования в инфраструктуру, повышения эффективности и сокращения экологически вредных выбросов [2].

Особое значение в развитии концепции энергобезопасности ЕС получили газовые кризисы 2006 и 2009 гг. Затем обострение напряжения в отношении Европы к компании «Газпром» в связи с эскалацией политической обстановки на Украине в 2014 г. привело к разработке новых программных документов Европейского Союза в газовой сфере, которые негативным образом оказали влияние на отношения России и ЕС. Основной целью парадигма ставит энергетическую независимость от импорта зарубежных энергоресурсов. С учетом падения объемов добычи газа на внутреннем рынке ЕС и предполагаемого роста энергопотребления, достижение поставленной цели невозможно. Соответственно, вопрос энергетического обеспечения стоит очень остро.

Таким образом, импортная зависимость ЕС, конфронтация России и Запада, отсутствие конкурентоспособных экологических технологий, альтернативных источников энергии и проблемы

транзитных территорий придают коммерческому сотрудничеству в рамках проекта «Северный поток – 2» политический контекст и способствуют формированию еще более напряженного международного климата.

Маршрут газопровода пролегает через территориальные воды и/или исключительные экономические зоны пяти стран: Германии, России, Финляндии, Дании и Швеции. Для реализации проекта требовалось получить разрешение всех государств. Основным препятствием для строительства газопровода является оппозиция части европейских стран, Европейской комиссии и Европейского парламента, настаивающих, что реализация проекта будет иметь негативные последствия для энергетической безопасности ЕС. Они утверждают, что Москва использует «Северный поток – 2» в качестве механизма давления и «энергетического оружия» для достижения своих геополитических целей на международной арене. Также проект не открывает доступа к новому источнику поставки и лишает Украину статуса государства — транзитера российского газа, следовательно, она утратит источник дохода в виде транзитных платежей.

Последний аргумент стал неактуальным в декабре 2019 года, когда состоялись переговоры между Россией и Украиной при посредничестве Европейской Комиссии. Целью переговоров являлось достижение договоренностей о транзите российского газа в ЕС через территорию Украины. Итогом переговоров стало подписание соглашения на 5 лет с возможностью продления еще на 10 лет.

С правовой точки зрения «Северный поток – 2» регулируется нормами международного права в соответствии с европейским законодательством, российским законодательством и положениями международных договоров.

В данной статье основное внимание уделяется Третьему энергетическому пакету, как основному правовому регулятору проекта «Северный поток – 2», и вокруг которого возникает наибольшее количество разногласий. Остальные документы, формирующие законодательство ЕС в области энергетики будут перечислены как имеющие свою неоспоримую значимость, но не оказывающие столь сильного влияния на реализацию проекта.

В первую очередь, цели энергетической политики ЕС установлены в Договоре о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) в статье 194 (1). К ним относят уже перечисленные ранее моменты: надежность поставок, поддержание энергоэффективности, развитие возобновляемых источников энергии и обеспечение функционирования энергетического рынка.

Программный документ Еврокомиссии 2014 г. содержит заявления о вызовах энергетической безопасности следующих из сильной зависимости ЕС от поставок российского газа. Перспективы развития энергетики Европейского Союза в документе ставятся в зависимость от энергетической зависимости отдельных государств. Необходимо отметить, что понятие «сильной зависимости» в документе не определено. Замечено, что некоторые члены ЕС импортируют газ исключительно у Российской Федерации, а у части других государств, в соответствии с порогом рыночного доминирования, доля поставок российского газа приравнивается или превышает 40%. Данный документ может оказывать лишь косвенное влияние на реализацию проекта «Северный поток – 2» [3].

В качестве еще одного источника регулирования Европейская Комиссия использует заключения по итогам заседаний Совета ЕС и Европейского Совета. Но данные положения применяются в большей степени к предварительной проверке соглашений по энергетическому сотрудничеству государств-членов ЕС с третьими странами. Таким образом, «Северный поток – 2» не попадает под действие этих положений, так как заключения подобного международного договора РФ с государствами-членами ЕС пока не предвидится.

Современный газовый рынок ЕС характеризуется как интегрированный и конкурентный, отчасти благодаря Третьему энергетическому пакету, принятому Европейским парламентом и Советом ЕС в 2009 г., и который включает в себя следующие акты: Газовая директива ЕС, Электроэнергетическая директива ЕС, Регламент о доступе к газовым сетям, Регламент о доступе к электроэнергетическим сетям, Регламент об Агентстве по сотрудничеству регулирующих органов [4]. Данные акты имеют различный характер. Директивы предполагают проведение гармонизации

национальных законодательств, то есть имплементации данных директив в национальное законодательство каждого государства с учетом особенностей их правовых систем. Для частных компаний основой регулирования деятельности являются имплементирующие акты. Прямым действием обладают регламенты, которые не требуют имплементации и которые направлены на все субъекты права ЕС, то есть могут распространяться и на не членов Европейского Союза [5].

Таким образом, наблюдается переход к единой европейской системе энергетической безопасности и созданию единой европейской энергетической сети. «Северный поток – 2» попадает под действие Пакета и регулируется положениями его актов. Одним из последствий стало то, что «Газпром», а наряду с ним и другие поставщики, не имеют возможности контролировать рынок, а разделение собственности трубопроводов стало обязательным [6]. Тем не менее, первый «Северный поток» подтвердил свою эффективность и надежность. Касательно второго проекта, было получено разрешение на превышение 50%-ной квоты загрузки OPAL (наземная часть трубопровода) в соответствии с имущественно-правовым разъединением вертикально интегрированных предприятий и проведены соответствующие экономические расчеты, что «Северный поток – 2» несет минимальные транспортные издержки по сравнению с другими сухопутными магистральями.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. законодательство ЕС действует в морском пространстве, которое находится за пределами территории Европейского Союза, в соответствии с международным правом. Исключительная экономическая зона и континентальный шельф являются морским пространством, в котором действует свобода прокладки кабелей и трубопроводов [7]. Требуется согласование трассы трубопровода с соответствующим прибрежным государством, которое в свою очередь не имеет права распространять национальное законодательство на данный трубопровод кроме случаев, связанных с охраной окружающей среды и недропользования. Прибрежное государство имеет право затребовать изменение маршрута трассы по эксплуатационным причинам или с целью защиты окружаю-

щей среды [8]. Подобный пример применим и к осуществлению проекта «Северный поток – 2». Оператор проекта компания Nord Stream 2 AG занималась разработкой и экспертной экологической оценкой рисков нескольких маршрутов прокладки газопровода до получения окончательного разрешения на строительство со стороны Дании [9].

Сложившаяся правоприменительная практика говорит о том, что энергетическая директива ЕС не применяется к импорту/экспорту газа из третьих стран, а регулирует в большинстве своем внутренний рынок Европейского Союза. Эта практика наблюдается в случае с такими проектами как «Северный поток», «Трансмед», «Грин Стрим» и «Магриб». Тем не менее, «Северный поток – 2» признан подпадающим под действие ТЭП [10].

В мае 2020 г. Европейский суд вынес решение по иску Nord Stream 2 AG, компании оператора проекта, против изменений в Газовой директиве ЕС, которые распространяют нормы законодательства Европейского Союза на газопроводы из третьих стран. Компания настаивает, что действие поправок на проект «Северный поток – 2» является дискриминацией и не собирается отказываться от выдвинутых требований путем подачи апелляции. Один из основных аргументов Nord Stream 2 AG состоит в том, что инвестирование проекта осуществлялось задолго до разработки и вступления в силу нового законодательства. А также, сроки для предоставления странами ЕС исключений в рамках новой директивы слишком короткие, что значительно уменьшает возможность предоставления подобных исключений [11].

В конце 2019 г. Немецкий парламент принял законопроект, который позволяет на срок не более 20 лет освободить часть трубопровода «Северный поток – 2» на отрезке 12 морских миль в территориальных водах ФРГ от требований Третьего энергопакета. «Северный поток — 1» также подпадает под этот закон, но в полном объеме [12].

Немецкий закон сформулирован в соответствии с содержанием поправок к директиве ЕС и подразумевает исключения для газопроводов, которые были построены до 23 мая 2019 года, для которых исключение не будет оказывать негативное влияние на конкуренцию и энергетическую безопасность на европейском

рынке энергоресурсов, а также, помимо прочего, существуют объективные основания для подобного исключения, а именно амортизация вложенных инвестиций и надежность снабжения поставок.

В соответствии с последним пунктом, проект «Северного потока – 2» имеет шансы распространить на себя действие Закона. Как уже говорилось, инвестиции в газопровод были сделаны раньше, чем вступили в силу изменения к директиве ЕС, а также обеспечение поставок газа посредством нового трубопровода объективно надежнее и безопаснее, учитывая дестабилизированную обстановку на территории Украины, которая является страной-транзитером в рамках «Северного потока — 1».

Таким образом, отрезок «Северного потока – 2», подпадающий под действие нового немецкого законодательства будет регулироваться Федеральным сетевым агентством, а не Еврокомиссией как предполагалось изначально.

Изменение прежних подходов нормативно-правовой базы энергетической сферы ЕС и практики ее регулирования требует от России модифицировать свою экспортную стратегию и адаптироваться к новой институциональной среде [13].

Выводы

Правовое регулирование энергетической сферы наднациональными органами ЕС ограничено широкими, вытекающими из учредительных договоров, суверенными правами государств-членов в этой области. Им отводится центральная роль в регулировании оперативных механизмов поставок, в то время как институции Европейского Союза выполняют в большей степени консультативные функции. Следовательно, можно говорить о более осторожном правовом подходе самого процесса регулирования, в сравнении с политическими заявлениями, часто имеющими субъективную оценку.

Заявленная ЕС проверка «Северного потока – 2» на политическую целесообразность не имеет под собой правового фундамента и не оказывает влияния на практическую реализацию проекта. С одной стороны, это означает отсутствие юридических

последствий для осуществления инициативы, а с другой, не отменяет возможности использования идеи в политико-пропагандистских и манипуляционных целях.

Также, наблюдается несоответствие между заявлениями ЕС о том, что диверсификация маршрутов трубопроводов из уже существующих источников положительно сказывается на энергетической безопасности Европы, и аналогичными высказываниями о «Северном потоке – 2» как главной угрозе энергетической безопасности. В этой связи можно говорить о непоследовательном и политически мотивированном толковании европейского законодательства. Из-за отсутствия политического единства внутри ЕС относительно сотрудничества с Россией, нечеткой правовой регуляционной базы и конфликта внутри Еврокомиссии, возникшего в 2016 году, вопрос касательно «Северного потока – 2» в большей мере является политическим, чем правовым.

Действие третьего энергетического пакета распространяется на внутренний рынок ЕС и не регулирует трубопроводы для поставок газа морским способом и поставок из третьих стран. Это подтверждается правоприменительной практикой, которая сложилась за долгое время. Таким образом, недостаточная разработанность правовых механизмов и неконсолидированная система права, регулирующая сферу энергетики, обнаруживает возникающие проблемы с юридическим обоснованием правомерности и целесообразности строительства проекта «Северный поток – 2». Это тормозит не только воплощение данной инициативы в жизнь, но и затрудняет восстановление системного политического диалога Россия — ЕС.

Список литературы:

1. Белов В. «Проект «Северный поток – 2» — шансы и риски реализации» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018, №3. С. 74–80.
2. Данилов Д. А. «ЕС–Россия: возможности и препятствия сотрудничества в сфере безопасности» // Европейская аналитика 2018 = European analytics 2018 / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук; отв. ред. К. Н. Гусев. — М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 46–55.

3. European Energy Security Strategy. COM (2014) 330 final. Brussels. May 28, 2014. URL: <http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf> — 07.04.2020.
4. Third energy package // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/markets-and-consumers/market-legislation/third-energy-package_en — 07.04.2020.
5. Гудков И. В. «Третий энергетический пакет Европейского союза» // Нефть, Газ и Право, 3'2010. С. 58–66.
6. Третий энергопакет ЕС и отношение к нему России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20130530/933499962.html> — 13.02.2020.
7. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.
8. Гудков И. В. Политико-правовые аспекты реализации трансграничного газопроводного проекта «Северный поток–2» // Нефть, Газ и Право, 1'2017. С. 48–54.
9. Обзор процедур получения разрешений // 2020 Nord Stream 2. URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/okruzhayushaya-sreda-i-soglasovaniya/razresheniya/> (дата обращения: 13.02.2020)
10. Гудков И. В. Политико-правовые аспекты реализации трансграничного газопроводного проекта «Северный поток–2» // Нефть, Газ и Право, 2'2017. С. 41–53.
11. EU court throws out challenge from Russian-backed Nord Stream 2 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-gazprom-nordstream-court-eu/eu-court-throws-out-challenge-from-russian-backed-nord-stream-2-idUSKBN22W25N> — 27.06.2020.
12. Derogation from regulation in accordance with section 28b EnWG // Bundesnetzagentur. URL: <https://www.bundesnetzagentur.de/EN/Service-Funktionen/RulingChambers/Chamber7/BK7-19-0108EN/BK7-19-0108EN.html?nn=361360> — 27.06.2020.
13. Отношения России и ЕС в сфере энергетики. Доклад № 35/2017 [В.Л. Лихачев, К. Вестфаль]; Российский совет по международным делам (РСМД); Центр им. Роберта Боша Германского совета по международным отношениям. — М.: НИП РСМД, 2017. — 24. с.

Филиппова Зиада Николаевна,
Царанкина Валерия Вячеславовна

Развитие российско-белорусских отношений в 2014–2020 гг.

The development of Russian-Belarus relations during 2014–2020

Аннотация: В статье проводится анализ динамики российско-белорусских отношений с 2014 по 2020 годы. Рассматриваются текущее партнерство стран, а также основные проблемы, выявленные в ходе двустороннего сотрудничества как в экономической, так и политической сфере в указанный период и в рамках продолжающихся переговорных процессов по Союзному государству. Отдельно уделяется внимание тому, как изменились отношения двух стран в новых условиях, когда Республика Беларусь начала расширять вектор своей внешней политики, в то время как Российская Федерация намерена диктовать свои условия.

Ключевые слова: союзное государство, нефтегазовые войны, политика «многовекторности», налоговый маневр, российско-белорусские отношения.

Abstract: This article analyzes the dynamics of Russian-Belarus relations from 2014 to 2020. It also examines the current level of partnership between two countries, as well as the main problems identified in the course of bilateral cooperation in both economic and political spheres and within the ongoing negotiations on the Union State. Special attention is paid to the changes in the relations that have occurred in the new conditions, when the Republic of Belarus has begun to expand the vector of its foreign policy, while the Russian Federation intends to dictate its terms.

Keywords: the Union State of Russia and Belarus, Russia-Belarus energy wars, policy of multi-vector nature, tax manoeuvre, Russian-Belarusian relations.

Республика Беларусь и Российская Федерация исключительно значимы друг для друга практически во всех сферах взаимодействия. Страны имеют общую историю, традиции, связаны рус-

ским языком. Государства являются крупными экономическими и политическими партнерами. Между тем, процессы, которые, начиная с 2014 г., происходят и в мире, и на постсоветском пространстве, резко меняют отношения между РБ и РФ. Этим и обусловлена *актуальность* данной темы.

Отправной точкой дипломатических отношений между Россией и Беларусью считается подписание Беловежских соглашений и образование СНГ. На более тесном уровне они стали развиваться с началом интеграционного процесса Союзного Государства РФ и РБ (СГ), договор о создании которого был подписан в декабре 1999 г. [8]. С этого момента можно говорить о приоритетном характере отношений между странами, что подтверждается их основными нормативными документами. В Концепциях внешней политики РФ 2000, 2008, 2013 и 2016 гг. говорилось об укреплении интеграционных процессов с РБ в рамках строительства СГ. В последней 50-м пункте утверждается, что сотрудничество с Беларусью является важнейшим среди всех стран СНГ [10].

Беларусь вела самостоятельную политику до референдума 1996 г., однако после него полностью попала под влияние своего соседа. Усиление конфронтации РБ с Западом также не придавало этому процессу развития. Таким образом, сближение с Россией и подписание Договора о СГ для Беларуси было предсказуемым. Как отмечает МИД РБ, страна проводит многовекторную политику. Однако главным политическим и экономическим партнером все же остается РФ [18].

Между тем, задекларированный в 1994 г. принцип «многовекторности» во внешней политике, а именно стратегия «равной приближенности» к Востоку и Западу, стала популярной в риторике властей, начиная с 2014 г., на фоне сближения с Западом.

При том важно, что РБ не поддержала многие внешнеполитические акты РФ: не был признан суверенитет Абхазии и Южной Осетии, Республика Крым не признается субъектом РФ. После конфликта на Украине Беларусь заняла неопределенную позицию. Именно с этого момента отношение к Беларуси на международной арене изменилось.

В марте-апреле 2014 г. А. Г. Лукашенко были сформулированы 5 принципов урегулирования украинского конфликта. Важно отметить, что уже здесь белорусская позиция входит в противоречие с Россией. Лукашенко не раз повторял, что Украина «должна остаться единым, неделимым государством». Он критически оценил отказ от вооруженного сопротивления в Крыму, а также назвал присоединение Крыма к России «опасным прецедентом». Помимо прочего, лидер РБ сразу же признал новую украинскую власть и выборы, прошедшие 25 мая 2014 г. [4].

При этом белорусскому президенту удавалось балансировать между Украиной и Россией. В своем большом интервью, которое он дал Euronews через месяц после подписания первых Минских соглашений, Лукашенко вновь поддержал принцип территориальной целостности Украины, но никакого осуждения действий РФ не выразил. Напротив, он объяснил их защитой русскоязычного населения в Крыму и на Востоке Украины, характеризуя ситуацию очень аккуратно [1]. Это дает понять, что Беларусь хочет занять нейтральную позицию в данном конфликте.

При этом еще в рамках ЕврАзЭС РБ совместно с Казахстаном активно противодействовали введению Кремлем антиукраинских мер на полях организации. Беларусь голосовала против импортных пошлин для украинских товаров во время голосования на Совете Евразийской экономической комиссии 23 июня [17].

В вопросе интеграции для России первостепенной является интеграция СГ, так как за ней следуют следующие политические мотивы и возможности: Союзное Государство упрощает связь Калининграда с остальной частью РФ, экономит средства России для создания системы ВС на ее западной границе, так как уже имеющиеся объекты ПВО на территории Беларуси обеспечивают безопасность обеих стран [20]. Для РБ же важен экономический аспект. Однако эта интеграция уже осуществляется в рамках ЕАЭС. На международном семинаре «Переосмысление суверенитета в современном мире» заместитель МИД РБ Олег Кравченко 28 марта 2019 г. заявил о возможности реализации суверенного интереса Беларуси в полной степени посредством участия в ЕАЭС [16].

Там же политик заявил, что ЕАЭС — не единственный проект, через который страна осуществляет свой суверенитет. ЕС, по его мнению, является площадкой для развития двусторонних отношений. Остановливаясь на влиянии европейского фактора на развитие отношений между РФ и РБ, нельзя не отметить, что они вызывают обеспокоенность России. Начиная с 2013 г., ЕС начал переход от политики «заморозки» к политике «вовлечения» Беларуси. Уже в феврале 2016 г. Совет министров ЕС решил снять со страны санкции, которые регулярно вводились начиная с 1998 г. В числе санкционных лиц был и глава государства. Действие санкций было отменено для 170 человек, в том числе для президента, его старших сыновей и 10 национальных компаний. При этом в «черном списке» остаются четыре чиновника, сохраняется эмбарго на поставку оружия в Республику. Эти меры ежегодно продлевались вплоть до 2019 г. [24; 25].

Новым витком напряженности между РФ и РБ стал период февраля 2017 г., когда на территории последней начал действовать пятидневный безвизовый режим для граждан из 80-ти государств (США, ЕС, Японии и т.д.). Это вызвало недовольство российского МИДа, так как в условиях свободного передвижения иностранцы могли нелегально попасть в Россию. На встрече в апреле 2019 г. обсуждалось участие Беларуси в инициативе ЕС «Восточное партнерство», которое расценивается Москвой как антироссийское объединение постсоветских стран [14].

Знаменательно, что в феврале 2020 г. было подписано соглашение об упрощении визового режима с ЕС — установление более низкой цены за «шенген» для РБ. Переговоры по этому вопросу велись с 2014 г. Утверждается, что соглашения вступят в силу уже в июне 2020 г. [5].

С радикальной точки зрения такие шаги ЕС демонстрируют его желание предотвратить дальнейшее углубление интеграции СГ. Снятие санкций, увеличение товарооборота, обеспечение Беларуси оборудованием, упрощение визового режима укореняют белорусскую правящую элиту во мнении, что сохранение собственного «суверенитета», о котором в своих выступлениях не раз упоминал Александр Григорьевич, более выгодно, чем политическая интеграция в СГ.

Однако не следует переоценивать отношения ЕС и РБ — качественная прагматизация в них еще слабо проглядывается. Евросоюз отказался от противостояния режиму Лукашенко путем санкций, так как выявил его нецелесообразным и неэффективным, и сменил его на вышеупомянутое «вовлечение», что отнюдь не обещает широкомасштабных внешнеполитических изменений для Беларуси. Так, нам кажется, маловероятным, выстраивание тесного партнерства ЕС с тем, кого *Financial Times* нарекли «последним диктатором Европы» [23].

Проводя политику «многовекторности», республика активизировала свои отношения и с США. До снятия санкций Штаты еще не дошли, но первые шаги к сближению проявили. В августе 2019 г. состоялась встреча белорусского лидера с советником президента по национальной безопасности США Джоном Болтоном. Визит такого высокопоставленного лица в Минск — редкость для Республики. Ни к каким конкретным результатам эта встреча не привела, но сам по себе этот визит многое значил. По мнению белорусского политолога А. Класковского визит Болтона — это своего рода акт поддержки суверенитета Беларуси «в контексте звучащих со стороны Кремля требований углубленной интеграции Беларуси с Россией». Р. Яковлевский, политобозреватель Беларуси, добавил, что эта встреча является свидетельством того, что США не согласны с разделением сфер влияния и решили показать, что они «вернулись в этот регион» [6].

В феврале 2020 г. Лукашенко встретился с еще более высокопоставленным американским чиновником, госсекретарем США Майком Помпео. Он заявил о готовности обеспечить Беларусь энергоресурсами «на 100% по конкурентным ценам» на фоне разногласий Минска и Москвы по ценам на энергоносители. Также Помпео уверил в возможности скорого прибытия американского посла в Минск [13]. 15 мая 2020 г. МИД РБ объявил о начале поставок нефти из США. Такой шаг в поиске альтернативных источников по закупке нефти (ранее страна закупила нефть у Норвегии, Азербайджана и Саудовской Аравии) демонстрирует, во-первых, существование разногласия у РФ и РБ по вопросу углубления интеграции, а во-вторых, желание Беларуси избавиться от российской нефтяной зависимости.

Стоит отметить, что охлаждение отношений между странами больше связано с внутренними факторами. Прежде всего, это экономические споры и политические разбирательства, по поводу развития интеграции СНГ. В политической плоскости отношения между странами всегда имели ярко выраженный эмоциональный окрас. Так, в феврале 2019 г. между РФ и РБ произошел конфликт, из-за деятельности российского посла в РБ М. Бабича, закончившийся в итоге его высылкой. Обе стороны позволяли себе заявления и действия, не соответствующие основной политической повестке стран. Так, Бабич стал первым послом от России, который встретился с лидерами белорусской оппозиции, организацией «Говори правду», Т. Короткевич и А. Дмитриевым [12]. В то же время белорусские СМИ проигнорировали организованную послом пресс-конференцию, посвященную годовщине включения Крыма в состав РФ [21].

Заметный контраст в отношениях между лидерами связан с главным для них политическим вопросом — моментом передачи власти. Объединение государств, которое выгодно одной из сторон, в это же самое время политически абсолютно невыгодно другой. Несмотря на все трудности, которые имеются на данном этапе, РФ и РБ по-прежнему остаются главными политическими союзниками, так как во многом поиск альтернативы для обеих окажется безуспешным.

В основе их экономического сотрудничества лежит множество факторов — в частности, оставшиеся с советских времен экономические связи, что обуславливает ориентированность их экономик. По уровню товарооборота с РФ Беларусь занимает первое место среди стран СНГ, четвертое — на общемировом уровне (за первое полугодие 2019 года). Доля России в белорусском товарообороте стабильно составляет около 50%, что делает РФ ее главным торгово-экономическим партнером. Но, несмотря на крепкие торговые связи, в отношениях стран не все так просто. Если обратить внимание на динамику российско-белорусского товарооборота за период с 2014 по 2019 гг., то перед нами предстанет следующая картина [19]:

Таблица 1. Российско-белорусский товарооборот 2014–2019 гг.

	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
Импорт из Беларуси	11 786 293 509 долл. США (↓ на 15,57%)	8 852 441 885 долл. США (↓ на 24,89%)	9 406 335 479 долл. США (↑ на 6,26%)	11 768 318 790 долл. США (↑ на 25,11%)	12 179 232 534 долл. США (↑ на 3,49%)	12 800 696 696 долл. США (↑ на 5,1%)
Экспорт в Беларусь	19 717 698 063 долл. США (↓ на 2,52%)	15 336 482 266 долл. США (↓ на 22,22%)	14 050 697 018 долл. США (↓ на 8,38%)	18 424 583 372 долл. США (↑ на 31,13%)	21 819 797 564 долл. США (↑ на 18,43%)	20 544 969 596 долл. США (↓ на 5,84%)
Товарооборот	31 503 991 572 долл. США (↓ на 7,85%)	24 188 924 151 долл. США (↓ на 23,22%)	23 457 032 497 долл. США (↓ на 3,03%)	30 192 902 162 долл. США (↑ на 28,72%)	33 999 030 098 долл. США (↑ на 12,61%)	33 345 666 292 долл. США (↓ на 1,92%)

Здесь становится очевидным, что торговые отношения РФ и РБ далеко не безоблачные. Присутствие обеих стран в экономиках друг друга остается высоким, но динамика товарооборота указывает на наличие проблем. Экономическим отношениям РБ и РФ в целом не хватает стабильности. За почти три десятилетия «тесного сотрудничества» не раз случались крупные кризисы. Чаще всего конфликты вспыхивают в нефтегазовом секторе, с середины 2000-х они случаются регулярно.

Очередной виток серьезного конфликта пришелся на 2016 г. С конца 2015 г. РБ вела с Россией переговоры о скидке на поставку газа. Москва отказалась уступить, в связи с чем Минск в одностороннем порядке принял решение о снижении цены: с 1 января 2016 г. за тысячу кубометров газа Беларусь стала платить \$107, вместо 132. Ни в ходе межведомственной встречи глав министерств энергетики РФ и РБ в мае 2016 г., ни в результате личной беседы Лукашенко и Путина на Форуме регионов Беларуси вопрос урегулирован не был. Так «газовый» конфликт плавно перетек в «нефтегазовый». Москвой был поставлен ультиматум: если Беларусь продолжит недоплачивать за поставки газа и не погасит долги, то поставки нефти во втором полугодии будут сокращены, что и произошло. По данным Белнефтехима, объем переработки нефти на местных НПЗ к концу 2016 г. сократился почти на 20% — до 18,6 млн. тонн, при необходимых 24 млн.

Хотя с июля по декабрь 2016 г. регулярно проводились переговоры, где говорилось, что «стороны близки к полному урегулированию ситуации», с августа 2016 г. вплоть до июня 2017 г. РБ параллельно покупала нефть у Азербайджана, Казахстана и Ирана.

Интересно отметить, что в это же самое время Россия по-прежнему оставалась основным поставщиком нефти в Беларусь [2].

Решением стала введенная в 2017 г. форма субсидирования, так называемая «перетаможка». По ней, из необходимых 24 млн. тонн нефти РБ закупала у России только 18 млн. Оставшиеся 6 млн. «перетамаживались» и через Беларусь шли на экспорт. Российские компании продавали эту нефть за рубеж, платили в российскую казну пошлины, которые по новым договоренностям «возвращались» в белорусский бюджет, что, по мнению ведущего эксперта ФНЭБ, И. Юшкова, обеспечивало РБ дополнительный доход примерно в \$500–700 млн. [22].

Новый этап напряженности озаменовал «российский налоговый маневр». Его реализация намечена на 2019–2024 гг. В результате экспортная пошлина, до этого уходившая в белорусский бюджет, постепенно должна обнулиться, а ставка налога на ее добычу — повыситься. Фактически РБ потеряет значительную часть своих бюджетных средств. По заявлениям администрации президента РБ, к 2024 г. недостача должна составить около \$11 млрд. В августе 2018 г. Лукашенко заявил, что Минск будет запрашивать компенсацию за недополученные средства. В октябре 2018 г. Интерфакс со ссылкой на министра финансов А. Силуанова сообщил, что Россия обещала перечислить Беларуси около 405 млн. долл. в качестве оплаты экспортной пошлины, однако позже в компенсации было отказано. К началу 2019 г. данный вопрос будто бы отошел на второй план, о чем заявил сам Лукашенко, отметив, что Минск не будет требовать от Москвы компенсаций, если «это трудно для России» [11].

Но в апреле 2019 г. конфликт разгорелся вновь. «Белнефтехим» заявил, что Россия поставила грязную нефть, в связи с чем белорусские НПЗ понесли существенные потери. Значительный ущерб был нанесен и трубопроводу «Дружба», через который осуществлялся транзит. 21 апреля белорусские предприятия приостановили поставку российской нефти, возобновив ее лишь 2 мая. За нанесенный ущерб Минск намерен требовать компенсацию. На фоне отсутствия договоренностей об условиях транзита нефти по белорусской территории РБ находится в активном поиске альтернативы российской нефти.

В случае с газом решение было найдено. По сообщениям посла России в РБ Д. Ф. Мезенцева, Россия и Беларусь договорились о поставке газа на 2020 г. на условиях и по ценам 2019 г. за \$127 за тысячу кубометров [9].

Не менее остро стоит проблема поставки санкционных продуктов через Беларусь в РФ. Основания полагать, что со стороны РБ имеют место спекуляции в этом вопросе — продавать «санкционку» в Россию под видом своих товаров Беларуси выгодно, поскольку это приносит в бюджет стабильный доход. Кроме того, РБ уже попадалась на незаконном ввозе продукции из стран, попавших под российские санкции. В первой половине 2019 г. белорусскую сторону уличили в подделке таможенных документов на ввоз яблок, поэтому поставка яблок и груш была временно приостановлена [3]. Беларусь пообещала прекратить сертификацию запрещенной продукции «до проведения инспекцией необходимых мероприятий по подтверждению страны происхождения продукции третьих стран» [3]. Однако, по словам пресс-секретаря Россельхознадзора Юлии Мелано, эффективность данных мер остается спорной. И все же, несмотря на все разногласия и конфликты, РФ и РБ остаются друг для друга ключевыми экономическими партнерами. Тому есть несколько причин.

Первая — значительная зависимость белорусской экономики от российских дотаций. Согласно данным белорусского Минфина, по состоянию на 1 января 2019 г. внешний долг РБ составлял 16,9 млрд. долл. [7]. Большая часть накопленной задолженности Беларуси приходится на Россию: по данным Минфина, на конец 2018 г. он составил 62,7% от всего госдолга [15]. И это если не считать явные и скрытые субсидии, вложенные РФ в белорусскую экономику. Вместе со всеми кредитами, беспрошленной торговлей и всевозможными уступками РФ «подарила» РБ около 106 млрд. долл. [22]. Кроме того, для Беларуси Россия — основной рынок сбыта. Торговля с РФ является одной из ключевых статей в доходной части белорусского бюджета. РБ поставляет соседям все — от продуктов питания до сельскохозяйственной техники, мебели и текстиля. Из РФ, в свою очередь, Беларусь импортирует в основном минеральное топливо и металлы. В случае с импортом российской нефти интересно вот что. Покупая российскую нефть

по низкой цене, РБ продает переработанные на местных НПЗ нефтепродукты в Европу уже по рыночным ценам. Доход от их продажи идет в белорусскую казну.

Вторая причина сохранения близких экономических отношений — желание России оказывать политическое влияние на РБ. Основным рычагом давления на нее была и остается экономика — дотации, кредиты.

В ходе проведенного анализа авторам статьи удалось прийти к следующим выводам. Взаимодействие между РФ и РБ в период с 2014 г. претерпело значительные изменения в ключевых сферах сотрудничества. После украинского конфликта место Беларуси на международной арене изменилось, страна приобрела новых партнеров в лице ЕС и США, которые сняли большинство санкций со страны и даже начали торговые отношения с РБ (закупка нефти у США с мая 2020 г.). Несмотря на сближение РБ с Западом, союзнические отношения между странами сохраняются, прежде всего, на базе таких объединений как ЕАЭС, ОДКБ, СНГ. Между тем, главный интеграционный проект России и Беларуси — СГ, не продвигается в отношении политической интеграции, так как она является приоритетной только для РФ; экономическая интеграция, более важная для РБ, осуществляется в рамках ЕАЭС. Экономические отношения между странами характеризуются одновременной интеграцией и дезинтеграцией. Хотя между РФ и РБ сохраняются тесные торговые связи, существует целый ряд проблем. В частности, продажа РБ санкционной продукции под видом белорусской на территорию РФ, подача Россией некачественной нефти по нефтепроводу «Дружба».

По нашему мнению, отношения между государствами могут развиваться в нескольких направлениях — в зависимости от того, как пройдет процесс передачи власти в РБ. При успешном транзите власти, страна сможет одновременно сохранить автономию от РФ и остаться ее важнейшим стратегическим партнером. В случае если власть не удастся передать мирным путем, возможно постепенное разложение ее политической системы. В таком сценарии внешнеполитический курс РБ будет напрямую зависеть от элит, находящихся у власти, что может спровоцировать сильную зависимость последней как от РФ, так и от стран Запада.

Список литературы:

1. Александр Лукашенко: обстановку на Украине можно стабилизировать в течение года // Euronews. 03.10.2014. URL: <https://ru.euronews.com/2014/10/03/lukashenko-ukraine-could-be-stabilised-within-a-year-if-all-sides-wanted-to> — 13.02.20.
2. Барсуков Ю., Трутнев О., Дудина Г., Сафронов И. Россия и Белоруссия сняли разногласия // Коммерсантъ. 03.04.2017 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3261225> — 14.02.20.
3. Белорусская сторона сообщила о прекращении сертификации плодовоовощной продукции, следующей транзитом из третьих стран в Россию // Россельхознадзор. 01.04.2019. URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps/news/29854.html> — 23.06.20.
4. Белорусский внешнеполитический индекс №18 январь-февраль 2014 // БИСИ. URL: https://belinstitute.com/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_FPI18_2014ru.pdf — 13.02.20.
5. Богуславская А. Беларусь и ЕС подписали визовое соглашение: что это значит? // Deutsche Welle. 08.01.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/%a-51933279> — 11.02.20.
6. Бурчаков А. Поговорили о суверенитете: зачем Болтон приезжал к Лукашенко в Минск? // Русская служба BBC. 29.08.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49511381> — 14.02.20.
7. Внешний долг в Беларуси // Myfin.by. URL: <https://myfin.by/wiki/term/vneshnij-dolg-v-belarusi> — 14.02.20.
8. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ — 09.02.20.
9. Интервью Посла России в Республике Беларусь Д. Ф. Мезенцева информационному агентству «Спутник Беларусь» // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/by/-/asset_publisher/Uwp6wJEbzrL0/content/id/4034481 — 15.02.20.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> — 09.02.20.
11. Лукашенко заявил, что Россия не идет на переговоры о цене на газ с 2020 года // Интерфакс. 01.03.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/652649> — 14.02.20.
12. Михаил Бабич встретился с представителями белорусской оппозиции // EurAsia Daily. 13.03.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/03/13/mihail-babich-vstretilsya-s-predstavitelyami-belorussoy-oppozicii> — 20.06.20.
13. О встрече Министра иностранных дел Беларуси В.Макея с Государственным секретарем США // МИД РБ. 01.02.2020. URL:

- http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/dd97c67b12ea28b1.html — 14.02.20.
14. О седьмом заседании Координационной группы Беларусь — ЕС // МИД РБ. 24.04.2019. URL: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/b0956c7b9039c1b4.html — 14.02.20.
 15. О состоянии государственного долга Республики Беларусь // Минфин РБ. URL: http://www.minfin.gov.by/upload/gosdolg/publication/report_2019.pdf — 14.02.20.
 16. Об участии заместителя Министра иностранных дел Беларуси О.Кравченко в семинаре по вопросам суверенитета // МИД РБ. 28.03.2019. URL: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/bbe527ec1414dded.html — 13.02.20.
 17. Образ Евразийского экономического союза в западных СМИ // РИСИ. 26.04.2016. URL: <https://riss.ru/analytics/29806/> — 13.02.20.
 18. Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь // Официальный сайт МИД РБ. URL: http://mfa.gov.by/foreign_policy/priorities/ — 12.02.20.
 19. Торговля между Россией и Беларусью в 2014 г., 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг. // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/countries/belarus/> — 14.02.20.
 20. Ушенко А., Железняков С. Союз Белоруссии и России как геополитическая реальность // Политика, экономика и инновации. 2016. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soyuz-belorussii-i-rossii-kak-geopoliticheskaya-realnost> — 12.02.20.
 21. Ходасевич А. В Минске не желают говорить о Крыме, да и слышать тоже // Независимая газета. 18.03.2019. URL: https://www.ng.ru/cis/2019-03-18/5_7533_belarus.html — 20.06.20.
 22. Шурубович А. В. Тенденции и проблемы российско-белорусских экономических отношений. Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2017. 60. с. URL: http://www.inecon.org/docs/2018/Shurubovich_paper_2017.pdf — 23.06.20.
 23. Alexander Lukashenko: Europe's last dictator // Financial Times. 15.11.2004. URL: <https://www.ft.com/content/b0750e38-1cec-11d9-abbf-00000e2511c8> — 14.02.20.
 24. Belarus sanctions: EU delists 170 people, 3 companies; prolongs arms embargo // European Council. 25.02.2016. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/25/belarus-sanctions/> — 13.02.20.
 25. EUR-Lex. Official Journal of the European Union. COUNCIL REGULATION (EU) 2015/1948 of 29 October 2015. URL: https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2015.284.01.0062.01.ENG — 13.02.20.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И РЕГИОНЫ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И АФРИКИ»

Даровская Анастасия Михайловна

Российско-турецкое энергетическое сотрудничество на примере «Турецкого потока»

Russian-Turkish economic cooperation on the example of
“Turkish Stream”

Аннотация: В данной статье представлена история и причины создания «Турецкого потока» с обозначением проблем, возникших в процессе. Также проанализированы выгоды России, Турции и стран Юго-Восточной Европы от реализации проекта. Упомянута также позиция Украины по вопросу переориентирования основного объема поставок российского газа в Европу. Кроме того, рассмотрены перспективы дальнейшего сотрудничества России и Турции, а также геополитические последствия реализации проекта «Турецкий поток».

Ключевые слова: Турецкий поток, российско-турецкие отношения, энергетика, экспорт газа, Турция.

Abstract: The first part of the research is dedicated to the history and main reasons for launching “Turkish Stream”. Also we will explore benefits of the participated countries. Next point will be the view of Ukraine on reoriented Russian gas supplies. And the last point to review will be prospects of Russian-Turkish economic cooperation and it’s geopolitical consequences.

Keywords: Turkish Stream, Russian-Turkish relations, energy, gas export, Turkey.

8 января 2020 г. был запущен новый российско-турецкий газопровод «Турецкий поток». Оба государства долго шли к подобным масштабам сотрудничества, всё начиналось с совершенно других проектов.

В 1997 г. Россия и Турция впервые подписали межправительственное соглашение, в рамках которого российский «Газпром» и турецкий «Botas» заключили коммерческий контракт на поставку 365 млрд. кубометров газа в Турцию в течение 25 лет [1]. С этого соглашения и началась история энергетического сотрудничества двух государств.

В 2001 и 2002 гг. «Голубой поток» строился, а в феврале 2003 г. по нему впервые прошел газ. «Голубой поток» дополняет газотранспортный коридор из России в Турцию, который проходит через территорию Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии, то есть через территорию Европы, и позволяет поставлять газ напрямую. Газопровод «Голубой поток» строился как-раз-таки для того, чтобы поставлять российский природный газ в Турцию именно через акваторию Черного моря, минуя третьи страны. И это является важным обстоятельством, которое сыграет роль позже в принятии решения о строительстве «Турецкого потока». Кроме того, «Голубой поток» является уникальным газотранспортным сооружением, не имеющим аналогов в мире. Строительство этого газопровода открыло новую страницу в истории развития современных газотранспортных технологий.

«Голубой поток» работает и сейчас, но у России появились другие предпосылки для строительства нового газопровода, о которых будет рассказано далее в статье.

В 2014 г. из-за присоединения Крыма серьезно осложнились отношения с Украиной и странами Европейского союза. Российское правительство, понимая зависимость российской энергетической отрасли от роли украинских территорий в поставках газа в Европу, было вынуждено искать новые пути для развития поставок. Так российские эксперты пришли к проекту «Южный поток». Газопровод должен был проходить через территорию Болгарии, Сербии и Венгрии и доставлять российский газ в Европу напрямую, минуя территорию Украины. Пропускная способность нового газопровода планировалась около 60 млрд. кубо-

метров в год, и с помощью него Россия смогла бы замкнуть «энергетическое кольцо» вокруг Европы, состоящее из еще нескольких газопроводов: «Северный поток», «Северный поток-2», «Ямал-Европа», «Дружба», «Союз», «Трансбалканский» газопровод и «Голубой поток» [2].

Однако из-за неконструктивного, на российский взгляд, решения Еврокомиссии Владимиру Владимировичу Путину пришлось отказаться от реализации проекта. При этом Россия не смогла полностью отказаться от плана обойти стороной территорию Украины, отношения с которой накалялись всё больше и больше. Осложнившиеся отношения с одним из главных государств-соседей в энергетической области еще больше подогревали интерес России в том, чтобы обеспечить поставки газа в Европу напрямую. Кроме того, Украина обладала крайне неоднозначными перспективами в качестве страны-транзитёра в подобных условиях. России необходимо было настроить «запасной» маршрут для поставок газа в Юго-Восточную Европу. Это и стало одной из причин сначала проектирования «Южного потока», а позже и строительства «Турецкого потока», идея которого во многом берет свое начало из более раннего «Южного потока».

Практически сразу после отказа в строительстве «Южного потока», в 2015 г., начались переговоры между Россией и Турцией по поводу строительства нового газопровода — «Турецкий поток». В 2015 г. Москва и Анкара уже согласовали маршрут и предварительные технические расчеты и характеристики будущего газопровода. Его пропускная способность планировалась в 2 раза меньше, чем у «Южного потока» — 31,5 млрд. кубометров в год. Переговоры прошли довольно быстро, и уже в июне 2016 г. было подписано обязывающее межправительственное соглашение о строительстве МГП. В 2017 г. уже началось само строительство, а в начале 2020 г. газопровод был введен в эксплуатацию [3].

На данный момент работает только одна ветка газопровода, ведущая газ напрямую в Турцию. Запуск второй ветки, ведущей в Южную и Юго-Восточную Европу, планируется на конец 2021 — начало 2022 г. [4].

Таким образом, двумя главными причинами для строительства «Турецкого потока» являются:

Осложнение отношений с Украиной и ее неоднозначное положение в качестве страны-транзитёра, желание России обойти стороной украинские территории и поставлять газ в Европу через посредничество других государств с более дружелюбной политикой по отношению к России;

Желание России замкнуть энергетическое кольцо вокруг Европы и увеличить экспорт природного газа в Европу, тем самым повысив зависимость европейских правительств от российского газа.

Теперь необходимо также рассмотреть выгоды строительства «Турецкого потока» прежде всего для таких акторов, как Российская Федерация, Турецкая Республика и страны Южной и Юго-Восточной Европы.

Если отмечать указанные выше причины для строительства «Турецкого потока», из них прямо следуют и выгоды строительства для России. Во-первых, как уже отмечалось, «Турецкий поток» является одним из ключевых газопроводов, позволяющих замкнуть российское энергетическое кольцо вокруг Европы. Благодаря «Турецкому потоку» сохраняется возможность диверсифицировать поставки газа в Южную и Юго-Восточную, а позже и Западную Европу, сохранить безопасность и надежность этих поставок, так как из цепочки исключается нестабильная Украина.

Во-вторых, Москве выгодно сотрудничать с Анкарой. Турция всегда придерживалась самостоятельной и независимой от Европейского союза политики. При строительстве «Турецкого потока» так и получилось, что не было необходимым ждать долгих одобрений и согласований проекта с европейской стороны. Государства могли свободно решить все возникающие проблемы между собой.

В-третьих, реализация данного проекта поможет России в противостоянии с Западом. Строительством нового газопровода в обход украинских территорий Россия сможет показать, что у нее есть пути обхода сотрудничества с Европейским союзом, при этом сохраняя свои газовые поставки в Европу. «Турецкий поток» был построен без особых проблем по сравнению с «Северным потоком-2», и это во многом заслуга налаженного сотрудничества с Турцией, что подтверждает позицию России в этом вопросе.

Таким образом, выгоды России здесь весьма неплохие и прозрачные, учитывая стратегические возможности нового газопровода [5].

Что касается Турции, это государство тоже не просто так согласилось принять участие в таком довольно дерзком проекте. У Турции к моменту начала переговоров уже был опыт сотрудничества с Россией в энергетической отрасли: всюду функционировал «Голубой поток», поставляющий российский газ в Турцию.

Прежде всего, стоит отметить, что Турция всегда была независимой от мнения Европейского союза, даже несмотря на ее желание вступить в данную организацию. По этой причине российско-турецкое сотрудничество в принципе состоялось. Но помимо этого есть и другие причины.

Во-первых, Россия взяла на себя большую часть финансовых обязательств по строительству «Турецкого потока». Вся морская часть газопровода была построена полностью за российские средства, а работа над строительством газотранспортной инфраструктуры на суше проводится государствами совместно [6].

Во-вторых, в последние годы Турция планировала превратиться в региональный газовый хаб из страны-транзитёра, и российско-украинские отношения этому поспособствовали: Россия стала больше обращать внимание на Черноморский регион как на регион для потенциального энергетического сотрудничества. С помощью «Турецкого потока» Турция сможет добиться более устойчивого положения на энергетическом рынке ЕС. Кроме того, в перспективе «Турецкий поток» будет способствовать развитию экономики обеих стран, а также обеспечит гарантированные бесперебойные поставки российского газа в Турцию и Южную и Юго-Восточную Европу. При этом это крайне выгодно Турции, которая получает определенные средства с поставок как страна-транзитёр.

Если говорить о странах Южной и Юго-Восточной Европы, предсказать влияние «Турецкого потока» на них довольно трудно. Естественно, новый газопровод и новые поставки способствуют более тесному сотрудничеству между Россией, Турцией и Европейским союзом, особенно с учетом относительно небольших цен на российский газ. На данный момент некоторые

из стран Юго-Восточной Европы уже одобрили проект поставок российского газа по второй ветке «Турецкого потока»: это Венгрия и Сербия [7]. Однако, в будущем планируется, что стран будет гораздо больше, особенно к 2021–2022 гг., когда газопровод до Венгрии будет введен в эксплуатацию, и будет возможность продолжить его глубже в Европу.

Таким образом, «Турецкий поток» является выгодным проектом для всех акторов, участвующих в нем. Единственными его противниками могут быть США и Европейский союз, не имеющие особого влияния на его продвижение в дальнейшем.

В данной статье стоит затронуть также и Украину как одного из главных акторов в процессе поставок российского газа в Европу. Как уже отмечалось выше, именно осложнившиеся отношения с Украиной после 2014 г. стали основной причиной обсуждения проектов «Южного потока» и «Турецкого потока». Украина показала себя как ненадежная страна-транзитёр, в то время как России была крайне важна стабильность на фоне событий 2014 г. и обширные перспективы дальнейшего сотрудничества в энергетической отрасли, чего не могла предоставить Украина.

Украинские территории давно уже использовались для транзита российского газа в Европу. Но начиная с 2014 г., а также на сегодняшний момент у России и Украины существует множество разногласий по поводу поставок. Постоянные взаимные претензии совершенно не способствуют продуктивному сотрудничеству [8]. В конце 2019 г. закончился контракт на поставку газа через территорию Украины, и российское правительство в связи с тем, что «Северный поток – 2» пока не был введен в эксплуатацию, было вынуждено продлить контракт с Украиной еще на 5 лет. Совершенно очевидно, что Киев не собирается отказываться от поставок российского газа через свою территорию, так как получает с этого определенную выгоду. Тем не менее, в ближайшем будущем Россия планирует максимально сократить сотрудничество с Украиной и перевести все каналы поставок в другие страны. Основными газопроводами станут «Турецкий поток», особенно его вторая ветка, и «Северный поток-2».

В последней части данной статьи хотелось бы также затронуть геополитические последствия строительства «Турецкого потока».

Опять же, выше уже отмечались основные причины строительства нового газопровода и выгоды для России, Турции и Европы.

Можно заметить, что в последнее время наблюдается особая напряженность в энергетических отношениях России и Европейского союза. Особенно это стало заметно после 2014 г., когда сотрудничество в энергетической сфере начало становиться все более политизированным и более подверженным санкциям. Однако, Россия все еще остается одним из главных поставщиков природного газа в Европу, и более того, по данным МЭА за 2016 г. дополнительный импорт газа в ЕС и Турцию составит 125 млрд. м³ к 2030 г. [9].

На данный момент «Турецкий поток» является экономическим инструментом российской политики. Данный проект обеспечивает возможность отстаивать национальные интересы России и вести более независимую от ЕС политику.

Учитывая эти факторы, у Турции есть все шансы стать ключевым партнером России в энергетической сфере в долгосрочной перспективе. Турция приобретает всё больший вес в качестве ключевого игрока в энергетике ЕС в силу наличия у нее политических, культурных, экономических и торговых связей со странами, обладающими крупнейшими запасами природного газа и нефти.

Что касается России, Европейский союз вместе с Турцией пока остаются одними из ключевых российских энергетических партнеров. Россия также косвенно способствует развитию турецкого ТЭК и становлению Турции в качестве регионального хаба. «Турецкий поток» также способствует укреплению зависимости ЕС от российского газа. В то же время политика Турции позволяет укрепить не только турецкие отношения с Евросоюзом — происходит экономическая интеграция, даже несмотря на то, что ЕС пока не собирается принимать Турцию в саму организацию — но и двусторонние отношения между Россией и ЕС, так как с ее помощью сотрудничество становится плотнее [10].

Сейчас «Турецкий поток» может быть загружен не на полную мощность: остаются рабочими «Голубой поток» (Россия-Турция) и транзит через Украину. Тем не менее, в долгосрочной перспективе Москва ожидает от нового газопровода больших выгод.

Введение в эксплуатацию «Турецкого потока» в будущем может кардинально изменить расстановку сил на энергетическом рынке Европы. На данный момент лишь укрепляется зависимость от российского газа и происходит постепенное отстранение Украины от поставок газа из России.

Список литературы:

1. «Газпром»: «Голубой поток». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/blue-stream/> — 01.07.2020.
2. Газопровод «Турецкий поток». [Электронный ресурс]. URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/142230-turetskiy-potok-gazoprovod/> — 01.07.2020.
3. «Газпром»: «Турецкий поток». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/> — 01.07.2020.
4. Венгрия приняла решение о строительстве продолжения «Турецкого потока». [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200626/1573543120.html> — 01.07.2020.
5. Родионов А. А. Турецкий поток — экономический инструмент политического влияния России // ГОСРЕГ: Государственное регулирование общественных отношений, номер 1 (11). Академия гражданской защиты МЧС России (Химки), 2015, С. 26.
6. Оздемир В., Гулиев И. А. Энергетическая дипломатия Турции // Вестник МГИМО Университета, номер 2(47). М, 2016, С. 101–110.
7. Венгрия одобрила инвестиции в строительство продления «Турецкого потока» [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20200628/1573582034.html> — 01.07.2020.
8. Конец газовой войны: Москва и Киев снимают претензии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/12/27/12887222.shtml?updated> — 01.07.2020.
9. Официальный сайт «Турецкого потока» [Электронный ресурс]. URL: <http://turkstream.info/ru/project/> — 01.07.2020.
10. Хлопов О. А. Перспективы реализации «Турецкого потока» в контексте сотрудничества России и ЕС // Материалы конференций ГНИИ Нацразвитие. СПб, 2017. С. 34–37.

Лабенский Ярослав Владимирович

Политика латинизации казахского алфавита в двусторонних отношениях Казахстана и России

Latinization policy of the kazakh alphabet in bilateral relations of Kazakhstan and Russia

Аннотация: В статье анализируются двусторонние отношения между Казахстаном и Россией сквозь призму латинизации казахского алфавита. Казахстан проводит многовекторную политику, сотрудничая с Россией, Китаем, странами Европейского Союза и другими геополитическими игроками, балансируя между разными центрами силами и сохраняя лидирующее положение в Центральной Азии. Переход казахского алфавита на латиницу может подорвать российско-казахские отношения. Научная значимость исследования направлена на выявление основных вызовов, которые несет латинизация для двусторонних отношений с Россией.

Ключевые слова: латинизация, казахский алфавит, кириллица, российско-казахстанские отношения.

Abstract: This article analyzes the bilateral relations between Kazakhstan and Russia through the prism of latinization of the Kazakh alphabet. Kazakhstan pursues a multi-vector policy, cooperating with Russia, China, the European Union and other geopolitical players, balancing between different centers of power and maintaining a leading position in Central Asia. The transition of the Kazakh alphabet to the Latin alphabet may undermine Russian-Kazakh relations. The scientific significance of the study is aimed at identifying the main challenges that latinization poses for bilateral relations with Russia.

Keywords: latinization, kazakh alphabet, cyrillic alphabet, Russian-Kazakh relations.

На постсоветском пространстве Россия и Казахстан имеют наиболее близкие отношения в силу сложившихся исторических традиций, высокое экономическое развитие, ресурсный потенциал. Граница между государствами самая протяженная в мире (7512,8 км), что, безусловно, влияет на геополитические предпо-

чтения. С 1991 г. Россия формирует долгосрочные добрососедские отношения, которые органично встраиваются в интеграционный проект — Евразийский экономический союз. Грамотно выстроенные дипломатические российско-казахстанские отношения позволяют долгие годы укреплять межгосударственное сотрудничество.

Казахстан является частью большого международного региона — Центральная Азия (ЦА), где претендует на роль лидера в соперничестве с тяжеловесным игроком — Узбекистаном [36, с. 119–127] и ведет продуманную многовекторную внешнюю политику, лавируя между крупными геополитическими акторами.

В последние десятилетия Центральная Азия превратилась в регион политического риска, сосредоточив проблемы значительной части постсоветских территорий: управление гидроэнергетическими ресурсами, территориальные споры, поиск национальной идентичности, обеспечение безопасности национальных границ. Особенность геополитической ситуации, усугубляющая перечисленные проблемы, — повышенная концентрация разнонаправленных интересов внешних международных акторов, ведь «игроками на центральноазиатской сцене являются не только Россия и Китай, но и США, Индия, Пакистан, Турция, Израиль, Иран и многие арабские государства» [38, с. 215]. Присутствие в регионе различных сил приводит к тому, что «внешняя помощь становится не только фактором, содействующим развитию и обеспечению безопасности, но и фактором продвижения собственно национальных интересов в рамках разного рода проектов» [38, с. 222].

В сложном регионе Россия заинтересована в стабильном и быстро развивающемся партнере, каким является Казахстан. Борясь за региональное лидерство, Казахстан опирается на поддержку России, тогда как Узбекистан, например, сделал ставку «на постепенное наращивание мощи «изнутри», создание необходимых ресурсов для лидерства при опоре на собственные силы и проведение более независимой от России и США внешней политики» [36, с. 121].

Двусторонние связи развивались позитивно, в том числе благодаря использованию русского языка в качестве языка диалога, кириллица в казахском алфавите облегчала положение русскоязычного населения. Но в 2012 г. президент Н. А. Назарбаевым

объявил о переходе алфавита на латиницу. Спустя 5 лет переход был утвержден официально [23].

В статье рассматриваются позиции политических элит, представленные в выступлениях, интервью в СМИ. Источниковую базу составили данные официального портала МИД Казахстана, Комитета статистики РК, Евразийской экономической комиссии, казахстанские СМИ. Гипотеза исследования заключается в том, что реформа алфавита, не связанная со значительными историческими событиями, обусловлена внутривнутриполитическими процессами, направлена на внутреннюю мобилизацию политической системы, влияет на внешнюю политику государства.

Латинизации казахского алфавита — малоизученная тема. Отсутствуют работы по анализу последствий перехода с кириллицы на латиницу для российско-казахстанских отношений. Мы привлекли для исследования работы отечественных и зарубежных авторов, фокусирующих внимание на российско-казахстанских отношениях в целом, К. Е. Мещерякова, В. В. Парамонова, Е. М. Кузьминой, М. В. Лапенко [30–32; 37; 42], «сложилась довольно богатая и разнообразная историография» [35, с. 25]. Отдельную группу составляют монографии и статьи, анализирующие положение русского языка и русскоязычного населения в странах Центральной Азии, М. М. Лебедевой, Е. Г. Пономаревой, А. А. Музалева, Т. С. Немчиновой [33; 41; 43]. Последний блок исследований связан непосредственно с языковыми реформами в Центральной Азии, СССР, Казахстане — П. И. Дятленко, А. Х. Даудова, Е. П. Мамышевой, Д. А. Аманжоловой, А. А. Музалева, Т. С. Немчиновой, О. Б. Януш [25; 26; 28; 29; 39; 40; 44]. Изучая СМИ, мы прибегли к методу контент-анализа. Основной информационный массив составили Forbes Kazakhstan, Tengri news, Sputnik.kz, BBC.

Латинизация казахского языка имеет историческое прошлое. До 1920 г. казахское письмо пользовалось арабским алфавитом. 2 февраля 1921 г. был подписан Декрет СНК КазАССР № 19, в котором указывалось: «центральные и губернские учреждения республики ведут делопроизводство и переписываются между собой на русском языке» [27, с. 369–373], однако использовали и казахский язык, который требовал реформы письменности. Казахская ин-

теллигенция и молодежь, обучавшаяся за пределами республики, стали выступать против арабского шрифта, предлагая принять латинский алфавит, как более легкий для изучения и доступный в применении. Несмотря на сопротивление группы во главе с А. Байтурсыновым, ратовавшей за реформирование арабской графики, в 1924 г. стали разрабатывать варианты латиницы для казахского языка. На I тюркологическом съезде в 1926 г. в Баку было принято решение о введении латинской графики для советских тюркских народов [27, с. 369–373]. Латинский формат казахского языка был утвержден в 1929 г. и просуществовал до 1940 г. — до введения кириллического алфавита. С распадом Советского Союза и образованием новых государств появилась возможность для стран Центральной Азии перейти на латинский вариант алфавита. Этому активно способствовала Турция. На латинский перешли Узбекистан, Туркменистан.

Первые идеи латинизации казахского языка были озвучены в 2006 г. в кругах казахской элиты и нашли поддержку. В 2012 г. в Стратегии «Казахстан 2050» Н. А. Назарбаев подчеркнул важность перехода, он будет способствовать поиску казахской идентичности, развитию двусторонних отношений со странами Европейского Союза.

Программа перехода была рассчитана на период до 2025 г. Но присоединение Россией Крыма в 2014 г. и санкционная политика поставили Казахстан в ситуацию, когда он, поддерживая Россию, мог потерять партнеров в ЕС, что шло вразрез с многовекторностью внешней политики. С 2018 г. Казахстан официально стал проводить латинизацию алфавита, избрание нового главы государства ускорило процесс перехода.

Основная дискуссия о реформе алфавита развернулась в СМИ. Большинство публикаций относятся к периоду 2012–2019 гг. Анализ контента казахстанских СМИ (EurasiaNet, Forbes Kazakhstan, Tengrinews, Jasquazaq.kz, Turkistan, Комсомольская правда.кз) показал: с 2012 по 2018 год восприятие латинизации имело положительный характер, публикации призывали население к активному просвещению [4; 20; 24]. С конца 2018 и в течение 2019 г. положительная динамика спала, появились скептические статьи [3; 6; 15].

Российские газеты писали, что Казахстан теряет национальную идентичность; в отношении России переход — предательство [12]. ВВС и другие западные источники положительно отреагировали на реформы, подчеркивая, что существуют финансовые риски [13]. Казахские газеты озвучивали официальную точку зрения, цитируя Президента: переход казахского языка на латиницу станет «одним из ключевых этапов духовной модернизации». 90% информации в мире публикуется на латинице, а кто владеет информацией, «у того развиваются наука и технология» [8].

Переход к латинице может привести к новой волне эмиграции русского населения, что негативно скажется на казахско-русских отношениях [19]. Согласно Переписи населения 2016 г., казахи составляют 2/3 населения страны, русские — 20% [13]. В северных районах страны, граничащих с Россией, крупных городах (Алма-Ате, Астане), русский язык используют в бытовом и деловом общении, казахский — на юге и западе страны, поэтому здесь население выступает за латинизацию, а на севере поддерживает кириллицу [18].

Финансовые затраты в будущем могут снизить темпы экономического роста. Бюджет Казахстана на латинизацию рассчитан на 7 лет и составляет 218 млрд тенге (664 млн долл.). 90% отводится на образовательные программы [13]; на разработку компьютерной программы-конвертера кириллицы в латиницу — 166 тыс. долл., повышение квалификации учителей средней школы — 33,2 млн долл.

По данным Всемирного банка, ВВП Казахстана составляет 170,9 млрд долл. США, годовой прирост в 2019 г. 3,7% (632,33 млн долл.) [7]. Расходы на реформу составят более 1% ВВП, что в целом не так пагубно для экономики. Но если затраты увеличатся, экономика начнет стагнировать. Кроме того, пандемия covid-19 не позволит продвигаться в привычном темпе. Переход может на десятилетие замедлить темп роста экономики страны.

Влияние на двусторонние отношения

Во внешнеполитической стратегии РФ Казахстану выделяется ключевое место партнера в Центральной Азии [16]. Но если

сравнивать присутствие России в ЦА с другими игроками, возникает вопрос: сколько времени Россия будет являться главным партнером для Казахстана?

Таблица 1. Объем товарооборота с Казахстаном [2]

Страна	Россия		Китай	
	2017	2018	2017	2018
Экспорт (тыс. долл. США)	11 924 244	12 923 333	11 564 422	11 326 581
Импорт (тыс. долл. США)	4 599 663	5 295 922	6 378 590	8 529 554

Данные таблицы 1 показывают, что Китай значительно опережает Россию по импорту и немного уступает по экспорту. Если Китай и Казахстан реализуют 5 проектов на сумму 24 млрд долл., то Россия — 100 проектов на 20 млрд долл. Позиция России в торговле с Казахстаном в будущем может развернуть Казахстан к экономической интеграции с Китаем. Перспективна для Казахстана и программа «Один пояс — один путь», которая затрагивает не только членов ЕАЭС, но и Афганистан, Узбекистан и другие страны Центральной Азии, создавая единую диалоговую площадку для региона. Возможно, Россия сможет сохранить позиции в военном сотрудничестве. Согласно данным Стокгольмского института контроля над вооружениями, в период 1995–2018 гг. Россия поставила в Казахстан более 2022 единиц боевой техники, США — 47 единиц, Китай — 32.

Экономические и торговые отношения Европейского Союза и Казахстана опираются на Стратегию ЕС для стран Центральной Азии и государственную программу Казахстана «Путь в Европу» [22]. Казахстан в 2019 г. перешел на Болонскую систему обучения, отменив оценочную систему знаний. И ожидает, что латинизация приблизит к эффективному изучению английского и других европейских языков [17].

Америке необходим Казахстан как плацдарм для размещения военных баз для противодействия Ирану и Афганистану. Странами реализуется проект «Казбриг» — платформа для под-

готовки миротворческих войск Казахстана совместно со специалистами США. В 2005 г. Казахстан перешел на ранговую систему НАТО [14].

Ситуация складывается для России неблагоприятно. Основные последствия латинизации письменности Казахстана для двусторонних отношений с РФ — это:

- очередная волна массовой эмиграции русского населения или ситуация в северном Казахстане, аналогичная Приднестровью;
- отторжение русского языка в рамках образования;
- поддержка Китая политики латинизации может пошатнуть интеграционные процессы в рамках ЕАЭС, и быстрее повернуть Казахстан к программе «Один пояс — один путь»;
- финансовые затраты могут привести к потере Казахстаном лидерства в Центральной Азии, что для России не выгодно.

Очевидно, реформа порождает множество проблем: финансовые затраты на реформы, языковые проблемы, связанные с постоянной сменой апострофов и отсутствия единого варианта алфавита, прогнозирование постепенного ухудшения образования населения. Трудности с внедрением латиницы могут отодвинуть реформу до 2035 г. России нужно больше уделять внимания Центральной Азии, так как регион становится платформой столкновения интересов сильных держав. Казахстану учесть все вызовы, чтобы избежать возможных ухудшений отношений с Россией и сохранить многовекторный внешнеполитический курс, а также культуру и уровень грамотности населения.

Список литературы:

1. Аманжолова Д. А. Некоторые вопросы реформирования письменности в Казахстане в 1920–1936 гг. // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. №2. С. 171–187.
2. В Казахстане предложили оставить кириллицу. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-kazahstane-predlojili-ostavit-killitsu-384838/ — 18.05.20.

3. Данные Всемирного банка. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan/overview> — 18.05.20.
4. Данные комитета по статистике РК. URL: <https://stat.gov.kz/> — 18.05.20.
5. *Даудов А. Х., Мамышева Е. П.* Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 2. С. 7–12.
6. *Дахаева У. М., Саятова А. С.* Переход Казахского языка на Латинский язык: Студенты-медики голосуют «за» // Вестник КазНМУ. № 1. 2018. С. 369–373.
7. Двусторонние отношения России и Казахстана. URL: <http://www.mfa.kz/ru/omsk/content-view/bilateral-relations> — 18.05.20.
8. Доклад № 52 Евразийская экономическая интеграция — 2019. С. 7–136.
9. *Дятленко П. И.* Политические игры вокруг латинской графики в постсоветском Кыргызстане // Современные евразийские исследования. 2017. № 2. С. 25–30.
10. *Дятленко П. И.* Языковые реформы в Центральной Азии: тренды — цели — итоги // Вестник Евразии. 2008. № 4. С. 80–109.
11. ЕАЭС: цифры и факты // Библиотека Евразийской интеграции. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents.pdf> — 18.05.20.
12. Казахстан: переход на латиницу — предательство, цена — потеря самобытности, 2019. Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2604371.html> — 18.05.20.
13. КАЗБРИГ как индикатор военно-политического сближения Казахстана и США. URL: <https://riss.ru/analytics/4578/> — 18.05.20.
14. Как защитить казахский язык и образование? URL: https://forbes.kz/massmedia/kak_zaschitit_kazahskiy_yazyk_i_obrazovanie/ — 18.05.20.
15. Концепция внешней политики России 2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/2542248 — 18.05.20.
16. *Кузьмина Е. М.* Геополитика Центральной Азии. М.: Инст-т экономики РАН, 2007. 151. с.
17. *Кузьмина Е. М.* Центральная Азия как международный регион: экономические аспекты // Экономическое взаимодействие стран — членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта. М., 2015. С. 235–252.
18. *Ланенко М. В.* Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 71–76.

19. *Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А.* Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект-Пресс, 2016. 224. с.
20. *Мещеряков К. Е.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. СПб.: Скифия-Принт, 2012. 238. с.
21. *Мещеряков К. Е.* Историография и источниковедение внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии. СПб.: Скифия-Принт, 2014. 402. с.
22. *Мещеряков К. Е.* Региональное лидерство в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, международные отношения. 2006. № 1. С. 119–127.
23. *Мещеряков К. Е.* Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг. Диссерт. на соиск. учен. степ. доктора наук. СПб., 2015.
24. Назарбаев призвал активно изучать английский язык. // Sputnik News, 2017 г. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20170427/1022174249/nazarbayev-prizval-kazakhstantsev-aktivno-izuchat-angliyskiy-yazyk.html> — 18.05.20.
25. Названы области Казахстана, где меньше всего поддерживают латиницу // Tengri News. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazvaniy-oblasti-kazahstana-menshe-podderjivayut-latinitu-328188/ — 18.05.20.
26. *Немчинова Т. С., Музалев А. А.* Влияние языковой политики на формирование образовательного пространства в государствах Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 426–430.
27. *Немчинова Т. С., Музалев А. А.* Латинизация письменности в государствах Центральной Азии: исторические предпосылки и современная ситуация // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 9 / Под ред. В. С. Ягья. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 310–327.
28. *Немчинова Т. С., Музалев А. А.* Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 52–57.
29. *Немчинова Т. С., Музалев А. А., Говоркова А.* Взаимодействие ключевых геополитических игроков в Центральной Азии: конкурентный выбор или историческая данность? // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 8: сб. статей / Под ред. В. С. Ягья. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 296. с. С. 213–224.
30. *Парамонов В. В.* Основные проблемы на пути сотрудничества в Центральной Азии: прогноз внешней политики стран региона // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 1. С. 68–90.

31. Переход на латиницу в Казахстане. Ритм. Евразия. URL: <https://www.ritimeurasia.org/news--2020-01-30--perehod-na-latinicu-v-kazahstane.-vtoraja-serija-47223> — 18.05.20.
32. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / Под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020.
33. Почему латиница должна стать концептуальным выбором Казахстана. URL: https://forbes.kz/life/opinion/pochemu_latinitsa_doljna_stat_kontseptualnyim_vyiborom_kazahstana/ — 18.05.20.
34. Почему развитие Казахстана вызывает интерес у делового мира Турции. Strategy 2050. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/52002/> — 18.05.20.
35. Сколько стоит поменять алфавит страны. // BBC News, 2018 г. URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-cap-43988796> — 18.05.20.
36. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Казахстаном 2015 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=37496546#pos=2;-247 — 18.05.20.
37. Указ Президента Республики Казахстан № 569 от 26 октября 2017 г. «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33613600 — 18.05.20.
38. Язык до Latinicy доведет. URL: <https://tengrinews.kz/article/yazyik-do-latinicy-dovedet-58/> — 18.05.20.
39. Януш О. Б. Латиница в странах Центральной Азии: алфавит, политика, культурное влияние // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 402–412.
40. Active the people republic China. URL: <http://www.oecd.org/china/active-with-china.pdf> — 18.05.20.
41. Development finance data between Kazakhstan and China. URL: <http://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data> — 18.05.20.
42. Latinization of Kazakhstan alphabet. // New Eastern Europe. URL: <https://neweasterneurope.eu/2019/12/03/latinisation-of-the-kazakh-alphabet> — 18.05.20.
43. New Latin Alphabet Criticized as Apostrophe Catastrophe. URL: <https://eurasianet.org/kazakhstan-new-latin-alphabet-criticized-as-apostrophe-catastrophe> — 18.05.20.
44. President Calls for Switch to Latin Alphabet by 2025. URL: <https://eurasianet.org/kazakhstan-president-calls-switch-latin-alphabet-2025> — 18.05.20.

Назаров Батыр Сердарович

Российско-турецкие отношения после 2015 г.: фактор США и внешнеполитический курс Эрдогана

Russian-Turkish relations after 2015: the US factor and Erdogan's foreign policy course

Аннотация: Настоящее исследование посвящено проблематике развития русско-турецких отношений после 2015 г. Автором проведен анализ двухсторонних отношений России и Турции, определены причины и последствия ухудшения российско-турецких отношений после ноября 2015 г., а также влияния США на Турцию. Особое внимание уделяется влиянию внешней политики Реджепа Тайипа Эрдогана на процесс нормализации двухсторонних контактов Москвы и Анкары. В результате исследования автором было выявлено, что взаимодействие России и Турции необходимо рассматривать с различных стратегических точек зрения и экзистенциальных интересов Москвы и Анкары.

Ключевые слова: Россия, Турция, США, НАТО, Реджеп Тайип Эрдоган

Abstract: This research is devoted to the problems of development of Russian-Turkish relations after 2015. The author analyzes the bilateral relations between Russia and Turkey, determines the causes and consequences of the deterioration of Russian-Turkish relations after November 2015, as well as the influence of the USA on Turkey. Special attention is paid to the impact of foreign policy of Recep Tayyip Erdogan on the process of normalization of bilateral contacts between Moscow and Ankara. As a result of the research, the author revealed that the interaction between Russia and Turkey must be considered from different strategic points of view and the existential interests of Moscow and Ankara.

Keywords: Russia, Turkey, the USA, NATO, Recep Tayyip Erdogan

Окончание Холодной войны и формирование однополярного мира под руководством США является наивысшей точкой их гегемонии в истории человечества. США стали единственной сверх-

державой, и соперничество с Вашингтоном на конец XX — начало XXI вв. в военной и экономической сферах было невозможно, так как США были недосыгаемы на рубеже веков. Однако время беспрекословной гегемонии США подходит к закономерному концу. Любая империя по цивилизационному циклу рано или поздно приходит в упадок, а перенапряжение сил лишь ускоряет процесс ослабления империи.

По словам Роберта Гилпина, любой гегемон, который выстраивает собственный миропорядок, обязан брать на себя ответственность за поддержание этого однополярного порядка. Гегемон вынужден реагировать на любые действия второстепенных держав, которые гипотетически или в реальности могут угрожать безопасности и лидерству гегемона. Однако такая жесткая политика на языке силы неминуемо приведет гегемона к ослаблению и упадку, т. к. реагировать на все вызовы на глобальном геополитическом пространстве практически невозможно, т. е. фактическое перенапряжение сил поставит гегемонистскую стабильность на грань краха, а это означает, что в мире появятся новые центры силы, которые будут стремиться преодолеть влияние гегемона [14].

Лидер существующей системы вынужден применять решительные меры для устранения нелояльного режима или лидера ради сохранения текущего миропорядка. Это оправдывает так называемый наступательный реализм, о котором писал Джон Миршаймер. Он настаивает, что гегемон всегда стремится к усилению своего могущества и к ослаблению противника, т. к. в противном случае он имеет шанс упустить момент господства, что приведет гегемона к неминуемому поражению [17]. Весьма характерно это доказывает государственный переворот в Турции в июле 2016 г.

Неудавшаяся попытка государственного переворота в Турции, косвенно поддержанная Вашингтоном, равно как и бегство Фетхулаха Гюлена в США, где он получил статус политического беженца, серьезно охладила двухсторонние отношения давних союзников, которые сотрудничали несколько десятилетий в рамках единого альянса, но окончание Холодной войны и непомерное желание Турции диктовать свою собственную внеш-

нюю политику в ближневосточном регионе с каждым годом усложняли американо-турецкие отношения. Внешняя политика Реджепа Тайипа Эрдогана подтолкнула США к идее о немедленной реализации государственного переворота в Турции, когда была сделана ставка на более лояльного [13] Ф. Гюллена, который обладал широкими возможностями и большой группировкой последователей среди военных в Турции.

Наибольшая озабоченность была вызвана тем, что Эрдоган может втянуть НАТО и США в новый конфликт с Россией, что в свою очередь убедило Вашингтон в необходимости устранения президента Турции и создания послушного и лояльного режима в Анкаре. Провалившись, Вашингтон начал проявлять чувства дружеской симпатии и всячески убеждал Эрдогана в своей дружбе, понимая, что инцидент с переворотом и раскрытием факта причастности ЦРУ к организации переворота могут полностью разрушить двухстороннее сотрудничество с США.

Сотрудничество и дружба с США начали буквально ослабевать на глазах [10], активную роль в этом процессе сыграла Россия, успевшая найти нужный момент для дестабилизации отношений давних союзников. Временная переориентация внешней политики Турции на восстановление доверительных отношений с Россией сыграла свою негативную роль в процессе охлаждения американо-турецких отношений. Объявленные Дональдом Трампом экономические и политические меры принуждения против Турции выявили два момента, которые доказали, что экономика республики весьма уязвима к американским санкциям, а также был выявлен факт того, что турецкое руководство готово отстаивать свои национальные интересы до конца, даже с появлением определенных сомнений в правильности выбранного решения следовать против политики Вашингтона [20]. Обострение отношений с США вызвало кризис, который необходимо было решать, что можно было сделать только благодаря новым партнерам и инвесторам [16].

Россия в данной ситуации выступает наиболее приемлемым кандидатом в партнеры по геополитическим, военно-политическим и экономическим интересам [21]. Москва в роли ситуативного партнера Турции может стать главной поддержкой Анкары,

при этом Эрдоган явно полагается на полную и безоговорочную поддержку Владимира Путина. Однако открытым остается другой вопрос. Будет ли Россия считать Турцию своим союзником или Анкара — это условный партнер для укрепления российского геополитического влияния в ближневосточном регионе и достижения долгожданного мира на Ближнем Востоке [8]. В условиях вновь разворачивающегося геополитического противостояния на Ближнем Востоке, ситуация развивается далеко не по тем сценариям, которые пророчили некоторые российские политологи (Александр Дугин [2]) и политики (Владимир Жириновский [7]). Очевидно, что в геополитических реалиях союз Турции и России выглядит весьма перспективно, и он отвечает всем панъевразийским критериям, о которых писал А. Г. Дугин, но для этого необходимо разобрать некоторые моменты, которые априори не позволят России и Турции в ближайшем будущем сконцентрировать усилия для выстраивания союзнических отношений.

Во-первых, на протяжении нескольких столетий Россия и Турция были экзистенциальными противниками. Обе державы были кардинально разными во всех сферах. Великие державы Запада всячески подталкивали Россию и Турцию к военным столкновениям, пытаясь загнать оба государства в кровопролитные войны для полного ослабления обеих [5, с. 652–656]. Влияние Запада в турецкой внешней политике всегда было сильным [5, С. 648–652], и оно никогда не уйдет, ни при каких обстоятельствах, даже при текущих сложностях и противоречиях Турции и США. Турция по сей день является участником Североатлантического Альянса и до сих пор юридически обязана выполнять 5-ю статью устава НАТО. В случае гипотетической войны России с Европой, Анкара будет обязана объявить войну России в качестве союзного государства члена НАТО [19]. Прогнозы политологов, предупреждающих о уже свершившемся союзе Турции и России, ничего не доказывают, и последние события 2020 г. [8; 9] полностью это подтверждают. Следовательно, для начала необходимо понять о каком союзе вообще идет речь, ведь ни один из крупных политических деятелей обоих государств не говорит о союзе, что должно посеять мысль о том, что оба государства ясно осознают, что близкое партнерство в ближайшее время невозможно, по край-

ней мере из-за обязательств Турции по Вашингтонскому пакту. Лишь выход Турции из самого альянса может доказать желание Турции пойти на более тесный контакт с Москвой, но этот план в текущей реальности [6] пока не осуществим по многим критериям, которые все не перечислить в рамках данного исследования. Даже если учитывать желание многих американских политиков выгнать Турцию из НАТО, то маловероятен факт, что это произойдет по воле Вашингтона, так как для это необходимо провести голосование всех участников НАТО, что не дает реальной уверенности в том, что все проголосуют согласно желанию США, если только Турция не изъявит желание о выходе из альянса сама, хотя и этот сценарий маловероятен. В данный момент Турцию нельзя называть союзником России по многим обстоятельствам, и их нельзя не учитывать, но при этом нельзя отказываться от сотрудничества с Турцией.

Во-вторых, даже при условии формирования конкретного союза сложно сказать о его прочности и перспективах, так как мотивы, интересы и цели у Р. Эрдогана меняются ежедневно, и американо-турецкий сценарий может оказаться весьма показательным примером для прогнозирования дальнейшего проекта российско-турецкого союза [10]. Государство живет и процветает в угоду своим собственным политическим интересам и амбициям, и защита национальных интересов является экзистенциальным фактором выживания на международной арене. Турция прекрасно понимает и осознает весь риск, на который она идет, но в условиях смены геополитической формации, которая ведет к созданию многополярного мира, Турция вынуждена идти «ва-банк», чтобы найти «свое место под солнцем». Поэтому в данной ситуации необходимо принять в расчет следующий фактор. Чтобы избежать возможного изменения внешнеполитического курса Турции, необходимо заковать ее в обязательствах всех крупных политических и экономических организаций, в которых участвует РФ. Примерами данных организаций могут стать: БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС. Лишь утверждение Турции на правах партнера по организациям может создать прообраз квазисоюза, но даже это не является реальным аргументом, так как данные организации не являются военно-политическими блоками и не не-

сут в своей основе агрессивного характера, как НАТО. В действительности Турция всеми возможными способами показывает, что Анкара понимает лишь язык силы. По мере достижения консенсуса по выработке сценария нормализации положения в Сирии Турция всячески способствовала провалу переговоров по сирийскому Идлибу, считающегося последним оплотом антиправительственных сил в Сирии, спонсируемых Анкарой с самого начала гражданской войны в Сирии. Как известно, 27 февраля 2020 г. под огонь сирийских правительственных войск попали турецкие военнослужащие, которые находились в рядах террористов. По последним данным, погибло 34 солдата и было ранено 10 солдат турецких вооруженных сил, и немедленно в ответ на обстрел турецких военных Эрдоган пригрозил Дамаску, заявив, что режим заплатит «высокую цену» за столь прямолинейные действия против турецких военных [11]. Как заявляет новостное издание Турции Daily Sabah, турецкие ВС находились в Идлибе для поддержания мирной обстановки и защиты гражданского населения от «нелегитимного режима Башара Асада» [23]. Россия заявила о поддержке Дамаска, что повлекло за собой реакцию турецких высокопоставленных лиц. Советник президента Турции Месут Хакки (прим. авт. — он же является членом комитета по безопасности и внешней политики при президенте) заявил, что Турция готова воевать с Россией, если придется: «Турция 16 раз вела войны с Россией. И готова, если нужно, вступить в новую войну»; «Не будем забывать, что в России проживает 25 млн мусульман, а потому в случае войны Россия будет разорвана внутренними силами», — заявил советник Эрдогана [12]. Все это не приносит уверенности в дружелюбной позиции Анкары, и хотелось бы сказать, что это временное явление, но даже население способствует нагнетанию обстановки, постепенно показывая определенный уровень русофобии. В качестве примера можно привести атаку турецких националистов на трех журналистов турецкого издательства Информационного Агентства Sputnik. Националисты пытались взломать их квартиры, выкрикивая лозунги в шовинистическом духе: «Турция для турок» и «Проваливайте русские шпионы» [9]. Последние действия Турции показывают, что время дружелюбия Анкары завершилось и Эрдоган постепенно возвра-

щаются к политике образца 2015 г., т. е. до момента крушения российского Су-24.

В-третьих, ситуация ежедневно выходит из-под контроля и приобретает характер бесконечной проблемы, обстановка на мировом пространстве меняется с каждым днем и утверждать о чем-либо призрачном и неосязаемом фактически нельзя. Кроме того, говорить о прогнозах и стратегиях в условиях бушующего экономического кризиса очень трудно, но стоит признать, что российско-турецкие отношения нормализовались из-за ухудшения американо-турецких отношений, и Москва вовремя определила ситуацию для усиления своего влияния на Ближнем Востоке. Однако изменчивая позиция Турции и начало новой операции в сирийском Идлибе под кодовым названием «Весенний щит» поставили на грань крах все договоренности, которые были достигнуты в рамках «астанинского формата» в 2017–2018 гг. [18]. Объективно, что каждая сторона выступает с точки зрения защиты национальных интересов, что неминуемо приводит к столкновению двух сторон в силу различной трактовки собственной внешней политики. В целом ситуация в Сирии стабилизировалась, и на данный момент в условиях пандемии COVID-19 Турция прекратила эскалацию обстановки в Сирии, однако она начинает новую контртеррористическую операцию против турецких курдов на территории Ирака, тем самым Турция всеми возможными способами стремится добиться доминирующего положения в регионе, так как фактически Турция потерпела поражение в Сирии, что на руку России [22]. Помимо всего прочего, Анкара стремится участвовать практически во всех политических событиях, которые происходят вокруг самой Турции. Р. Эрдоган не желает никому уступать, понимая, что имеющихся ресурсов не хватит для завершения даже одной военно-политической кампании. На данный момент Турция провоцирует всех своих соседей, что может вылиться в крупный региональный конфликт. Турецкое вмешательство в ливийскую гражданскую войну вынудило Арабскую Республику Египет начать немедленную закупку военной техники из России, а также наладить каналы связи с израильской разведкой Моссад для предотвращения расширения турецкого влияния в Ливию, раздираемой гражданской войной и хаосом

[3; 4]. Также можно выделить двухсторонние проблемы Греции и Турции, которые сопровождаются воинствующими заявлениями [1]. Налаживание более тесных отношений с Анкарой может вызвать неоднозначную реакцию на всем Ближнем Востоке. Этим и можно объяснить нейтральную позицию Москвы на текущее положение Турции. Поэтому говорить о реальном политическом союзе между Россией и Турцией в данной политической конъюнктуре нельзя, но стоит признать, что Анкара стала выгодным ситуативным партнером в рамках решения сирийской проблемы, однако все договоренности были временными, и каждое государство принялось защищать свои национальные интересы без оглядки на партнеров.

В процессе исследования сложнейшим вопросом оставались русско-турецкие отношения после 2015 г., а также их определение в силу складывающихся обстоятельств на международной арене. Автор определяет отношения России и Турции как временное взаимовыгодное сотрудничество, которое представлялось многими в качестве предтечи для будущего союза. Несостоятельность данного утверждения является абсолютной фикцией, которая может быть оспорена в нескольких пунктах: 1) характерность исторической закономерности развития отношений России и Турции, которая позволит накладывать определенный ярлык на современные двухсторонние отношения данных акторов; 2) сирийский вопрос и противостояние за влияние на Ближнем Востоке; 3) неуравновешенный курс Эрдогана, который ежедневно меняет свои убеждения, что не гарантирует взаимовыгодного сотрудничества; 4) членство Турции в НАТО как главная проблема потенциального союза. Следовательно, без решения данных проблем говорить о союзе фактически нецелесообразно, поэтому стоило бы определять русско-турецкие отношения как временное потепление в отношениях, которое выгодно каждой стороне до определенного этапа развития событий.

Список литературы:

1. Греция заявила о готовности к войне с Турцией из-за нефти и мигрантов. // РБК. 05.06.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/06/20/20/5ed9eb1f9a79470140fee7f9> – 24.06.2020.
2. Евразийская дуга Дугина. // Иносми.ру. 08.08.2016. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160808/237468091.html> — 20.06.2020.
3. Египет готов начать войну за мир. // Коммерсантъ. 30.06.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4389326> — 30.06.2020.
4. Египет и Турция оказались на грани войны. // Свободная Пресса. 23.06.2020. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/269009/> — 24.06.2020.
5. История дипломатии: в 3-х т. Т. 1. / под редакцией В. П. Потёмкина, С. В. Бахрушина, А. В. Ефимова, Е. А. Косминского, Е В. Тарле. — М.: Госполитиздат, 1959. 896. с.
6. Отношения России и Турции балансируют на грани. // РИА Новости. 22.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200220/1565027927.html> — 22.07.2020.
7. Пророчества сбываются: Жириновский предсказывал сближение Турции и России еще в 2016 году. // Царьград ТВ. 14.07.2019. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Fnews%2Fprorochestva-sbyvajutsja-zhirinovskij-predskazyval-sblizhenie-turcii-i-rossii-eshhe-v-2016-godu_208194 — 20.06.2020.
8. Союз с Турцией — шанс на стабильность в регионе. // Геополитика. ru. 16.11.2017. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/soyuz-s-turciey-shans-na-stabilnost-v-regione> — 19.06.2020.
9. «Турция нарывается»: в Анкаре пропали три журналиста. // Газета. ru. 01.03.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/03/01/12983701.shtml> — 21.06.2020.
10. Чтобы понять действия Эрдогана в Сирии, Москве надо вспомнить Украину и 2014 год. // Коммерсантъ. 03.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4275660> — 22.07.2020.
11. Эрдоган пригрозил Сирии «высокой ценой» в случае нападения. // РИА Новости. 11.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200211/1564548093.html> – 20.06.2020.
12. Advisor to Erdogan: Turkey fought with Russia 16 times and is ready to enter a new war. // Topwar. 28.02.2020. URL: <https://en.topwar.ru/168430-sovetnik-jerdogana-turcija-voevala-s-rossiej-16-raz-i-gotova-vstupit-v-novuju-voynu.html> — 21.06.2020.
13. Disrespect for 'Red Lines': 'Why Turkey is US 'Ally but Not a Partner.' // Sputnik. 11.09.2017. URL: <https://sputniknews.com/world/201709111057277831-turkey-us-relations-gulen/> — 22.07.2020.

14. *Gilpin R.* Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. NY, 2001.
15. Gulen movement 'founded by CIA, like Mormons and Scientology' — Turkish prosecutor. // RT. 01.09.2016. <https://www.rt.com/news/357944-gulen-movement-founded-cia/> — 22.07.2020.
16. How rogue can Turkey go? // Politico. 01.03.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/turkey-rogue-state-recep-tayyip-erdogan/> — 18.06.2020.
17. *Mearsheimer John J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton, 2001.
18. Russia and Turkey — who needs each other more? // Trend. 01.12.2014. URL: <https://en.trend.az/business/economy/2338922.html> — 22.06.2020.
19. The North Atlantic Treaty Washington D.C. — 4 April 1949. URL: https://www.nato.int/cps/us/natohq/official_texts_17120.htm — 20.06.2020.
20. Trump says he is looking at sanctions against Turkey over S-400 missile deal. // Reuters. 03.12.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nato-summit-trump-turkey-idUSKBN1Y71T2> — 18.06.2020.
21. Turkey and Russia: A New Alignment? // Contributor Perspectives. 14.11.2018. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/turkey-and-russia-new-alignment> — 19.06.2020.
22. Turkey begins offensive against Kurds in Iraq. // Dawn. 18.06.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1564264/turkey-begins-offensive-against-kurds-in-iraq> — 22.06.2020.
23. Turkey launches Operation Spring Shield in Syria's Idlib. // Daily Sabah. 01.03.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/turkey-launches-operation-spring-shield-in-syrias-idlib/news> — 21.06.2020.

Олейникова Анна Дмитриевна

Саммит Россия — Африка. Перспективность диалога двух сторон

Russia — Africa Summit. Perspectives of a dialogue between the two sides

Аннотация: В последние несколько лет Африка становится центром глобального значения как в мировой экономике, так и в мировой политике. Стабильный интерес к континенту проявляют США, Китай и страны ЕС. С недавних пор Россия также начала усиливать свое присутствие на африканском континенте. Сегодня налаживание диалога с государствами Африки и их интеграционными объединениями является одним из внешнеполитических приоритетов России. В данной работе рассматривается Саммит Россия — Африка как первая полноформатная встреча лидеров государств Африки и РФ и как новая площадка для развития и усиления взаимосвязей. Дается оценка перспективности диалога, принимаются во внимание вызовы, стоящие перед сторонами.

Ключевые слова: Россия, Африка, Саммит Россия — Африка, российско-африканское сотрудничество, внешняя политика

Abstract: In the past few years, Africa has become a center of global significance both in the world economy and in world politics. The United States, China and the EU countries show a stable interest in the continent. Recently, Russia has also begun to strengthen its presence on the African continent. Today, establishing a dialogue with African States and their integration associations is one of Russia's foreign policy priorities. This work considers the Russia-Africa Summit as the first full-scale meeting of leaders of African States and the Russian Federation and as a new platform for the development and strengthening of relations. The prospects of the dialogue are assessed and the challenges facing the parties are taken into account.

Keywords: Russia, Africa, Russia — Africa Summit, Russian-African cooperation, foreign policy

Сегодня Африка является самым перспективным регионом мира, и к сотрудничеству с континентом стремятся все передовые страны. Особое внимание к Африканскому континенту возникло неспроста: Африка является обладательницей огромной доли мировых возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов. По информации ООН, в Африке сосредоточено около 30% мировых запасов полезных ископаемых, 8% мирового природного газа, 12% мировых запасов нефти. На континенте также сосредоточено около 40% мирового золота и до 90% хрома и платины. В Африке находятся и самые большие запасы кобальта, алмазов, платины и урана [9].

Африканский континент представляет собой высочайшую концентрацию природных ресурсов, которые используются во многих отраслях промышленности и многими странами ежедневно. К таким отраслям относятся обрабатывающая промышленность, энергетика, медицина и развитие инфраструктуры. Помимо местного использования, некоторые из крупнейших инженерных проектов связаны с экспортом ресурсов. Два наиболее прибыльных направления экспорта полезных ископаемых — это золото и алмазы. Этот континент может производить около 500 тонн золота в год и отвечает за большой процент поставок мировых алмазов [8].

Еще одним богатством Африки считается человеческий капитал. Современная Африка — это 55 государств с населением в 1,340 млрд человек (согласно данным ООН на июнь 2020 года). По оценкам экспертов, к 2100 году ожидается рост населения до 4,5 миллиарда, а средний возраст жителей составит 25 лет [4]. Это означает, что, являясь самым быстро растущим континентом, Африка будет обладать молодым, активным и трудоспособным населением.

Кроме того, примечательны динамика развития региона, демонстрируемые серьезные темпы экономического роста. Так, в 2018 году ВВП Руанды вырос на 8,7%, Кот-д'Ивуара — на 7,4%, Эфиопии — на 6,8%, а Ганы — на 6,3% [1]. Страна с самой быстрорастущей экономикой также находится в Африке. Согласно экспертам PwC, Нигерия к 2050 году станет лидером среди самых быстроразвивающихся экономик со среднегодовым ростом ВВП в 5,4%, что позволит ей увеличить ВВП до \$7,3 млрд [7].

Безусловно, все это свидетельствует о том, что континент обладает большим потенциалом, и роль Африки явно будет возрастать. В связи с этим страны Африки весьма привлекательны для инвестиций и сотрудничества. Понимает это и Россия.

За последние несколько лет российское присутствие на Африканском континенте заметно увеличилось, страна стремится найти и закрепить за собой место в регионе. Россию и государства Африки связывают традиционно дружественные отношения, которые не омрачены колониализмом и колониальной эксплуатацией. Исторически эти отношения базировались на взаимном уважении, поддержке и сотрудничестве в различных областях. Советский Союз поддерживал политические, экономические и культурные связи со многими странами Африканского континента. Активно осуществлялись культурный обмен и социально-экономическая поддержка. Среди прочих сфер особое внимание уделялось образованию — например, к 1981 году около 100 тысяч африканских студентов прошли обучение в Советском Союзе. Также СССР оказал колоссальную помощь странам Африки в развитии инфраструктуры. На основе межправительственных соглашений советские специалисты участвовали в создании около 600 предприятий. Совместными усилиями было возведено около 30 энергообъектов, 29 металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий, три нефтеперерабатывающих завода, 40 предприятий по переработке и хранению сельскохозяйственной и животноводческой продукции и многое другое. С советской помощью были реализованы такие крупные проекты как гидроэлектростанция «Капанда» на территории Анголы, которая входит в тройку крупнейших африканских ГЭС, бокситодобывающий комплекс в Киндиа и горно-обогатительный комбинат в Мфуати. Помимо предприятий поддерживалось и осуществлялось строительство учебных заведений и медицинских учреждений.

Однако нельзя не упомянуть, что распад СССР серьезно сказался на российско-африканских отношениях: пострадали практически все линии взаимодействия. В 1992 г. были закрыты 9 российских посольств и 3 генеральных консульства в Африке; численность состава сохранившихся посольств была урежена. Вместе

с тем начало сокращаться количество дипломатических представительств стран Африканского континента в России. Закрылись и многие торговые представительства, 13 из 20 культурных центров России в Африке прекратили свою работу [3]. Тем не менее с середины 2000-х началось восстановление связей с континентом. Современные российско-африканские отношения отличаются разнообразием сфер сотрудничества. Так, к примеру, Россия помогает Африке в развитии сферы здравоохранения, в укреплении стабильности и безопасности на континенте. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Россия непосредственно участвует в вопросах укрепления мира и стабильности в Африке. Ряд африканских государств входит в финансируемые Россией программы содействия по линии ВОЗ — «Помощь отдельным странам в разработке политики по активизации национальной многосекторальной деятельности для борьбы с неинфекционными заболеваниями» (ДРК, Замбия) и «Активизация многосекторальных мер по борьбе с туберкулезом в странах с высоким бременем заболевания» (Ангола, Зимбабве, Кения, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Танзания, Эфиопия, ЮАР). Активно ведется сотрудничество в военно-технической сфере — с 2014 года более чем с 20 странами Африканского континента были заключены соглашения о военном сотрудничестве, предусматривающие предоставление этим странам нового вооружения, подготовку солдат и обслуживание военной техники. Странам континента также предоставляются торговые преференции. Ведется сотрудничество по линии образования. Так, в 2018 год в России обучались около 17 тысяч студентов более чем из 50 стран Африки, и при этом 4 тысячи из них получали образование за счет федерального бюджета [2]. Сотрудничество в данной сфере играет важную роль в укреплении взаимоотношений, ведь выпускники-иностранцы российских вузов представляются потенциальными партнерами российских компаний и организаций, чья поддержка будет вносить свой вклад в развитие российского рынка.

Несомненно, спектр интересов Российской Федерации в Африке довольно обширен и стремительно растет. В данном ключе Россия заинтересована в новых площадках и инструментах развития российско-африканских отношений. И Саммит

Россия — Африка, по мнению экспертов, имеет шансы стать этим новым инструментом.

Впервые прошедший в октябре 2019 года Саммит и Экономический форум Россия — Африка оказался знаковым событием как для России, так и для стран Африканского континента. Саммит Россия — Африка можно считать заслуженным успехом МИД РФ, ведь в нем приняли участие представители 54 государств Африки, из которых 43 были представлены на высшем уровне, что свидетельствует о высокой заинтересованности сторон. Среди участников также были руководители исполнительных органов восьми региональных организаций Африки и представители Межправительственной организации по развитию Общего рынка Восточной и Южной Африки.

В рамках работы Саммита участниками были намечены основные направления сотрудничества, включающие в себя взаимодействие по линиям энергетики, развития инфраструктуры, добычи и переработки полезных ископаемых, а также сотрудничество в сельском хозяйстве, медицине, науке и образовании.

Итогом встреч стала Декларация первого саммита Россия — Африка, содержащая приоритетные цели и задачи развития российско-африканских отношений. Важным моментом стало создание и закрепление на официальной основе нового механизма диалогового партнерства — Форума партнерства Россия — Африка, чьим высшим органом стал Саммит Россия — Африка, который будет проводиться раз в три года. Отмечается, что в период между официальными саммитами диалог прекращаться не будет — с целью поддержания сотрудничества в Российской Федерации планируется проводить ежегодные политические консультации министров иностранных дел.

Особое внимание уделялось экономическим аспектам сотрудничества. Согласно итогам первого Саммита и Экономического форума Россия — Африка, сторонами были подписаны 92 соглашения, меморандума и контракта, общая сумма которых составляет 1,004 трлн рублей [5]. Среди наиболее значимых документов выделяются подписанный Правительством Российской Федерации и Африканским союзом меморандум о взаимопонимании об основах взаимоотношений и сотрудничестве, а также

меморандум о взаимопонимании Евразийской экономической комиссии с Комиссией Африканского союза.

Безусловно, подписанные соглашения и обоюдное желание развития плодотворных контактов являются значительным положительным сдвигом в укреплении российско-африканских отношений. Но вместе с тем стоит отметить, что хоть Саммит и стал большим шагом вперед, России предстоит столкнуться с рядом вызовов.

Основной проблемой российской стороны по сотрудничеству с Африкой является высокая заинтересованность других стран в данном регионе, который притягивает к себе столько внимания. Такие страны как Китай и США начали свое «сотрудничество» с континентом раньше, а их инвестиции превосходят российские, что осложняет конкуренцию. Так, например, по данным на 2019 год, объем торговли РФ со странами Африки составлял \$20 млрд, тогда как объем торговли африканских стран с США составлял значительно больше — около \$54,2 млрд (данные за 2017 год), с ЕС — \$303 млрд (данные за 2018 год), а с Китаем — \$148 млрд [6]. Подписанные в рамках Саммита соглашения на данном их этапе не способны сократить этот разрыв и кардинально изменить ситуацию.

Если говорить о развитии сотрудничества и вызовах на его пути, то не стоит забывать, что страны Африки сами по себе довольно специфичны. Более того, некоторые государства борются с межэтническими и межрелигиозными конфликтами, что будет осложнять реализацию бизнес-проектов. Несмотря на заметные улучшения в вопросах мирного урегулирования конфликтов, Африка до сих пор представляет собой один из наиболее неспокойных регионов. При ведении бизнеса в Африке важно учитывать историческое наследие колониализма, апартеида и гражданских войн, ведь данный опыт обуславливает ряд политических процессов. Именно поэтому любые бизнес-проекты должны быть подвергнуты тщательной экспертизе. В этом ключе стоит уделить особое внимание привлечению к работе сообщества ученых-африканистов, которые могли бы оказать информационную поддержку, выделяя особенности стран Африканского континента, или помощь в выработке нестандартного и нешаблонного подхода для работы со столь специфичным регионом, представляю-

щим из себя многообразие политических систем, культур, традиций, верований.

Еще одной трудностью на пути работы с регионом и ведения бизнеса может стать неразвитость инфраструктуры, логистики и электроснабжения. Но вместе с тем данные препятствия могут рассматриваться в качестве потенциальной возможности инвестирования и долгосрочного развития.

Итак, хотя в рамках Саммита не было заключено каких-либо переломных контрактов в сферах инвестиций и торговли, обе стороны остались удовлетворены. Российская Федерация заинтересована в новых площадках и инструментах, и Саммит Россия — Африка, по мнению экспертов, имеет шансы стать этим новым инструментом. Саммит заложил основы для диалога между Россией и Африкой на новом уровне, представив возможность укрепить уже имеющиеся положительные сдвиги в сотрудничестве. Важно и то, что появились планы, окрепли взаимные ожидания. Существенным результатом можно считать подписанную Декларацию первого саммита Россия — Африка, которая закрепила созданные механизмы диалогового партнерства и обозначила основные сферы сотрудничества. Безусловно, площадка будет способствовать дальнейшему налаживанию и расширению контактов, и Саммит получит свое развитие. Но в рамках сильной конкуренции на Африканском континенте тяжело говорить о колоссальных переменах в ближайшем будущем.

Список литературы:

1. База данных Всемирного банка World Development Indicators. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators> — 18.07.20.
2. Вернуться в Африку: зачем российским вузам африканские студенты // Будущее России. Национальные проекты. 2019 URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/vernutsa-v-afriku-zacem-rossijskim-vuzam-afrikanskiye-studenty> — 19.07.20.
3. Дейч Т. Л., Корендясов Е. Н. Российско-африканские отношения в условиях глобализации // М., 2009. С. 96–100.
4. Кочофа А. Г. На пороге Африканского чуда // Международный дискуссионный клуб Валдай, Мнения экспертов, 2019 URL: <https://>

- ru.valdaiclub.com/a/highlights/sammit-rossiya-afrika-novaya-era-sotrudnichestva/ — 19.07.20.
5. Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия — Африка. Росконгресс продолжит работу на африканском треке в период до следующего Форума // Росконгресс. Официальный сайт URL: <https://roscongress.org/news/podvedeny-itogi-pervogo-sammita-i-ekonomicheskogo-foruma-rossija-afrika-roskongress-prodolzhit-rabotu-na-afrikanskom-treke-v-period-do-sledujuschego-foruma/> — 18.07.20.
 6. Россия включилась в борьбу за Африку: Зачем Москва пригласила в Сочи лидеров сразу 43 стран континента // РБК, Политика, 2019 URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/10/2019/5d5be92b9a794730930998b5> — 17.07.20.
 7. Топ-10 быстрорастущих стран по версии PwC // РБК, Экономика, 2015 URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/10/02/2015/54da14609a7947ea1ba6e795> — 18.07.20.
 8. Natural Resources in Africa // Mining in Africa URL: <https://www.miningafrika.net/natural-resources-in-africa> — 16.07.20.
 9. Our work in Africa // UN Environment Programme URL: <http://www.unep.org/regions/africa/our-work-africa> — 16.07.20.

Севрюк Владислав Сергеевич

Развитие российско-израильских отношений в период 2000–2015 гг.

Development of Russian-Israeli relations in 2000–2015

Аннотация: В данной работе проведен общий анализ развития дипломатических отношений России и Израиля в период с 2000 по 2015 г. В рамках исследования были освещены основные результаты сотрудничества в сфере экономики и в рамках политического диалога. Выявлены основные проблемные зоны в отношениях и дана общая оценка процессу становления дипломатических и экономических отношений между странами в указанный период.

Ключевые слова: Россия, Израиль, Ближний Восток, дипломатия, международные отношения, экономика

Abstract: In this article, author analyzes of common the development in diplomatic relations between Russia and Israel during period from 2000 to 2015. The study touched upon the main achievements of cooperation in the area of economy and political dialogue. The main problem areas in relations between countries were identified, a general assessment was given to the process of establishment of diplomatic and economic relations during this period.

Keywords: Russia, Israel, Near East, diplomacy, international relations, economic

После распада СССР общая ситуация вокруг российско-израильских отношений претерпела качественные изменения. В период становления независимых постсоветских государств Израиль взял курс на построение с ними дипотношений. Россия в данном процессе традиционно занимает особое положение. Отказ от антиизраильской линии во внешней политике в странах бывшего социалистического лагеря позволил создать благоприятную обстановку для диалога с Израилем и реализации различных межгосударственных инициатив.

После реконструкции дипотношений между Россией и Израилем стороны стали важными партнерами в ряде направле-

ний: реализация научно-технических программ, экономическое сотрудничество, взаимодействие в культурном секторе и кооперация на международной политической арене. Данные направления осуществляются в программах долгосрочных, и краткосрочных проектов.

Для более детального понимания процесса построения двухсторонних отношений между Израилем и РФ следует провести анализ взаимодействия стран в рамках основного комплекса первостепенных областей их сотрудничества: в политической и экономической сферах. Необходимо уделить внимание основным вехам построения диалога между странами и выделить главные направления экономического сотрудничества. Хронологические рамки охватывают период 2000–2015 гг. (т.е. с момента вступления В. Путина на должность Президента РФ и до начала операции ВКС РФ в Сирии).

В отечественной историографии достаточно широко раскрыто проблемное поле данной работы. Однако исследования несут фрагментарный характер, не охватывая тему в хронологических границах, которые указаны в работе, комплексно. В ходе исследования были использованы труды Р. Г. Аветисян [1], Ю. Б. Бочарова [2], М. Ю. Канаш [3], А. Р. Люкманова [4] Д. А. Марьясиса [5], Ф. А. Тринича [7], А. Д. Эпштейна [8].

В качестве нижней хронологической черты выбран 2000 г., ставший знаковым в истории РФ. Согласно мнению М. Ю. Канаш, после прихода к власти В. Путина в 2000 г. во внешнеполитической деятельности России произошли определенные качественные изменения, которые сделали ее линию «более прагматичной и активной» [3, с 85–86]. Так, 1 февраля 2000 г. в своем выступлении во время открытия работы специальной Группы содействия ближневосточному мирному процессу В. Путин заявил, что Россия тесно связана с регионом торгово-экономически, религиозно и исторически, в связи с чем заинтересована в установлении мира на его пространстве [11].

Одной из существенных проблем, постоянно выносящихся на повестку отношений между Израилем и Россией, является угроза терроризма и борьба с ним. В связи с тем, что Ближний Восток уже много лет является ареной сражения с различными

террористическими и исламистскими группировками, обмен опытом может быть продуктивен. При этом в 2006 г. А. Либерман на фоне обострения ситуации в Секторе Газа заявлял о том, что Израилю необходимо действовать теми же методами, что РФ на Кавказе в период Чеченских кампаний, т.к. российская стратегия была более эффективной [9].

В 2005 г. В. В. Путин посетил Израиль, где заявил о необходимости улучшения координации между странами в данной области. Помимо этого, президент РФ пообещал в дальнейшем поддерживать еврейскую общину России. Это был первый визит Президента РФ в Израиль. По итогам встречи с Президентом Израиля М. Кацавом было подписано совместное заявление, в котором было закреплено дальнейшее развитие сотрудничества [10]. В январе того же г. главы стран встретились в Кракове по случаю памятной даты 60-летия освобождения Освенцима.

Вторая половина 2000-х гг. стала богатой на события в плане развития политического и экономического сотрудничества. Во время своего визита в Москву в октябре 2006 г. по случаю пятнадцатилетия восстановления отношений между Россией и Израилем Премьер-министр Э. Ольмерт отметил следующее: «Я прибыл сюда вчера по приглашению президента Путина, с которым я встретился сегодня. Я почувствовал дружбу президента Путина с Израилем и его приверженность безопасности государства Израиль» [13]. Во многом такие высказывания являются подтверждением успехов реконструкции отношений между странами, чего не наблюдалось в советский период.

Отмена визового режима между странами 20 марта 2008 г. стала очередной важной вехой. Во время своего визита в Израиль С. Лавров подписал двустороннее соглашение, отменяющее специальный визовый режим для граждан РФ и Израиля. Это стало катализатором динамичного роста туристического потока из России в Израиль. В 2008 г. туристический поток из РФ вырос на 84%, а в 2009 г. динамика продолжилась. За 2009 г. Россия вышла на второе место по количеству туристов в Израиле за год (403 тыс. чел.), а в 2010 г. эта цифра увеличилась до 560 тыс. чел. [9, с. 132–133].

Возвращение Сергиевского подворья стало очередным знакомым событием. По решению БАГАЦ, в октябре 2008 г. данная тер-

ритория вновь вернулась в юрисдикцию РФ, что положило конец многолетнему спору.

Визит в Москву министра промышленности Израиля Б. Бен-Элиэзера в июне 2010 г. дал толчок к развитию совместных индустриальных проектов. Подписанный договор был ратифицирован в том же году парламентариями стран, после чего в Тель-Авиве заявили, что готовы принимать предложения по совместным проектам.

Однако в этом же году был сорван визит Д. Медведева в Израиль по причине забастовок работников МИД в Тель-Авиве. По той же причине были отменены поездки Э. Барака и С. Лаврова в июне того же года.

Вторая дипломатическая миссия Израиля в РФ была развернута в 2011 г. в Санкт-Петербурге. Открытие Генерального консульства стало знаковым событием, так как это было первое представительство такого уровня на территории Центральной и Восточной Европы.

На данный момент ведущим вектором развития экономики является сектор НИОКР, в котором РФ еще предстоит сделать достаточно много для дальнейшего продвижения. В данном направлении действует крайне малое количество инициатив и проектов. Во многом это является следствием еще не развитой инновационной экономики в самой РФ. Но первые шаги в построении совместных программ уже сделаны. В 2008 г. Министерство науки, культуры и спорта Израиля совместно с РФФИ объявили конкурс на 1,2 млн. долл. США, в рамках которого были представлены научные проекты в сферах нанотехнологий, экологии и компьютерных технологий. В свою очередь, в 2014 г. Яндекс стал первой компанией из РФ, основавшей свой центр НИОКР в Израиле. Одним из флагманов в данном процессе являлся Инновационный центр Сколково, подписавший в 2011 г. договор о создании центра «Израиль-Сколково» с Ariel R&D [5, С. 25].

Академическая среда стала одной из самых эффективных при реализации общих инициатив. С целью реализации проектов в сельскохозяйственной сфере при МСХА им. К. А. Тимирязева в 2013 г. был основан Российско-израильский центр агротехнологий, а при содействии Российского еврейского конгресса в РГГУ был создан

научно-образовательный центр по изучению истории Холокоста и геноцидов, в котором готовят специалистов по истории Холокоста. В рамках работы подобных организаций стороны проводят открытые лекции, конференции и т.д. Привлечение специалистов из Израиля к образовательному процессу в университетах России будет стимулировать процесс трансфера технологий.

Взаимодействие в экономической сфере является одной из важнейших составляющих в диалоге между странами. Несмотря на ряд сложностей, возникших в ходе построения торговых отношений, для России общая картина разворачивается благоприятным образом.

Начало XXI в. в экономических отношениях между странами было отмечено резким ростом доли минерального топлива и нефти в общей сумме товарооборота. В дальнейшем данная группа товаров только увеличивала свою долю. При этом, на 2003 г., одним из самых востребованных товаров оставались алмазы, которых в течение 2000–2001 гг. продали на сумму более 600 млн долл. США.

Также за 2000–2003 гг. укрепилась тенденция сохранения положительного сальдо в пользу РФ. Для Израиля данная картина не была столь благоприятной (в период 2000–2002 гг. отрицательное сальдо составило 1.321 млн долл. США.) [7, С. 351].

Однако стоит уточнить, что при сравнении экономической статистики РФ и Израиля легко заметить расхождения, связанные с тем, что «израильские службы не регистрируют если не все, то большую часть российских поставок нефти и нефтепродуктов», — отмечает Ф. Тринич [7, С. 352].

Именно в период первой половины 2000-х (2000–2004 г.) Израиль занял лидирующую позицию в регионе Ближнего Востока и Северной Африки как главный экономический партнер России, значительно опередив арабские и африканские страны в сравнении общих сумм товарооборота с РФ [Там же].

В течение 2004–2008 гг. страны смогли нарастить объемы товарооборота в полтора раза, достигнув показателей почти в 2,8 млрд. долл. США, что дает России положительное сальдо также в период с 2007–2008 гг. В этот период Израиль вышел на шестую позицию по объемам торговли с РФ среди стран Азии.

Общие показатели торговли РФ с Израилем в период 2000–2008 гг., млн. \$ (по данным ФТС РФ)									
Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Товарооборот	1154,2	1076,5	1254,2	1 481,2	1645	1869,4	1951,8	2579,2	2769,8
Экспорт из РФ	1045	945,2	1095,2	1454	1437	1537,8	1543,5	2 049,3	2 034
Импорт в РФ	109,2	131,3	159	207,2	208,3	331,6	408,3	530,9	735,8
Сальдо	935,8	813,9	936,2	1246,8	1228	1206,2	1135,2	1518,4	1298,2

Источник: ФТС РФ [12]

По итогам 2008 г. среди доминирующей продукцией среди товаров, экспортируемых из РФ в Израиль, были следующие позиции: 53.8% — нефтепродукты и нефть, 23.2% — драгоценные минералы, 7.3% — изделия из металлов и металлическое сырье общей суммой на 2034,9 млн. долл. США [12]. Увеличение закупки нефтепродуктов может быть связано с резким падением цен на нефть в третьем квартале 2008 г.

Отмечается, что именно во втором квартале был замечен большой спад закупки нефтепродуктов у РФ в то время, как в том же втором квартале цены резко пошли вверх, достигнув 149 долл. США за один баррель нефти марки Brent. Подобная ситуация сложилась и в 2014 г., когда после обвала цена в третьем квартале Израиль увеличил закупку нефтепродуктов.

Согласно данным ФТС, сотрудничество Израиля и РФ в торгово-экономической сфере имело динамичное развитие, но в конце 2008 г. данная динамика просела, что является следствием мирового экономического кризиса. 2009 г. показал серьезное падение в общей сумме товарооборота, что было вызвано общемировой тенденцией. В среднем показатели упали в два раза, сохранив положительное сальдо для РФ.

В 2010 г. Израиль и Россия смогли существенно увеличить товарооборот, более чем в 2 раза по сравнению с 2009 г. Во многом это связано с подъемом после мирового экономического кризиса. В этом же году был намечен совместный проект Minrav Holdings Ltd и Мосметростроя по строительству ж/д линий в Израиле на общую сумму в 155 млн. долл. США.

Существует ряд инициатив и в аэрокосмической отрасли. В 2011 г. стороны подписали Соглашение по сотрудничеству в сфере

исследований и использования космоса в мирных целях. В период 1995–2014 гг. девять израильских спутников были отправлены российскими носителями.

Инвестиционная сфера на данный момент развита слабее. Во многом все сводится к частным инвестициям от израильских компаний в областях тяжелой промышленности и предоставлении консультативно-посреднических услуг.

Сельскохозяйственная отрасль стала примером развития инвестиционных проектов, которые развивались в рамках совместной частной инициативы. Яркий пример — израильская компания LR Group, вложившая в 2014 г. финансы в проект постройки молочно-животноводческих комплексов в Чеченской Республике, Тамбовской области и Еврейская автономной области.

Частная инвестиционная и промышленная деятельность касается не только пищевой промышленности. Крупнейшая израильская компания Teva Pharmaceutical Industries в октябре 2014 г. открыла в Ярославле производство лекарств с инвестициями более 2 млрд. рублей.

Согласно утверждению Р. Аветисян, укрепление взаимосвязей между странами во второй половине 2000-х крепко связано с деятельностью А. Либермана, занимавшего пост министра иностранных дел в периоды 2009–2012 и 2013–2015 гг. Именно он призывал к усилению диалога с РФ в экономической сфере [1, с. 38].

Общие показатели торговли РФ и Израиля в период 2009–2015 гг., млн. \$ (по данным ФТС РФ)							
Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Товарооборот	1 107,5	2 588,1	2 849,6	2 922,8	3 577,7	3 433,1	2 345
Экспорт из РФ	1 043,9	1 762,8	1 757,0	1 631,1	2 084,8	2 291,4	1 538,8
Импорт в РФ	636,6	825,3	1 092,6	1 285,7	1 492,9	1 141,7	806,2
Сальдо	407,3	937,5	664,4	345,4	591,9	1149,7	732,6

Источник: ФТС РФ [12]

По итогам анализа экономического сотрудничества были выделены четыре основные группы товаров, составляющих ядро российского экспорта в Израиль. Экспорт из РФ имеет ярко выраженный сырьевой характер, но это общая тенденция, затраги-

вающая многие векторы внешнеэкономического сотрудничества России. По итогам в 2015 г. в товарообороте страны вышли на сумму 2.345 млрд. долл. США.

Общая картина показала, что Израиль в основном импортирует сырье, минеральное топливо (что занимает основную позицию с 1997 г.), черные металлы, драгоценные камни и зерновые. Суммарный процент от данного комплекса товаров в среднем и составляет костяк российского экспорта (с показателем 50,42% по средней арифметической за период с 2000 по 2015 гг.). Общая сумма товарооборота между странами за пятнадцать лет составила 32,6 млрд. долл. США.

Примечательно, что в период с 1998 по 2012 гг. ФТС РФ прекратил публикацию данных касательно экспорта в Израиль драгоценных камней металлов. При этом данная статья поставок периодически превышала сумму, полученную от продаж нефти и минерального топлива.

Основные категории экспорта РФ в Израиль в 2000–2015 гг. млн \$ (по кодам ТН ВЭД ТС от 2017 г.)					
Годы	27 (Топливо минеральное, нефть и т.д.)	72 (Черные металлы)	71 (Драгоценные камни и т.д.)	10 (Злаки)	% доля категорий от товарооборота
2000	335.676	42.746	281,700	20.566	57,2%
2001	255.886	42.767	324,200	23.614	60%
2002	305.812	42.578	-	35.654	30,6%
2003	581.897	43.706	-	81.443	47,7%
2004	588.022	75.792	-	42.517	42,9%
2005	475.254	78.530	-	49.924	32,2%
2006	454.839	72.134	-	40.035	29%
2007	638.914	98.303	-	146.058	34,2%
2008	1093.707	86.886	-	50.153	44,4%
2009	356.560	60.81	-	111.912	47,7%
2010	768.263	62.442	583.216	80.827	57,7%
2011	453.028	73.803	786.051	176.191	52,2%
2012	535.721	81.010	601.804	241.512	49,9%
2013	970.836	47.516	720.951	145.291	52,6%
2014	1 112.218	17.379	788.908	167.963	60,7%
2015	668.572	32.447	572.754	86.836	58%

Источник: ФТС РФ [12]

Разумеется, не все проекты в сфере экономики были реализованы в полной мере. Е. Сатановский считает, что во многом проблема заключается во «влиятельном политическом лобби, борющемся с расширением контактов», другая проблема — «позиция руководства отечественного МИД в отношении признания палестинского государства» [6. с. 371].

Несмотря на явно положительную картину в экономической сфере, существует ряд факторов, потенциально создающих конфликтную ситуацию и выступающих катализаторами напряженности между странами. Во многом это исходит от третьих стран или вопросов на мировой арене.

Одна из главных потенциальных проблем — российская деятельность в арабском мире. Так, в 2007 г. глава «Росатом» С. Кириенко подписал договор о расширении сотрудничества в сфере атомной энергетики, согласившись содействовать постройке иранской АЭС в г. Бушер [15]. Помимо этого, вставал вопрос о подписании договора о поставках систем С-300 «Фаворит» для ИРИ.

Подобная ситуация развивается на сирийском треке, который входит в орбиту интересов Израиля. Еще в 2013 г. Москва заявила, что планируется поставить комплексы С-300 в САР. Министр обороны Израиля М. Яалон прокомментировал это так: «Я надеюсь, что они там и останутся, но если, упаси бог, они придут в Сирию, нам известно, что делать», что иллюстрирует опасение и настороженность со стороны Тель-Авива [14]. В итоге данный контракт по просьбе Израиля был аннулирован.

Отдельно стоит вопрос о запрещенных в Израиле радикальных группировках из арабских стран. На данный момент ХАМАС и Хезболла, которые радикально настроены по отношению к Израилю, не признаны террористическими в РФ. Более того, их делегации посетили Москву в 2006 и 2007 гг., что было осуждено Тель-Авивом.

США являются ближайшим союзником Израиля и были главной опорой Тель-Авива на международной арене всю вторую половину XX века. Безусловно, с учетом конфликтогенности Ближнего Востока и количества точек пересечения интересов мировых акторов Вашингтон не сможет усидеть на одном стуле с Москвой. Этот факт лишь добавляет масла в огонь.

После восстановления дипотношений между странами в 1991 г., события по построению диалога разворачивались достаточно стандартным образом: подписание ряда договоров о сотрудничестве в 1990-х гг., периодические встречи на высшем уровне и совместные мероприятия. Но комплекс внешних негативных факторов, существующих до сих пор, создает ряд неблагоприятных прецедентов для межгосударственных отношений РФ и Израиля. При этом у стран получается преодолевать подобные ситуации. Во многом это реализуется благодаря спектру тенденций и факторов: 1) тесные культурные и религиозные связи; 2) большое количество репатриантов с постсоветского пространства, т.е. фактор «Русской улицы» (соответственно сохранение личных контактов между гражданами РФ и Израиля); 3) выход России на ближневосточную арену в качестве активного игрока.

Анализ развития экономического сотрудничества в указанный период в целом иллюстрирует картину устойчивого развития. Несмотря на доминирование в экспорте минеральных продуктов (топливо, нефть и т.д.) в период 2000–2015 гг. сохранялись показатели с положительным для России сальдо. Хотя доля торговли России с Израилем не превышает 1% от общих показателей ее внешней торговли (аналогичная ситуация у Израиля), мы видим, что сохраняются устойчивые результаты. Активно развивается взаимодействие и в рамках частного бизнеса. При этом остается большой блок направлений, которые требуют реализации потенциала сотрудничества: НИОКР, инвестиции и т.д. В целом анализ показал, что, несмотря на отсутствие больших темпов развития в экономической сфере и политическом диалоге, страны сохраняют межгосударственные отношения на достаточно стабильном уровне, что дает хорошую почву для дальнейшего развития диалога между странами.

Список литературы:

1. *Аветисян, Р. г.* Особенности политики государства Израиль на постсоветском пространстве: дис. ... канд. нст. наук. — Нижний Новгород., 2012. 209. с.
2. *Бочаров Ю. Б.* Концептуальный анализ современной фазы развития взаимоотношений между Россией и Израилем / Б. Ю. Бочаров // Статистика и экономика. — 2013. — №1. — С. 25–30.

3. Канаиш М. Ю. Эволюция политики России на Ближнем Востоке: 1996–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004. 205 с.
4. Люкманов А. Р. О торговле РФ со странами Ближнего Востока и Северной Африки в 2004 г. // Институт Ближнего Востока. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=3663> — 15.06.2020)
5. Марьясис Д. А. Почему российско-израильское сотрудничество в сфере высоких технологий и НИОКР выгодно обеим странам? / Д. А. Марьясис // Журнал «Восточная аналитика». Институт Востоковедения РАН. — 2015. — №1. — С. 22–32.
6. Сатановский Е. Я. Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников» / Е. Я. Сатановский. — М.: Эксмо, 2018 — 540 с.
7. Тринич Ф. А. Россия — Израиль: состояние торгово-экономического сотрудничества / Ф. А. Тринич // Ближний Восток и современность. — 2003. — №20 — С. 346–354.
8. Эпштейн А. Д., Россия и Израиль: трудный путь навстречу / А. Д. Эпштейн, С. А. Кожеуров. — М.: Институт Ближнего Востока. 2011. — 204 с.
9. Авидгор Либерман: ЦАХАЛ должен действовать в Газе, как русские — в Чечне // newsru.co — URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/01nov2006/avidgor.html> — 19.06.2020).
10. Владимир Путин встретился с Президентом Израиля Моше Кацавом // Сайт Администрации Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/33245> — 22.06.2020).
11. Выступление на открытии Московского заседания Группы содействия многосторонним переговорам по Ближнему Востоку на уровне министров иностранных дел // Сайт Администрации Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21114> — 18.06.2020).
12. Документы ТСВТ // Сайт ФТС РФ. — URL: <http://stat.customs.ru/arpx/f?p=201:7:811848229043212::NO::> — 16.06.20.
13. Речь премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта по случаю его визита в Москву // Сайт правительственной информации и услуг. — URL: <https://www.gov.il/ru/search?searchofficeID=&query=October%202018,%202006%20Ehud%20Olmert%20Russia%20Moscow%20Yuri%20Lushkov> — 21.06.2020.
14. Россия: поставки С-300 Сирии предотвратят интервенцию // BBC News. — URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2013/05/130528_russia_syria_s300 — 22.06.2020.
15. Россия и Иран договорились о строительстве в Иране новых блоков АЭС // РИА новости. — URL: <https://ria.ru/20141111/1032771057.html> — 22.06.2020.

Смешко Елизавета Игоревна

Участие России в деятельности интеграционных объединений на Ближнем Востоке

Russia's Participation in the Work of Integration Associations in the Middle East

Аннотация: В статье на основе российских и зарубежных источников и литературы рассматривается участие России в региональных и глобальных объединениях на Ближнем Востоке. Проанализированы российские приоритеты при установлении связей с международными организациями в регионе. Особое внимание уделяется контактам России с Лигой арабских государств, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организацией исламского сотрудничества и Организацией стран-экспортеров нефти и оценке эффективности ее работы в рамках данных организаций. Рассмотрены основные достижения и препятствия на пути к многостороннему сотрудничеству. Анализируются возможности для выстраивания ближневосточного курса России путем ее активного участия в деятельности международных организаций в регионе.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, ССАГПЗ, ОИС, ОПЕК, ЛАГ, интеграция

Abstract: The article based on Russian and foreign sources and literature considers Russia's participation in regional and global associations in the Middle East. Russia's priorities for establishing relations between Russia and international organizations in the region are analyzed. Particular attention is paid to the contacts between Russia and Arab League, the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (or Gulf Cooperation Council), the Organization of Islamic Cooperation and the Organization of Petroleum Exporting Countries and to evaluation of Russia's performance within these organizations. The main achievements and existing obstacles to multilateral cooperation are reviewed. The article analyzes opportunities for using active involvement in regional international organizations' activities in establishing of Russia's political course in the Middle East.

Keywords: Russia, Middle East, GCC, OIC, OPEC, Arab League, integration

Сегодня Ближневосточный регион занимает важное место во внешнеполитической повестке дня Российской Федерации. Россия стремится поддерживать на Ближнем Востоке мир и стабильность, а также воспрепятствовать возможному проникновению радикальных идей и террористических угроз через свои южные границы. Российские мусульмане нацелены на установление контактов с регионом — «колыбелью ислама». Энергетическое сотрудничество и заинтересованность России в инвестициях из ближневосточных государств являются экономическими стимулами для взаимодействия со странами региона. В дополнение следует сказать, что Россия как правопреемница СССР сохраняет в регионе свой исторический имидж партнера для ряда государств, что сегодня служит укреплению доверия и дает возможности для продолжения развития контактов со странами ближневосточного региона.

Одним из перспективных направлений политики России на Ближнем Востоке представляется развитие связей с интеграционными объединениями в регионе. Это позволяет развивать различные направления для сотрудничества, принимать участие в подготовке совместных ответов на региональные вызовы, налаживать двусторонние контакты в рамках работы в многосторонних форматах. Среди международных организаций региона, с которыми взаимодействует Россия, следует выделить следующие: Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Сразу уточним, что по географическому охвату не все из перечисленных организаций являются исключительно региональными, но каждая из них способствует интеграционным процессам на Ближнем Востоке. Рассмотрим подробнее цели и возможности для сотрудничества с указанными объединениями.

Организация исламского сотрудничества (до 2011 г. — Организация Исламская конференция (ОИК)) была создана в 1969 г. [16, С. 9], и с момента создания ОИС Саудовская Аравия

играет ключевую роль в организации. ОИС включает в себя все государства Ближнего Востока, за исключением Израиля, и обладает большим потенциалом для углубления ближневосточной региональной интеграции, так как на основе исламской общности объединяет даже таких непримиримых противников, как шиитский Иран и суннитская Саудовская Аравия. После распада СССР именно к этой интеграционной структуре РФ проявила внимание в первую очередь. Контакты в направлении сотрудничества по данной линии прорабатывались еще с 1990-х гг., и в 2003 г. В. В. Путин сделал заявление о том, что Россия намерена стать наблюдателем при ОИК, поскольку российская общность мусульман заслуживает быть представленной в исламском мире [16, С. 22–24]. Наконец, в 2005 г. Российская Федерация официально получила статус наблюдателя при ОИК [16, С. 19].

Однако стремление России быть включенной в деятельность ОИК было обусловлено не только необходимостью обеспечить представительство примерно 20 млн российских мусульман. Известный российский востоковед-арабист Г. Г. Косач в своих работах отмечает, что существовали и иные политико-экономические мотивы, такие как предотвращение проникновения террористической угрозы через российские границы, обеспечение лояльности российских мусульман официальным властям и получение поддержки мирового исламского сообщества в отношении проводившейся в России политики касательно «чеченского вопроса» [9, С. 96–105]. Помимо этого, наша страна была нацелена на установление стабильных экономических отношений с богатыми ближневосточными государствами для получения инвестиций [10].

За 15 лет были достигнуты положительные результаты сотрудничества России и ОИС. Прежде всего, инициатива по получению статуса наблюдателя при организации была одобрена российской мусульманской общностью. В 2006 г. в России была создана стратегическая группа «Россия — исламский мир» [6], деятельность которой направлена на налаживание контактов с мусульманским миром, противодействие угрозе международного терроризма, экстремизму, нетерпимости в отношении ислама и на поддержание стабильности на Ближнем Востоке. Спустя годы взаимодействие России и ОИС сохраняет свою актуальность. С

2009 г. в Казани в рамках саммита «Россия — Исламский мир: KazanSummit» проводятся мероприятия, направленные на развитие экономических связей между Россией и государствами ОИС [5]. В целом, следует отметить взаимную приверженность России и ОИС сотрудничеству в области поддержания стабильности в мире и борьбы с террористической угрозой, заинтересованность в инвестировании, в частности, в мусульманские регионы России, готовность развивать сотрудничество в культурной и научно-технических областях.

Тем не менее, за годы партнерства Россия и страны исламского мира неоднократно сталкивались с препятствиями, что вело к снижению активности контактов. В целом, можно сказать, что отношения России с ОИС тесно коррелируют с состоянием взаимосвязей России и Саудовской Аравии. Так, возникающие в России опасения относительно возможностей проникновения радикальных исламских идей из Саудовской Аравии, а также расхождение позиций по Сирии привели к кризису в отношениях России и ОИС в 2010-е гг. [9, С. 111–112]. В то же время, ОИС не прибегла к радикальной критике действий российских властей в отношении Крыма в 2014 г., а налаживание российско-саудовских контактов, хотя и осложненных поддержкой Россией Башара Асада в Сирии, послужило дополнительным стимулом для расширения взаимодействия по линии Россия — исламский мир [9, С. 114–119].

Еще одной структурой, которая обладает интеграционным потенциалом для ближневосточных стран, является Организация стран-экспортеров нефти. Она объединяет нефтедобывающие государства Ближнего Востока, а также некоторые африканские страны и Венесуэлу [3]. Россия включилась в работу организации в конце 1990-х гг. и с 1998 г. имеет статус наблюдателя в ОПЕК. Российская сторона неоднократно получала предложения о вступлении в ОПЕК, но отвечала отказом. Причины подобного ответа, по заявлению главы «Роснефти» Игоря Сечина, заключались в различиях технологии добычи нефти в России и странах ОПЕК, а также в системе контроля над российским нефтяным рынком: если в государствах ОПЕК правительства осуществляют непосредственный контроль над национальными нефтяными

рынками, то в РФ соответствующий сектор приватизирован и сосредоточен в руках частного капитала [17]. Данные факторы различий препятствуют полной координации действий России и остальных нефтедобывающих государств в случае вступления нашей страны в ОПЕК.

Однако российская сторона как крупный экспортер нефти сохраняет интерес к сотрудничеству с ОПЕК, поскольку деятельность указанного объединения направлена на поддержание стабильных цен на нефть и защиту интересов стран-поставщиков нефти на мировом рынке. Следует отметить, что получение статуса наблюдателя в ОПЕК в конце 1990-х гг. стало результатом кризиса в отношениях России и ОПЕК. После дефолта 1998 г. РФ стремилась обеспечить восстановление экономики путем наращивания нефтяного экспорта, в то время как добыча нефти в странах ОПЕК была снижена. В такой ситуации российская экономическая линия противоречила интересам ОПЕК, поэтому организация пригрозила спровоцировать обвал цен на нефть на мировом рынке. Конфронтация не представлялась выгодной ни России, ни ОПЕК, и было принято решение о согласовании действий для поддержания стабильных цен, которые устроили бы все стороны. В итоге, Россия присоединилась к работе ОПЕК в качестве наблюдателя [20, С. 34–35].

Подобные кризисы сопровождают сотрудничество России с организацией на протяжении двух десятилетий. Когда происходит падение цен на нефть на мировом рынке, для поддержания стабильной ситуации сторонам приходится устанавливать определенные квоты или сокращать объемы нефтедобычи, однако не всегда удается единогласно снизить нефтяной экспорт. Из последних кризисов следует отметить разногласия между Россией и ОПЕК в 2020 г., вследствие которых Россия и некоторые другие нефтедобывающие государства, участвовавшие в соглашении формата ОПЕК+, отказались принимать предложение ОПЕК об ужесточении количественных норм нефтедобычи, и сторонам не удалось достичь договоренностей [12].

Такие ситуации не являются редкостью в отношениях России и ОПЕК, которые зачастую не могут согласовать экономические интересы и достигнуть компромисса. Однако важность взаимо-

действия России с государствами ближневосточного региона в рамках ОПЕК трудно переоценить. По состоянию на 2018 г., на Ближнем Востоке было сосредоточено более 48% мировых запасов нефти [1]; наша страна находится на восьмом месте по разведанным запасам этого ресурса [4]. Стремясь к поддержанию стабильной ценовой ситуации на мировом рынке нефти, Россия не может действовать без учета позиций крупнейших ближневосточных экспортеров. Добавим, что сланцевая революция и добыча нефти в США составляют серьезную конкуренцию странам-участницам ОПЕК и ОПЕК+, и для сохранения своих позиций Россия и ближневосточные страны также нуждаются в развитии сотрудничества в сфере энергетики [14].

Анализ отношений России и ближневосточных государств в рамках ОПЕК показывает, что экономическое взаимодействие сталкивается с рядом проблем. Соперничество России и Саудовской Аравии на нефтяном рынке, стремление как РФ, так и стран ОПЕК поддерживать глобальное влияние и статус ключевых нефтяных экспортеров, столкновение экономических интересов затрудняют компромиссную и взаимовыгодную работу России и стран Ближнего Востока на нефтяном рынке. В 2008 г. во время экономического кризиса России и ОПЕК удалось скоординировать свои действия и сократить добычу нефти [20, С. 35]. В 2020 г. согласование мнений последовало лишь после значительных колебаний и сложных переговоров. В любом случае, РФ, имея статус наблюдателя при ОПЕК, использует дополнительную возможность влияния на нефтяной сектор мировой экономики и развивает экономические связи с нефтедобывающими ближневосточными государствами.

Ранее мы уже выделили арабскую общность в качестве одного из важнейших компонентов для интеграции на Ближнем Востоке. Структурой, объединившей государства Ближнего Востока и Африки на основе арабского единства, стала Лига арабских государств, основанная в 1945 г. [19, С. 213]. ЛАГ включает в себя подавляющее количество ближневосточных стран, поэтому Россия уделяет значительное внимание поддержанию диалога с организацией. В 1990 г. в Москве было открыто представительство ЛАГ, а в 2005 г. российский посол в Египте был аккредитован в качестве

представителя РФ при организации [15, С. 167–169]. Между тем, контакты России и ЛАГ ограничиваются российско-арабскими встречами и подписанием формальных деклараций о намерениях.

Существует ряд препятствий для развития контактов. Так, в 1990-е гг. позиции ЛАГ серьезно ослабли, что было связано с войной в Персидском заливе [15, С. 167–168]. Россия, в свою очередь, в 1990-е гг. куда активнее развивала западный вектор внешней политики, поэтому отношения с ЛАГ не получили должного импульса. С 1990-х гг. ЛАГ активно взаимодействовала с США, получая от них финансовую помощь и внешнеполитическую поддержку [8]. Известную трудность для налаживания связей России и ЛАГ представляют приостановка членства Сирии в организации и введение государствами Лиги экономических санкций против нее в 2011 г. [7, С. 33–35].

Несмотря на существующие разногласия, глава миссии ЛАГ в Москве позитивно оценивает взаимодействие. Он обращает внимание на развитие экономических контактов, работу Российско-арабского форума сотрудничества и выделяет области ядерной энергетики, продовольственной безопасности, аэрокосмического сотрудничества и некоторые другие сферы в качестве возможных направлений расширения связей между Россией и ЛАГ [2, С. 7–10].

Наряду с упомянутыми объединениями следует отметить работу Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, который включает Саудовскую Аравию, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Катар и Оман. Взаимодействие ССАГПЗ с Россией получило новый импульс в связи с событиями «Арабской весны». До 2011 г. диалог строился вокруг поддержания политических и экономических связей, и инициатива России по присоединению к работе ОИК получила одобрение со стороны ССАГПЗ [15, С. 171].

Обострение ситуации в регионе в связи с событиями «Арабской весны» пошатнуло и без того неустойчивую ближневосточную стабильность, и поэтому как государства ССАГПЗ, так и Россия направили свои усилия на активизацию контактов. Был запущен стратегический диалог Россия — ССАГПЗ, нацеленный на проведение политических консультаций и на экономическое сотрудничество [11, С. 143]; активизировались контакты по политической линии; наметилось расширение торговых связей,

развитие партнерства в экономической сфере, в том числе в области энергетики. Так, товарооборот России с Саудовской Аравией с 2011 по 2019 г. вырос почти в два раза [13].

При этом серьезные проблемы в отношениях России и ССАГПЗ вызывают два ключевых момента: иранская проблематика и сирийский кризис. Россия последовательно выступала за включение Ирана в систему региональной безопасности, и, несмотря на то, что наша страна сыграла важную роль посредника при заключении ядерной сделки с Ираном в 2015 г., различия в позициях ССАГПЗ и России в отношении Ирана серьезно тормозят развитие политического диалога [11, С. 144–146]. Помимо этого, Россия и государства ССАГПЗ с начала гражданской войны в Сирии поддерживают разные стороны конфликта.

И все же заметим, что ССАГПЗ и Россия в равной степени заинтересованы в стабилизации ситуации в Сирии, и с началом российской военной операции в Сирии в 2015 г. значение контактов между РФ и организацией возросло. На одной из встреч с коллегами из ССАГПЗ Сергей Лавров заметил, что, хотя видение России и организации по ряду вопросов неодинаково, стороны вышли на новый уровень координации [18]. Действительно, взаимодействие с ССАГПЗ, получившее новый импульс в 2011 г., сохраняет свою актуальность и является перспективным с точки зрения политических инициатив, экономических контактов и сотрудничества в различных сферах.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее. Россия в последние годы проявляет интерес к участию в региональных процессах на Ближнем Востоке, и такого рода взаимодействие открывает перед РФ новые возможности для расширения контактов с государствами региона. В свою очередь, рассмотренные международные организации видят в России партнера, нацеленного на поддержание региональной стабильности и обладающего инвестиционной привлекательностью, влиятельного игрока на рынке энергоресурсов, а также государство, развитие контактов с мусульманской общностью которого является неотъемлемой частью международного исламского сотрудничества.

Анализ деятельности России в отношении ОИС, ОПЕК, ЛАГ и ССАГПЗ продемонстрировал как достижения, так и трудности,

с которыми сталкивается наша страна в ходе установления связей с многосторонними объединениями. Причины этого кроются не только в расхождении позиций и интересов России и интеграционных структур. Указанные объединения характеризуются серьезными внутренними проблемами, неоднородным составом и противоречивыми точками зрения, несовершенством организационной структуры. Во всех организациях серьезное влияние имеет Саудовская Аравия, и успех совместной работы напрямую зависит от состояния российско-саудовских отношений. Реалии многостороннего сотрудничества на Ближнем Востоке предполагают неучастие в нем не только Израиля, но и Турции, Ирана, а также государств со сложной внутривосточной обстановкой — Сирии, Ливии и Йемена. Конечно, Россия не может и не желает исключать данные государства из своей внешнеполитической повестки дня, что также тормозит ее взаимодействие с рассмотренными структурами.

Таким образом, препятствия для сотрудничества России с интеграционными объединениями на Ближнем Востоке связаны с различными по своей природе факторами. Тем не менее, потенциал его развития далек от того, чтобы быть исчерпанным, вопросы, требующие постоянного диалога, не теряют своей актуальности, а многие сферы еще вовсе не были проработаны и могут стать толчком для активизации контактов по линии Россия — многосторонние объединения ближневосточного региона.

Список литературы:

1. BP Statistical Review of World Energy 2019 — URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> — 21.05.2020.
2. Interview with the Ambassador of the Arab League to Russia, Representative of the League of Arab States to Russia, His Excellency Jaber Habib Jaber / пер. с араб. Айдрус И. А. З. // Россия и Азия. 2019. №4 (9). С. 5–11.
3. Member Countries — // Organization of the Petroleum Exporting Countries. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/about_us/25.htm — 22.05.2020.

4. Proven Oil Reserves by Country (2020) — // Global Fire Power. URL <https://www.globalfirepower.com/proven-oil-reserves-by-country.asp> — 20.05.2020.
5. XII Международный экономический саммит «Россия — Исламской мир: KazanSummit 2020» — URL: <https://kazansummit.ru/> — 20.05.2020.
6. Группа стратегического видения «Россия — Исламский мир» — URL: <https://russia-islworld.ru/temy/o-gruppe/> — 20.05.2020.
7. *Исаев Л. М.* ЛАГ и Ближневосточный кризис // Азия и Африка сегодня. 2013. №5. С. 33–36.
8. *Кадомицев А.* Лига арабских государств — 75 лет сотрудничества и противоречий — // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25727> — 24.05.2020.
9. *Косач Г. Г.* «Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества // Религия и общество на Востоке. 2020. №4. С. 96–126.
10. *Косач г.* Организация исламского сотрудничества: приоритеты и политический курс — // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/organizatsiya-islamskogo-sotrudnichestva-prioritety-i-politi/> — 19.05.2020.
11. *Мелкумян Е. С., Косач Г. Г., Носенко Т. В.* Россия во внешнеполитических приоритетах Совета сотрудничества арабских государств Залива после событий «Арабской весны» // Вестник МГИМО. 2017. №4 (55). С. 139–152.
12. Нефтяная сделка России и ОПЕК развалилась — // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2020/5e621c139a7947397c940a99> — 21.05.2020.
13. Обзоры внешней торговли России с Саудовской Аравией — // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/countries/saudi-arabia/> — 27.05.2020.
14. Перспективы России и ССАГПЗ: ОПЕК, Россия и падение цен на нефть — // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-rossii-i-ssagpz-opек-rossiya-i-padenie-tsen-na-n/> — 21.05.2020.
15. *Прозорова г.* Россия и региональные организации Ближнего Востока и мусульманского мира // Россия и мусульманский мир. 2010. №1. С. 162–173.
16. Россия и Организация исламская конференция. Сборник документов и материалов. Москва — Казань, 2008. 320. с.
17. Россия отказалась войти в ОПЕК — // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/07/sechin/> — 22.05.2020.

18. *Студнева Е.* Впервые Москва принимает участников Стратегического диалога Россия-ССАГПЗ — // *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15360> — 27.05.2020.
19. *Федорченко А. В.* Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? // *Федорченко А. В. Крылов А. В. Ближний Восток в фокусе политической аналитики: сборник научных трудов*. Москва: ИМИ МГИМО, 2019. 548. с.
20. *Хлопов О. А.* Политика ОПЕК и интересы России // *Общество: политика, экономика, право*. 2012. №3. С. 32–38.

Шубина Дарья Сергеевна

Позиция России по Тибетскому вопросу

Russia's position on the Tibetan issue

Аннотация: Статья посвящена исследованию структурных элементов тибетского конфликта, исторической динамике конфликта, роли России в конфликте и ее позиции по тибетскому вопросу. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в современном мире, ведущей тенденцией которого является глобализация, остро стоит вопрос сохранения культурной идентичности малочисленных народов. Тибетцы, принадлежащие к сино-тибетской языковой семье, составляют около 0,07 % (5,4 млн. человек) от всего населения Земли. Ассимиляция культуры Тибета ввиду репрессивной политики КНР в этом регионе может привести к непоправимым последствиям для всего человечества не только в качестве утраты этой этно-национальной группы и его культуры, но и особого религиозного течения — тибетского буддизма. Что касается актуальности этой проблемы для регионального измерения, то угроза приобретения независимости Тибетским районом, может создать прецедент для некоторых других регионов КНР, где сильны сепаратистские настроения, в первую очередь это касается Синьцзян-Уйгурского автономного региона.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Центральное тибетское правительство в изгнании, этно-религиозный конфликт, Далай-лама, буддизм, автономия.

Abstract: The article is devoted to the study of the structural elements of the Tibetan conflict, the historical dynamics of the conflict, Russia's role in the conflict and its position on the Tibetan issue. The relevance of the chosen topic is due to the fact that in the modern world, the leading trend of which is globalization, there is an acute issue of preserving the cultural identity of small nations. Tibetans, belonging to the Sino-Tibetan language family, make up about 0.07% (5.4 million people) of the total population of the Earth. The assimilation of Tibetan culture in view of the repressive policies of the PRC in this region can lead to irreparable consequences for all of humanity, not only as a loss of this ethno-national group and its culture, but also a special religious movement — Tibetan Buddhism. Regarding

the relevance of this problem to the regional dimension, the threat of gaining independence by the Tibetan region may set a precedent for some other regions of the PRC, where separatist sentiments are strong, especially the Xinjiang Uyghur Autonomous Region.

Keywords: People's Republic of China, Central Tibetan government in exile, ethno-religious conflict, Dalai Lama, Buddhism, autonomy.

Тибетский вопрос имеет несколько измерений. Во-первых, это проблема положения Тибета в составе Китайской Народной Республики, а во-вторых, религиозно-политическая ситуация в Тибете.

Также сложность в определении типа конфликта происходит из того, в какой парадигме его рассматривает исследователь. В китайской парадигме этот конфликт считается проблемой статуса Далай-ламы [10], а в тибетской — проблемой политического и исторического статуса Тибета [9]. Также в некоторых парадигмах тибетский вопрос рассматривается в контексте проблемы нарушения прав человека [7]. Однако основными проблемами тибетского вопроса преимущественно остаются конфликт по поводу политического статуса Тибета по отношению к КНР и конфликт по поводу тибетских культурных ценностей.

По словам Мелвина Голдстейна, «тибетский вопрос существовал задолго до образования КНР, он предшествует также не так давно возникшему интересу Запада ко всеобщим правам человека. На самом деле, если в Тибете не было бы нарушений прав человека и если бы тибетцы могли, к примеру, выражать мирное политическое инакомыслие, тибетский вопрос все равно был бы во всех отношениях таким же спорным, каким он является сейчас. Тибетский вопрос — это вопрос контроля над территорией, вопрос о том, кто ею управляет, кто там живет и кто решает, что должно там происходить» [8]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данный конфликт является преимущественно религиозно-политическим.

Хотя история Тибетского государства началась в 127 г. до н. э. с созданием династии Ярлунг, страна была впервые объединена в VII веке до н. э. под руководством короля Сонгцена Гампо. Тибет был одной из самых могущественных держав Азии в течение трех последующих веков, что подтверждают надписи на столбах у под-

ножия дворца Потала в Лхасе. Формальное соглашение о мире, заключенное между Китаем и Тибетом в 821–823 гг., определило границы между двумя странами и закрепило, что «тибетцы будут счастливы в Тибете, а китайцы будут счастливы в Китае».

У Тибета не было никаких связей с китайской династией Мин (1386–1644). Однако Далай-лама действительно установил тесные религиозные связи с маньчжурскими императорами, которые завоевали Китай и основали династию Цин (1644–1911). Далай-лама согласился стать духовным наставником маньчжурского императора и принял взамен покровительство и защиту. Эти отношения «священник-покровитель» (известные на тибетском языке как «Чо-Йоен»), которые Далай-лама также поддерживал с некоторыми монгольскими принцами и тибетской знатью, были единственной формальной связью, существовавшей между тибетцами и маньчжурами во времена династии Цин. Само по себе это не повлияло на независимость Тибета.

Тибет стал «полем» англо-русского противостояния в азиатском регионе. Однако у Англии не было интересов в тибетском регионе кроме сдерживания России [1]. Интерес России к Тибету XVIII веке был обусловлен разными причинами. Прежде всего, открытия азиатских первопроходцев побуждали путешественников исследовать Тибет. В России немалый интерес к исследованию Тибета проявляли Русское Географическое общество и Генеральный Штаб, которые и снаряжали экспедиции на Тибет. Николай Пржевальский, знаменитый путешественник, искал проход в Лхасу, но так и не сумел попасть туда. К тому же, развитие производительных сил способствовало тому, что Россия, как и другие развитые страны, искала новые рынки сбыта. Промышленники и купцы были заинтересованы не только в продаже своей продукции, но и в покупке экзотических товаров.

После назначения в 1875 году на службу в Азиатский департамент МИД России буряты Петра Бадмаева начался период смелых проектов. В частности, Петр Бадмаев предлагал присоединить к России Китай, Тибет и Монголию. Хотя данная идея не была реализована, идея усиления влияния на Востоке нашла поддержку в политических кругах, и в Центральной Азии был создан торговый дом, занимавшийся разведывательной деятельностью.

Посланники Далай-ламы несколько раз посещали Санкт-Петербург. Визит Авгана Доржиева в 1898 году с предложением дружбы между Россией и Тибетом прошел сдержанно, т. к. Николай II боялся осложнения отношений с Англией, поскольку если в начале XIX века русские и британцы соперничали за сферы влияния в Персии и на Кавказе, то к концу того же века за Афганистан, Монголию, Китай и Тибет. В 1900 году тибетского посланника встретили более воодушевленно: интересы Британии в этот период были заключены в англо-бурской войне.

После вторжения британских войск в Тибет в 1903 году Далай-лама бежал в Монголию и начал переговоры с Санкт-Петербургом. Несмотря на то, что Россия не могла оказать прямую военную помощь Тибету из-за положения, в котором она оказалась по итогам поражения в войне с Японией, Россия приложила все дипломатические усилия для того, чтобы сохранить статус-кво в Тибете. По итогу переговоров между Россией и Британией в 1907 году было подписано соглашение, которое гарантировало сохранение над Тибетом китайского сюзеренитета, британские войска были выведены с территории государства, Британия и Россия взаимно гарантировали друг другу невмешательство в дела Тибета.

После Синьхайской революции 1911 года в Китае династия цинских императоров была свергнута, и Тибет получил шанс избавиться от китайского господства. Впервые с XVIII века он оказался полностью свободным от китайского присутствия [8]. Далай-лама подтвердил полную независимость Тибета внутри страны, издав прокламацию 1913 г., которая позже стала рассматриваться как тибетская декларация о независимости. Однако конференция в Симле 1913–1914 гг. не подтвердила формальную независимость Тибета, установив только его автономию под сюзеренитетом Китая.

После свержения империи Цин Тибет с 1911 по 1951 гг. де-факто был независимой страной. Тибет поддерживал дипломатические отношения с Непалом, Бутаном, Великобританией, а затем и с независимой Индией. Однако масштабная программа модернизации страны Царогана была свернута в результате obstructionistской политики консерваторов, и Тибет на долгое время вновь изолировался от международной жизни, на первый план в Тибете вышли внутренние дела и борьба за власть.

Тибет никогда не являлся активным актором системы международных отношений, но те страны, с которыми он поддерживал отношения, относились к Тибету так же, как и к любому суверенному государству. Его международный статус фактически не отличался от Непала. Таким образом, когда Непал подал заявку на членство в Организации Объединенных Наций в 1949 году, он сослался на свои договорные и дипломатические отношения с Тибетом, чтобы продемонстрировать свою полную международную самостоятельность.

Переломный момент в истории Тибета наступил в 1949 году, когда Народно-освободительная армия КНР впервые вступила в Тибет. После победы Мао Цзэдуна в 1951 г. над небольшой тибетской армией в битве при Чамдо и оккупации половины страны китайское правительство навязало Тибету «Соглашение из 17 пунктов о мирном освобождении Тибета», которое впервые в истории заявляло, что Тибет является частью Китая. Борьба за независимость Тибета окончилась для страны поражением.

По мере роста сопротивления китайской оккупации, особенно в Восточном Тибете, резко возросли китайские репрессии, в том числе разрушение религиозных зданий и заключение в тюрьму монахов и других общественных деятелей. К 1959 году народное восстание тибетцев против китайской оккупации достигло своего апогея в Лхасе в форме народных демонстраций. К тому времени, когда Китай подавил восстание, 87 тысяч тибетцев были убиты в одном только регионе Лхасы, и Далай-лама бежал в Индию, где он сейчас возглавляет тибетское правительство в изгнании со штаб-квартирой в г. Дхармсала. В 1963 году Далай-лама обнародовал конституцию демократического Тибета. По мере возможности оно было успешно имплементировано правительством в изгнании. Между тем, в Тибете религиозные преследования, постоянные нарушения прав человека и массовые разрушения религиозных и исторических зданий оккупационными войсками не смогли разрушить дух тибетского народа противостоять разрушению национальной самобытности. Более одной шестой населения погибло в результате китайской оккупации.

Проблема Тибета была включена в повестку дня на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в 1959, 1961 и 1969 гг. На стороне КНР

выступили страны социалистического лагеря, в том числе Советский Союз. По итогам работы двумя резолюциями 1961 г. и 1965 г. были подтверждены права тибетцев на самоопределение, а также китайская власть на территории Тибета признавалась нелегитимной. Проблема заключалась в том, что эти резолюции не носили обязательного характера, поэтому вопрос был поднят снова в 1991 году, когда одна из комиссий ООН по защите национальных меньшинств выразила обеспокоенность ситуацией в Тибете, где отмечались регулярные нарушения прав и свобод, присутствовала угроза культурной и религиозной самобытности Тибета и тибетского народа.

Официально в 1991 г. Российская Федерация выступила с заявлением о признании Тибета как неотъемлемой части Китая. Российская Федерация придерживается той же политики, о чем она заявляла в 1996 г. во время чеченской войны и в 2008 г. во время волнений в Тибете. Однако на волне возрождения буддийских народов России в 1980-е гг. произошло налаживание культурных связей между бурятами, калмыками, тувинцами и Далай-Ламой. Он посетил Россию в 1992, 1994 и 1995 гг. В Москве в 1993 г. в России открылось фактически первое тибетское представительство, которое получило название Центра тибетской культуры. Россия в отличие от США дорожила дружескими отношениями с КНР, поэтому волна взаимодействия с Тибетом длилась недолго. Уже в 1996 г. российское правительство отказало Далай-ламе в визе, разрешив главе тибетского правительства въехать в страну только в 2004 г. с большими ограничениями: только на территорию Калмыкии и с исключительно непропагандистскими целями. Буддийские объединения в России многократно пытались изменить эту ситуацию. В 2010 г. министру иностранных дел РФ Сергею Лаврову был задан вопрос о возможности реализации культурных интересов россиян, исповедующих буддизм. Однако им был отмечен тот факт, что личность Далай-ламы используется далеко не всегда в религиозных целях, но и в политических. Невозможно одновременно сохранять партнерство с КНР при поддержке деятельности Далай-ламы, поэтому Российская Федерация проводит курс на сохранение культурных буддийских связей, при этом в большей степени ориентируясь на укрепление стратегического партнерства с КНР.

Политика России в отношении тибетского вопроса длительное время остается неизменной. Позиция правительства России по тибетскому вопросу обусловлена стратегическим партнерством с Китаем. Данный тезис подтверждается многократными отказами МИД России предоставить визу Далай-Ламе для въезда на территорию Российской Федерации в период с 2001 по 2004 год. Несмотря на многочисленное буддийское население России, благоприятные отношения с КНР все же остаются главной задачей российского правительства.

В 2008 году первый заместитель председателя Тибетского автономного района КНР выразил благодарность российской стороне за поддержку по вопросу Тибета, которая заключалась в объективном освещении приглашенными в Тибет российскими СМИ событий 14 марта 2008 года [2].

Российско-китайские отношения на современном этапе официально определяются российской и китайской сторонами как всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие. Основные принципы сотрудничества закреплены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 2001 года. Курс на укрепление и развитие отношений с КНР является приоритетным для российской политики и носит долгосрочный характер [5]. Кроме развития военно-технического, инновационного, торгового сотрудничества, на современном этапе можно говорить о партнерстве политическом и стратегическом. На мировой арене КНР является ведущим партнером России, поскольку позиции обеих стран по ключевым вопросам мировой повестки дня близки, включая ситуацию на Украине, на Корейском полуострове, Ближнем Востоке и Северной Африке. Поддерживается такое сотрудничество как в рамках многостороннего формата, прежде всего ООН, ШОС, БРИКС, «Группы двадцати», так и в рамках двусторонних контактов, президент России и председатель КНР ежегодно встречаются не менее пяти раз в год [3].

Именно партнерством между КНР и Российской Федерацией объясняется позиция России по тибетскому вопросу, которая состоит в признании Тибета как неотъемлемой части Китая. Важным пунктом Совместной декларации РФ и КНР 2007 года является вза-

имная поддержка сторон в важнейших вопросах, затрагивающих территориальную целостность двух государств в соответствии с духом Договора 2001 года. В совместной декларации закреплено, что российская сторона поддерживает КНР в вопросах Тайваня и Тибета, признавая за китайской стороной исключительное право на поддержание территориальной целостности единого китайского государства. В свою очередь, хотя КНР признает суверенитет Украины над Крымским полуостровом, и вопрос территориальной целостности государства стоит для КНР достаточно остро, Китай не присоединился к санкциям ЕС и США против России, что свидетельствует о нейтральной позиции по крымскому вопросу.

Другим аспектом является противостояние глобальных держав на мировой арене. КНР является второй сверхдержавой в мире после США, с которыми у России на данном этапе отношения достаточно напряженные. Усиление стратегического партнерства с КНР, которое включает в себя поддержку Китая по вопросам Тибета и Тайваня, значительно укрепляет такой союз. КНР рассматривает постоянные попытки США добиться посредничества в тибетском вопросе как вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Напряжение между США и Россией распространяется на все сферы деятельности, в том числе и политическую, и конкретно на тибетский вопрос. Более того, позиция России, в том числе противостоящая позиции США по Тибету, еще более укрепляет добрососедские отношения между КНР и Российской Федерацией. Последним примером эскалации отношений между США и КНР по тибетскому вопросу стали события июля 2020 года, когда правительство КНР приняло решение о применении визовых ограничений в отношении граждан США за «неподобающее поведение» по отношению к Тибетскому автономному району КНР. Данная мера послужила ответом на введение США визовых ограничений в отношении китайских чиновников, причастных, по мнению США, к ограничению доступа иностранцев в Тибет [4]. Данные события подтверждают тот факт, что хотя активных действий в Тибетском автономном регионе на современном этапе нет, этот вопрос остается на мировой повестке дня.

В настоящее время в Тибете сложилась патовая ситуация в решении тибетского вопроса. Несмотря на то, что китайское пра-

вительство в течение 36 лет с объявленных в 1980-х гг. реформ пыталось завоевать лояльность тибетского народа, исправляя ошибки «культурной революции», оно добилось только роста ВВП этого региона и как следствие благосостояния самих тибетцев. Однако экономическое развитие этого региона не стало фактором стабильности, эскалация конфликта, наблюдающаяся с 2008 г., приняла еще более конфликтную форму самосожжений, главной причиной которых являются нерешенные политико-религиозные проблемы. Обострению ситуации способствует также преклонный возраст Его Святейшества Далай-ламы и вопрос его следующего перерождения [6].

Список литературы:

1. *Андреев А.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Издательство СПбГУ, 2015. 465 с.
2. Сайт информационного агентства России РИА Новости. Китай признателен России за поддержку по вопросу Тибета. URL: <https://ria.ru/20080626/112293773.html> — 25.04.20.
3. Сайт информационного агентства России РИА Новости. Межгосударственные отношения России и Китая. URL: <https://ria.ru/20190628/1555965655.html> — 13.04.20.
4. Сайт информационного агентства России ТАСС. Китай будет отказывать в визе гражданам США за неподобающее поведение в отношении Тибета. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8910731> — 27.05.20.
5. Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem> — 17.04.20.
6. China Says It Will Decide Who the Dalai Lama Shall Be Reincarnated As // Time World. 13.03.2015. URL: <http://time.com/3743742/dalai-lama-china-reincarnation-tibetbuddhism/> — 18.04.20.
7. China. Violations of Human Rights // Amnesty International Publications. 1984. URL: <https://www.amazon.com/China-violations-human-rights-conscience/dp/0939994100> — 12.03.20.
8. *Goldstein M.* The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet, and the Dalai Lama. Berkeley: University of California Press. 1997. 105 p.
9. *Shakabpa Ts.* Tibet: A Political History. New York: Potala Publications. 1984. 432 p.
10. *Toushi Dalai.* Xizang shehui jinbu yu fenlie jituande moluo. Lasa. 1997. 355 p.

Югзов Вадим Максимович

Перспективы стратегического партнерства России и Ирана в третьем десятилетии XXI века

Prospects for a strategic partnership between Russia and Iran in the third decade of the 21st century

Аннотация: В данной статье оцениваются перспективы сотрудничества России и Ирана в 2020-х годах, а также сотрудничество двух стран в предыдущие два десятилетия. Анализируются договорные обязательства, касающиеся различных сфер экономических отношений государств, их перспективность. В основном упор делается на приоритетные сферы сотрудничества России и Ирана, а именно: ядерная энергетика, металлургия и военно-промышленный комплекс.

Ключевые слова: Россия, Иран, стратегическое партнерство, Ближний Восток, регионализм.

Abstract: This article assesses the prospects for cooperation between Russia and Iran in the 2020s, as well as cooperation between the two countries in the previous two decades. Contractual obligations concerning different spheres of economic relations of the states and the degree of prospective are analyzed. The emphasis is mainly on priority areas of cooperation between Russia and Iran, namely: cooperation in nuclear energetic, metallurgical and military spheres.

Keywords: Russia, Iran, strategic partnership, Middle East, regionalism.

Иран как государство является в некотором смысле связующим звеном, контролирующим морские и наземные пути между Европой и Азией.

Мы также наблюдаем неугасающую роль этого государства и на мировой арене. Вопросы, связанные с Исламской Республикой Иран, в частности, её ядерной программой и санкционным воздействием против неё — постоянно находятся в центре обсуждения как со стороны мирового сообщества, так и со стороны влиятельнейших акторов мировой политики, таких как Российская Федерация и США.

С самого начала XX века Иран терзали многочисленные интервенции, перевороты и общая политическая нестабильность вплоть до 1960-х годов, а такие державы как Англия и США не стеснялись проводить перевороты против неугодных политиков, которые не проводили нужных им реформ или же не давали им контроль за нефтегазовой промышленностью Ирана, например — «операция Аякс» [4]. Периодом относительной стабильности считаются годы с 1953 до революции, прошедшей в 1979 году, впоследствии провозглашенной «Исламской», в течение которой была свергнута шахская династия Пехлеви.

Исторический контекст, в котором развивалась Исламская Республика Иран, обуславливает её действия в международном политическом пространстве. Стремление выразить свою независимость от «гегемонов» порождает враждебные действия против государств, которые навязывают свои парадигмы поведения Ирану извне. Враждебные же действия, порождают санкционное давление.

Россия и Иран имеют богатую давнюю историю взаимоотношений, которая насчитывает более 500 лет. Впервые дипломатические отношения были установлены странами в 1592 году. За столь долгое время, стороны пережили множество конфликтов и турбулентностей.

Две русско-персидские войны, интервенция России в Персию в 1909–1911 годах, а также Иранская операция 1941 года оставили груз недоверия Ирана по отношению к Царской России и в дальнейшем к СССР [9].

Советский период знаменуется созданием якорных законодательных основ, положивших начало для дальнейших дипломатических отношений с Ираном. Дипломатические отношения между двумя государствами стали зарождаться сразу после закрепления в России советской власти.

Основополагающим документом дипломатических отношений Ирана и Советской России считается советско-иранский мирный договор, подписанный в 1921 г. и закрепляющий основные положения развития дипломатического сотрудничества двух государств. Затем, с течением времени, два государства подписали еще ряд нормативных документов, развивая тем самым дипломатические отношения [5].

К слову, данное соглашение между Ираном СССР является ключевым нормативным актом, закрепляющим вектор развития дипломатического сотрудничества государств на протяжении долгого периода, так как положения данного договора регулировали некоторые спорные вопросы между Ираном и СССР, а впоследствии Россией, вплоть до заключения Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 году. Так, Советская Россия закрепила в договоре меры, являющиеся подтверждением принципа дружбы и взаимного уважения, на основе которого изначально выстраивались отношения этих государств.

Следующим этапом в рамках создания нормативной базы для развития дипломатических отношений между Ираном Советским Союзом послужили переговоры 1927 г., в ходе которых был подписан договор «О гарантии и нейтралитете».

Период Второй мировой войны стал во многом переломным для дипломатических отношений Ирана и Советского Союза. В это время их отношения регулирует договор 1921 г., а также Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном 1942 г. и Декларация Великобритании, СССР и США об Иране 1943 г., подписанная во время Тегеранской конференции. В последней было прописано признание помощи Ирана в процессе ведения войны против общего врага и о согласии союзников по-прежнему предоставлять Ирану экономическую помощь.

Сложным этапом в развитии ирано-советских дипломатических отношений выделяют период Исламской революции в Иране, значительно сказавшийся на двусторонних отношениях государств. Созданная пришедшими к власти клерикалами идеологическая основа превратилась в действующий рычаг не только консолидации гражданского населения, но и давления на Советский Союз как геополитический центр силы.

В связи с существующим недовольством населения Ирана относительно внешнеполитических действий СССР в Афганистане, на Посольство Советского Союза в Тегеране был совершен ряд нападений в 1980 г. В итоге советскому правительству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические взгляды относительно Ирана, особенно в период протекания ирано-иракской войны.

Прорывом в развитии ирано-советских дипломатических отношениях в этот период считается визит заведующего департаментом МИД ИРИ по делам Европы и Америки Мохаммеда Садра в СССР, результатом которого стала встреча с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. В продолжение улучшения дипотношений был заключен в 1985 г. Меморандум по экономическим проблемам, согласно которому СССР обязывался оказывать помощь при сооружении энергетических объектов на территории Ирана.

Как итог, Иран стал рассматривать СССР как ключевого политического партнера, дипломатическое сближение с которым предвещало возможность получить политико-экономические дивиденды [14].

Почва для сотрудничества после распада Советского Союза была заложена соглашениями о военно-техническом обеспечении в период с 1990 по 1992 годы, когда между РФ и ИРИ были заключены несколько важнейших сделок по поставкам оружия, техники и комплектующих в Исламскую Республику Иран, на сумму, достигающую 10 млрд долларов. Эти сделки предполагали продажу Ирану танков Т-72, комплексов противовоздушной обороны С-200 и даже включали передачу Ирану одной подводной лодки. Выполнить эти соглашения в полной мере Российской Федерации так и не удалось из-за подписания меморандума «Гор-Черномырдин», который обязывал Россию отказаться от поставки в ИРИ любой техники военного назначения и завершить все поставки такого рода до 31 декабря 1999 года, с последующим обязательством не заключать новых сделок. Из-за этого РФ потеряла порядка 4 млрд долларов упущенной выгоды [11].

Важнейшим из соглашений, заключенных в 1990-х годах, стало соглашение от 25 августа 1992 года о достройке Россией Бушерской АЭС, строительство которой было начато еще в 1975 году, но к 90-м годам так и не сдвинулось с мертвой точки, когда немецкая компания «Сименс» присоединилась к международным санкциям после Исламской Революции 1979 года. «Сименс» оставил станцию в состоянии готовности на 80%. Россия взялась реконструировать реактор под собственные стандарты. Проект был

полностью закончен в 2011 году, а реорганизованные реакторы введены в эксплуатацию.

Данные инициативы, бесспорно, явились основополагающей базой для сотрудничества России и Ирана, хотя их выполнение проходило со сложностями.

В 2000 году в России вступает в силу концепция внешней политики РФ, в которой прямо указывается важность и необходимость конструктивного сотрудничества с ИРИ, стоит заметить, что во всех последующих концепциях, а именно: 2008, 2013, 2016 годов — этот тезис сохранился в полной мере.

Исследователи связывают новый качественный виток российско-иранских двусторонних отношений с новым сроком президентства Владимира Путина, во время правления которого отношения вышли на новый уровень [13].

Как уже было сказано ранее, начиная с 2000 года, сотрудничество многократно усиливается, а в 2001 году Мохаммад Хатами, отправился в Москву в качестве первого президента в истории Исламской Республики, впоследствии количество визитов, встреч и переговоров между лидерами и министрами двух стран превысит сотню, за последние 20 лет.

Первоначальная обеспокоенность российского руководства тем, что провозглашенный Хатами политический «Диалог культур» может стать прелюдией к ирано-американскому сближению, оказалась необоснованной после того, как Махмуд Ахмадинежад сменил Хатами на своем посту в 2005 году.

Начав политику «взгляд на восток», Ахмадинежад отошёл от политики осторожного открытия к западным государствам и начал искать новые альянсы. Помимо таких стран, как Россия и Китай, этот «восток» также включал государства «движения неприсоединения» и поэтому понимался при Ахмадинежаде не только географически, но и политически. Новое правительство стремилось создать политический противовес «Западу» путем расширения сотрудничества с «Востоком» [12].

Одной из главных проблем, существовавшей до недавнего времени, переговоры по решению которой продвинули сотрудничество двух государств на новый уровень стала проблема стабилизации ситуации в Каспийском регионе посредством признания

правового статуса Каспия, так как он богат нефтегазовыми ресурсами.

Иран придерживался позиции признания Каспия как озера, что предполагало его разделение среди государств, присутствующих на Каспии на равные участки по 20%, Россия же придерживалась позиции признания в рамках морского права, что предполагало равный доступ к ископаемым, не находящимся в 12-мильной зоне. В исследовании было выделено несколько этапов данных переговоров. По итогу, стороны пришли к консенсусу. Воду разделили между государствами по морскому принципу, а морское дно по принципу озера, что случилось впервые в истории.

Отдельно также стоит заметить, что различные инициативы, не касающиеся разделения каких-либо ресурсов, активно поддерживались как со стороны Ирана, так и со стороны России. Я говорю о таких инициативах как: совместные военные учения РФ и ИРИ в Каспии, неприсутствие других государств в акватории, защита окружающей среды.

После третьего президентского срока Владимира Путина началась наиболее интенсивная фаза российско-иранского сотрудничества. Этому также способствовало воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 года, кризис на Украине и последующая нисходящая спираль в российско-американских отношениях.

Пауза по сделке по поставке российской системы ПРО С-300 также показала, что Тегеран может ожидать, что Москва может от неё отвернуться. В 2007 году Иран и Россия подписали соглашение о продаже S-300 на 800 миллионов долларов. Президент Дмитрий Медведев заморозил соглашение в соответствии с резолюцией 1929 Совета Безопасности ООН, которая предусматривала санкции против ядерной программы Ирана [2].

Тегеран тогда обвинил Москву в нарушении контракта и подал в суд на Международный арбитражный суд в Женеве за ущерб в размере 4 млрд долларов. Только при Путине, в апреле 2015 года, Россия объявила, что хочет снять мораторий. Год спустя Москва начала поставлять систему.

В то же время Тегеран и Москва оказались по одну сторону политических баррикад благодаря своей поддержке президента Сирии Башара Асада и сопротивления международному санкци-

онному давлению, которые требовали большой политической координации между двумя странами [8].

О том, что Иран и Россия хотят больше сотрудничать в области военных технологий в обозримом будущем, стало ясно на встрече министра обороны России Сергея Шойгу с его иранским коллегой Хосейном Дехганом в январе 2015 года. Шойгу и Дехган подписали в Тегеране соглашение, регулирующее сотрудничество в области обмена информацией, военной подготовки и координации борьбы с терроризмом. В то же время российские СМИ заявили, что крупных контрактов на поставку оружия не будет. Исламская Республика, напротив, заинтересована в широких продажах оружия и военной техники с целью модернизации своих вооруженных сил, особенно военно-воздушных сил.

Российская военная промышленность заинтересована в увеличении объемов поставок в Иран. Однако экспорт некоторых систем вооружений в Иран подлежит утверждению Советом Безопасности ООН. Резолюция 2231 от 19 октября 2015 года, которая была принята в результате ядерного соглашения, предусматривала пятилетний лимит на поставки тяжелых обычных вооружений, включая танки, вертолеты и вооруженные транспортные средства. Исключения возможны только в отдельных случаях и должны быть одобрены Советом Безопасности. Из-за этого политического препятствия Россия сможет начать экспортировать технику в Иран только в этом году [7].

Еще одной проблемой в отношениях до сих пор остается низкий уровень культурных связей РФ и ИРИ. Такого нельзя сказать про другие страны, соседствующие с Ираном, части которых до 19 когда-то были его территориями, возьмем Грузию, Афганистан или Азербайджан. Сегодня нельзя утверждать, что Россия имеет прочные социокультурные связи с Ираном, в отличие от Франции, США или Великобритании. Всё это по той причине, что России никогда не фокусировалась на целенаправленном обучении студентов из Ирана, его интеллигенции или политиков.

На культурном уровне, влияние России тоже незначительно, хотя культурный центр Ирана и имеется в Москве [1].

Во внешнеполитическом аппарате Ирана Россия воспринимается как важный партнер в области экономики и безопасно-

сти, но не как «естественный союзник». Например, советник по внешней политике в Тегеране указал, что Иран в настоящее время разделяет больше интересов с Москвой, чем с Анкарой, а Россия, в отличие от Турции, не считает ее «братским государством» [15].

Стоит также заметить, что часть иранской элиты скептически относится к более тесному сотрудничеству с Россией. Исторически растущее недоверие к Москве преобладает среди интеллектуалов и многочисленных лиц, принимающих политические решения. Это недоверие усилилось из-за турбулентности последних лет, в том числе из-за длительной задержки с завершением строительства АЭС в Бушере или задержки и дальнейших прений, связанных с поставкой системы ПРО С-300 [6].

Тот факт, что Россия ни разу не накладывала вето на Совет Безопасности ООН по предотвращению санкций в связи с ядерной программой Ирана, рассматривается со стороны ИРИ как свидетельство того, что Тегеран не может рассчитывать на Москву в случае кризиса. Основное беспокойство вызывает возможное российско-американское сближение. Есть опасения, что Москва может неожиданно договориться с США за счет Тегерана, например, в Сирии [3].

Сторонники более тесной связи с Россией, напротив, указывают на отсутствие стратегических вариантов у Тегерана. В отличие от США или европейских стран, Россия готова к сотрудничеству в области безопасности и поставкам оружия для иранских вооружений, нуждающихся в модернизации. В соответствии с открытой политикой в отношении Москвы, которую президент Рафсанджани инициировал в конце 1980-х годов, Россия рассматривается здесь как наиболее важное союзное государство, которое может укрепить Исламскую Республику в политическом и военном отношении и тем самым сделать возможным стремление Ирана к независимости и самостоятельности. По словам иранского консультанта по внешней политике, эта школа мысли в Тегеране в настоящее время находится на подъеме [10].

Независимо от различных внешнеполитических предпочтений, внутри иранского руководства наблюдается растущая готовность, в которой большинство из них либо предпочитают более тесные связи с Россией, либо интеграционный подход — разви-

вать отношения с Россией. Тегеран не занимает единой позиции, но она координируется в процессе принятия внешнеполитических решений.

Вместо долгосрочной стратегии ирано-российские отношения в настоящее время преследуют цель «целенаправленного тактического сотрудничества». Тегеран остается верным своему подходу к независимости. Исламская Республика не откажется от своего «взгляда на восток» в пользу политической связи с «западом». Скорее, он в настоящее время пытается поддерживать свое восточное сотрудничество, а также находить новые способы связи с западными государствами. Но Тегеран будет любой ценой стараться избежать «саудовской модели», при которой Иран в регионе можно было бы рассматривать как союзника западных государств.

Тегеран и Москва все еще далеки от политики общих интересов. Однако в будущем обе страны могли бы координировать свои усилия во многих областях, например, в своей политике в отношении Афганистана, в борьбе с ИГИЛ или в отношении Центральной Азии. Существуют также многочисленные возможности для сотрудничества в расширении торговли и постоянной координации их политики в таких организациях, как ШОС. Есть много признаков того, что ирано-российское сотрудничество будет продолжаться, несмотря на установленные ограничения. В настоящее время наиболее вероятным является устойчивое приоритетное партнерство, которое позволяет создавать временные альянсы на основе конкретных кейсов.

Иран в целом, полон решимости расширить свои отношения с Россией в третьем десятилетии XXI века. Традиционные области сотрудничества в области ядерных и оружейных технологий были недавно расширены и включают изолированное сотрудничество в области безопасности, например в Сирии. Геополитические интересы Ирана и России в регионе расходятся, но они не являются взаимоисключающими. Это создает точки соприкосновения для обеих сторон [12].

Тегеран и Москва выигрывают от координации своей соответствующей региональной политики. Ввиду геополитического значения обеих стран ни одна из сторон не может отстаивать свои основные региональные политические интересы против

воли другой. Например, Тегеран в Сирии нуждается в поддержке со стороны Москвы для поддержания политического порядка при Асаде [12].

Напротив, если Россия хочет снова играть более значительную роль в регионе, она должна сначала обеспечить такие условия, в которых Тегеран не использовал бы Москву для оказания влияния на ключевые районы конфликта, такие как Сирия, Афганистан или Ирак. Даже если Сирия еще не является моделью для подобного ирано-российского сотрудничества в регионе, Иран будет продолжать военно-техническое сотрудничество с Россией в случае необходимости.

Список литературы:

1. 20-летие иранского культурного центра. URL: <http://iransegodnya.ru/post/view/3460> — 29.05.20.
2. *Азим Заде Дж.* Анализ характера отношений между Ираном и Россией. 2014. URL: <http://www.farsnews.com/printable.php?nn:13930706001474> — 16.05.20.
3. *Бехеитипур Х.* Проблемы ирано-российских отношений и решения для стабильности и доверия в двусторонних отношениях // Перспективы отношений между Ираном и Россией. 2015. С. 13–32.
4. *Егорченков Д. А., Данюк Н. С.* Исламская республика Иран как объект реализации «цветной революции» в контексте геополитических подходов США // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. 24 с.
5. *Кулаков В. О.* Законодательные основы установления и развития дипломатических отношений Советского Союза с Ираном // Манускрипт. 2017. № 12 (86). С. 90–93.
6. *Малаки М. Р.* Негативные факторы Израиля в отношениях Ирана и России // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 25. С. 34–36.
7. Резолюция 2231 (2015) — Иранская ядерная проблема. URL: [http://undocs.org/ru/S/RES/2231\(2015\)](http://undocs.org/ru/S/RES/2231(2015)) — 25.05.20.
8. Россия перебросила дальние бомбардировщики Ту-22М3 в Иран. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-37092754> — 16.05.20.
9. *Рустемова-Демиржи С.* Стратегические игры вокруг Каспия // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6, № 4. С. 92–97.
10. *Саджадпур М. К.* Перспективы Ирана и России в глобальной системе. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/russia-iran-partnership-an-overview-and-prospects-for-the-fu/> — 16.05.20.

11. Сделка Гор-Черномырдин: ущерб России — четыре миллиарда? URL: http://www.ng.ru/world/2000-10-19/1_deal.html — 10.05.20.
12. Сченснович В. Н. Иран: внешняя политика (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. 2019. № 3 С. 73–87.
13. Хафизова Э. И. Сотрудничество Ирана и России в торгово-экономической сфере с июня 2001 г. По июнь 2005 г. // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10. С. 50–52.
14. Шури М. Иран и Россия: от равновесия сил до вопроса идентичности // Международные отношения. 2016. № 2. С. 668.
15. Sharafedin B., Kelly L. Insight — Iran and Russia move closer but their alliance has limits. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-russia-iran-insight/insight-iran-and-russia-move-closer-but-their-alliance-has-limits-idUKKCN0XN14I> — 10.05.20.

Aref Bijan, Юдина Александра

Роль России в Сирии: от геополитической конвергенции к конкурентному партнерству

Russia's role in Syria: From geopolitical convergence to competitive partnership

Аннотация: Россия как международный участник и доминирующая держава стремится восстановить статус великой державы и влиятельного игрока путем пересмотра своей ближневосточной политики. Таким образом, благодаря своему военному присутствию в 2015 году, благодаря спасению режима Асада, она смогла стать главной силой в сирийской гражданской войне. Военный конфликт между Турцией и Сирией в Идлибе, а также уход Соединенных Штатов из Сирии предоставили России возможность достичь своей цели, и Асад восстановил больший контроль над курдскими землями. Итак, какова роль России в Сирии как региональной державы и влиятельного субъекта на Ближнем Востоке? Основная гипотеза заключается в том, что стратегия России в Сирии должна быть активной и базироваться на многосторонности. С одной стороны, Россия сделала шаг на пути объединения с Ираном и Турцией, а также в поддержании мира и прекращении гражданской войны и процесса восстановления в Сирии; а с другой стороны, являясь посредником между курдами и режимом Асада, и предотвращая турецкую военную агрессию, она порой проводит политику, отличающуюся от ее союзников. Метод исследования в данной статье носит описательно-аналитический характер.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, Сирия, балансировка, максимизация власти, многосторонность

Abstract: Russia, as an international actor and a dominant power, is trying to restore its great power status and influence through a review of its Middle East policy. Thus, through its military presence in 2015, saving the Assad regime, it was able to become a major power in the Syrian civil war. The military conflict between Turkey and Syria in Idlib, as well as the United States' withdrawal from Syria, has provided Russia with an opportunity to achieve its goal and Assad has regained greater control over Kurdish lands. So what is Russia's role in Syria as a regional power and influential actor in the Middle

East? The main hypothesis is that Russia's strategy in Syria is to be a multilateral and activist. On the one hand, Russia has taken a step on the path of unification with Iran and Turkey, as well as in maintaining peace and ending the civil war and the reconstruction process in Syria; And on the other hand, by mediating between the Kurds and the Assad regime and preventing Turkish military aggression, it has at times pursued a divergent policy differed from its allies. The research method in this paper is descriptive-analytical.

Keywords: Russia, Middle East, Syria, Balancing, Power Maximization, Multilateralism

Introduction

Russia is one of the Trans-regional powers that intervened in the Syrian crisis. The Syrian crisis is in fact a civil war that has engulfed regional and international powers. In this war, Russia's foreign policy has been based on intervening in the crisis in order to support the Syrian government. Without Russia's help, the Syrian army and its allies would not have been able to withstand the onslaught of the opposition, extremists, and their regional and trans-regional allies. With the help of Moscow, the Syrian army was able to regain control of some areas occupied by the opposition and extremists.

When the crisis broke out in Syria and Western and Arab countries showed interest in intervening in the crisis, Russia insisted that none of the trans-regional and regional powers should intervene. To that end, the Kremlin vetoed draft resolutions raised in the Security Council against the Syrian government so as not to increase international pressure on the Assad government and to pave the way for Western intervention in Syria. Moscow has also repeatedly criticized Washington's policy on the Syrian crisis [1].

The present study examines the crucial role of Russia in the Middle East region, and in particular Syria in four sections. The first section will explain Russia's foreign policy in the Middle East and its growing and influential role among regional and trans-regional actors. The Kremlin's policy towards MENA has always been linked to security issues and economic considerations. The second section also describes Russia's balancing and unifying action in the context of trans-regional cooperation and its integration policy. In general, Russian policy

in the Middle East is part of a broader strategy aimed at creating an international order that can protect Russia from Western interference in its internal affairs and guarantee an equal position with the United States.

In the third section, we will discuss Russia's multilateralism in the region in the behavioral model of this global power vis-à-vis regional actors. Russia has implemented a "balancing" act to establish equal relations with different pairs of competing countries. In the context of the Middle East, this trend is related to the relationship between the GCC and Iran, the GCC and Turkey, Turkey and Syria, Turkey and Israel, Israel and Syria, and Israel and Iran. The last section is about that Russia -unlike the United States- is able to be accepted as a legitimate mediator that is accessible to almost everyone. Area players -Sunnis and Shiites, Iranians and Saudis, Israelis and Palestinians, and Turks and Kurds- are acceptable. Thus, the process in which Russia has become the most influential actor can be due to Russia's strong classical and military diplomacy, a centralized decision-making system, multilateralist policies, risk-taking while avoiding risky positions, unifying at the same time.

Theoretical Framework

Defensive realism is a structural theory derived from the school of realism theory and it finds its foundation in Kenneth Waltz's "Theory of International Politics", in which Waltz argues that the anarchical structure of the international system encourages states to maintain moderate and reserved policies to attain security [2, p. 5] and its basic principle is "security maximization" and "protecting own power" [2, p. 6]. The security dilemma is arguably the theoretical linchpin of defensive realism, because for defensive realists it is the security dilemma that makes possible genuine cooperation between states—beyond a fleeting alliance in the face of a common foe [3].

Given the current challenges facing global politics and its specific structural conditions, Multilateralism seems to be an almost essential form of international diplomacy. Examining Russia's foreign policy based on intelligent multilateralism, Russia seeks to maintain relations

with most of the regional and trans-regional countries in the Middle East, given its national interests and prudent policies.

A broader framework of Russia's policy in the MENA region is shaped by the principles of Yevgeny Primakov's doctrine of Great Power Balancing, which defines Russia's national interest as the need to become a great power in a multipolar world. Russia's policy orientation should thus be multilateral or "multi-vector", aiming to develop balanced relations with both Western and non-Western countries [4, p. 33].

Multilateral diplomacy is becoming the main vehicle for resolving common and cross border issues, including developments in countries that can pose a threat to regional (international) security [5, p. 128]. It seems that the goal Russia now has is to maximize security, not power. Although Russia has engaged in security-military activities to expand their power in the region; but the current situation and the reliance on multilateral and flexible diplomacy in Russia has made it their priority to maintain its positions and defend its security gains [6, pp. 4; 279–283].

The Kremlin's foreign policies conform to the expectations of defensive realism. Defensive realists advise against imperialism and aggression, but they do advocate power projection by threatened states to the extent that is necessary to restore the international system to a stable state of equilibrium [7].

Russia's Objectives and Tools in Syria

The intervention in Syria reflects Russia's long-term strategic goals in the MENA region. It supports what it considers legitimate institutions through extensive foreign aid programmes, including economic and security assistance, political support and, as seen in Syria, direct military intervention. The Kremlin's aim is to prevent the destabilisation of states and, in those that are already fractured, support certain minorities. Unlike the Westerners, who insist on creating democratic, rule-of-law non-sectarian states in the region, the Kremlin assumes that this has proved impossible and that the balance of power is not based on liberal values and foreign powers (like the US) but on regional actors, according to their military and religious power. Their support for the Alawites in Syria, for the Kurds throughout the region

and for the Shiites in Iraq are good examples. Behind its support for regional actors lies the aspiration of becoming the main arbiter of conflicts, in addition to challenging the West's strategy [8, p. 39].

Befriending all nations, irrespective of their political orientation and ongoing conflicts, allows Moscow to play the role of mediator in regional conflicts. Russia has managed to deal with countries and groups that have often been inimical to one another, and even sometimes to bring them together as an instrument to fulfil its interests [9]. The driver of this policy is Moscow's support for incumbent governments and its non-ideological approach. It has neither all-out allies nor all-out adversaries anywhere in the region.

Also in the next few years, due to Russia's gains in Syria, Moscow will be recalibrating its military position in the wider region. The most significant of its gains has to do with the establishment of permanent military bases in Syria. In December 2017, the Russian parliament approved the agreements with the Syrian government leasing the Tartus and Khmeimim bases to Russia for 49 years with an automatic 25-year prolongation [10]. The Tartus naval base, which is about to be upgraded, will be able to host up to 15 warships as well as submarines [11].

Emerging Strategy or Opportunism as a Strategy in Syria

Moscow's intervention in the Syrian crisis is a turning point in Russia's involvement in the Middle East crisis. Since 1991, when Russia reappeared on the political map, Russia has repeatedly intervened in the internal affairs of other countries. Most of Russia's intervention in the Soviet Union and what the Russians call their "near abroad" has been done. Outside of this geographical area, Russia has repeatedly intervened in crises, but Russia's intervention in the Syrian crisis has more dimensions than in other cases, which is why the Syrian crisis is a turning point in Russia's foreign policy, as well as in the developments in the Middle East.

It was a clear sign of the Kremlin's adaptation to the new geopolitical realities of the Arab Spring, but especially of Russia's desire to return to the global stage as a great power. The adaptation to the new geopolitical reality meant taking advantage of the situation the region is undergoing,

with a profound process of transformation, and attempting to try to fill the vacuum left by the gradual withdrawal and disengagement of the US (as a result of military, political and economic fatigue and President Obama's and Trump's geopolitical lack of interest in the region).

But to Russia, Syria was not just another Arab country. It was a Soviet ally and then a Russian arms client. Moscow has kept a naval resupply facility in Tartus (in Latakia), its only installation of the kind in the Mediterranean, and it has the Khmeimim air base to access the Black Sea through the Bosphorus. No less importantly, since the mid-1950s Syria has been the center of Moscow's political influence and intelligence presence in the region [8, p. 37].

The war in Syria is in many respects a new experience for Russia. It is predominantly an air war, fought alongside third countries' forces requiring a highly active diplomatic Russian engagement. Also, the war emphasised Russian military capabilities as argued by Dmitri Trenin: "At the cost of the equivalent of US\$4 million a day, the military intervention in Syria has been reasonably affordable to the Russian budget. The payoff from the war included powerful advertisements both for Russia's weapons systems and for Moscow's political backing" [9].

The issue of the Syrian Kurds is another important issue for Russia. The question is what will be the further Russian policy towards the Kurds? Currently, the answer to the above question is ambiguous and uncertain. It seems that the key derivative of the relationship of Russia will be relations of Moscow with Tehran and Ankara. Both Iran and primarily Turkey, due to their reluctance to this community, constitute a decisive problem for Russia in the context of a possible wider cooperation between Russia and the Kurds. In addition, much will depend on the latter's contacts with Washington. In the event of intensification of their mutual ties, Russia may use unambiguous blackmail against the Kurdish side, consisting of suggestions to leave them to the grace and disfavor of Turkey. With the collapse of such an alliance, Moscow may suggest strengthening relations, which, however, would be conditioned by Kurdish concessions in favor of President Assad and the admission of Russian companies to operate in Kurdistan [12, p. 47].

Russia's multilateralism; geopolitical convergence to competitive partnership

For Russia to replace the United States as the guarantor of security in the Middle East, it needs to show a long-term commitment to the region. But if Vladimir Putin looks to preserve his country's influence in the Middle East, he will need to come up with ways to engage partners that would convince them of Russia's resolve. With the Middle East not being the most strategically important region to Moscow, Putin will need to decide exactly how much influence he actually wants to project in the region. Maintaining the image of a great power in the Middle East will require Russia to invest diplomatically and financially in the resolution of other crises, such as the Libyan war and the Israeli-Palestinian conflict. However, these investments will chiefly concern maintaining stability in the region and will not yield fast returns.

Russia will finally need to set a long-term agenda for the Middle East. Short-termism has so far prevailed in Moscow's Middle Eastern strategy because its actions were largely reactionary and most decisions were ad hoc. [13].

In this regard, The Russian government as well as Russian intellectuals and Middle East experts have been flirting with the idea of a regional system of collective—an idea that has been pitched to governments in the region on many occasions in the past. Igor Ivanov, a former minister of foreign affairs of the Russian Federation and the president of the Russian International Affairs Council, notably laid out a vision for such a regional security system in a February 2016 article [14].

According to him, the mechanism should include the Arab countries as well as Turkey, Iran and Israel. The collective security system must consist of three tracks or “baskets”: security, economy and humanitarian cooperation. Speaking before the United Nations General Assembly, on September 28, 2015, when he announced the beginning of the Russian military operation in Syria, Vladimir Putin proposed creating a global anti-Islamic State coalition “similar to the anti-Hitler” alliance. He reiterated this idea at the G-20 meeting in Turkey, in November of that year [15]. This proposal, which he has

voiced several times in the course of the Russian operation in Syria, pointedly feeds into the idea of creating a regional security system.

The Syria campaign has demonstrated that Russia's relations with regional powers are extremely fluid, as was demonstrated by a temporary break-up with Turkey, a surprising thaw with Saudi Arabia and a growing mistrust with Iran.

As the Syrian conflict seems to gradually draw to an end, confrontational tendencies in relations with Iran might become more visible. Moscow and Tehran will likely come to realize that their relationship is much bigger than Syria. The number of outstanding problems plaguing the alliance is already multiplying (militarization of the Caspian Sea, competition for the European gas market, Iran's growing influence in Central Asia) while both make a bid on their partnership in Syria as a unifying element [13].

The process of reconstruction in Syria also means that Russia and Iran will have to shoulder a heavy financial burden if they want to continue to play a leading political role in the country; neither, however, is capable of doing that. Consequently, Russia has asked world powers, [16] as well as the Sunni monarchies of the Gulf, [17] to chip in, which will require a significant drawdown in Iran's political role in Syria.

Part of its drive for regional predominance, Moscow is aiming for a compromise deal involving power-sharing among different groups in Syria, as long as they recognize Russia's role as a power broker. The partnership with Iran gives Moscow access to two capabilities that increasingly deliver a strategic advantage in the region's conflicts: the ability to fight through proxies and the ability to use ballistic missiles to shape geopolitics. "Iran is the arch practitioner of both and is on Russia's team" [18]. Yet the biggest problem in the relations between Russia and Iran is that their bilateral interests do not usually coincide with the interests of Russia's other allies and partners in the region, especially Israel, and countries with Sunni majorities, such as Egypt, the Gulf States and Turkey. In the Syrian conflict, Iran and Turkey have clearly different interests. At the beginning of Russia's air campaign, Teheran was an ally of Moscow and Ankara was almost an enemy. Since mid-2016, Turkey has redefined its policies and begun to work closely with Russia and Teheran (in a bid to control the Kurdish question in Syria). Thus for Russia, maintaining a balancing act by cooperating with Iran and with

the Sunni countries is one of the main challenges and conditions of its influence in the MENA region. So Syria's reconstruction will be the most competitive theatre between Russia and Iran.

Conclusion

As Syria gradually falls from the top of Russia's political agenda in the Middle East over the coming years, Moscow will be looking for new ways to stay relevant in the region. Russia's permanent military bases in Syria have the potential to change the power balance in the Mediterranean. Moscow has created a heavily guarded perimeter in the Eastern Mediterranean by deploying air-defense capabilities to Syria, which complemented its permanent naval force in these waters. Trying to insert itself in regional politics in the post-Syria era, Russia is likely to rebrand its image in the Middle East and position itself as a regional referee in an attempt to offset the negative impact of the Syrian conflict on its profile. Being a regional referee, however, does not necessarily translate into being a supporter of democracy.

It seems that, Russia's strategy in Syria is to play a multilateral role, and based on activism policy. Russia cannot replace the US as the guarantor of security in the MENA region but can maintain some political influence and undermine US power. In any case, to gain great-power status Russia would have to be able to compete with China and the US not only in Syria but above all in Eurasia and the Pacific Rim.

Countries basically prefer to ensure their own security. However, because security for countries today exceeds their national borders, which include regional and international interests, they are trying to repel threats and increase their power. But Russia's policy of regaining its great power has been a combination of balancing between allies and sometimes accompanying the great and even threatening powers. This Russian policy is a peaceful one in terms of its interactions and interventions in countries based on multilateral diplomacy and its soft power. The multifaceted nature of Russia's realistic policies has led it to play different roles in different contexts. Roles such as balancing, mediation, activism, strategic partnership, geopolitical rival, security guarantor, peace-building lever. Finally, Russia prefers to monitor countries in the Middle East, but Russia will not change its policies and

change its rationalist, but opportunistic behavior until each of them is considered a threat to Russia and its interests.

References

1. *Zemlianichenko, A.* Putin Accuses West of Double Standards over Syria. Aljazeera, Available at: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2015/10/putin-syria-russia-151023092849716.html> — 01.06.20.
2. *Bercean, I.N.* The Defensive Iran: Rethinking Realism in the Case of Iran's Nuclear Program. Universitatii Babeş-Bolyai din Cluj-Napoca. Facultatea de Studii Europene: 2013, 1–18. P. 5.
3. *Tang, S.* The Security Dilemma: A Conceptual Analysis. *SecurityStudies*, 2009, №18, pp. 587–623.
4. *Talbot, V. & C. Lovotti (Eds.) & Z. Akl, Y. Cherif & Ch. Hartwell, M. Milosevich, & E. Tafuro Ambrosetti.* “The Role of Russia in the Middle East and North Africa Region. Strategy or Opportunism?”, Euromesco Joint Policy Study 2019, № 12.
5. *Binaku, A.* What Scope is there for Multilateral Diplomacy as a Basis for Global Governance? *SEEU Review*, 2019. № 14(1).
6. *Mammadova, Sh.* Offensive vs Defensive Realism. Russia's foreign policy towards South Caucasus. I International Forum of the Caucasus Studies Scholars, 2017, N 1.
7. International affairs. Threat or Threatened? Russian Foreign Policy in the Era of NATO Expansion, 2018. Available at: <http://www.internationalaffairs.org.au/threat-or-threatened-russian-foreign-policy-in-the-era-of-nato-expansion/> — 01.06.20.
8. *Milosevich, M.* The 2010s: “Grand Strategy” or Tactical Opportunism?, European Institute of the Mediterranean, April, 2019, p. 39, Available at: https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2019/04/Joint-Policy-Study_12_The-role-of-Russia-in-the-MENA-region.pdf — 01.06.20.
9. *Trenin, D.* What is Russia up to in the Middle East? Cambridge, UK: Polity Press, 2018.
10. Committee of the Federation Council on Defense approved the agreement on the Navy base in Tartus. RIA, December 25, 2017, Available at: <https://ria.ru/syria/20171225/1511640481.html> — 01.06.20.
11. Russian Ministry of Defense. Veliky Novgorod and Kolpino Submarines Fired the Kalibr Cruise Missiles from Submerged Position against ISIS Critical Objects in Syria, Russian Ministry of Defense, September 14, 2017, Available at: http://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12142271@egNews — 01.06.20.

12. *Bielicki, P.* Policy of the Russian Federation towards Kurds in the Syrian Conflict. *Securitologia*, 2017, №2.
13. *Mardasov, A.* Russia re-examines relationship with Iran, *Al Monitor*, August 14, 2017, Available at: <https://www.almonitor.com/pulse/originals/2017/08/russia-relationship-iran-syriamilitary-situation-moscow.html> — 01.06.20.
14. *Ivanov, I.* Three Baskets for the Middle East. Russian International Affairs Council, February 1, 2016, Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/tri-korziny-dlya-blizhnegovostoka/?sphrase_id=4717562 — 01.06.20.
15. *Gazeta.* Putin is calling for the Creation of an Anti-ISIS Front, *Gazeta*, November 16, 2015. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2015/11/16_a_7895243.shtml — 01.06.20.
16. *Hille, K.* Russia asks world powers to pay for Syria reconstruction, *FT*, February 23, 2017, Available at: <https://www.ft.com/content/f847-11e6-9516-2d969e0d3b65> — 01.06.20.
17. *The Arab Weekly.* Saudi Arabia sets conditions to role in Syria reconstruction, *The Arab Weekly*, October 15, 2017, Available at: <http://www.thearabweekly.com/Gulf/9440/Saudi-Arabia-sets-conditionsto-role-in-Syria-reconstruction> — 01.06.20.
18. *Raine, J.* Russia in the Middle East: Hard power, hard fact, *International Institute for Strategic Studies*, October 25, 2018. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2018/10/russia-middle-east-hard-power> — 01.06.20.

Dalsooz Jalal Hussein

Россия возвращается к выстраиванию отношений с негосударственным актором — региональным правительством Курдистана

Russia turns to create relation with non-state actor(the Kurdistan Regional Government)

Аннотация: В данной статье эмпирически рассматриваются ключевые цели России и их проецирование на в отношения с негосударственными акторами. Дипломатия анализируется в актуальном ключе, когда негосударственные акторы начинают играть значительную роль на международной арене. В качестве основного исследовательского метода избран кейс-стади. Предметом исследования при этом выбран регион Курдистана. В рамках кейс-стади анализируются факты успешного использования факторов экономики, безопасности и религии с целью установления и позитивного развития отношений Иракского Курдистана с Россией. Автор приходит к выводу, что Россия может извлечь из углубления отношений с Иракским Курдистаном выгоды. При этом динамика столкновения интересов на Ближнем Востоке в конечном итоге приводит к тому, что сверхдержава не может позволить себе не обращать внимание на регион Курдистана.

Ключевые слова: Россия, Иракский Курдистан, негосударственный актор, дипломатия, Советский Союз.

Abstract: This paper empirically examines the key goals of Russia in creating relations with non-state actors. The diplomacy is analysed in its relevant state, when non-state actors begin playing a significant international role. Case study method is chosen as the base of the research, while the KRI represents its object. In this framework the successful usage of the economic, security and religious factors aimed at the KRI-Russia relations establishment and development is analysed. The author concludes that Russia can see more opportunities in relations with Kurdistan. The dynamics power contest in the Middle East lead to the fact that Russia will not be able to take its eyes off the Kurdistan region.

Keywords: Russia, Kurdistan Region of Iraq, Non-State actor, Diplomacy, the Soviet Union.

Introduction

For two decades, Russia did not have a major presence in the Middle East. After the collapse of the USSR in 1990, the new State of Russia had become quite busy with its domestic policy issues. Russia was on the sidelines, where this state, on the other hand at least, appeared to remain in its turn. Following the collapse of the Saddam's regime in 2003, in particular, when Russia decided to send its armed forces to Syria in 2015, Russia has returned as a 'game changer' [5]. Today Russia is a major actor in the Middle East. Its policy is based on the extension of relations, subsequent arms deals, creating investment links and re-establishing good relations with the former USSR's partners. Russia wants to prove itself to be a partner as much reliable as it is possible.

A research prepared by Rand Corporation in 2017 articulated that "Russia promotes its ability to interact with many state and non-state actors in the Middle East; most of [it's] relationships are best characterized as transactional and are bounded by 'insurmountable obstacles'" [6]. In this regard, this article is focused on the Kurdistan region of Iraq (a non-state actor), which positions itself as a golden objective in Russia's foreign policy in the Middle East.

Historically, relations between a sovereign state and a non-state actor were considered peculiar — in particular, when a number of traditional hypotheses, assuming that the diplomatic relations would take place only between sovereign states, was put forward. They regarded foreign political and economic relations, exchange, social, cultural and all other activities being gathered around the authority of the sovereign state only. The case of the Kurdistan Region of Iraq (the KRI) and its relations with states has diluted this assumption. In particular, when Russia has recently been aspiring to reformulate its relations, and formally divulged transnational relations with the KRI on the basis of long-term strategic objectives.

We follow, here, to scrutinize why Russia is turning to the establishment of relations with non-state actors — the ones considered in some political assessments to be 'troublemakers'.

This paper presents firstly a brief introduction about the KRI and its historical relations with Russia. Then it demonstrates the recent key points for Russia to establish relation with the KRI. Finally, it provides some suggestions on key opportunities for both to enhance relations.

The KRI-Russia relations through the history

Some key facts on the KRI:

- Location: North of Iraq;
- Geographical territory: 40643 km², is about 18% of all Iraq;
- Population: 6 million, about 17% of Iraqi population in 2018;
- Oil and Gas reserves: 45 BBL of Oil and 100-200 Tcf of Gas.

There is a great consensus among political analysts on labelling the Russian Federation as one of the world superpowers; [14] here, in this article, we just reiterate the same name. But, as for the KRI, it needs strenuous efforts to find a suitable term. This is due to the fact that Kurds have launched a row of revolutions since 1900, but have not yet reached independence. Officially, the Saddam Regime granted the Iraqi Kurds the autonomy in northern Iraq during 1970s, and since the 1990s the Kurds have been in fact ruling their own land and electing authorities: government, parliament, presidency and legislation. In 2005, the Iraqi constitution recognized the KRI autonomy. On this basis, the Kurdish authorities were able to create a management system (Kurdistan regional government in 1992) and inducted a variety of complex relations with global actors. The KRI complex self-management has led researchers to coming up with different names: 'quasi-state' [10], 'de facto-state' [9], 'separatist', 'contested' [18] and 'unrecognized state' [8].

As for the reasons having prompted Russia to establish relations with non-state actors, the analytical project called *Netgovru project*, carried out by team-researchers from Norway, Russia, Germany, Finland and the UK and 'applying network governance theory as an analytical tool to study federal, regional and local policy-making processes in Russia', concluded that Russia does not act as a 'unitary actor'. Despite having a 'centralized party based on subnational authoritarianism', with the current leaderships co-opted into the dominant party United Russia, Russian local non-state actors (business, social, religious, etc.) have always had their own interests linked with foreign actors. The non-state

actors have been able to find spaces to formulate their wishes within the framework of Russian foreign policy and eventually directed the ‘Russian authorities [to] involve non-state actors in everyday decision-making’ [16].

This has been shaping Russia’s behaviour throughout its history despite the idea that non-state actors are often considered ‘troublemakers’ in the political environment. It even let Russia to jump over from its historical clandestine relations to its current visible relations with foreign non-state actors. This change has been mainly aimed at meeting the needs of internal groups. In this context, the Kurds have always been seen by Russia as a tool to fulfill a bunch of its ambitions.

The relations between Russia and Kurds began not just with the founding of the Kurdistan regional government in 1992. It is believed that the origin of their relations dates from the early 1800s when the Ottoman, Russian and Safavid Empires were colliding there. The Ottoman and Safavid Empires were controlling large territories in the Middle East and in the North of Africa; the Kurds community was also living under the hegemony of these empires.

Each Empire attempted to enlarge its geographical scope, thereby causing dozens of wars. During these periods, Kurds were seen by all sides as a good ‘proxy war’ tool. In particular, the Empire of Russia, from the psychological point of view, stimulated Kurds to mutiny against the Ottoman and Safavid Empires. On this basis, Russian titled Kurds a ‘melancholic nation’ under the Ottoman hegemony. This ultimately helped Russia to expand its political links, gaining allies among the Kurdish tribes.

At present Russia may just be repeating the same historical policy, but under a new mask. Historically, its main goal was to increase power by expanding the borders using various security tools, including Kurds. Now Russia is trying to reach hegemony in the region through economic activities. For instance, Russia signed big energy contracts with the KRI in 2012 and broadened it in 2016, ignoring the concerns of the USA, UK, Turkey, Iran and Iraq. According to analysts, this is a political card that Russia used against competing powers in the region. It further “allowed Russia to counter checkmate Turkey, which saw energy cooperation with the KRG as a mean to break the vice Moscow had on its own Turkish national energy supply” [1].

In 1945, as the USSR did not have good relations with Pahlavi's Iran, it took the initiative to support the movements that opposed Pahlavi's policy. For example, USSR had been supporting the Republic of Mahabad 1946 (the first Kurdish State). Shah Pahlavi succeeded in demolishing the Republic of Mahabad and eventually captured and hanged some of its founders. The rest of Mahabad founders, including Mostafa Barzani and his fellows, fled to the USSR, where they spent 12 years in exile [7]. Barzani was a founder of the Kurdistan Democratic Party, which is currently one of the largest ruling parties in the KRI.

After the WWII, the USSR formulated its relations with all nations on the basis of 'Societies of Friendship and Cultural Relations' program. According to the CIA report of 1957, the purpose of this program was to spread Communist ideology among global nations and bring them closer to the ideology of the USSR. Subsequently, this program had effective impacts and directed Kurds to create some political parties based on Communist ideology (PUK-1975, PKK-1978 and KŞZK-1984).

When the Cold-War competition was at its highest level, the USSR attempted to define, which political interests did it share with Middle Eastern states and succeed to reach out to Iraq and establish good relations with it. Simultaneously, Kurds led revolutions against the Iraqi regime, and USSR did not leave them without attention and continued secret contacts with Kurdish leaders — Barzani and Jalal Talabani. However, it never disclosed its relations with Kurds in order to keep relations with Baghdad safe.

From 1970 to 1990, the relations between the USSR and Iraq had strengthened steadily. During both massacres of Kurds committed by the Saddam regime — Chemical bombardment of Halabja in 1988 and Anfal Campaign (182,000 massacred) in 1984–1988 — USSR decided to remain silent. On the contrary, with millions of Kurds no longer accepting the Saddam authority and began to flee to the borders of Turkey and Iran, the USSR along with other Western States condemned the Saddam regime policy to prevent further crimes against humanity [11].

In the time of birth of the Kurdistan Regional Government in 1992, Russia was in a critical situation. This was due to the disintegration of the USSR, and the new authorities of Russia were remarkably busy with domestic issues. Concurrently, the situation of the KRI was unstable, as regards to, firstly, making only first steps in self-management, secondly,

the UN Security Council sanctions imposed against Iraq, including the KRI; finally, fighting of two main Kurdistan political parties (KDP & PUK) against each other in 1994–1998. Saddam regime's opposition to the Kurdish autonomy and its activity countering the KRI were other significant adverse factors [17].

In spite of internal difficulties, Russia played a major role in the 'Oil-for Food Programme'. In overall, the program was an excellent humanitarian aid that saved millions of Iraqis (including Kurds) from death due to food shortages.

The recent Russian policy towards the KRI: Economic ambition

After the US-led coalition invasion to Iraq in 2003, Russia's role there became even more linked with economic interests. Its oil companies, such as Gazprom, LUKOIL and Rosneft, have secured number of major contracts in various oil fields in Iraq. Russia made a further turn to the Kurds territories when it saw the KRI having a certain strategy (*semi-independent economy*) for dealing with foreigners. Its strategy arose from some facts: first, after 2003, the level of instability, mismanagement and corruption in Iraq reached its peak; second, the KRI discovered oil & gas in its territories. As a part of this strategy, the KRI began establishing diplomatic and economic relations with states. It has pursued independent economic relations and tried to vend its oil without Baghdad's permission — some called it 'easy money for global consumers'. In fact, Russia did not want to stay out from the KRI offer, and its largest companies soon joined this process. The economic interests motivated Russia to continue augmenting relations with the KRI. Directly after Iran, Russia opened its Consulate General in Erbil in 2007.

Relations between the KRI and Russia were gradually boosted, and in 2013 Russia officially invited the former president of the KRI (Masoud Barzani) to meet with Vladimir Putin and foreign minister. Shortly after the meeting, Putin said: "Our relations with Kurdistan and Kurds are historical, long-term and good and [we share] a good trust," [2]. It gave Russian companies additional opportunities to intensify their activities in the KRI. For example, Gazprom Neft owns a stake in two blocks: 40% in Garmian and 80% in Halabja and Shakal [3]. This eventually prompted Russia to provide even a number of military

hardware (five anti-aircraft auto cannons and 20000 shells) to the KRI Peshmerga during the fight against ISIS in 2014 [13].

As a part of his diplomatic visits, Russian foreign Minister visited the KRI in October 2019. Afterwards the Deputy Foreign Minister declared: “Lavrov met with the Kurdish leaders to speak about economic ties, energetic development, trade coordination, military cooperation, and ways to further improve Erbil-Moscow ties” [4].

Religions

Another key factor for Russia is religion. In this regard, Christianity has played a significant role as 71% of Russian are Christian Orthodox. Recently the Russian Orthodox Church has played a leading role and is highly active on a global scale. Although, historically, attempts were made to put the Church out of power, but Russia has relentlessly used religion as a political card for its own purpose in the world.

Theoretically, in the English school, religion is considered to be one of the great basements for the unification of world societies. Iraqi Christians in this regard have become a great inspiration for Russia to draw them serious attention. This was further reinforced, in particular, after Iraqi Christians were targeted by terrorist groups in 2003–2015. As a result, the number of Christians in Iraq plummeted from 1.4 million to 350,000; almost all of them fled to the Western States. The rest have been sheltering in the KRI. To show its support, a representative of the Russian Orthodox Church visited the KRI in 2018 and stated that the Church was aimed at supporting Christians as well as the KRI [15]. Directly after this, an Orthodox church was opened in Erbil.

Another key religion contributing to the strengthening of bilateral ties between the KRI and Russia is Yazidism. It is identified as the Kurdish religion with the central place of worship located in Kurdistan — Lalish, the holiest temple. Currently, for security reasons, a number of Yazidism followers have exiled to Russia. They formed some communities located in the cities such as Moscow, Nizhny Novgorod, Rostov-on-Don, Tambov, Novosibirsk, and Yaroslavl. The genocide against Yazidis in 2014 could be reckoned to be one of the key reasons for stimulating Russia to help the KRI [12].

Conclusion

Russia's ambition for relations with a non-State actor is based on, firstly, security reasons, namely the purpose is to use the Kurds' case as a tool to reach its goals in the region. For Russia, it is historically clear that, when the Kurds gain some power, they can have a direct influence on states in the region. Therefore, the Kurds remain always a potential diplomatic card for Russia's foreign policy. The second category of reasons relates to economy. It became reality when the KRI, in order to enter the global market, devised an independent economic strategy, through which global companies were given a great opportunity to easily start their business in the KRI. Russian oil companies smelled easy money and rushed to make deals with the KRI. The third reason is religion — Orthodox Christians and Yazidis played a great role in stimulating and directing Russian foreign policy towards the Kurdish case. Their role has become apparent over past decades as it encourages Russia to help the KRI.

Here we raise some points that, in our view, could be excellent assistant tools for further improvement of the KRI-Russia relations:

- Expanding the circle of activities of both the KRI representative office in Moscow and the Russian General Consulate in Erbil;
- Further improvement of cultural, educational and religious ties;
- Opening the door to other Russian companies, such as touristic and agricultural ones, in addition to oil companies, to do business in the KRI. In this regard, the climate and land of the KRI are very suitable for the such kind of activities;
- Studying Russian and Kurdish languages in universities. The Kurdish language lessons have already been practiced in Moscow University, but this practice needs to be further improved;
- Regular scientific conferences and seminars to foster deeper and broader understanding between both sides.

References

1. Amy M. Unraveling the Oil Geopolitics Intertwined in the Kurdish Independence Referendum. // Council on Foreign Relations, 2017. URL: <https://www.cfr.org/blog/unraveling-oil-geopolitics-intertwined-kurdish-independence-referendum> — 01.02.20.

2. *Baxtiyar G.* KRG Prime Minister visits Moscow, will meet with Putin Wednesday. Kurdistan 24, 2018. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/news/c767f220-30a2-03.02.20>.
3. Gazprom. Iraq. 2019. URL: <https://www.gazprom.com/about/production/projects/deposits/iraq/> — 04.02.20.
4. *Hiwa S.* Sergey Lavrov to visit Kurdistan Region next month. Kurdistan 24, 2019. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/news/422d3fea-8b9f-422c-9ea9-79a3040e17a9-05.02.20>.
5. *Hugo S & et al.* Russian deployment to Syria: Putin's Middle East Game Changer. ISW, 2015. URL: <http://www.understandingwar.org/backgroundunder/russian-deployment-syria-putin%e2%80%99s-middle-east-game-changer> — 20.01.20.
6. *James S & et al.* Russian Strategy in the Middle East. RAND Corporation, 2017. URL: <https://doi.org/10-20.01.20>.
7. *Jawad M.* Kurdistan and Kurds a divided homeland and Nation without state. Western Kurdistan Association Publication. London, 2005.
8. *Kolstø P.* The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // Journal of Peace Research. Vol. 43. No. 6. 2006. P. 723–740.
9. *Michael M.* Arab–Kurdish Relations and the Future of Iraq // Third World Quarterly. Vol. 32. No. 9. 2011. P. 623–1635.
10. *Natali D.* The Spoils of Peace in Iraqi Kurdistan // Third World Quarterly. Vol. 28. No. 6. 2007. P. 1111–1129.
11. *Nigel D.* Commentary on the protection of the Kurdish safe-haven: operation desert strike. // Journal of Conflict and Security Law. Vol. 1. No. 2. 1996. P. 197–204.
12. Reconsideration Russia. Who Are the Yazidis of the Former Soviet Space? 2014. URL: <https://reconsideringrussia.org/category/yazidis/> — 05.02.20.
13. Rudaw. Russia to support Peshmerga in the battle for Mosul, 2016. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/150720164-03.02.20>.
14. *Russel M. & Sean K.* The Eight Great Powers of 2017. Hudson Institute, 2017. URL: <https://www.hudson.org/research/13270-the-eight-great-powers-of-2017-21.01.20>.
15. Russian orthodox church. Representative of the Russian Orthodox Church visits Iraq, 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/en/db/text/5174427.html-05.02.20>.
16. *Sabine K. & Johannes S.* Governance networks and vertical power in Russia — Assessments and collaboration between state and non-state actors // East European Politics. Vol. 32. No. 2. 2016. P. 170–191.
17. *Sharon O.* IRAQ: U.N. Sanctions. Council on Foreign relations, 2005. URL: <https://www.cfr.org/backgroundunder/iraq-un-sanctions-02.02.20>.
18. *Talhami G.* Diplomacy of the Kurdish territorial nation // International Journal of Contemporary Iraqi Studies. Vol. 7. No. 1. 2013. P. 21–42.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»

Новиков Кирилл Михайлович

Противостояние в Южно-Китайском море и позиция России

The standoff in the South China Sea and Russia's position

Аннотация: В статье анализируется проблема конфликта Южно-Китайского моря. Устанавливая контроль над этим регионом, правительство Китая стремится упрочить свою энергетическую безопасность и укрепить собственный авторитет. С этой целью Китай пытается установить более прочные экономические связи с конкурентами за контроль над акваторией Южно-Китайского моря, чтобы они более не видели выгоды в кардинальных территориальных изменениях в этом регионе. У России нет прямых политических интересов в этом конфликте, но она имеет прочные военные и экономические связи с Китаем и его непосредственными оппонентами (Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней).

Ключевые слова: Китай, Южно-Китайское море, энергетическая безопасность, Малаккский пролив, Россия.

Abstract: The author of the article analyzes the conflict problem of the South China Sea. By establishing control over this region, the Chinese government seeks to strengthen its energy security, as well as strengthen its own authority. China is trying to establish stronger economic ties with competitors for control of the South China Sea so that they no longer see the benefits of dramatic territorial changes in the region. Russia has no direct political interests in this conflict, but it has strong military and economic ties with China and its immediate opponents (Vietnam, Philippines, Malaysia, Brunei).

Keywords: China, South China Sea, energy security, Strait of Malacca, Russia.

Проблема Южно-Китайского моря (ЮКМ) представляет собой тип замороженного конфликта. Его суть заключается в национальных, экономических и стратегических противоречиях нескольких государств Юго-Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней). Он продолжается до сих пор, так как лежащие в его основании противоречия по-прежнему не сняты.

Изначально сторонами этого противостояния являлись только Китай и Вьетнам. Острая фаза конфликта пришлась на начало и середину XX в. Ситуация усугубилась Второй Мировой войной и последовавшим за ней биполярным противостоянием СССР и США.

В начале XX в. острова были захвачены Японией, после ее капитуляции Парасельский архипелаг был занят контролировавшей Индокитай Францией. Часть архипелага в 1947 г. отошла к Китайской республике [8]. В том же году гоминьдановское правительство опубликовало карту, где 90% территории ЮКМ была отмечена в качестве китайских владений. Сегодня, обосновывая притязания на спорные территории акватории ЮКМ, КНР апеллирует в том числе и к этой карте.

Коммунистическое правительство унаследовало территориальные претензии режима Чана Кайши. Чжоу Эньлай в 1951 г. в своем заявлении огласил, что «Архипелаг Сиша и остров Наньвэй, как и весь архипелаг Наньша, архипелаги Чжунша и Дунша всегда являлись территорией Китая» [18].

В 1974 г. Китай установил суверенитет над всем Парасельским архипелагом, захватив островную группу Круассан. В связи с гражданской войной Северный Вьетнам вынужден был это проигнорировать, но впоследствии объявил о своих претензиях, что стало важным аккордом в развитии конфликта.

Ситуация усложнилась после принятия Конвенции ООН по морскому праву, в которой было введено новое понятие — исключительная экономическая зона — «район, находящийся за пределами территориального моря... подпадает под... особый правовой режим, согласно которому права и юрисдикция прибрежного государства и права и свободы других государств регулируются соответствующими положениями настоящей Конвенции» [9].

Существует несколько причин, объясняющих стремление Китая установить контроль над большей частью акватории ЮКМ.

Во-первых, возвращение территорий, которые Китай считает утраченными в результате колонизаторской политики мировых держав, является для КНР делом восстановления международного престижа.

Во-вторых, акватория ЮКМ необходима КНР вследствие резкого экономического скачка. Для решения социальных задач по созданию среднего класса и построению общества средней зажиточности принципиально важно выстроить динамично развивающуюся экономику, что невозможно без доминирования в районе ЮКМ. Важно отметить, что в ЮКМ сосредоточено около трети мировых морских путей, по которым осуществляется перевоз разного рода грузов. ЮКМ представляет интерес для рыбного промысла, являющийся важной отраслью для стран Юго-Восточной Азии. Китай стремится монополизировать за собой право на рыбную ловлю в ЮКМ, стараясь не допускать рыболовецкие суда из других стран.

Кроме того, в настоящее время ЮКМ вызывает большой интерес как источник энергоресурсов. Потенциальные запасы нефти и газа под архипелагом Спратли оценили в 1 триллион долларов [19]. Если ранее в энергетике Китая существенное место занимал уголь, то к 2020 г. его доля должна снизиться до 57%, а запасы нефти в Китае невелики и к 2020 г. добыча нефти внутри КНР сможет достичь своего пика, после чего она неизбежно начнет снижаться [17].

Спрос на энергию в Китае растет в связи с модернизацией всех отраслей экономики. Производство энергоресурсов не сможет поспевать за стремительно растущим спросом, поэтому растет доля импорта. С точки зрения Ся Ишаня, к 2020 г. доля ввоза нефти в КНР достигнет 60%, а к 2035 г. — 79%, доля импортируемого газа будет не меньше 50%. В этой связи запасы ЮКМ могут рассматриваться как один из важнейших способов решения проблемы энергетической безопасности.

Пресс-канцелярия Госсовета в 2012 г. опубликовала документ «Энергетическая безопасность Китая», где обозначены ведущие приоритеты развития энергетической сферы КНР и указываются такие задачи как энергосбережение, опора на собственную ресурсную базу для обеспечения полноценной энергетической безопасности и защита поставок энергоресурсов [20].

Важно учитывать, что основные оппоненты Китая в споре о делимитации ЮКМ тоже являются странами с динамично развивающейся экономикой, поэтому ЮКМ как источник энергоресурсов важно и для них.

Большое значение играет тот факт, что 80% нефти и большая часть сжиженного природного газа доставляется в Китай через Малаккский пролив и ЮКМ [10]. Следовательно, энергетическая безопасность Китая напрямую зависит от положения дел в ЮКМ. Напомним, что первенство в Индийском океане по-прежнему принадлежит ВМС США. Малаккский пролив также находится под контролем американского флота, который осуществляет патрулирование в его водах, а также периодически проводит там военные учения.

В связи с темой конфликта в ЮКМ важно упомянуть проект «Один пояс — Один путь». Оба проекта маршрута «Морского шелкового пути» проходят по ЮКМ, которое играет роль развилки: один путь уходит в Южно-Тихоокеанский регион, другой направлен в сторону Индийского океана и Европы. Вследствие этого ЮКМ является важным пунктом для внешнеэкономических проектов КНР.

Для достижения своих целей в районе ЮКМ Китай использует экономические инструменты давления. Занимая, с одной стороны, предельно непримиримую позицию по вопросу делимитации ЮКМ, КНР стремится опутать своих оппонентов экономическими сделками, которые поставят их в такое положение, при котором им будут невыгодно соперничество с Китаем. Проект Нового шелкового пути может стать одним из инструментов такой политики. Более того, контроль над ЮКМ необходим КНР для стабильного и бесперебойного функционирования проекта «Морской Шелковый путь».

Основная цель проекта заключается в создании собственной экономической повестки для мирового сообщества, свободной от гегемонии США. Следует помнить, что на момент появления инициативы «Один пояс — Один путь» США предпринимали попытки сдерживания Китая, окружая его собственными союзниками.

Стратегию «Морского Шелкового пути» Китай также намерен использовать для смягчения конфликта в ЮКМ, создав экономиче-

скую ситуацию, при которой оппонентам Китая будет невыгодно оспаривать его доминирование в ЮКМ. Для понимания особой значимости ЮКМ в осуществлении этого проекта следует обратить внимание на следующие цифры: 90% внешней торговли КНР приходится на торговлю посредством моря. Кроме того, проект «Морского шелкового пути» важен для развития некоторых китайских провинций. При возникновении проблем с Малаккским проливом проект предусматривает третий маршрут: через Северный Ледовитый океан в страны Европы («Северный Морской путь») [7]. Большая часть этого маршрута контролируется дружественной Китаю Россией, но этот факт имеет и обратную сторону — КНР будет вынуждена платить РФ за проход судов [5].

КНР активно пытается вовлечь страны АСЕАН в проект «Морского шелкового пути» [13]. Кроме того, Китай в 2017 г. предложил странам АСЕАН план «3+X», включающий в себя тесное взаимодействие в сферах политической безопасности и экономики. Тем не менее не все страны АСЕАН оказались готовы включиться в предлагаемые Китаем проекты. Страны, которые оспаривают претензии КНР на доминирование в ЮКМ — Малайзия, Филиппины, Вьетнам — относятся к проектам Китая настороженно и стараются дипломатично уклониться от них.

Следует отметить, что на ужесточение конфликта в ЮКМ влияет рост националистических движений. Последние 20–30 лет китайцы, испытывая неподдельную гордость за успехи своей страны, желают видеть от правительства новых достижений и не понимают, почему их государство действует чрезмерно осмотрительно и мягко на мировой политической арене. «Националистические» настроения молодежи национал-патриотического движения живо откликаются на любое внешнеполитическое происшествие. Наглядно это продемонстрировала ситуация с антияпонскими выступлениями по вопросу о принадлежности острова Дяюйдао. В определенный момент протесты вышли из-под контроля, и китайскому правительству нелегко было вернуть их под собственный контроль. Иными словами, запрос на твердый внешнеполитический курс популярен в китайском народе как никогда.

При таком общественном настроении государство не может себе позволить проявление слабости на международной арене.

Неслучайно в 2014 г., обращаясь к делегатам, представлявшим вооруженные силы Китая (НОАК) во Всекитайском собрании народных представителей (ВСНП), Си Цзиньпин сделал особый акцент на важность модернизации армии, чтобы в любой момент она была готова к защите национальных интересов [4].

Перейдем к анализу позиции России в конфликте ЮКМ. Важно отметить, что РФ не является непосредственным участником борьбы за гегемонию в акватории ЮКМ, ее официальная позиция заключается в принципиальном невмешательстве и сохранении нейтралитета. Так, например, официальный представитель МИД РФ Мария Захарова в 2016 г. сделала следующее заявление во время брифинга: «Россия не является участником территориальных споров в Южно-Китайском море и не будет в них втянута» [14]. Подобная позиция отражается в многовекторности российской политики, которая с начала 00-ых гг. была направлена как на улучшение отношений с Китаем, так и с его прямым конкурентом в ЮКМ — Вьетнамом.

В 90-ые гг. внешняя политика РФ была ориентирована в основном на страны Европы и Северной Америки. Ситуация стала меняться после прихода к власти В. В. Путина: в «Концепции участия РФ в Форуме АТЭС» (2000 г.), азиатско-тихоокеанское направление отмечено как одно из основных для внешней политики РФ [6]. В 2001 г. во время выступления на форуме АТЭС в Шанхае Президент РФ выдвинул несколько предложений по модернизации русского Дальнего Востока. В своей дальневосточной политике Россия стремилась преодолеть издержки одностороннего европоцентристского подхода и активизировать экономическое развитие Дальнего Востока.

Следует отметить, что политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе не сводилась к выстраиванию партнерских отношений только с Китаем. Так, например, в 2001 г. была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ. Впоследствии Вьетнам неоднократно оказывал России поддержку: например, в 2010 г. благодаря СРФ Россия смогла присоединиться к работе Восточноазиатских саммитов [12].

Россия и Вьетнам развивали сотрудничество как в политической, так и в экономической сфере. В апреле 2012 г. Газпром и

Petrovietnam подписали соглашение «по совместному освоению лицензионных блоков 05.2 и 05.3 на шельфе Вьетнама» [3]. Это решение «Газпрома» являлось скорее политическим, поскольку его доля в этой сделке была неконтрольной (49%), а запасы самих блоков достаточно малы. Реализация этого соглашения осложнилась негативным отношением Китая к этой сделке, так как блоки находятся в той части акватории ЮКМ, на которую претендует Китай. Официальный представитель МИД КНР Лю Вэйминь призвал компании государств, не имеющих выхода в ЮКМ, воздержаться от освоения спорных районов его акватории до разрешения конфликта [16].

В то же время китайская нефтяная кампания СНООС объявила тендер на разработку нескольких объектов в ЮКМ, часть из которых по лицензии должны были подлежать освоению со стороны «Газпрома» [1]. Настоящая ситуация является наглядным доказательством того, что конфликтная ситуация в ЮКМ наносит урон интересам РФ.

С точки зрения заведующего центром ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН Д. В. Мосякова, нейтральная позиция России претерпела существенные изменения: из-за резкого ухудшения отношений со странами Запада, она пошла на уступки Китаю в вопросе ЮКМ, дабы заручиться его поддержкой. Так, например, во время саммита G-20 в сентябре 2016 г. в Ханчжоу Президент РФ выказал отрицательное отношение России к решению Гаагского трибунала, который отклонил претензии Китая на большую часть акватории ЮКМ [11].

С 2014 г. Россия в ответ на санкции Запада и постоянные угрозы со стороны стран НАТО стала строить более близкие отношения с Китаем. Заметим, что Китай в 2014 г. в одностороннем порядке ограничил возможность пребывания иностранных рыболовецких судов на той части акватории ЮКМ, которую он считает своей. В этом же году Китай берется за разработку энергетических ресурсов в ЮКМ и принимается за создание искусственных островов в районе архипелага Спратли [15]. Такая смелая политика объясняется тем, что Россия, в силу сложившихся обстоятельств, стала лояльнее относиться к китайской позиции в этом конфликте. После государственного переворота на Украине

2014 г. и резкого ухудшения отношений между Россией и странами Запада первая стала нуждаться в крупном политическом союзнике, который также будет находиться в оппозиции по отношению к порядку, навязываемому странами Запада. Таковым оказался Китай, у которого уже был опыт совместного с Россией противостояния внешнеполитическому курсу стран Запада — общая позиция по сирийскому вопросу. Подтверждением крена внешнеполитического курса России в пользу Китая стали совместные военные учения «Морское взаимодействие-2016», которые проходили в ЮКМ.

Глава МИД РФ С. В. Лавров на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 г. относительно конфликта в ЮКМ заметил, что США пытаются вмешиваться в территориальные споры между КНР и странами Юго-Восточной Азии [2]. С. В. Лавров в открытую не принимает чью-либо сторону, подвергая критике попытку третьих сторон (США) оказать влияние на ход противостояния Китая и его оппонентов. Иными словами, при выработке своей внешнеполитической позиции по отношению к конфликту в ЮКМ важным моментом для России является участие США в этом противостоянии.

Однако, вопреки мнению Д. В. Мосякова, далеко не все действия России во внешнеполитическом пространстве свидетельствуют о том, что она встала на сторону Китая. Здесь можно вспомнить негативную реакцию Китая на разработку скважины Lan Do российской компанией «Роснефть». Китай расценил стремление российской компании принять участие в разработке недр, располагающихся в спорных районах ЮКМ, как недружественный по отношению к нему шаг, несмотря на то что скважина Lan Do располагается в территориальных водах Вьетнама.

Опираясь на проведенное исследование, можно сделать вывод о том, что Россия действительно не заинтересована в поддержке одной из сторон конфликта вокруг ЮКМ. Усиление Китая, укрепление его гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе не выгодно России, ибо она не заинтересована в появлении новой сверхдержавы, с которой она будет иметь границу протяженностью 4209,3 км, на своих дальневосточных рубежах. Несмотря на то, что Китай принято рассматривать в качестве союзника России, нельзя не обращать внимания на тот факт, что в некоторых ре-

гионах (например, в Средней Азии) они являются прямыми конкурентами. Но в то же время Россия не может встать на сторону оппонентов Китая ввиду того, что таким образом она поддержит своего прямого политического конкурента — США. Более того, она рискует оказаться вовлеченной в конфликт, который никак не связан с ее внешнеполитическими интересами.

Для России принципиально важно развитие отношений как с Китаем, который может рассматриваться в качестве политического союзника при противостоянии со странами Запада и выгодного экономического партнера, так и с другими странами АСЕАН, которые выступают его оппонентами в конфликте вокруг ЮКМ, в первую очередь с Вьетнамом, с которым у России достаточно давно выстроены положительные отношения. Конфликт в ЮКМ негативно сказывается на деятельности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что было продемонстрировано на примере скандалов с компаниями «Газпром» и «Роснефть», стабильной работе которых как раз мешали споры относительно принадлежности шельфов ЮКМ.

Исходя из этого, есть повод рассмотреть Россию в качестве государства, способного стать примиряющей стороной в этом конфликте. Как было неоднократно отмечено выше, у нее нет политических интересов в районе акватории ЮКМ. Этот регион России интересен с экономической точки зрения — освоение энергетических ресурсов, в первую очередь, нефти и газа, следовательно, она заинтересована в существовании стабильного политического порядка в районе акватории ЮКМ. В отличие от США, у России нет серьезных противоречий ни в отношениях с Китаем, ни в отношениях с его оппонентами. Исходя из приведенных выше аргументов, можно утверждать, что Россия способна взять на себя роль нейтральной третьей стороны, способной уравновесить противоборствующие силы.

Список литературы:

1. *Беликов Д., Мордюшенко О.* «Газпром» оказался на спорном шельфе // Газета «Коммерсант» № 117 от 29.06.2012: 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1969303> — 21.06.2020.

2. Выступление и ответы на вопросы СМИ С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году, Москва, 16.01.19. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3476729 — 23.06.2020
3. «Газпром» вошел в проект освоения лицензионных блоков на шельфе Вьетнама. Релиз. 5.04.12. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2012/april/article132716> — 21.06.2020.
4. Губин А. В. Станет ли Южно-Китайское море Китайским mare nostrum? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Том 10. № 5. С. 116–134. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134> — 30.06.2020.
5. Евтюшин К. А. Стратегический план Си Цзиньпина «Один пояс, один путь»: некоторые новации внешнеполитической стратегии КНР // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. №1. С. 65–69.
6. Иванов И. Д. Концепция участия РФ в Форуме АТЭС // Экономическая дипломатия. М.: РОССПЭН. 2001. С. 243.
7. Игнатьев С. В. Юго-Восточная Азия в проекте КНР «Морской Шелковый путь XXI века»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2018. Том 39. №2. С. 40–49.
8. Канаев Е. А. Вооруженный конфликт из-за Парасельских островов // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2005. №7. С. 90.
9. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // Собрание законодательства РФ. 1997. №48. С. 5493.
10. Ли Гуаньцзюнь. Стратегия «нити жемчуга» в контексте морской политики КНР // Вестник Московского Университета, серия 25: международные отношения и мировая политика. 2011. №4. С. 162–174.
11. МИД Китая высоко оценил заявление Путина по Южно-Китайскому морю. РИА Новости. 08.09.16. URL: <https://ria.ru/20160908/1476379782.html> — 23.06.2020
12. Мосяков Д. В. Политика России в отношении конфликта в Южно-Китайском море // Юго-восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Том 1. №38. С. 24–34.
13. Мосяков Д. В., Шпаковская М. А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Том 3. №40. С. 5–11.

14. Россия не будет втягиваться в территориальные споры в Южно-Китайском море. РИА Новости 10.06.2016. URL: <https://ria.ru/20160610/1445587058.html> — 30.06.2020.
15. *Скирута П. А., Золотухин И. Н.* Территориальный спор в Южно-Китайском море в энергетическом измерении: позиции Китая, Вьетнама и России // Известия Восточного института. 2020 Том 1. №45. С. 64–72. URL: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-1/64-72](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-1/64-72) — 20.07.20.
16. *Строкань С.* Россия ищет свой курс в Южно-Китайском море // Газета «Коммерсант» № 68 от 17.04.12: 8. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1917327> — 21.06.2020
17. *Ся Ишань.* Энергетическая стратегия Китая в новой ситуации и энергетическое сотрудничество Китая и России // Энергетическая политика. 2010. №4–5. С. 46–53.
18. *Фу Ин, У Шицунь.* Обстановка в Южно-Китайском море и спор вокруг архипелага Наньша: историческая ретроспектива и актуальные соображения // Проблема Дальнего Востока. 2016. №6. С. 36–54.
19. *Чан Чыонг Тхюи.* Территориальные проблемы в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2004. №1. С. 186–208.
20. *Щенкова Т. А.* Энергетическая безопасность в Северо-Восточной Азии // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. Доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Совет молодых ученых ИДВ РАН. 2017. С. 237–241.

Пронина Валерия Александровна

Китай в освоении нефтегазовых ресурсов российского Заполярья: оптимальный сценарий сотрудничества

China in the exploration and exploitation of Russian Arctic oil
and gas resources: the optimal scenario for cooperation

Аннотация: Статья посвящена участию Китая в энергетических и инфраструктурных проектах в российской арктической зоне. Цель работы — вывести оптимальный сценарий сотрудничества Москвы и Пекина, выгодный в равной степени для обеих сторон. Для достижения поставленной цели автор анализирует преимущества и слабые стороны партнёров. Основной акцент делается на взаимные уступки, которые должны стать залогом равноправного сотрудничества.

Ключевые слова: Арктика; нефтегазовые проекты; инфраструктура; Экономический пояс Шелкового пути; Северный морской путь.

Abstract: The article is devoted to China's participation in energy and infrastructure projects in the Russian Arctic. The goal of this work is to find the optimal scenario for cooperation between Moscow and Beijing, which will be equally beneficial for both sides. To achieve this goal, the author analyzes the advantages and weaknesses of both partners. The main emphasis is on mutual concessions, which should guarantee equal cooperation.

Keywords: Arctic zone; oil and gas projects; infrastructure; One Belt One Road Initiative; Northern Sea Route.

В последние два десятилетия тема освоения Арктики все чаще фигурирует в международной повестке. Чем обусловлен такой повышенный интерес? По подсчетам независимого агентства Energy Information Administration, в арктическом регионе расположено около 13% мировых неразведанных запасов нефти (90 млрд. баррелей) и около 30% — природного газа (1,669 трлн. м³) [15]. Если раньше освоение северных богатств было значительно

затруднено в силу суровых климатических условий, то в настоящее время наблюдается стремительное сокращение площади ледяного покрова: по данным National Snow and Ice Data Center, с 1978 года каждое десятилетие количество ледников сокращается на 3,6% [13]. Таяние льдов открывает доступ к северным месторождениям и существенно облегчает транзит ресурсов по Северному Ледовитому Океану.

В этих условиях в начале «нулевых» Российская Федерация впервые с 1991 года возобновила геологоразведочные работы на арктическом шельфе. В 2003 году на Юрхаровском месторождении Тазовской губы (Карское море) началась товарная добыча газа и газового конденсата. Российские компании ПАО «Газпром», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Новатэк» и НК «Роснефть» осуществляли разведку вместе с корпорациями других стран-членов Арктического совета (с американской «ExxonMobil», норвежскими Statoil (ныне Equinor) и «North Atlantic Drilling Limited»). Однако с введением секторальных санкций в 2014 иностранные партнеры были вынуждены прекратить сотрудничество. Так, с введением запрета на поставку в Россию технологий и промышленного оборудования для арктических, сланцевых и глубоководных работ осенью 2014 и наложения штрафа за сотрудничество с «Роснефтью» Минфином США в 2017, «Exxonmobil» была вынуждена отказаться от совместных работ в Чукотском, Карском морях и в Море Лаптевых.

Поведение западных партнеров обусловило поворот России в сторону нерегиональных игроков, прежде всего, Китая. Задача данной работы — рассмотреть ожидаемые сторонами выгоды и вывести наиболее рациональную схему сотрудничества в Арктике.

В 2018 году Китай опубликовал Белую Книгу Арктической Стратегии, где обозначил себя «околоарктическим» государством («Near-arctic state»), т.е. одним из наиболее близких к Северному полярному кругу [14]. Помимо прочих, КНР преследует в Арктике две основные цели.

Во-первых, расширение участия в разработке месторождений российского Севера. Реализация данной цели отвечает положениям Стратегии Энергетической Безопасности КНР. Согласно документу, основной задачей энергетической политики Пекина

должно стать налаживанием сети поставок энергоносителей из-за границы с диверсификацией транспортных потоков [11]. Правительство КНР осознает высокие риски поставок нефти и газа с Ближнего Востока по южным морским путям. Значимой проблемой Аденского залива и Малаккского пролива является пиратство. Кроме того, региональные (Индия) и глобальные (США) соперники Китая воспринимают Малаккский пролив как один из основных рычагов сдерживания КНР и в случае необходимости не преминут воспользоваться этим рычагом. При этом 80% всей импортируемой КНР нефти проходит именно через Малаккский пролив [2]. Транзит ресурсов из Арктики сможет компенсировать риски перебоя поставок с юга. В этой стези китайские национальные корпорации инвестируют в российские проекты. Так, CNPC и Фонд Шелкового пути обладают 20% и 9,9% акций проекта «Ямал — СПГ» на Обской губе соответственно. Летом 2019 года CNOOC и CNOOC приобрели по 10% акций в проекте «Арктик СПГ-2» на полуострове Гыдан. Первые поставки СПГ с российского Севера в Китай начались в 2017 году.

Во-вторых, Пекин рассчитывает использовать северные транспортно-логистические коридоры для поставок своих товаров в Европу. Путь из Шанхая до Роттердама по Северному морскому пути на 35% короче в сравнении с южными сухопутными и морскими маршрутами, и относительно безопаснее. Значимый акцент в Арктической Стратегии КНР делается на сопряжение СМП и ЭПШП [2].

Китай намерен вложить средства в проект строительства глубоководного порта в Архангельске и в строительство железной дороги «Белкомур», которая будет связывать Архангельск, Республику Коми, Урал и Сибирь.

В совместном заявлении от июля 2019 года лидеры обеих стран подтвердили намерение сотрудничать по вопросам развития СМП, освоения и разведки энергетических ресурсов [4].

На каких условиях должно строиться это сотрудничество? Для ответа на вопрос рассмотрим интересы России.

В августе 2017 года были внесены изменения в постановление Правительства об утверждении государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны

Российской Федерации». Среди основных задач была указана необходимость создания оборудования и технологий нефтегазового и промышленного машиностроения для освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктики [7].

О каких конкретно технологиях идет речь? На данный момент в России отсутствуют технологии глубоководного бурения, хотя 85% нефтяных и газовых запасов российской Арктики располагаются в акваториях Северного Ледовитого океана. На конференции «Морская робототехника — 2017» представители «Газпрома» заявили о необходимости разработки и производства автономных морских роботов, которые могли бы управляться с берега. Речь идет о массовом производстве необитаемых подводных аппаратов (НПА) второго поколения — автономных (АНПА), — и разработке НПА третьего поколения — гибридных (ГНПА). Необитаемые подводные аппараты являются обязательной частью любого подводного добычного комплекса [10]. При этом докладчик отметил: в настоящий момент из-за дефицита денежных средств компания не может провести конкурс на разработку АНПА и ГНПА среди специалистов по морской робототехнике [1].

Каким образом решить проблему недостатка средств и отсутствия технологий нужного уровня? Российское Правительство предприняло попытку привлечь к освоению шельфа отечественный бизнес. Минвостокразвития внес законопроект о создании ГК «Росшельф», при покупке акций которой частные отечественные инвесторы смогут заниматься освоением ресурсов северных морей [6]. Учитывая специфические юридические условия самого проекта, суровые погодные условия, конкуренцию со стороны государственных монополистов («Роснефти» и «Газпрома»), отсутствие облегченного налогового режима, логично возникает вопрос — захочет ли отечественный бизнес инвестировать в такой проект.

Еще одним недостатком российской арктической нефтегазовой промышленности является отсутствие нефтегазохимического производства в промышленных масштабах. Из этого вытекают две проблемы. Во-первых, низкая добавочная стоимость экспортируемых товаров ставит национальную экономику в зави-

симось от цен на мировых рынках. Эта проблема не нова и относится не только к северным районам. Во-вторых, из-за отсутствия необходимых мощностей переработки, огромное количество добываемых жирных газов (этана, пропана, бутана) просто сжигаются. Это наносит урон экологии, не говоря уже о потерянных денежных средствах. Для решения проблемы России необходимо наладить промышленное производство синтетических жидких углеводородов. Пока, такой синтетический цикл (GTL производство) реализован лишь в качестве единичных лабораторных установок [5].

Недостающие России технологии давно и довольно успешно используются китайскими партнерами. Подводная буровая платформа CNOOC с 2014 года работает на дне Южно-Китайского моря (средняя глубина 1500 м), добывая до 10 тыс. баррелей нефти в день. А производимые в КНР глубоководные роботы (ROV) могут вести работы на глубине до 6 тыс. метров. Кроме того, в настоящий момент китайские компании применяют технологии GTL для производства жидких углеводородов в промышленных масштабах [9].

Таким образом, в благоприятный для России сценарий сотрудничества с Китаем должен быть включен импорт китайских технологий нефтегазохимической переработки и глубоководного бурения.

Теперь разберемся: какие экономические выгоды получит Россия от интеграции инициатив Северного Морского и Полярного Шелкового пути? Скорее всего, никаких особых доходов российской экономике это не принесет. Обогатиться, подобно странам, имеющим порты на пути через Суэцкий морской канал, не удастся. Плюс южного морского пути заключается в наличии многочисленных портов — хабов, в которых суда осуществляют частичную отгрузку и дозагрузку. Таким образом, все прибрежные страны включаются в торговую цепь. В случае с СМП такая схема невозможна, ввиду того что большую часть года российские порты покрыты льдом. Если Москва даст согласие Китаю на постоянный проход через свою исключительную экономическую зону, направляющиеся в Европу китайские суда, не будут останавливаться в российских портах, потому Россия сможет получить доход лишь за услуги ледокольного сопровождения и лоцманский

сбор. Эти деньги смогут только покрыть затраты на реализацию обязанностей прибрежного государства: обеспечение безопасного прохода на протяжении всего маршрута и ликвидация последствий возможных чрезвычайных ситуаций [3].

Главное преимущество ЭПШП — улучшение состояния инфраструктуры. В случае с морской логистикой, для России это большой проблемой не является. В конце 2018 года ГК «Росатом» взял на себя обязанность обеспечить круглогодичный проход через СМП, при этом большую часть расходов госкорпорация берет на себя [8]. Кроме того, ледокольный флот России качественно и количественно превосходит китайский. Таким образом, можно говорить о возможности китайских инвестиций лишь в сухопутную инфраструктуру.

Сомнительные возможности получения экономических выгод от интеграции СМП и ЭПШП уравнивает преимущества Москвы и Пекина в переговорах.

При такой расстановке сил Россия имеет все шансы отстоять выгодные ей условия сотрудничества. А именно, договориться об установлении лояльных условий инвестиций в сухопутную инфраструктуру Севера. Предлагая средства, китайские партнеры, как правило, выдвигают условием передачу большей части проекта в их собственность. Учитывая огромное количество стратегических объектов, расположенных на северном побережье, для России такой сценарий неприемлем.

На основании приведенных рассуждений можно сделать вывод о том, что при оптимальном сценарии сотрудничества Москвы и Пекина в нефтегазовом секторе российского Севера обе стороны будут вынуждены пойти на уступки. Со стороны России уступка заключается в интеграции СМП и ЭПШП и, как следствие, разрешении постоянного китайского транзита через российскую исключительную экономическую зону. Со стороны Китая — лояльные условия инвестиционных проектов. Пункт об экспорте технологий глубоководного бурения и производства продуктов нефтегазохимии — выгоден обеим сторонам: ведь поставки будут осуществляться не на безвозмездной основе. Такой сценарий не ущемит интересы партнеров и будет приемлем для обеих сторон.

Список литературы:

1. «Газпром» испытывает дефицит морских роботов для работы на шельфе Арктики. URL: <https://offshore-mag.ru/novosti/gazprom-isputivaet-defitsit-morskih-robotov-dlya-raboti-na-shelyfe-arktiki/> — 19.01.20.
2. Зеленева И. В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии // *Азия и Африка сегодня*. — 2017. — 1. — С. 16–20
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: file:///C:/Users/HP/Desktop/Energy%20Cooperation/unclos_r.pdf — 19.01.2020.
4. Лексютина Я. В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. — 2019.- № 4 (51). — С. 40–48.
5. Мещерин И. В. Нефтегазохимия — ключ к освоению Арктики // Мещерин И. В., Жагфаров Ф. Г., Липидус А. Л., Карпов А. Б., Василенко В. Ю. — *Нефтегазохимия*. — 2015. — №2. — С. 16–20.
6. О Государственной корпорации по освоению континентального шельфа Российской Федерации в районах Арктики и Дальнего Востока «Росшельф». О Государственной корпорации по освоению континентального шельфа Российской Федерации в районах Арктики и Дальнего Востока «Росшельф». Правительство РФ. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=98535> — 19.01.20.
7. О новой редакции государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». Правительство РФ. URL: <http://government.ru/docs/> — 19.01.20.
8. Официальный интернет-портал правовой информации. Федеральный Закон О внесении изменений в статью 49 ФК «Об использовании атомной энергии» от 18 декабря 2018 года. URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812280007?index=1&rangeSize=1> — 19.01.2020.
9. Охатрина В. С. Международный опыт производства синтетических жидких топлив по технологии GTL и перспективы его развития // *Проблемы современной экономики*. — 2012. — №1 (41). — С. 114–116.
10. Подводный добычной комплекс. Газпром. URL: <https://sahalin-shelf-dobycha.gazprom.ru/about/technologies/pdk/> — 19.01.20.
11. Ся И. Энергетическая стратегия Китая в новой ситуации и энергетическое сотрудничество Китая и России. URL: <https://docplayer.ru/35508507-Energeticheskaya-strategiya-kitaya-v-novoy-situacii-i-energeticheskoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-rossii.html> — 19.01.20).

12. China's Energy Revolution Strategy into 2030. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921344917303130?via%3Dihub> — 19.01.2020).
13. National Snow & Ice Data Center. Arctic Sea Ice News& Analysis. URL:<http://nsidc.org/arcticseaicenews/> — 19.01.2020.
14. The State Council the People`s Republic of China. China`s Arctic Policy. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm — 19.01.2020.
15. US Energy Information Administration. Arctic Oil and Natural Gas Resources. URL:<https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=4650> — 19.01.20.

Фокин Ярослав Павлович

Торгово-экономические отношения России и Японии: причины проблем и пути их решения

Trade and economic relations between Russia and Japan: causes of problems and proposed solutions

Аннотация: Целью статьи является выявление основных причин невысокого уровня развития торгово-экономических отношений РФ и Японии и оценка возможности их интенсификации. Рассматривается влияние территориального спора и других политических, социальных и экономических факторов. Автор приходит к выводу о том, что основными причинами неразвитости отношений является не только такие политические проблемы, как территориальный конфликт и ухудшение отношений России и Запада, но и ряд социально-экономических факторов, снижающих потенциал выгоды от сотрудничества. Возможным способом интенсификации связей может стать повышение выгоды от сотрудничества (улучшение инвестиционного климата, сокращение административных издержек, улучшение понимания иностранцами законодательной базы, содействие сотрудничеству между бизнесменами), а также обеспечение комфортной международной среды. Однако при этом ряд труднопреодолимых факторов все равно будет препятствовать расширению торгово-экономических отношений.

Ключевые слова: Россия, Япония, торгово-экономические отношения, потенциал сотрудничества.

Abstract: The purpose of the article is to identify the main reasons for the low level of development of Russian-Japanese trade and economic relations and assess the possibility of their intensification. The article considers the influence of the territorial dispute and other political, social and economic factors. The author comes to the conclusion that the most important reasons for the underdevelopment of relations are not only political problems such as the territorial conflict and the deterioration of relations between Russia and the West, but also a number of socio-economic factors that reduce the potential benefits of cooperation. A possible way to intensify relations could be to increase the benefits of cooperation (improving the investment climate, reducing administrative costs, improving

the understanding of foreigners of the legislative framework, promoting cooperation between entrepreneurs), as well as ensuring a comfortable international environment. At the same time, a number of formidable factors will still hinder the expansion of trade and economic relations.

Keywords: Russia, Japan, trade and economic relations, the potential for cooperation.

На первый взгляд, существует ряд факторов, который позволяет говорить о значительном потенциале развития торгово-экономических отношений между Россией и Японией. Во-первых, структурно японская и российская экономики в определенной мере дополняют друг друга. Ориентация Японии на производство промышленной продукции и недостаток запасов энергоресурсов порождает острую необходимость импорта последних. В свою очередь, в структуре экономики РФ значимое место занимает именно экспорт энергоресурсов: более 50% экспорта приходится на нефтегазовую отрасль [8]. Во-вторых, важным фактором видится географическая близость. Крупнейшими рынками энергоресурсов для Японии являются страны Персидского залива, Австралия и Малайзия. Россия, в свою очередь, представляет собой более близкий рынок, использование которого сократило бы транспортные издержки. В-третьих, рынки энергетических ресурсов Японии слабо диверсифицированы: на страны Ближнего Востока приходится 85% импорта нефти (40% — на Саудовскую Аравию). Расширение импорта из РФ могло бы повысить энергетическую безопасность Японии. В-четвертых, Россия обладает значительным количеством населения (146,7 млн. человек), являясь девятой страной мира по данному параметру. При этом, уровень доходов российских граждан квалифицируют как «выше среднего», что делает рынок РФ привлекательным для производителей [2].

Тем не менее, согласно статистическим данным, торгово-экономические отношения между странами не развиты. Основными торговыми партнерами России являются Китай, ФРГ, Нидерланды, Беларусь, Италия, Турция. Япония, доля торгового оборота с которой в 2019 г. составила всего 3,1%, заняла только 10 место в спи-

ске торговых партнеров [3]. Основными экономическими партнерами Японии можно назвать США, Китай, Республику Корею, Гонконг, Таиланд, Австралию и Саудовскую Аравию. Российское же участие во внешнем товарообороте Японии минимально: на долю России в структуре экспорта Японии приходится всего 1,02%, а в структуре импорта — 2% [9]. Инвестиционное сотрудничество также развито слабо. Согласно данным за 2018 г. объем прямых иностранных инвестиций из Японии в Россию составил 1,53 млрд. долларов или 0,09% от инвестиций Японии во все страны мира. Объем же российских инвестиций в Японию за аналогичный период составил лишь 2 млн долларов [7].

В политическом дискурсе распространено мнение, что главной причиной низкого уровня экономического взаимодействия является территориальный спор вокруг четырех Курильских островов — Итурупа, Кунашира, Шикотана и Хабомаи (которые в Японии именуются Северными территориями), а также связанное с ним отсутствие после Второй Мировой войны мирного договора между Россией и Японией. Данная позиция во многом продвигается японскими политиками, которые преподносят договор как ключ к японским инвестициям в Россию, чтобы решить спор в свою пользу и подтолкнуть Россию к территориальным уступкам. По мнению руководителя Центра японских исследований ИДВ РАН В. Кистанова, Токио преподносит договор как «панацею, после появления которой на Россию польется дождь японских инвестиций и многократно возрастут объемы взаимной торговли» [1]. Так, на протяжении многих десятилетий японское правительство, надеясь использовать экономику как политический рычаг в торге об островах, намеренно сдерживало развитие экономических связей с РФ. При этом российская сторона традиционно приветствовала развитие экономических отношений. Японская тактика претерпела изменения только при правительстве С. Абэ: в 2016 г. премьер-министр объявил о «новом подходе» к российско-японским отношениям. Сохранив общую стратегию на связку экономических отношений и разрешения территориального спора, Абэ попытался подтолкнуть Москву к уступкам через демонстрацию выгоды от сотрудничества и анонсировал курс на интенсификацию отношений. На протяжении несколь-

ких лет правительство Абэ активно призывало японский бизнес расширять взаимодействие с российскими компаниями, а в правительстве Японии было создано специальное подразделение — министерство экономического сотрудничества с Россией. Тем не менее, данные акции не привели к значительным результатам во многом вследствие ухудшения отношений между Москвой и западными странами и введения антироссийских санкций. Таким образом, многолетние попытки давления на Россию для решения территориального спора через сдерживание экономического взаимодействия действительно служит одной из причин неразвитости отношений.

Также значимым политическим препятствием для развития торгово-экономических отношений двух стран являются упомянутое ухудшение отношений между Россией и западными странами и введенные в связи с украинским кризисом антироссийские экономические санкции со стороны последних, к которым вынуждена была присоединиться и Япония. Санкции оказывают значительное негативное влияние на мотивацию японских предпринимателей вести бизнес в России. Это связано в том числе с огромным значением, которое представляют западные страны для японского бизнеса. Достаточно сказать, что более 34% всего японского товарооборота приходится на страны НАФТА, ЕС и Австралию. Значительны также финансовые связи. Вследствие этого большая часть предпринимателей не готова идти на риск и активно сотрудничать с российскими партнерами, опасаясь возможных негативных последствий. Так, согласно данным опросов, более 55% японских предпринимателей, ведущих бизнес в России, ощущают влияние антироссийских экономических санкций [4]. Помимо прочего санкции наносят ощутимый удар по одной из наиболее перспективных отраслей торгово-экономического сотрудничества Японии и РФ — энергетической сфере. Это обусловлено тесными связями руководства РФ с российскими энергетическими компаниями, что ставит последние под прямой удар санкций, а также подвергает риску их зарубежных партнеров. Показателен в данном контексте один из удачных примеров российско-японского сотрудничества в сфере энергетики — совместное строительство проекта «Арктик СПГ-2». По мнению

некоторых экспертов, из-за опасений сокращения прибыли в том числе вследствие санкционного давления от участия в данном проекте отказалась имеющая значительный опыт работы в сфере российской энергетики японская компания Mitsubishi Corp. [6]. Исследователи также видят в антироссийских санкциях причину низкой эффективности политики «нового подхода» С. Абэ к российско-японским отношениям. Несмотря на активные призывы японского правительства к бизнесу расширять связи с РФ, объем прямых иностранных инвестиций из Японии в Россию с 2016 по 2018 гг. вырос с 1,5 млн долларов лишь до 1,53 млн. При этом пик японских инвестиций с 1996 г. пришелся на 2013 г. (2,7 млн), то есть за три года до «нового подхода» Абэ [7]. Также незначительным выглядят прогресс в торговле: с 2016 по 2019 гг. совокупный торговый оборот вырос с 16,41 млрд долларов до 21,48 млрд [7].

Помимо политических факторов, сдерживающих японо-российское взаимодействие, необходимо также акцентировать внимание на не менее значимых факторах социально-экономической природы. Во-первых, это комплекс проблем, связанных с недостаточно благоприятным инвестиционным климатом в России. В первую очередь, необходимо отметить различные административные и правовые препятствия. По данным опроса, проведенного в 2014 г. Японской экономической федерацией (Кэйданрэн), среди основных проблем, с которыми сталкиваются японские компании в России, чаще всего называют «запутанную систему получения разрешений» и «большой срок их ожидания», «различные ответы на обращение в зависимости от органа», а также «коррупцию и взятки, связанные с открытием торговых точек или участием в тендерах». Претензии возникают также к таможенным органам из-за «непрозрачных процедур таможенной очистки» и их длительности. Другая проблема — это правовые препятствия: бизнесмены жалуются на «противоречия между Гражданским и Налоговым кодексами», а также на отсутствие официального перевода законодательной базы на английский язык [5]. Похожие результаты демонстрируют ежегодные опросы японских бизнесменов, ведущих деятельность в России, проводимые Японская организация по развитию внешней торговли (JETRO). Согласно результатам опросов 2019 г., среди основных препятствий дея-

тельности бизнеса более 57% респондентов отметили «обременительные административные процедуры (получение разрешений)». Предприниматели отмечали сложности взаимодействия с местными партнерами, переговоров с администрациями и получения лицензий. При этом 31% предпринимателей отмечали также «непрозрачное законоприменение региональными властями». Кроме того, 40% опрошенных отмечали такую сложность как «неразвитая законодательная база и отсутствие прозрачности ее применения». Значительное количество респондентов также акцентировали внимание на обременительности таможенных процедур (40%), недостаточной осведомленности о таможенном регулировании (33%) [4].

Другими проблемами являются финансовые риски, налоговое бремя и сомнения в социально-политической стабильности. Так, согласно опросам JETRO 2019 г., около 60% респондентов среди рисков отмечали «высокую социально-политическую нестабильность», а также «высокую нестабильность валютных курсов». Предприниматели также отмечали слабое развитие инфраструктуры, в первую очередь транспортной. По данным приведенного выше опроса 2014 г., респонденты акцентировали внимание на «высокой стоимости грузоперевозок», «негибкой системе транспортных тарифов», а также «пробках и плохом состоянии дорожной сети» [5]. Согласно опросам JETRO 2019 г., часть респондентов также отмечала трудности, связанные со слаборазвитой логистической инфраструктурой.

Таким образом, основными проблемами, связанными с неблагоприятным инвестиционным климатом, являются административные и правовые препятствия, сомнения в социально-политической стабильности, нестабильность валютных курсов и проблемы, относящиеся к недостаткам логистической инфраструктуры.

Во-вторых, не менее важна также высокая конкуренция за инвестиции и торговые потоки из Японии с другими странами. Россия, несмотря на значительное количество населения и уровень доходов граждан, квалифицируемый как «выше среднего» [2], не является приоритетным рынком сбыта японской продукции по ряду причин. По уровню доходов и количеству населения

Россия, объединенная Таможенным союзом ЕАЭС с Беларусью, Казахстаном, Арменией и Киргизией, проигрывает рынкам ЕС и Северной Америки. При этом, находясь на примерно одном уровне средних доходов граждан, РФ сильно проигрывает КНР по количеству населения. Кроме того, Россия не является приоритетным направлением вложения инвестиций. Крупнейшими получателями японских инвестиций по данным за 2018 г. являются США, Великобритания, Нидерланды, КНР, Сингапур, Таиланд, Австралия [7]. С одной стороны, японские инвесторы вкладывают средства в экономики развитых стран и некоторые страны с переходной экономикой, так как те представляют собой значительные рынки сбыта продукции с высокой покупательной способностью населения. Отдельно можно выделить интерес японских инвесторов к сотрудничеству в сферах совершенствования технологий и развития возобновляемых источников энергии. С другой стороны, интерес для японских инвесторов представляют страны с низкой стоимостью рабочей силы для переноса в них предприятий. В таких условиях в странах значимая часть продукции либо производится на основе давальческого сырья, либо собирается из готовых компонентов. Это способствует притоку инвестиций в такие страны как Таиланд, Индонезия, Вьетнам и КНР и росту их товарооборота с Японией. Важным фактором при этом является ориентация политики развивающихся стран на всемерное привлечение иностранных инвестиций для ускорения экономического роста.

Таким образом, Россия проигрывает конкурентную борьбу за японские инвестиции и потоки товаров развитым странам из-за сравнительно низкой покупательной способности населения, сравнительно низкого уровня технологического развития и ряду других стран из-за сравнительно высокой стоимости рабочей силы и меньшей готовности (в сравнении с развивающимися странами) правительства всемерно привлекать иностранные инвестиции.

В-третьих, низкая интенсивность японо-российских торговых отношений объясняется проигрышем японских товаров в конкурентной борьбе на российском рынке аналогичным товарам европейского производства. Речь в первую очередь идет о машин-

ном оборудовании, основной статье японского экспорта, который встречает на российском рынке жесткую конкуренцию со стороны производителей из ФРГ. Недостаточная конкурентоспособность товаров из Японии во многом связана с необходимостью дополнительных затрат их производителей на транспортировку товаров в европейскую часть РФ. Европейская часть, площадь которой составляет 20% от всей территории РФ и где проживает более 70% граждан, представляет собой емкий и выгодный рынок сбыта, к которому страны ЕС имеют непосредственный доступ. При этом рынок соседствующего с Японией региона Дальнего Востока России является намного менее выгодным: на его территории (40% площади РФ), проживает только 6% населения. Таким образом, важным фактором можно считать низкую конкурентоспособность многих японских товаров на наиболее развитом рынке европейской части РФ.

Подводя итоги анализа проблем торгово-экономических отношений между Россией и Японией, можно сказать, что основной причиной их неразвитости является сложный комплекс факторов. Среди них можно выделить не только ряд таких политических причин, как наличие территориального спора, отсутствие мирного договора между государствами и неблагоприятная международно-политическая обстановка и антироссийские санкции со стороны важных для Японии стран, но и ряд социально-экономических факторов, снижающих потенциал выгод от такого сотрудничества: высокая конкурентная борьба за японские инвестиции; недостаточная конкурентоспособность японских товаров на значительной части российского рынка; недостаточно благоприятный инвестиционный климат в России из-за непрозрачности и продолжительности различных административных процедур, запутанной правовой базы, колебаний курсов валют и недостатков логистической инфраструктуры.

Учитывая указанные выше проблемы, можно выделить несколько возможных путей для интенсификации торгово-экономических отношений. Во-первых, необходимо улучшить инвестиционный климат в России. Так, важно упрощать и оптимизировать систему получения различных разрешений, а также повышать ее прозрачность, прозрачность механизма участия в тендерах.

Также нужно повышать прозрачность различных таможенных процедур и увеличивать скорость их прохождения. Важно также всемерно обеспечивать понимание иностранными бизнесменами законодательной базы РФ, в первую очередь, обеспечить перевод законов на английский язык. Важную роль будет играть содействие страхованию компаний от финансовых рисков, в том числе от колебания валют. Во-вторых, необходимо содействовать (возможно, через создание специальных механизмов и площадок) кооперации между иностранными и отечественными предпринимателями. В-третьих, важно также стараться обеспечить комфортные для предпринимательского взаимодействия между странами международную среду и политические отношения. Тем не менее, даже при условии решения перечисленных выше проблем в российско-японских торгово-экономических отношениях будет существовать ряд структурных преград, таких как сравнительно низкая по ряду причин конкурентоспособность российского рынка на фоне других партнеров Японии, а также недостаточная конкурентоспособность японских товаров на значительной части рынка России. Данные преграды являются труднопреодолимыми и в любом случае будут сдерживать развитие торгово-экономических отношений.

Список литературы:

1. Абэ провалил «покупку» Курил за мирный договор с Россией // Экономика сегодня. URL: <https://rueconomics.ru/349905-abe-provalil-rokupku-kuril-za-mirnyi-dogovor-s-rossiei> — 01.06.20.
2. Благоприятность условий ведения бизнеса. Российская Федерация // Рейтинг МБПП DoingBusiness. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreconomies/russia> — 01.06.20.
3. Итоги торговли РФ со всеми странами. Отчет Таможенной службы РФ (январь-декабрь 2019) // Федеральная таможенная служба РФ. URL: <http://customs.ru/statistic> — 01.06.20.
4. Опрос «Деятельность японских компаний на российском рынке в 2019 г.». Исследование Японской организации по развитию внешней торговли (ДЖЕТРО) // Japan External Trade Organization. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/rp_firms_russia2019_ru.pdf — 01.06.20.

5. *Стрельцов Д. В.* Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1. С. 93–105.
6. *Brown. J.* Why Japanese Investment in Russian LNG Is an Isolated Deal? 14.10.2019 // Carnegie. Moscow Center. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80059> — 01.06.20.
7. Japanese Trade and Investment Statistics // Japan External Trade Organization. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> — 01.06.20.
8. OEC — Russia (2017) // The Observatory for Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/rus/> — 01.06.20.
9. Trade Statistics of Japan. Report 2019 (Calendar Year (Jan.-Dec.)) // Trade Statistics of Japan. Ministry of Finance. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou_e.htm — 01.06.20.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ»

Золотарев Федор Евгеньевич

Сравнение подходов России и Германии к обеспечению глобальной безопасности в сфере нераспространения: анализ третьего цикла ПК ДНЯО 2019

Comparison of Russian and German approaches to maintain the
global security in Nonproliferation: the case of 2019 Preparatory
Committee

Аннотация: В работе сравнивается политика Российской Федерации и Федеративной Республики Германия по вопросам обеспечения глобальной безопасности в сфере нераспространения. Автором выдвигается гипотеза, что наличие собственного ядерного оружия сказывается на восприятии угроз и вызовов, что отражается во внешнеполитической риторике страны. В качестве источниковой базы были взяты материалы Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия в 2019 году в Нью-Йорке в открытом доступе. В результате делается вывод, что подходы к обеспечению безопасности между странами похожи, но сохраняют некоторые различия.

Ключевые слова: ДНЯО, нераспространение, безопасность, Россия, Германия.

Abstract: The article is devoted to comparison of Russian and German politics to maintain global security in Nonproliferation. The

hypothesis is that sole possession of nuclear weapons affects the perception of threats and form a foreign political rhetoric. To approve the hypothesis there was used free access reports, working papers and statements of 2019 Preparatory Committee of NPT in New York. In conclusion, the Russian and German approaches to preserve security have both similarities and differences.

Keywords: NPT, Nonproliferation, Security, Russia, Germany.

Режим ядерного нераспространения является важным элементом архитектуры глобальной безопасности. Институционально оформленные правила поведения для государств нашли свое отражение в 11 статьях Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который в 2020 году отпразднует свой 50-й юбилей. В соответствии со статьей VIII, пункта 3 ДНЯО, был создан механизм Обзорных конференций (ОК ДНЯО), призванный рассматривать то, как осуществляются цели и положения Договора [2]. Вместе с этим другая дата, а именно 25 лет со дня бессрочного продления договора, ознаменовалась внедрением практики проведения Подготовительных конференций договора (ПК ДНЯО).

ПК ДНЯО представляет собой дополнительный инструмент по синхронизации усилий стран в деле соблюдения и обеспечения безопасности. ПК ДНЯО является платформой для стран-членов режима нераспространения, где между сторонами происходит обсуждение насущных и важных проблем. Вдобавок этот форум позволяет его участникам находить точки соприкосновения и в многостороннем формате стремиться к поиску консенсуса и сокращению рисков в ядерной сфере [4]. Фактически, страны, входящие в официальный ядерный клуб (РФ, США, КНР, Франция и Великобритания) и остальные неядерные государства, могут добиваться общего понимания даже будучи в разной степени обязанными соблюдать договоренности.

При всем этом нельзя оставлять без внимания фактор национальной политики государства — именно она занимает существенную часть при формировании глобальной повестки в области нераспространения. В зависимости от принятых программных документов, исторического опыта, геостратегического положения и характера взаимоотношений с соседями формируется

универсальная национальная стратегия. Следовательно, принимаемые решения, а также риторика государственных служащих чаще всего воспроизводят магистральную логику и деятельность государства на международной арене. В связи с этим представляется интересным рассмотреть подходы ядерной и неядерной страны с той целью, чтобы установить и оценить различие между двумя типами стран. В качестве объектов рассмотрения возьмем Российскую Федерацию и Федеративную Республику Германия.

Прежде чем переходить непосредственно к анализу подходов безопасности РФ и ФРГ на заседаниях ПК ДНЯО 2019, необходимо обрисовать фундамент национальной ядерной традиции обеих стран, которая равнозначно включает в себя военный и мирный компонент.

Россия, являющаяся продолжательницей Советского Союза во многих вопросах, включая область ядерного нераспространения и глобальной безопасности, обладает уникальным опытом в ядерной сфере. Начав с развития военной ядерной программы, страна к сегодняшнему моменту имеет самые многочисленные запасы ядерного оружия [8], обладает полным технологическим циклом в освоении энергии для мирной атомной программы и передовую систему утилизации отработавшего ядерного топлива [1]. Вместе с этим Россия, имеющая официальный ядерный статус, не только участвует во множестве коллегиальных и многосторонних группах и организациях, но и непосредственно стояла у их истоков. Являясь одним из трех депозитариев ДНЯО, РФ остается полноправным членом таких организаций, как МАГАТЭ, Организации договора о запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ), Группы ядерных поставщиков (ГЯП), Вассенаарских договоренностей, Комитета Цангера. Все это говорит о разнообразной вовлеченности и заинтересованности России в сохранении многоуровневой работоспособности международных институтов в сфере нераспространения.

Для ФРГ, которую можно отнести к группе неядерных стран, также характерно участие в многосторонних форматах и международных организациях — более того, страна активно участвует во множестве современных инициатив от «средних» держав (middle power), как, например, с сентября 2010 года Инициатива

по нераспространению и разоружению (Nonproliferation and Disarmament Initiative). Тем не менее, путь Германии не всегда носил на себе оттенок «законопослушной» страны. ФРГ подписала ДНЯО не сразу, только в 1975 году, что впоследствии не мешало ее промышленным компаниям активно осуществлять внешнюю торговлю со странами, скрытно развивавшим свои военные ядерные программы (ЮАР, Бразилия) [3, С. 22–24]. Вместе с этим военно-политический опыт страны, ее участие в структурах НАТО и нахождение тактического ядерного оружия на ее территории поспособствовали формированию уникального отношения к ядерному оружию: слабая толерантность к фактору ЯО с общественной точки зрения и его необходимость с точки зрения политического истеблишмента [6].

Имея в своем арсенале отличный друг от друга опыт, Россия и Германия активно взаимодействуют на многих площадках и платформах по вопросам, входящим в сферу нераспространения. Детально это можно рассмотреть через деятельность обеих стран на заседаниях Подготовительного комитета ДНЯО 2019.

Третье и заключительное заседание перед Обзорной конференцией ДНЯО 2020 прошло с 29 апреля по 10 мая 2019 года в Нью-Йорке. Место председателя отошло малазийскому дипломату Саид Мохамед Хасрин Аидиду (Syed Mohamad Hasrin Aidid), имеющему более 25-летний стаж дипломатической работы [9]. Учитывая опыт прошлой ОК ДНЯО 2015, по итогам которой не был принят совместный заключительный документ, многие страны делали крупные ставки на продуктивную работу до наступления обзорной конференции. Россия и Германия не стали исключением: так как каждое государство акцентировала внимание именно на тех проблемах, решение которых отвечало прежде всего их национальным интересам, то чаще всего они находили отражение в риторике и рабочих документах.

Для более полного рассмотрения уместно разделить всю страновую активность по блокам. В анализ первого блока вошли официальные заявления представителей стран и краткие сводки по их выступлениям на пленарных заседаниях [7]. Во втором блоке рассмотрены рабочие записи и инициативы, включенные в общий итоговый документ по итогам заседаний [5].

Основными «столпами» ДНЯО считают ядерное нераспространение, ядерное разоружение и использование ядерной энергии в мирных целях. Формально каждая проблема, о которой в своем выступлении заявляет страна, отражает сугубо национальное восприятие, что также не мешает отнести проблему к одной из этих трех столпов. Тем не менее, и в российских, и в немецких речах был выделен широкий охват тематик и проблем, часть из которых напрямую не связаны с областью нераспространения. Для сравнения использовался параметр фактологического присутствия (наличие или упоминание самой проблемы), в соответствии с чем были получены следующие результаты (Рисунок 1).

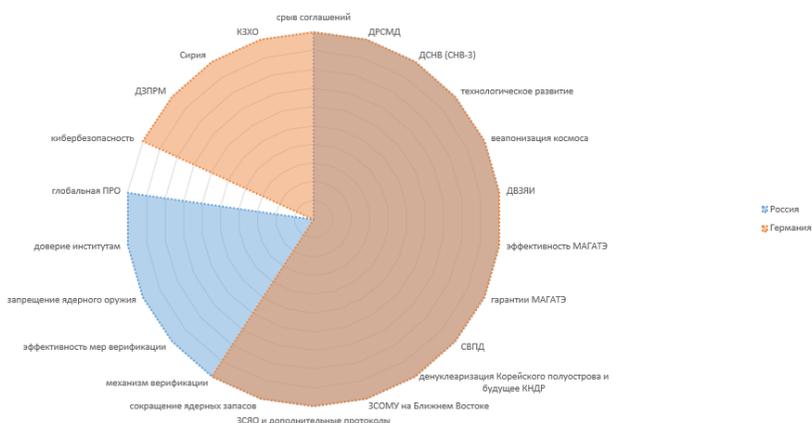

Рисунок 1. Проблемные вопросы в выступлениях официальных представителей РФ и ФРГ

Более половины от числа всех затрагиваемых тем присутствует в речах представителей России и Германии. Однако имеются случаи, когда проблема поднимается только одной страной: в случае с РФ этими проблемами являются развитие глобальной сети ПРО, эффективность мер верификации, запрещение ядерного оружия, в то время как для ФРГ замечено упоминание вопроса негативных гарантий безопасности, кибербезопасности,

Договора о запрещении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ), выполнением Сирией своих обязательств и работоспособности Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО).

Для проблем, которые обоюдно упоминаются странами, не всегда характерно одинаковое их восприятие: в них по-разному расставлены акценты и сфокусировано внимание к причинам и ответственности за возникновение проблемы. Так, в кризисе безопасности в период после Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) Россия видит причину в систематических нарушениях условий Соединенными Штатами, а для Германии главным нарушителем условий договора называется Россия. Тем не менее, страны сходятся во мнении относительно негативных последствий для архитектуры европейской и глобальной безопасности, если Договор о стратегических наступательных вооружениях (ДСНВ/СНВ-3) не будет продлен к февралю 2021 года.

Также особого интереса заслуживает переговорная и нормотворческая деятельность стран в период ПК ДНЯО 2019. Индивидуально или в составе коалиций страны создавали и продвигали свои проекты предложений и рекомендации. Фактически это стало продолжением постулатов, заявленных в официальных выступлениях, так как их количество (применительно к стране) и содержание косвенно отразили национальный подход в сфере нераспространения. Полученные данные представлены на рисунке (Рисунок 2).

В отличие от официальных заявлений РФ и ФРГ по-разному отличились в ходе и результате обсуждений рабочих проектов. При сравнении заметны явные диспропорции в количестве принятых инициатив (7 у России к 24 у Германии). Это касается и качественного измерения, в рамках которого рабочие проекты Германии были приняты в составе обычных коалиций, включая членство в особой группе «Инициатива по нераспространению и разоружению», в то время как для Российской Федерации только около половины всех принятых инициатив носят коллективный характер. При этом РФ и ФРГ имеют 3 совместных проекта, направленных на оптимизацию усилий стран в системе экспортного

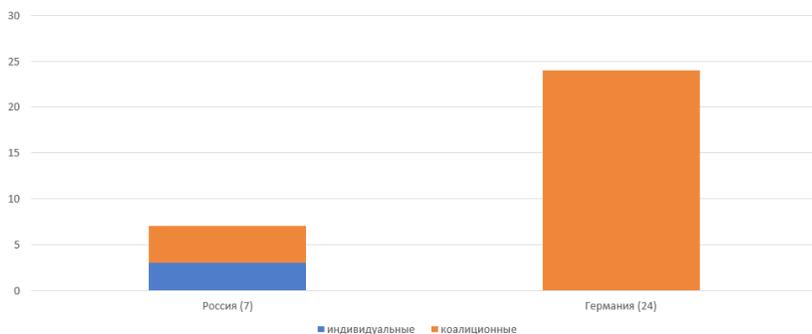

Рисунок 2. Соотношение индивидуальных и коалиционных инициатив, включенных в итоговый документ ПК ДНЯО 2019.

контроля ядерных материалов¹. Более подробный тематический анализ представлен на рисунке (Рисунок 3).

Существенным образом отличается как состав тем, так и их количество. Германия через коллективные форматы попыталась внести максимальный вклад в решение проблем, заявленных ее представителями. Для этого тактика коалиций и совместной проработки вопросов помогла сделать охват больше, чем сбалансированный российский подход. России, вероятно, за счет своего статуса удалось достичь успехов по вопросам, вызывающим прения и споры (создание зоны свободной от оружия массового поражения на Ближнем Востоке и Иранской ядерной сделке). Тем не менее, огромное значение играет сам проблемный вопрос и статус страны: РФ и ФРГ проработали отдельно друг от друга предло-

¹ Имеются в виду рабочие записи по вопросам процедур в отношении экспорта ядерных материалов и определенных категорий оборудования и материалов в связи со статьей III Договора о нераспространении ядерного оружия, а именно документы NPT/CONF.2020/PC.I/WP.1, NPT/CONF.2020/PC.II/WP.12, NPT/CONF.2020/PC.III/WP.1.

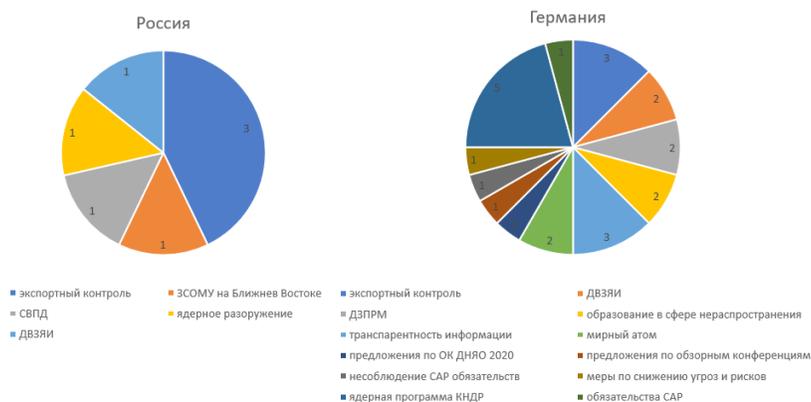

Рисунок 3. Распределение инициатив и предложений РФ и ФРГ по темам.

жения по ДВЗЯИ (причем Россия выступила с предложением вне коалиций в отличие от Германии), что может говорить скорее о значимости проблемы, чем о зависимости от наличия или отсутствия ядерного оружия у страны.

Принимая во внимание эти факты, мы можем отметить, что Россия и Германия разделяют общие проблемы в сфере нераспространения и глобальной безопасности, однако по-своему заостряют внимание на определенных и порой отличных темах. Риторика обоих государств направлена на решение широкого пласта угроз, что и было отражено в официальных выступлениях. При этом рассмотрение уровня переговорной и нормотворческой деятельности показал применение разных тактик для достижения целей. Их результативность частично зависит от статуса страны (обладает ядерным оружием или нет), как и зависит от числа других солидарных стран. Таким образом, подходы России и Германии к обеспечению безопасности в сфере нераспространения пересекаются по некоторым проблемам, однако сохраняют национальную специфику, что особенно заметно на примере ПК ДНЯО 2019.

Список литературы:

1. Алексей Лихачев: «Не бывает чисто национальной атомной станции» // Росатом. 24 апреля, 2019. URL: <https://rosatom.ru/journalist/interview/aleksey-likhachev-ne-byvaet-chisto-natsionalnoy-atomnoy-stantsii/> (дата обращения: 21.06.2020).
2. Договор о нераспространении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 21.06.2020).
3. Тимербаев Р. М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1976). М.: ПИР-Центр, 2000.
4. Felt T. 5 Things to Know About the 2019 PrepCom // Center for Arms Control and Non-Proliferation. April 26, 2019. URL: <https://armscontrolcenter.org/5-things-to-know-about-the-2019-prepcom/> (accessed: 21.06.2020).
5. Final report of the Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. NPT/CONF.2020/1 // United Nations. Documents. 20 May 2019. URL: <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/1> (accessed: 22.06.2020).
6. Lutsch A. In favor of “effective” and “non-discriminatory” non-dissemination policy. The FRG and the NPT negotiation process (1962–1966) / Lutsch A. // Negotiating the Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origins of the Nuclear Order. Chapter 3. London. 2016. P. 260.
7. Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons Third Session // PaperSmart. Secretariat. UNODA. NPT. Third Session (NPT). Statements. URL: <https://papersmart.unmeetings.org/secretariat/unoda/npt/2019-third-session-of-the-preparatory-committee/statements/> (accessed: 22.06.2020).
8. SIPRI Yearbook 2019. World Nuclear Forces // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2019/06> (accessed: 21.06.2020).
9. 2019 Preparatory Committee for the 2020 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference // United Nations. Office for Disarmament Affairs. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt2020/prepcom2019/2019-prep-comm-2020-npt-rev-con/> (accessed: 22.06.2020).

Ильиных Алина Валентиновна

Россия и США: новый виток напряжения, есть ли шанс на стабильность?

Russia and the USA: a new round of tension, is there any chance of stability?

Аннотация: Современные взаимоотношения между США и РФ не уступают по характеру одному из самых напряженных периодов времени после Второй мировой войны, Холодной войне. Обострение происходит на фоне многих факторов. На сегодняшний день таковыми являются разрушение стратегической основы стабильности международной безопасности — договоры РСМД и СНВ-III, а также вооруженный конфликт на Ближнем Востоке между Ираном и США, который так или иначе затрагивает другие государства, в том числе и Россию. В данной статье рассматривается возможность предотвратить крупномасштабную войну на Ближнем Востоке, будущее системы договоров о сокращении вооружений и способность всего этого привести к новой гонке вооружений и второй Холодной войне с угрозой эскалации конфликта на мировом уровне.

Ключевые слова: США, Россия, Иран, международная безопасность, Касем Сулеймани, РСМД.

Abstract: The current relationship between the United States and the Russian Federation is not inferior in nature to one of the most stressful periods of time after the Second World War, the Cold War. Exacerbation occurs against the background of many factors. Today, these are the destruction of the strategic basis for the stability of international security — the INF Treaty and START III, as well as the armed conflict in the Middle East between Iran and the United States, which in one way or another affects other states, including Russia. This article discusses the possibility of preventing a large-scale war in the Middle East, the future of the arms reduction treaty system and the ability of all this to lead to a new arms race and a second Cold War with the threat of escalating the conflict on a global level.

Keywords: the USA, Russia, Iran, international security, Kassem Suleimani, INF Treaty.

Противостояние США и России — исторически сложившийся факт. Ранее самым крупным разногласием между США и СССР считается Холодная война 1946–1990 гг., однако современная ситуация в отношениях США и РФ не уступает периоду Холодной войны.

Резкое охлаждение отношений началось в 2014 году с проведением референдума и присоединением Крыма к России. Экономические и политические санкции только увеличили пропасть между державами. Новый этап напряжения начался с приходом к власти в Соединенных Штатах Дональда Трампа. В этот период времени самым большим ударом по напряженным отношениям двух государств стал односторонний отказ США от выполнения условий стратегически важных договоров РСМД и туманное будущее договора СНВ-III.

Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) был стратегически важным механизмом, объявив “вне закона” все ракеты наземного базирования дальностью от 500 до 5500 км, благодаря чему большая часть ядерного потенциала США и СССР была уничтожена, тем самым ознаменовав окончание гонки вооружений [12]. Однако выход США из договора может привести к началу новой гонки вооружений, но на этот раз последствия могут оказаться куда более серьезными, чем это было в период Холодной войны. Вслед за Вашингтоном Москва также приостановила свою деятельность по условиям договора, оставив право “зеркально” действовать в отношении наземных РСМД. Важен и тот факт, что стороны ДРСМД уже давно обвиняли друг друга в нарушении условий соглашения, при этом Президент США отметил и то, что договор изначально не должен был быть только двусторонним. По его мнению, подобное соглашение должно включать и другие ядерные державы, в первую очередь Китай [12].

Ко всему прочему выход Соединенных Штатов из соглашения позволил им начать реализовывать план по наращиванию ядерного потенциала в Европе, при этом США и НАТО не обязательно размещать новые ракетные системы наземного базирования, им достаточно нарастить присутствие на европейском театре кораблей и подводных лодок с ядерным оружием и расширить

количество ядерных вооружений воздушного базирования [12]. Подобные действия не только усилят влияние и мощь США, но и несут большую опасность в первую очередь для Российского государства, а также и для Европейских стран, так как в случае обострения конфликта между Россией и США будет совершен переход к вооруженному противостоянию, Европа окажется на линии огня и станет театром военных действий, что в итоге неминуемо может привести к ядерной войне, в которой уже не будет ни выигравших, ни проигравших.

Также, помимо разрушения системы ДРСМД, существует неопределенность будущего другого стратегически важного и необходимого двустороннего договора между США и РФ — договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), срок действия которого истекает 5 февраля года. Данный договор на сегодняшний день является единственным сохранившимся соглашением по сдерживанию ядерного вооружения. Относительно будущего СНВ-III между главами США и России были проведены многочисленные переговоры, однако так и не было принято никакого консенсуса. Договор СНВ-III и ДРСМД связывает одно условие, выдвинутое президентом Дональдом Трампом — это реформирование договора из двустороннего в многосторонний, в первую очередь с привлечением Китая. Однако Пекин в обозримом будущем не имеет в планах присоединиться к подобным соглашениям и ограничивать себя их условиями, тем самым делая разработку новых стратегических основ ядерного разоружения невозможным. Такого же “пессимистичного” мнения придерживается и старший директор Центра им. Байдена Университета Пенсильвании Майкл Карпентер, в прошлом высокопоставленный сотрудник Пентагона: “Китай не согласится на участие в договоре СНВ-3, и пока администрация США не поменяет свое мнение по включению Пекина, новый договор о контроле за вооружениями заключен не будет” [3]. По его мнению, если участие Китая является предварительным условием для проведения дальнейших переговоров, то в таком случае они просто не состоятся [3]. Однако, в тоже время, помощник президента США по национальной безопасности Роберт О’Брайен выразил мнение, что Вашингтон не

намерен выходить из Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ — III) [7]. А представители Демократической партии призвали Трампа договориться с Москвой о продлении договора, так как “пришло время президенту прислушаться к голосу разума, к экспертам и союзникам, которые признают, что этот документ является неотъемлемым столпом безопасности” [7]. Стоит отметить, что сенаторы Конгресса США также настроены на то, чтобы Вашингтон продлил еще на пять лет договор СНВ-III, подчеркнув то, что “продление позволит добиться большей предсказуемости в сфере ядерного вооружения на то время, пока Вашингтон заменяет старое оружие, при этом договор ограничит численность российских стратегических сил как минимум до 2026 года” [10]. Как считает сенатор конгресса Дайэнн Файнстайн: “За время действия договора Вашингтон успеет разработать новое соглашение, подключив к нему Китай. В документ, в частности, можно будет добавить те вооружения, которые не попадают под действие нынешнего — например, гиперзвуковое оружие” [10].

Таким образом, одной из глобальных проблем в отношениях между США и Россией на сегодняшний день остается туманное будущее стратегической базы разоружения и контроля над вооружением, что является фундаментом всей системы международной безопасности.

Другим камнем преткновений стал Ближневосточный вопрос. Данный регион изначально считается одним из самых проблематичных и трудноразрешимых вопросов всей системы международных отношений. А в мае 2018 США объявили о выходе из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по ядерной программе Ирана, что впоследствии привело к еще большему обострению отношений не только между Америкой и Россией, но и нанесло удар по отношениям между США и Ближним Востоком.

СВПД — это политическое соглашение между Ираном и группой государств (пять постоянных членов СБ ООН: США, Россия, КНР, Великобритания, Франция, и Германия), относительно ядерной программы Ирана, по условиям которой Иран должен допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты для постепенного ядерного разоружения, уничтожения ядерных за-

пасов и дальнейшей разработки программы мирного использования ядерного потенциала Ирана. Однако уже с октября 2017 года Дональд Трамп заявил, что СВПД не соответствует интересам США и анонсировал восстановление экономических и политических санкций против Ирана [11]. Именно эти последующие действия американского президента в отношении Ирана привели к политико-экономической напряженности на Ближнем Востоке и в Персидском заливе, в особенности на территории самого Ирана, где произошли многочисленные протесты, которые переросли в вооруженное противостояние.

В январе 2020 года произошла эскалация конфликта США с Ираном, когда Трамп санкционировал воздушный авиаудар по территории аэропорта в Багдаде, где в это время находился иранский генерал Касем Сулеймани, являющийся не только высоким должностным лицом Ирана, но и важной политической фигурой. Убийство генерала Сулеймани стало сильным ударом не только для Ирана, но и всего мирового сообщества. Все это привело к нарастанию напряженности как в политической сфере, так и к угрозе военной нестабильности в самом регионе и всего мирового сообщества. Власти Ирана заявили, что отомстят за “преднамеренное” убийство генерала Сулеймани, даже несмотря на обвинения генерала американским правительством в организации нападения на посольство США в Багдаде. Важным показателем того, что рост напряженности между Ираном и США затрагивает не только стороны конфликта, является то, что смерть генерала произошла на территории Ирака, другого государства на Ближнем Востоке, что также привлекает его как “свидетеля преступления”, а моментальный выход Ирана из ядерной сделки также создал опасность и для других участников программы. Как говорил депутат от фракции «зеленых» в бундестаге и эксперт по внешней политике Омид Нурипур: “Смерть Касема Сулеймани может повлечь за собой стремительную военную эскалацию. Сулеймани был не только главным стратегом агрессивной политики Тегерана на Ближнем Востоке, в частности в Сирии или Ираке. По сути, он был лицом иранской политики в регионе. Поэтому его смерть будет воспринята иранской стороной как потеря лица и как объявление войны со стороны Вашингтона” [5].

При этом некоторые эксперты полагают, что прямой затяжной и кровопролитный вооруженный конфликт между Ираном и США невозможен, так как это не в интересах ни у одной из сторон. Так, например, глава отделения по теме распространения вооружения Женевского Центра политики безопасности Марк Фино говорит о том, что прямое противостояние Ирана и США представляется маловероятным, потому что оно не выгодно ни для одной из сторон [4]. Кроме того, по словам Фино «Иран просто не сможет выстоять в боевых действиях, так как его армия устарела, за исключением ракетной программы. В стране также наблюдается социальное недовольство, вызванное, в том числе, санкциями против Тегерана и ухудшением экономической ситуации. Также в Иране осознают, что в администрации США есть хардлайнеры, ратующие за военные действия, стратегией которых является подталкивание Тегерана к ошибке, которая оправдала бы военные действия со стороны США» [4].

Важен и тот факт, что именно Россия, наряду с Китаем и ЕС является одной из сторон, которая может, в настоящее время, как-то повлиять на развитие ситуации и оказать посредничество в проведении переговоров между США и Ираном для стабилизации положения на международной арене, стать неким гарантом, залогом безопасности.

Однако участие России в урегулировании американо-иранского вопроса, который стал некой «пороховой бочкой» в шаткой стабильности безопасности в регионе, не является движением в улучшении отношений между США и Россией, а даже наоборот, так как Россия давно и достаточно прочно поддерживает отношения с Ираном. Иран в последние годы наращивал свое влияние в сопредельных странах региона, тем самым для России также открывалась возможность укрепить свое присутствие на Ближнем Востоке, что вызвало отрицательную реакцию со стороны американского правительства соответственно, учитывая, что у Вашингтона также имелись свои интересы в данном регионе. Тем самым Ближний Восток стал очередным камнем преткновения в довольно напряженных российско-американских отношениях.

Если рассматривать оба фактора влияния на ухудшение отношений между Россией и США, то можно сделать вывод, что

так или иначе они взаимосвязаны, так как основой стабильности будет считаться именно контроль за нераспространением ядерного оружия. Опасность эскалации вооруженного противостояния приводит к мысли о том, что при наихудшем раскладе будет использован арсенал ядерного вооружения, что приведет к глобальной катастрофе. Таким образом на сегодняшний день можно выделить следующие несколько возможных сценария развития ситуации на международной арене по данному вопросу.

Первый сценарий представляет собой ситуацию, когда, не затрагивая вопрос на Ближнем Востоке, Россия и США смогут прийти к консенсусу в отношении продления договора СНВ-III. В данном случае продление действия соглашения еще на пять лет позволит получить некую отсрочку и больше времени для разработки и обсуждения новых условий для дальнейшего договора. СНВ-III останется хотя бы единственной “соломинкой”, что будет поддерживать шаткую стабильность системы международной безопасности. Ко всему прочему, если у Вашингтона и Москвы получится прийти к соглашению о продлении СНВ-III, то также в более оптимистичном сценарии можно рассчитывать и на достижение договоренностей по другим стратегическим договорам о нераспространении, включая условие присоединения третьих государств. Однако данный пункт является спорным и трудно достижимым в представленном споре. Для американской стороны Китай на сегодняшний день выступает в качестве вполне возможного противника не только в экономической сфере, но и в военной (этот факт доказывают многочисленные военные парады в Китае и представление новых видов вооружений). Поэтому второй сценарий развития отношений, когда будет достигнуто соглашение не только по СНВ-III, но и по возможному ДРСМД 2.0 с участием Китая, является более идеализированным вариантом и в большей степени невозможным, учитывая совокупность всех имеющихся факторов на сегодняшний день. Третий вариант предполагает достижение соглашения в вопросе с Ираном и его ядерной программой, но без наличия договоренностей по СНВ-III и другим документам. Даже за неимением договоров о нераспространении (при условии окончания действия СНВ-III в феврале 2021 года) хотя бы частичное решение Ближневосточного вопроса уже позволит

начаться потеплению в американо-российских отношениях, по крайней мере не ухудшит ситуацию и не принесет опасности в виде эскалации вооруженного конфликта между государствами. Но все же стоит отметить, что Ближневосточный вопрос это почти неразрешимая проблема, длящаяся на протяжении многих десятилетий, поэтому реализация данного сценария также почти невозможна. Четвертый — достижение договоренностей по обоим вопросам: будущее системы разоружения и контроля над вооружением и Ближневосточный вопрос. Данный сценарий возможен, хотя и не в обозримом будущем, причем только при участии третьих государств, международных правительственных и неправительственных организаций в качестве посредников по линии США — Россия (— Иран). Разногласия и напряжение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами это исторически сложившийся факт, поэтому нельзя утверждать, что даже при смене Президента США, будет достигнуто соглашение между государствами без третьих лиц. К сожалению, на современном этапе развития отношений этот сценарий также почти невозможен, по крайней мере ближайшие годы. Пятый сценарий включает в себя пессимистичный исход, который, хотелось бы, не допустить. Это касается того варианта, когда никаких соглашений ни по одному из вопросов не будет достигнута. При этом рухнет вся система международной безопасности. Отсутствие одного элемента разрушит весь «организм». Такой вариант поставит под удар абсолютно все международное сообщество. Однако и данный сценарий также почти невозможен, так как опасность подобного хаоса является в тоже время системой сдержек и противовесов, что не позволит разрушить баланс мира. И последний, но самый возможный на сегодняшний день сценарий развития отношений между США и Россией это стагнация решения всех спорных вопросов. Во-первых, стоит учитывать тот факт, что появление пандемии Covid-19 сыграло свою роль в данном вопросе, затормозив и заморозив международную активность. Во-вторых, большую роль играет и то, что Россия и США не могут прийти к одному определенному консенсусу, все переговоры в основном заходят в тупик, что оттягивает решение проблемы. Происходит некая стагнация в динамике решения вопросов и разногласий.

Пропасть между двумя великими державами может оставаться на одном уровне, хотя и печально, что не происходит снижения напряженности.

Таким образом, существует несколько вариантов развития отношений между США и Россией. Если рассмотреть историю складывания дипломатических отношений и отношений между государствами в других сферах, можно заметить, что развиваются они волнообразно или циклично. Для американо-российских отношений характерны периоды спада напряженности, потепления отношений, нарастания противоречий, усиление конфронтации, стагнация и снова спад напряженности. Исходя из вышесказанного можно смело утверждать, что современное состояние российско-американских отношений должен в будущем привести к некоторому потеплению между государствами. Но и важно не забывать, что существуют внешние факторы, которые так или иначе влияют на циклы развития отношений, и могут происходить некоторые отклонения в положительную или отрицательную стороны. Поэтому что ждет Россию и США в ближайшем будущем сложно сказать. Человеческое поведение непредсказуемо, международные отношения не стоят на месте, развиваются технологии, появляются новые акторы и вместе с ними новые вызовы и угрозы всему международному сообществу. Сегодня вопрос сохранения и поддержания всей системы международной безопасности стоит на первом месте на повестке дня. Однако мы не знаем, что будет завтра, через неделю, год, 5 или 10 лет, поэтому необходимо прорабатывать все сценарии развития событий, чтобы минимизировать возможные негативные последствия. Только время покажет, как именно будет развиваться ситуация между США и Россией и по какому из представленных сценариев они пойдут. Возможно, спустя какое-то время появятся факторы, которые позволят разработать другой вариант решения вопроса, непредставленный ранее.

Список литературы:

1. *Галактионов И.* Как развивался конфликт между США и Ираном // BCS Express, 2020. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kak-razvivalsia-konflikt-mezhdu-ssha-i-iranom> — 01.06.20.

2. Гункель Е. Вступится ли Россия за Иран и зачем ей Ливия? // Deutsche Welle, 2020. URL: <https://www.dw.com/ru/a-51956828> — 01.06.20.
3. Егисман В. Будущее договора СНВ — 3 остается неясным // “Голос Америки”, 2020. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/embed/player/0/5412171.html> — 01.06.20.
4. Исакова Е. Вооруженный конфликт Ирана и США вряд ли возможен // РИА Новости, 2020. URL: <https://ria.ru/20200118/1563573525.html> — 01.06.20.
5. Книпп К., Виденхёфер Ю. Чем обернется конфликт США и Ирана на Ближнем Востоке // Deutsche Welle, 2020. URL: <https://www.dw.com/ru/a-51882624> — 01.06.20.
6. Мирзаян г. США ставят России хамские условия для продления важнейшего договора // Деловая газета “Взгляд”, 2020. URL: <https://vz.ru/politics/2020/5/10/1038650.html> — 01.06.20.
7. О’Брайен: США не планируют выходить из СНВ-3 // Российская газета, 2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/22/obrajen-ssha-ne-planiruiut-vyhodit-iz-snv-3.html> — 01.06.20.
8. США и Иран на пороге войны? Хроника противостояния // Информационное агентство Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2822777.html> — 01.06.20.
9. США объявили о вводе санкций против Ирана в ответ на атаки // Информационное агентство РБК, 2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2020/5e18a0899a7947359e003818> — 01.06.20.
10. Сенаторы призвали США к незамедлительному продлению СНВ-3 // Lenta.ru, 2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/30/snv3> — 01.06.20.
11. Трамп отказался одобрить ядерную сделку с Ираном // BBC, 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41616875> — 01.06.20.
12. Что означает выход США из ДРСМД? // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6692805> — 01.06.20.

Росляков Федор Сергеевич

Военно-оборонительное сотрудничество России и АСЕАН в системе безопасности Юго-Восточной Азии

Russia-ASEAN Military-defensive cooperation in the security system of South-Eastern Asia

Аннотация: В статье рассматривается сотрудничество России и стран АСЕАН в области обороны. Производится попытка определить, насколько широким является военно-техническое сотрудничество России со странами АСЕАН, какое влияние оно оказывает на обстановку безопасности в регионе. В первую очередь, автор уделил внимание тем странам, с которыми у России есть устоявшееся взаимодействие в военной сфере, и таких стран среди членов АСЕАН большинство. Высказывается мнение, что страны АСЕАН являются перспективным направлением для российского военного экспорта, и для России сохранение военного сотрудничества особенно важно, поскольку оно является главным, а иногда и единственным связующим звеном во взаимодействии России с этой международной организацией.

Ключевые слова: Россия, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, военно-техническое сотрудничество, региональная безопасность.

Abstract: The article examines cooperation between Russia and the ASEAN countries in the field of defense. An attempt is made to determine how broad the military-technical cooperation between Russia and the ASEAN countries is, what impact it has on the security situation in the region. First of all, the author paid attention to those countries with which Russia has established cooperation in the military sphere, and such countries are the majority among ASEAN members. The opinion is expressed that the ASEAN countries are a promising direction for Russian military exports, and for Russia the preservation of military cooperation is especially important, since it is the main and sometimes the only link in Russia's interaction with this international organization.

Keywords: Russia, ASEAN, South-Eastern Asia, military and technical cooperation, regional security.

Юго-Восточная Азия представляет собой активно развивающийся регион. Роль Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой политике и экономике неуклонно возрастает. В наши дни мнение о том, что будущее именно за регионом АТР уже становится общепринятым. Россия имеет многолетний опыт сотрудничества с рядом стран АСЕАН. Наиболее позитивный опыт можно извлечь из отношений России с Вьетнамом, являющимся крупным стратегическим партнером России со времен Холодной войны. В самой АСЕАН Россия является наблюдателем с 1996 года, и регулярно участвует в работе организации — российские представители постоянно присутствуют на Восточноазиатских саммитах, а президент России Владимир Путин принимал участие в саммитах «Россия-АСЕАН».

У России отсутствуют политические конфликты со странами Юго-Восточной Азии. Поэтому препятствий для развития связей со странами АСЕАН существенно меньше. В связи с кризисами в Южно-Китайском море, связанными с претензиями КНР на отдельные территории, а также реакцией США, декларирующей своей целью обеспечение безопасности судоходства в регионе, и развертывание как китайских, так и американских морских группировок [6], страны АСЕАН пытаются вести сбалансированную политику [11].

Когда присоединение России к формату Восточноазиатских саммитов было одобрено на 5-м саммите, проходившем в Ханое в 2010 году, были определены 5 основных направлений сотрудничества: финансы, энергетика, чрезвычайное реагирование, здравоохранение и образование.

В своей учредительной Декларации (1967 г.) АСЕАН представила себя как «региональное объединение», которое будет добиваться решения задач, преимущественно в социально-экономической сфере. Однако, в реальности с момента ее возникновения и, особенно, после вступления в нее Вьетнама (1995 г.), в деятельности АСЕАН на первое место вышли задачи обеспечения мира и стабильности в ЮВА. Поэтому нельзя обойти стороной сотрудничество России и АСЕАН в деле борьбы с международным терроризмом, началом которого можно считать подписание совместной декларации России-АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом в 2004 году.

Страны АСЕАН, в первую очередь Вьетнам и Индонезия, являются одними из крупнейших закупщиков российского вооружения. В частности, в начале 2018 года был подписан контракт между Россией и Индонезией на поставку истребителей Су-35 [7]. Дальнейшее развитие отношений со странами данной организации позволит открыть огромный потенциал в этой области.

Но, на сегодняшний день, АСЕАН не является ведущим международным партнером России — она занимает только восьмое место в списке крупнейших торговых партнеров АСЕАН. России необходимо действовать достаточно быстро, в связи с активизацией в регионе других глобальных лидеров — Китая и США, а также, в связи с тенденцией стран АСЕАН к усилению взаимной интеграции, в результате чего российская продукция может сильно потерять в конкурентоспособности [12]. В первую очередь, эксперты считают необходимым как можно скорее создавать зоны свободной торговли с экономически наиболее развитыми странами АСЕАН — Сингапуром и Вьетнамом.

Основные проблемы безопасности региона

Основная напряженность связана с противостоянием между странами Юго-Восточной Азии и Китаем. На первый план выходит противостояние между КНР и странами АСЕАН по вопросам принадлежности Парасельских островов и островов Спратли. Первые находятся под контролем КНР, на них из стран ЮВА претендует Вьетнам, который пользуется дипломатической поддержкой прочих стран АСЕАН. На острова Спратли, в свою очередь, претендует куда большее количество стран, каждая из которых контролирует некоторое количество островов. Большая часть островов контролируется Вьетнамом, чуть меньшее количество находится под управлением Китая, свои зоны установили Малайзия и Филиппины. Также на острова претендует Бруней. Несмотря на такое разнообразие претендентов, страны АСЕАН в основном не выдвигают претензии друг к другу, и больше идут единым фронтом против Китая.

Азиатско-Тихоокеанский регион является ареной для соперничества двух ведущих мировых держав: Китая и Соединенных Штатов.

США пользуется давними противоречиями между странами ЮВА и КНР и активно привлекает их для экономической изоляции КНР.

Вклад в дестабилизацию региона вносит и противостояние в регионе Китая и США, которое выливается в частое присутствие военных контингентов двух мировых держав в водах Южно-Китайского моря. Также, обе стороны настойчиво требуют от стран ЮВА политической поддержки, хотя АСЕАН стремится максимально сохранить свой нейтралитет.

Не обходит стороной регион Юго-Восточной Азии и проблема терроризма [9]. Немалое количество боевиков организации «ИГИЛ» (запрещена в России), являются выходцами из таких стран, как Индонезия (самая крупная по населению мусульманская страна мира) и Филиппины. В 2017 году на Филиппинах произошли крупномасштабные бои между радикальными исламистами и правительственными войсками за город Марави. Огромный российский опыт противостояния терроризму может оказаться востребованным для стран АСЕАН.

Общие сведения

Военное партнерство между Россией и странами АСЕАН в первую очередь заключается в поставках вооружений различных типов. В качестве положительной тенденции также можно назвать, что в 2019–2020 годах со многими странами АСЕАН Россия начала проводить совместные военные учения. К примеру, в ноябре 2019 года Россия выступила с инициативой проведения военно-морских учений Россия-АСЕАН [8]. Также, у многих стран АСЕАН есть тенденция к диверсификации поставщиков.

Здесь будут рассматриваться примеры военного сотрудничества именно с теми странами, у которых имеются тесно установленные связи с Россией в этой области [3]. Поэтому здесь не будут приведены данные по Тайланду, Брунею и Камбодже.

Вьетнам

Вопрос военного сотрудничества с Вьетнамом является крайне актуальным в свете нескольких причин. Во-первых,

это традиционные военные связи, начинающиеся со времен Советского Союза, когда оказывалась огромная помощь ДРВ во времена Второй Индокитайской войны. На сегодняшние активные закупки российского оружия большое влияние оказывает противостояние ДРВ и Китая в территориальном конфликте в Южно-Китайском море. В конфликте с Китаем на передовой находится именно Вьетнам. Вьетнамским силам, в отличие от других армий стран АСЕАН, уже несколько раз приходилось сражаться с Китаем, в том числе и за спорные острова. Вьетнам уделяет большое внимание развитию военно-морских и военно-воздушных сил [18].

На сегодняшний день уровень экономического сотрудничества России с Вьетнамом невелик. По товарообороту Россия значительно проигрывает таким странам, как США и Япония [4]. Однако, в военной сфере есть возможность поддерживать свое лидерство и строить дальнейшие связи. В частности, в 2019 году состоялись военно-морские учения России и Вьетнама на базе Камрань, что подтвердило активность вьетнамско-российского оборонного сотрудничества [2].

В рамках военного сотрудничества Вьетнам получил от России такие виды вооружения, как: 24 истребителя Су-30, 12 истребителей Су-27, 1 дивизион противокорабельных комплексов «Бастион», 6 подводных лодок проекта 877 («Палтус»), 6 фрегатов класса «Гепард», 6 ракетных катеров «Молния», 6 патрульных катеров класса «Светляк». Но, к сожалению, Россия в настоящее время, является далеко не единственным поставщиком армии Вьетнама. В последнее время очень тесны военные связи Вьетнама с Израилем — стоит выделить переход сухопутных войск Вьетнама с автоматов системы АК на израильские автоматические винтовки серии «Galil ACE» [20]. Также израильским оружием вооружаются вьетнамские спецподразделения. И в этой связи, можно выделить два момента — Вьетнам предпочитает не просто закупать оружие у других стран, а стремится приобретать лицензии с дальнейшим налаживанием самостоятельного производства [13]. Вторым важными моментом является то, что за исключением огнестрельного оружия, все остальные виды вооружений, практически, целиком представляют собой образцы

советской и российской оборонной промышленности, за некоторыми исключениями в виде техники из Китая.

На вьетнамском рынке Россия пока прочно удерживает свою долю, но в первую очередь за счет заказов на модернизацию и поддержание в рабочем состоянии вооружения, полученного от СССР.

Индонезия

Индонезией приобретены истребители Су-27 и Су-30, транспортные вертолеты Ми-17 и штурмовые вертолеты Ми-35, однако, в крайне небольших количествах. Корпус морской пехоты Индонезии оснащен, в том числе, российскими БМП-3Ф, а в марте 2020 года было выражено намерение приобрести еще 79 машин [21]. На флоте используются ракеты «Яхонт», являющиеся экспортным вариантом ракет П-800 «Оникс».

К сожалению, пока нельзя сказать, что военное сотрудничество стран рассчитано на дальнюю перспективу. К тому же, на страну угрозой санкций активно давят Соединенные Штаты [17]. Почти два года затягивается исполнение контракта по поставке 11 истребителей Су-35, а в марте 2020 года агентство Bloomberg сообщило, что страна уступила давлению США и отказалась от российских самолетов, однако эти сообщения не получили официального подтверждения ни в России, ни в Индонезии. От поставок трех подводных лодок типа «Палтус» страна отказалась в 2019 году.

В 2020 году Россия и Индонезия планируют провести первые совместные морские учения. «Орруда-2020» [14]. Неизвестно, какое влияние на эти планы окажет пандемия коронавируса, однако подобные планы доказывают наличие потенциала для дальнейшего развития.

Лаос

Народная армия Лаоса, практически, целиком вооружена советским оружием, многие образцы которого уже устарели. В последние годы страна заключила с Россией контракты на поставку вертолетов, а именно — 12 многоцелевых вертолетов Ми-17 и двух

вертолетов «Ансат». Также были приобретены 3 легких многоцелевых самолета Ил-103, ПЗРК «Игла-1», подписан договор о модернизации ЗРК «С-125», стоящих на вооружении лаосских войск.

В декабре 2019 года состоялись первые российско-лаосские военные учения [16]. Основной целью совместных маневров стало расширение военного и военно-технического сотрудничества между странами, в том числе противодействие терроризму.

Малайзия

Ударную силу малайзийской авиации составляют российские истребители Су-30МКМ. Россия реализует ряд программ, направленных на поддержание боевых возможностей этих самолетов. Не так давно были выведены из эксплуатации истребители МиГ-29, также составлявшие немалую долю малайзийских ВВС.

Мьянма

В июне 2016 г. Минобороны России и Мьянмы заключили Соглашение о военном сотрудничестве [10]. Хотя Мьянма, в первую очередь, ориентируется на закупки китайского оружия, однако присутствует существенная доля оружия советского и российского производства, а связи по линии военного сотрудничества между Мьянмой и Россией имеют большую предысторию. В последние годы у России закуплено 10 вертолетов Ми-35, 20 истребителей МиГ-29, также оформлен заказ на 6 истребителей Су-30. Российские самолеты являются главной ударной силой ВВС Мьянмы. В 2018 году подписан заказ на поставку 6 учебных самолетов Як-130. При посредничестве российских специалистов были модернизированы основные базы ВВС Мьянмы. В 2020 году автопарк армии пополнился российскими БРДМ-2МС в количестве примерно 30 машин [1] в Мьянме.

Филиппины

Филиппины являются одной из немногих стран региона, которые никогда ранее не закупили российское вооружение, и по-

этому по этой стране представляется возможным пока только строить прогнозы. Филиппины долгое время строго держали проамериканскую направленность своей внешней политики, до момента прихода к власти президента Родриго Дутерте, который ведет страну к более многовекторному ориентированию, в том числе на Россию и Китай.

Но основания для дальнейшего развития есть. С одной стороны, в 2017 году между Россией и Филиппинами был подписан договор о военно-техническом сотрудничестве [15]. С другой стороны, договор с Соединенными Штатами об иностранных вооруженных силах от 1998 года был расторгнут в 2020 году, что дает зеленый свет на развитие военного сотрудничества [5].

В 2019 году был подписан контракт между Филиппинами и Индией, в рамках которого будут поставлены ракеты «BrahMos», которые являются совместной российско-индийской модификацией ракет П-800 [19]. Филиппины станут первой страной, в которую Индия будет экспортировать ракеты этого класса. Данный контракт показывает, что потенциал для сотрудничества с Россией имеется.

Для самих Филиппин подобные поставки имеют актуальность на сегодняшний день. Основных военных проблем у Филиппин две. Первая — это территориальное противостояние с КНР. Вторая проблема — деятельность незаконных исламистских вооруженных формирований на территории страны.

Важно также отметить, что у президента Дутерте на посту остается только два года, что предусмотрено Конституцией страны. Остается вопрос — продолжит ли преемник Дутерте его внешнеполитическую линию. Также по-прежнему в силе остается договор между Филиппинами и США о взаимной обороне 1951 года.

Список литературы:

1. «Бардак» в Мьянме: еще одна страна получила российские БРДМ-2МС // Российская газета, 2020. — URL: <https://rg.ru/2020/02/03/bardak-v-mianme-eshche-odna-strana-priobrela-rossijskie-brdm-2ms.html> — 20.05.2020.

2. В Камрани прошли первые учения России и Вьетнама по спасению подлодки // RT, 2019. — URL: <https://russian.rt.com/russia/news/694913-rossiya-vietnam-ucheniya> — 12.05.2020.
3. Военное и военно-техническое сотрудничество России со странами АСЕАН // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/voennoe-sotrudnichestvo-rf-s-asean/> — 14.05.2020.
4. Вьетнам — Импорт и экспорт // TrendEconomy, 2020. — URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Vietnam/TOTAL> — 12.05.2020.
5. Дутерте расторг соглашение о пребывании военных США на Филиппинах // Российская газета, 2020. — URL: <https://rg.ru/2020/02/12/duterte-rastorg-soglashenie-o-prebyvanii-voennyh-ssha-na-filippinah.html> — 11.05.2020.
6. Ежегодник СИПРИ 2018: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. — ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. — М.: ИМЭМО РАН, 1998–2018. — 2019. — 752 с. — (в пер.).
7. Индонезия закупит 11 самолетов компании «Сухой» // Российская газета, 2018. — URL: <https://rg.ru/2018/06/08/indoneziia-zakupit-11-samoletov-kompanii-suhoj.html> — 18.04.2020.
8. Интервью Посла России во Вьетнаме К. В. Внукова международному информационному агентству «РИА Новости», 14 февраля 2020 года // МИД России, 2020. — URL: https://www.mid.ru/about/professional_holiday/news/-/asset_publisher/15UF6lkPfgKO/content/id/4040336 — 14.05.2020.
9. Ключанская С. А. Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях // Индекс безопасности. — 2011. — №2. — С. 55–64
10. Кокушкина И. В. Внешняя политика, внешние связи Мьянмы и формирование Российско-Мьянманского сотрудничества в начале XXI в. (к 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Мьянмой) // Азия и Африка сегодня. — 2018. — №8. — С. 15–20.
11. Конаровский М. А. Безопасность в АТР и интересы России. Международная аналитика. — 2015. — №4. — С. 7–15.
12. Рангсимпон П., Колдунова Е. 20 лет спустя: какими Россия и АСЕАН видят друг друга // Международная жизнь. — 2016. — №5. — С. 46–63.
13. Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество: традиции и новые вызовы // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-vietnam-voenno-tekhnicheskoe/> — 02.05.2020.

14. Россия и Индонезия проведут первые совместные военно-морские учения // RT, 2019. — URL: <https://russian.rt.com/russia/news/728004-rossiya-indoneziya-voennye-ucheniya> — 19.05.2020.
15. Россия и Филиппины подписали Соглашение о военно-техническом сотрудничестве // Министерство обороны России, 2017. — URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12148115@egNews — 11.05.2020.
16. Совместное российско-лаосское военное учение «Ларос-2019» // Министерство обороны России, 2019. — URL: <https://structure.mil.ru/mission/practice/all/more.htm?id=12265960@cmsArticle> — 22.05.2020.
17. *Травкин П. С.* Военно-техническое сотрудничество России и Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2019. — Т. 1, № 2. — С. 113–120.
18. *Федоров Н. В.* Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество: вызовы и возможности для России // Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. — 2017. — №3. — С. 496—507
19. BrahMos missiles deal seen in 2020: Lorenzana // Philippine News Agency, 2019. — URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1088911> — 28.05.2020.
20. Israeli IWI Galil ACE 31 ACE 32 assault rifles to replace Russian AK-47 in Vietnamese Army // Army recognition, 2014. — URL: https://www.armyrecognition.com/february_2014_global_defense_security_news_uk/israeli_iwi_galil_ace_31_ace_32_assault_rifles_to_replace_russian_ak-47_in_vietnamese_army_0202146.html — 10.05.2020.
21. Korps Marinir Akan Menggenapkan Jumlah Ranratfib Baru Menjadi 100 Unit // Defense Studies, 2020. — URL: <http://defense-studies.blogspot.com/2020/03/korps-marinir-akan-menggenapkan-jumlah.html> — 19.05.2020.

Морозов Максим Константинович

Военное сотрудничество России и Франции как этап развития диалога двух потенциальных центров многополярного мира

Military cooperation between Russia and France as a stage in the development of a dialogue between two potential centers of a multipolar world

Аннотация: В статье проводится анализ изменения роли России и Франции в международной системе из-за роста их военного потенциала: Россия и Франция рассматриваются в качестве участников потенциальных центров влияния за счет своего военного развития, способных изменить международную архитектуру и поучаствовать в формировании нового баланса сил в мировом порядке. На основании этого фактора анализируются перспективы сотрудничества России и Франции в военной сфере, поскольку данное сотрудничество способно закрепить их структурную роль в международной системе и потому имеет важное значение; кроме того, выявлена и обратная связь: сами перспективы этого сотрудничества зависят от роли РФ и Франции в мировом порядке. Выделяется такой элемент взаимодействия в военной сфере, как военно-техническое сотрудничество, и показаны особенности данного направления отношений обоих акторов в зависимости от их геополитических интересов. Таким образом, отображена роль отношений России и Франции в военной сфере при их совместном участии в военном развитии друг друга с целью повышения роли в выстраивании международной архитектуры.

Ключевые слова: многополярный мир, военно-техническое сотрудничество, торговля вооружениями, рынки сбыта, баланс сил.

Abstract: The report analyzes the changes in the role of Russia and France in the international system due to the growth of their military potential: Russia and France are considered as participants in potential centers of influence due to their military development, able to change international architecture and participate in the formation of a new balance of power in the world order. On the basis of this factor, the prospects of cooperation between Russia and

France in the military sphere are analyzed, because this cooperation is able to consolidate their structural role in the international system and therefore is of great importance; in addition, a feedback was revealed: the very prospects of this cooperation depend on the role of the Russian Federation and France in the world order. Such an element of interaction in the military sphere as military-technical cooperation is highlighted, and the features of this direction of relations between the two actors depending on their geopolitical interests are shown. Thus, the role of relations between Russia and France in the military sphere with their joint participation in the military development of each other with the aim of increasing the role in building international architecture is reflected.

Keywords: multipolar world, military-technical cooperation, arms trade, sales markets, balance of power.

Военное сотрудничество России и Франции имеет большое значение для развития системы международных отношений в первую очередь потому, что оба этих государства стремятся приобрести ключевое положение в мире за счет обеспечения влияния своим военным потенциалом. И Россия, и Франция претендуют, во-первых, на то, чтобы обеспечивать военной продукцией разные регионы земного шара; во-вторых, на то, чтобы гарантировать поддержание международного порядка военной силой, и, в-третьих, на то, чтобы обладать одними из самых мощных оборонных потенциалов в мире и тем самым гарантировать свою внутреннеполитическую и региональную стабильность. Данные устремления и действия по их обеспечению могут позволить им уравновесить по объему вооружений лидирующий ныне центр влияния международной системы — Соединенные Штаты Америки. Этот процесс может привести к изменению всей международной военной архитектуры: Россия и Франция находятся в процессе обретения трансрегионального военного влияния и, благодаря этому, уже возглавляют центры развития международной системы, контуры которых оформляются. Анализ боевых потенциалов этих государств позволяет предположить, что Франция может стать таким центром только в составе блока европейских государств, который она, благодаря своему потенциалу, может возглавлять. Кроме того, ее выделение в отдельный полюс (потенциально создаваемый возглав-

ляемой ею группой государств) возможно благодаря совокупным экономическим и военным преимуществам, способным внести вклад в обеспечение международной стабильности и развития. Что касается России, то ее важным фактором воздействия на международную систему является именно военный потенциал. Он является достаточным и для того, чтобы стать самостоятельным центром влияния, и для того, чтобы играть решающую роль в объединении государств, вместе образующих такой центр. Участие обоих государств в изменении международной архитектуры безопасности возможно за счет того, что Франция является лидером Евросоюза по выпуску военной продукции, а Россия занимает второе место в мире по объему и качеству оборонной промышленности.

Франция и Россия благодаря своей особенной роли в международной системе за счет своего военного развития являются совместными строителями архитектуры международной безопасности и, как следствие, осуществляют сотрудничество. В последние десятилетия Франция считается одним из ближайших внешнеполитических партнеров России в Европе. Страны особенно роднит приверженность идее многополярного мира. Кроме того, возможны совместные действия этих игроков по образованию международного баланса сил, который может формироваться за счет того, что и Россия, и Франция способны к коллективным действиям по охране принципа многосторонности принимаемых решений в международном порядке. Он образуется благодаря возможности противостояния России и Франции вместе с другими государствами игрокам, претендующим на роль потенциальных гегемонов, благодаря чему они способны объединять эти потенциалы в случае противостояния гегемонистским претензиям отдельных государств. То, что Россия и Франция ответственны за устойчивость международной архитектуры, заставляет их с вниманием относиться к позициям друг друга по поводу будущего международной системы, и, как следствие, помогать друг другу в обеспечении данной устойчивости посредством военного сотрудничества. Именно поэтому партнерство в военной сфере для этих двух игроков является взаимовыгодным.

Таким образом, Франция и Россия являются и участниками потенциальных полюсов развития международной системы, и,

возможно, сотрудничающими сторонами в процессе ее оформления, причем важную роль при обеспечении сотрудничества должен сыграть именно военный потенциал обоих государств, поскольку Россия и Франция должны совместными усилиями взаимно поддерживать роль членов центров развития за счет вкладывания в военный потенциал друг друга. Этот вклад позволит им, с одной стороны, уравновесить военную мощь США, чтобы окончательно стать независимыми полюсами. С другой стороны, он может обеспечить международную стабильность, поскольку осуществляется сторонами, имеющими пересекающиеся интересы и большой удельный вес в международной системе. Однако для того, чтобы гарантировать возможность участия России и Франции в реализации данной стабильности, необходима также независимость обоих игроков от пока что лидирующего центра влияния — США. При этом данный вклад возможен за счет участия изучаемых акторов в выправлении тех противоречий развития международной системы, которые США в одиночестве уже не в состоянии регулировать. Для этого необходима соизмеримость российского и французского военных потенциалов с американским, которая, таким образом, может сыграть важную роль в становлении полицентричного миропорядка.

Говоря о сравнении военных потенциалов Франции и России с таковым у США, следует отметить, что они в целом в разной степени различаются по степени своей развитости. В первую очередь, различие касается сравнения потенциалов Франции и США, в то время как российский и американский потенциал являются в значительно большей степени соизмеримости. Если Соединенные Штаты обладают самой развитой военной мощью в мире, то Франция лишь приближается к пятому месту. Тем не менее, Франция является лидером среди европейских государств по своему военному потенциалу. После выхода Великобритании из ЕС она является единственным государством, обладающим ядерным оружием, и имеет самые развитые военно-морские силы [4]. Кроме того, именно Франция смогла совершить рывок в области вооружений за 2015–2019 гг., увеличив вывоз самолетов и подводных лодок в другие страны более чем на 70 процентов [5]. Такое лидерство может помочь Франции возглавить объединение ев-

ропейских государств, совокупный военный потенциал которого способен повлиять на всю архитектуру международной безопасности. Перспективы формирования этого объединения зависят от сохранения евроатлантического единства в военной сфере и единой внешнеполитической линии Евросоюза как интеграционного объединения европейских государств. Франция не является единоличным конкурентом США в качестве военного полюса международного развития, но способна стать таким конкурентом в качестве одного из участников союзного блока европейских государств. При этом условием приобретения Францией статуса лидирующего игрока в обеспечении европейской безопасности является сотрудничество с Россией, поскольку именно оно способно обеспечить ее относительную независимость от атлантического фактора всей системы евроатлантической безопасности, благодаря чему в данной системе могут выделиться альтернативные лидеры, в числе которых Франция. То, что Франция является членом НАТО, не является препятствием, поскольку весь баланс сил внутри НАТО может быть заменен в сторону от единоличного лидерства США.

Что касается сравнения военного потенциала России и США, армия США насчитывает 1 млн. 300 тыс. человек, а армия России — 1 млн. 13 тыс. Танков у США 2831, у России — 3090. Межконтинентальных ракет — у США 400, у России около 300. Атомных подводных лодок у США — 14, у России — 13 [6]. Таким образом, можно сделать вывод, что Россия является догоняющим игроком, чей потенциал сравним таковым у США, при этом Россию можно оценивать как актора, способного теоретически сравняться с лидером международной системы — США. Россия и США являются соперничающими игроками, и тот, кто из них займет лидирующее положение, зависит от того, каким будет геополитическое самоопределение Европы. Европейские державы, уступающие по военному потенциалу обоим этим акторам, оказываются «между двух огней», но совокупный потенциал европейских государств способен сравняться с таковым у этих двух акторов, благодаря чему возможен самостоятельный выбор этими игроками стратегии взаимодействия в военной сфере с США или РФ. Перспективы военного сотрудничества Франции и РФ зависят от

того, вместе с кем ряд лидирующих европейских государств решит организовывать архитектуру международной безопасности, поскольку и Россия, и США являются лидирующими военными игроками, пригодными для этого. При этом США являются более надежным партнером вследствие более развитого уровня экономического развития, в то время как сотрудничество с Россией, способно дать европейским державам, и в их числе Франции, больший уровень независимости и, как следствие, возможность оформить претензии на становление самостоятельным центром влияния. Таким образом, перспективы взаимодействия России и Франции в военной сфере зависят, с одной стороны, от возможной гонки вооружений США и России, когда растущий потенциал этих двух игроков потребует выбора сотрудничества с одним из них, и, с другой, от политического будущего Европы, которое создаст место европейских держав, в числе которых Франция, в архитектуре международной безопасности.

Последствия этой политики видны уже сейчас. Изменения в балансе сил, создающем структуру европейской безопасности, осуществляются во многом с инициативой Франции и, в частности, ее президента — Эммануэля Макрона, которая стремится создать совместный европейский оборонный потенциал, в большей степени независимый от евроатлантической направленности НАТО. Данные политические шаги создают больше перспектив для военного сотрудничества России и Франции, поскольку РФ может подключиться к французской инициативе о создании новой, в большей степени независимой от США архитектуры международной безопасности. Главным положением, посредством которого планируется осуществлять данные структурные изменения в мировом порядке, является тезис Макрона о возможности создания европейской коллективной обороны, которая может управляться с международными кризисами своими силами, без помощи партнеров по НАТО [4] в случае, если устав НАТО претерпит изменения в своем положении, согласно которому при нападении на одно из государств-членов евроатлантического альянса остальные обязаны оказывать ему помощь. Таким образом, становится возможной ситуация, при которой, в случае обострения отношений России с каким-либо из государств-членов

НАТО Франция вместе с рядом других европейских государств способна поддержать Россию. Данное обстоятельство приоткрывает возможности для сотрудничества России и Франции в военной сфере, поскольку оборонное усиление обоих этих акторов как минимум не будет вызывать протест друг у друга, ведь при обострении международной ситуации они способны выступить на одной стороне. Факторами, способными углубить взаимодействие России и Франции в военной области, являются инициатива Франции с созданием независимой европейской армии и военное сотрудничество Франции с европейскими странами, независимыми от НАТО [4] (поскольку они могут выступить в качестве общих для России и Франции рынков сбыта вооружений, конкуренция на которых будет приостановлена в связи с совпадением стратегических интересов).

В качестве важного направления военного сотрудничества России и Франции можно выделить взаимодействие для участия в торговле вооружениями с различными государствами. Россия и Франция являются в значительной степени ориентированными на разные рынки сбыта вооружений, что делает их ответственными за поддержание военного баланса разных частей международной системы. Данное обстоятельство создает перспективы для сотрудничества двух государств, поскольку общая продукция обеих стран при совместном производстве имеет больше перспектив для продвижения в торговле. Кроме того, поддержка разных частей международной системы создает перспективы для участия в формировании общей трансрегиональной безопасности, что выгодно обеим странам и для достижения чего они могут вкладываться в военный сектор экономик друг друга. Тем не менее, возможна и конкуренция за счет торговли с некоторыми одними и теми же регионами. При этом Россия и Франция координируют свои усилия при поставке вооружений на эти рынки, что не отменяет, однако, значительной степени соперничества между ними. В первую очередь, общим рынком сбыта является Латинская Америка и, в частности, Бразилия. Во вторую — Африка и, в частности, Алжир [2, С. 100]. Конкуренция на данных рынках осуществляется, как правило, потому, что Россия и Франция имеют меньше общих интересов по военному развитию этих регионов,

чем, например, по поводу европейских государств, не вступивших в НАТО. При этом возможностью для смягчения экономического соперничества может стать сбыт в эти страны разных типов военной техники. Однако и это можно гарантировать не всегда — Россия и Алжир подписывали соглашения о поставке самых разнообразных возможных типов товаров [2, С. 101]. В связи с этим, Россия и Франция не всегда выступают в военной сфере в качестве сотрудничающих сторон.

Тем не менее, возможности военно-технического сотрудничества России и Франции предоставляются не только участием в поставке военной продукции на разные рынки сбыта и согласованием усилий на одних и тех же из них для совместного экономического развития, но и торговлей обоих этих игроков с теми акторами международной системы, в военном развитии которых заинтересованы и Россия, и Франция. Примером данного сотрудничества является производство самолета Су-30, который совмещает в себе французские и российские элементы производства и ориентирован на важнейший рынок сбыта — Индию [2, С. 101]. Франция заинтересована в сотрудничестве с ней в рамках общего диалога с Евросоюзом, а Россия — в рамках выстраивания треугольника Россия — Индия — Китай, способного оказать влияние на выделение новых центров многополярного мира. В итоге, можно сказать, что Россия и Франция в рамках военно-технического сотрудничества организуют совместное производство военной продукции и на разные рынки сбыта и на одни и те же из них в случае, если это отвечает их геополитическим интересам.

И совместное производство, и основанная на этом производстве торговля РФ и Франции с другими игроками в данной сфере зависят от роли обоих государств в поддержании международного порядка. При поддержке военного функционирования тех или иных акторов международной системы, российская и французская экономическая активность является параллельно ориентированной, но взаимно пересекающейся. Такая специфика экономической деятельности формируется по причине особенностей участия обоих государств в функционировании и поддержании военного баланса международной системы: параллелизм действий при взаимной пересекаемости позволяет способствовать

либо обеспечению военного уравнивания разных центров международной системы, либо совместному развитию новых, например, восходящих. Поэтому, военно-техническое производство становится основанием для военного распределения ролей и взаимодействия и, как следствие, диалога. А совместный вклад России и Франции в военные сектора друг друга является одним из оснований появления у них военной продукции, распространяемой для тех или иных акторов международной системы. В результате, можно сказать, что военно-техническое сотрудничество России и Франции приводит к поддержанию военной архитектуры мирового порядка.

Что касается собственных военных потенциалов России и Франции, то они делают их одними из лидирующих участников в формировании военного баланса. При этом уже имеющаяся к настоящему моменту сформированность данного баланса при взаимодействии непосредственно друг с другом и взаимовыгодность для формирования баланса в отношениях с другими странами также делает перспективным их военное сотрудничество и, в частности, сотрудничество в области вооружений. Важнейшей составляющей данного взаимодействия является авиационно-техническое. Оно основывается на переносе тех или иных деталей, производимых этими государствами, на авиационные платформы друг друга [2, С. 102]. Благодаря этому создаются самолеты, используемые в вооружениях и России, и Франции. Членство Франции в Евросоюзе создает препятствия для сотрудничества: так украинский кризис сорвал проект поставки в Россию вертолетоносцев «Мистраль», от поставки которых отказался тогдашний французский президент Франсуа Олланд [3].

Поскольку и Россия, и Франция заинтересованы в военном развитии друг друга как акторов, формирующих центры международной системы и потому ответственных за ее стабильность и безопасность, происходит заимствование друг у друга их опыта военного производства, что также можно назвать важнейшим элементом взаимодействия в военной сфере. Так, у Франции основным заказчиком военной продукции являются не частные компании, а уполномоченный министерства обороны, что позволяет сконцентрироваться на стратегическом направлении разви-

тия вооружений [1, С. 124]. Данный опыт оказывается полезным и для России, поскольку для нее как участника формирующегося центра силы необходимо выбирать свою стратегию в области военного производства, и, как следствие, те области вооружений, развитие которых позволит эффективно взаимодействовать с другими полюсами полицентричного мира.

Таким образом, военное сотрудничество России и Франции имеет большое значение для развития всей системы международных отношений. При этом обе страны рассматривают друг друга в качестве партнеров по подобному обеспечению: Франция рассматривается Россией как потенциальный игрок, сдвигающий международный баланс сил внутри евроатлантического блока к новым контурам международной безопасности, обеспечиваемых этим блоком; Россия Францией — в качестве одного из игроков, обеспечивающих международную стабильность среди развивающихся стран, что важно для диалога этих стран со странами развитыми.

Список литературы:

1. Ковбаса Н. А. Международный опыт становления оборонно-промышленного комплекса и возможности его заимствования в целях обеспечения военно-экономической безопасности России // Транспортное дело России. 2010. С. 122–125.
2. Кочкарев А. В. Военно-техническое сотрудничество России и Франции // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 10. С. 99–105.
3. Курильченко А. Россия — Франция: перезагрузка военно-политических отношений // Еженедельник Звезда. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20199111338-XBhC.html> — 27.06.2020.
4. Кухалейшвили г. Раскол в НАТО: чего добивается Макрон // 112.ua. URL: <https://112.ua/statji/raskol-v-nato-chego-dobivaetsya-makron-515349.html> — 25.06.2020.
5. Лучший рост в НАТО: Франция совершила оружейный прорыв // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/03/11/12999997.shtml> — 25.06.2020.
6. Опубликовано подробное сравнение военной мощи России, США и Китая // Ferra.ru. URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/opublikovano-podrobnoe-sravnenie-voennoi-moshi-rossii-ssha-i-kitaya-07-07-2019.html> – 25.06.2020.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И МИРОВАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА»

Ануфриева Анастасия Алексеевна

Эволюция интересов России и перспективы в международном экологическом сотрудничестве, проблемы проведения национальной экологической политики

Evolution of Russia's interests and prospects in international environmental cooperation, problems of national environmental policy

Аннотация: В данной статье рассмотрено изменение интересов России в соглашениях по климатическим изменениям с момента подписания Киотского протокола до настоящего времени, современные амбиции России в рамках РКИК¹ и перспективы их реализации, а также некоторые институциональные проблемы национальной климатической политики. Особое внимание уделено амбициям России в рамках действующего Парижского соглашения.

Ключевые слова: РКИК, Киотский протокол, Парижское соглашение, климатическая политика России

Abstract: This article examines the changing interests of Russia in climate change agreements since the signing of the Kyoto Protocol to the present, Russia's current ambitions within the UNFCCC² and

¹ Рамочная конвенция ООН об изменении климата

² United Nations Framework Convention on Climate Change

prospects for their implementation, as well as some institutional problems of national climate policy. Special attention is paid to Russia's ambitions under the current Paris agreement.

Keywords: UNFCCC, Kyoto Protocol, Paris agreement, climate policy in Russia

Согласно докладу Межправительственной группе экспертов по изменению климата (МГЭИК), влияние человека на климатическую систему очевидно, и недавние антропогенные выбросы парниковых газов являются самыми высокими в истории: недавние изменения климата Земли оказали широкое воздействие на человека и природные системы [13].

Очевидно, что при ожидаемом росте численности населения до 8,5 млрд. в 2030 г. — 9,7 млрд. в 2050-м — 10,9 млрд. в 2100-м [17], антропогенное глобальное потепление создает беспрецедентное давление на планету, требующее новых подходов к праву, политике и правосудию.

Традиционное деление на «Север» и «Юг», которое создает огромные трудности для принятия многих многосторонних природоохранных соглашений (МПС) из-за экономических диспропорций, является одной из причин задержек в борьбе с изменением климата. Режим Монреальского протокола, который касается истощения озонового слоя, многими рассматривается как прорыв во многих отношениях, отчасти потому, что ему удалось сбалансировать и примирить интересы, как развивающегося Юга, так и развитого Севера и объединить обе группы для достижения общей цели [12].

С исторической точки зрения, развивающиеся страны практически не способствовали усугублению экологических проблем, таких как истощение озонового слоя и изменение климата. Например, развитые страны, в которых проживает менее 25% населения мира, потребляют 88% ХФУ (хлорфторуглероды), что более чем в 20 раз превышает потребление на душу населения развивающихся стран. Аналогичным образом, развитые страны несут ответственность за две трети глобальных выбросов углерода в результате использования ископаемого топлива на 1993 г.

Согласно новому докладу, опубликованному в сентябре 2019 г., в котором содержится призыв к смелым, срочным действиям по ограничению последствий глобального потепления, развивающиеся страны лидируют в мире по реагированию на изменение климата.

Согласно докладу United Nations Development Programme (UNDP), по меньшей мере, 112 стран, в том числе многие из наиболее уязвимых к изменению климата и наименее ответственных за его причины, намерены обновить к 2020 году свои текущие планы по борьбе с изменением климата [15].

Положение и роль России в условиях глобального неравенства в вопросах климатических изменений является, вероятно, одной из важных причин успеха государства в этой сфере и формирования особого положения в ряду лидеров. Расширяющийся раскол между развитым Севером и развивающимся Югом и их поляризованные интересы мешают международному сообществу защищать «глобальное достояние» [16].

Территория России в значительной степени подвержена влиянию климатических изменений. Все без исключения современные климатические модели прогнозируют потепление климата России в XXI в., заметно превышающее среднее глобальное потепление. Наибольший рост приземной температуры ожидается зимой, причем он усиливается к северу, достигая максимальных значений в Арктике [8].

Российская Федерация, будучи одной из крупнейших держав мира и также страной, обладающей значительной долей мировых выбросов парниковых газов (17% на 1990 г. [4]), на протяжении трёх десятилетий принимала активное участие в борьбе с антропогенными факторами глобального потепления. После того, как Соединенные Штаты отказались от поддержки Киотского протокола, было крайне важно, чтобы Россия присоединилась к договору, гарантирующему участие стран, на долю которых приходится более 55% мировых выбросов CO₂.

Однако до настоящего года не прекращаются дискуссии о мотивах России для подписания и ратификации Киотского протокола и позже Парижского соглашения.

Одна из наиболее вероятных версий состоит в том, что позиция Российской Федерации на этапе подписания и ратификации Киотского протокола была обусловлена преимущественно экономическими и политическими мотивами. Однако безответным остаётся вопрос о том, изменились ли, и насколько сильно, её мотивы три десятилетия спустя.

На протяжении всего времени подготовки прежде Киотского протокола, а после и Парижского соглашения, Россия в основном отстаивала идею более мягких обязательств для группы стран с переходной экономикой [5]. Важным пунктом российской позиции на этапе переговоров по киотским механизмам было международное финансирование образовательных проектов и обмена опытом для стран с переходной экономикой [5]. Россия отрицательно относилась к предложениям по ужесточению Конвенции, продвигая при этом идею проектов совместного осуществления (СО) и включение в будущий Киотский протокол поглощения углекислого газа лесами. [14]

На ранних этапах обсуждения и принятия Рамочной конвенции ООН представители России выражали озабоченность тем, как новые обязательства повлияют на доходы стран от экспорта энергоресурсов, учитывая, какую роль играет эта область экономики для нашей страны [14]. Здесь стоит отметить, что, несмотря на небольшое снижение доли этой отрасли в общем экспорте Российской Федерации за последние семь лет [9], ожидается последующий рост. Согласно прогнозам Института энергетических исследований российской Академии наук (ИНЭИ РАН), экспорт энергоресурсов (газа и нефти) СНГ, ведущую роль в котором играет Российская Федерация, существенно возрастёт за период 2010–2040 гг. [6; 7].

Важное значение в позиции России также имела торговля квотами, которую активно поддерживали представители нашей страны в 90-х гг. Настояв к концу десятилетия на возвращении уровня выбросов к уровню 1990 г., Российская Федерация оказалась в выгодном положении, позволяющим обеспечить ситуацию значительного перевыполнения обязательств и, соответственно, возможность продажи избыточных квот и привлечения инвестиций по проектам СО [2].

Благодаря грамотной климатической политике на протяжении двух десятилетий, во второй половине 2010-х гг. Россия рекомендовала себя как одна из ведущих держав на пути к достижению целей Киотского протокола, а также проявляла определённые амбиции относительно Парижского договора, который должен был, будучи адаптированным к климатическим реалиям XXI века, одновременно с учётом позитивного опыта Киотского протокола, устранить его слабые стороны. Россия настаивала на чётком определении сроков и действия и подходов к обзору реализации национальных вкладов стран [1].

Как и в 1990-х гг., позиция России относительно учёта поглощения углекислого газа лесами остаётся неизменной: в 2014 году в Лиме, где шло обсуждение заключения предстоящего Парижского соглашения, представитель Российской Федерации, Александр Бедрицкий, вновь сделал акцент на этой теме. Также в заявлении была затронута тема «финансового содействия развивающимся странам и странам с переходной экономикой, в том числе в СНГ, в укреплении их потенциала для решения проблемы изменения климата» [2].

В основе позиции России также лежит необходимость выполнения обязательств сторонами РКИК, что становится по сути одной из главных проблем и причин снижения эффективности Парижского соглашения, однако в 2017 г. на конференции в Бонне Александр Иванович упоминает, что Россия считает наложение экономических санкций препятствием к достижению целей Парижского соглашения отдельными странами [3].

Выполнение Россией обязательств по снижению выбросов в 2030 г. до 75 % относительно уровня 1990 г. не вызывает вопросов, особенно с учётом того, что на 2015 г. — на момент подписания Парижского соглашения — выбросы составили 65 % от уровня 1990 г. [11]. Россия снова оказалась в достаточно выгодном положении, позволяющем к концу контрольного периода показать значительное перевыполнение обязательств.

Однако стоит отметить, что торговля квотами больше не является приоритетным направлением для России благодаря тому, что выгода от их продажи значительно снизилась по отношению к 1990 г. [14].

Большинство российских климатологических исследований не привлекает этическую аргументацию и фокусируется на положительных и отрицательных последствиях изменения климата в России [1]. На основе этого можно говорить о том, что интересы России всё ещё в большей степени выражены практической выгодой, чем этическими соображениями, однако, в отличие от 1990 г, это уже не столько прямая экономическая выгода, сколько политический интерес.

Какими бы ни были интересы нашей страны, выполнение ею обязательств в рамках Конвенции можно признать достаточно успешным. Однако, несмотря на видимый прогресс на международной климатической арене, внутри страны существуют определённые проблемы, препятствующие эффективной реализации национальной климатической политики. Две наиболее существенные из них — коррупция, присущая российской бюрократии в целом [14], и отсутствие должной координации между центром и регионами.

Роль регионов слабо отражена в Национальном плане действий России (НПДР). Это размывает потенциальную важность их роли в реализации Киотского протокола [14], что говорит о том, что действительное положение дел нереалистично отражено в Национальном плане, что ставит под сомнение его эффективность и перспективы применения.

Основная роль в проведении экологической политики возлагается сейчас на регионы и субъекты РФ, что неоднократно отмечает в своём докладе, представленном в СФ РФ в марте 2019 г., Министр природных ресурсов и экологии РФ Дмитрий Кобылкин, поэтому, несмотря на запуск 11 федеральных проектов, определяющих приоритетные направления для нашей страны [10], их реализация всё ещё остаётся несогласованной, неравномерной, а потому проигрывает в эффективности. Стоит, конечно, отметить особую сложность управления экологической политикой в РФ, связанную с огромной территорией и разнообразием климатических, демографических, исторических и других условий, и, как следствие, широким спектром проблем, требующих самых разнообразных механизмов и инструментов решения. С учётом этой составляющей, ориентированность на высокий уровень ре-

гиональной вовлечённости оправдана, но для достижения большей эффективности проводимых комплексов мероприятий в скорейшем времени должны быть приняты меры по централизации управления природоохранными структурами.

Кроме того, Россия сталкивается с недостаточной обеспеченностью инфраструктурой, оборудованием для изучения и решения экологических проблем, недостаточным уровнем информирования населения, в том числе, среди молодёжи, как следствие, отсутствие экологического сознания граждан, что способствует накоплению и усугублению проблем. Нельзя опускать и наследие, сформировавшееся в результате сначала резкого индустриального подъёма в советский период, а после — экономическим и политическим подтекстом участия России в международных договорах, о котором говорилось выше.

Вот, что говорит об этих затруднениях глава Минприроды: «Особенность этих проектов в том, что затронутые в них проблемы, копились не одно десятилетие. По части объектов — нет готовых решений, отсутствует необходимая инфраструктура [10].

Отсутствие чёткой координации между центром и регионами препятствует эффективному и своевременному выполнению Россией обязательств в рамках Парижского соглашения. Кроме того, немаловажной проблемой для реализации обязательств Россией на протяжении долгого времени оставалась проблема отчетности на международном уровне [14], однако нашей стране удалось своевременно учредить необходимые институты статистического учёта и отладить их работу.

Итак, несмотря на определённые проблемы внутреннего институционального аппарата, России удаётся достаточно успешно реализовывать свои обязательства в рамках Киотского протокола и Парижского соглашения. Более того, активное участие России в подготовке, подписании и реализации Парижского соглашения, а также вклад в его эффективность, обеспечивают стране возможность не только реализовывать свои амбиции в международном климатическом сотрудничестве, но и реализовывать некоторый политический интерес, как это было и в конце прошлого века.

Список литературы:

1. Заявление специального представителя Президента по вопросам климата о позиции Российской Федерации по основным вопросам повестки 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата / 11-го Совещания сторон Киотского протокола (Париж, Франция, 30 ноября — 11 декабря 2015 года). URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/51/events/50794> — 01.06.2020.
2. Заявление специального представителя Президента по вопросам климата о позиции Российской Федерации по основным вопросам повестки 20-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата / 10-го Совещания сторон Киотского протокола (Лима, Перу, 1–12 декабря 2014 года) URL: <http://kremlin.ru/events/administration/47115> — 01.06.2020.
3. Заявление специального представителя Президента по вопросам климата о позиции Российской Федерации к 23-й Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата /13-му Совещанию Сторон Киотского протокола/ 2-й части 1-го Совещания Сторон Парижского соглашения (Бонн, ФРГ, 6–17 ноября 2017 года). URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/51/events/56013> — 01.06.2020.
4. Как Россия боролась с изменением климата. Досье — ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/2444355> — 20.02.2020.
5. *Никитина Е.* Обзорная статья. Россия: формирование климатической политики и ее выполнение в 1990-х гг. Климатическая политика, 1, 2001, С. 206.
6. Прогноз развития энергетики мира и России 2019 / под ред. А. А. Макарова, Т. А. Митровой, В. А. Кулагина; ИНЭИ РАН — Московская школа управления СКОЛКОВО — Москва, 2019. — 209. с.
7. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / под ред. А. А. Макарова, Т. А. Митровой, Л. М. Григорьева, С. П. Филиппова; ИНЭИ РАН — Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации — Москва, 2013.
8. Росгидромет, Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. — Санкт-Петербург. 2017. — 106. с. URL: <http://cc.voikovmgo.ru/images/dokumenty/2017/riski.pdf> — 01.06.2020.
9. Статистика внешней торговли. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2020/RU/export/world> — 20.02.2020.
10. «Экологический путь России должен стать передовым». Задачи 2019 года нацпроекта «Экология» по регионам представлены в СФ РФ // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации URL:http://www.mnr.gov.ru/press/news/ekologicheskij_

- put_rossii_dolzhen_stat_peredovym_zadachi_2019_goda_natsproekta_ekologiya_po_regionam/ — 20.02.2020.
11. Climate Watch, Greenhouse Gas Emissions and Emissions Targets. URL: <https://www.climatewatchdata.org/countries/RUS> — 01.06.2020.
 12. *Getu, M.* Accommodating the interests of developing countries in the climate change regime: Lessons from the ozone layer regime. *Mizan Law Review*, v6, 2012/09/27.
 13. Intergovernmental Panel on Climate Change, Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change, RK Pachauri and LA Meyer (eds), Geneva, Switzerland. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/05/SYR_AR5_FINAL_full_wcover.pdf — 01.06.2020.
 14. *Korppoo, A., Karas, J., Grubb, M.* Russia and the Kyoto Protocol: opportunities and challenges. United Kingdom: N. p., 2006.
 15. NDC Global Outlook Report 2019. The Heat is On. Taking Stock of Global Climate Ambition. URL: https://www.undp.org/content/dam/undp/library/planet/climate-change/NDC_Outlook_Report_2019.pdf — 01.06.20.
 16. UNDP. 2019. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. New York. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019> — 01.06.20.
 17. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019: Highlights. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf — 01.06.2020.

Ишутинова Анастасия Станиславовна

Сотрудничество ЕС и России в сфере охраны окружающей среды: успехи и перспективы

EU-Russia cooperation in the field of environmental protection:
successes and prospects

Аннотация: В статье рассматриваются все уровни сотрудничества России и ЕС в сфере экологии. Отдельное внимание уделяется следованию 17 целям устойчивого развития ООН, анализу повышения инвестиционной привлекательности компаний, доказывающих приверженность данным целям. Проблема утилизации немецких ядерных отходов на территории РФ рассматривается как один из противоречивых элементов сотрудничества. В заключении рассматриваются возможные перспективы расширения и углубления сотрудничества.

Ключевые слова: Россия и Европейский союз, экология, экологическая политика, экологическое сотрудничество, 17 целей устойчивого развития ООН.

Abstract: The article discusses each and every level of cooperation between Russia and the EU in the field of ecology. Special attention is paid to following the 17 goals of the UN sustainable development, to the analysis of increasing the investment attractiveness of companies, proving their commitment to these goals. The problem of the disposal of German nuclear waste on the territory of the Russian Federation is considered as one of the controversial elements of cooperation. In conclusion, possible prospects for expanding and deepening cooperation are considered.

Keywords: Russia and the EU, ecology, environmental policy, environmental cooperation, the 17 sustainable development goals.

Приграничное сотрудничество ЕС и РФ в сфере экологии

Ввиду географической близости и наличия общих морских и сухопутных границ Россия и ЕС имеют взаимный интерес в экологическом сотрудничестве. На современном этапе Россия и

ЕС взаимодействуют в рамках долгосрочных партнерств — приграничного сотрудничества, программы «Северное измерение» и партнерства в целях реализации положений Парижского соглашения. ЕС финансирует ряд экологических инициатив, осуществляемых на территории России. В рамках программы «Интеррег. Регион Балтийского моря» на проектные работы в России и Беларуси выделено €8,8 млн. Объем фонда поддержки проектов «Северного измерения» — €353 млн. Крупнейшим донором фонда является ЕС, предоставляющий €84 млн [17].

На период с 2014 по 2020 гг. были подписаны соглашения по семи программам в рамках приграничного сотрудничества между странами-членами ЕС и РФ: программа «Коларктик», программы по Карелии, юго-восточная Финляндия — Россия, Эстония—Россия, Латвия—Россия, Литва—Россия и Польша—Россия. Данные программы направлены на модернизацию систем отопления школ и больниц, модернизацию пограничных пропускных пунктов, строительство центров активного отдыха, экологическое просвещение, поддержание чистоты окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов и др. [17].

Северное измерение — это совместная политика четырех партнеров: Российской Федерации, ЕС, Норвегии и Исландии. Она была инициирована в 1999 году и пролонгирована в 2006. Данная политика проводится в рамках осуществления четырех партнерств. В контексте данной статьи наиболее интересным и важным представляется Природоохранное партнерство «Северного измерения» (NDEP) и успехи взаимодействия, достигнутые благодаря нему [19]. 5 марта 2019 года в Брюсселе прошла встреча представителей партнеров по «Северному измерению», на которой были отмечены и высоко оценены следующие достижения в рамках партнерства:

- завершение строительства новой станции очистки сточных вод в Калининграде (июнь 2017 года);
- завершение работ по модернизации очистных сооружений на Северной станции аэрации в Санкт-Петербурге (октябрь 2017 г.);
- торжественное открытие новой станции очистки сточных вод в Петрозаводске (декабрь 2017 года);

- завершение проекта по обеспечению централизованного теплоснабжения в Калининграде (февраль 2019 года).

А также ряд текущих проектов, таких как: проект по обеспечению централизованного теплоснабжения в Вологде, по повышению энергоэффективности освещения улиц в Барановичах, по зачистке сточных вод в Петрозаводске и Барановичах, проекты по борьбе с выбросами черных углеродов в Карелии и Вологде и ряд других [16].

Также ЕС и РФ сотрудничают в рамках программы ИНТЕРРЕГ. Она представляет собой соглашение между государствами-членами ЕС, Данией, Эстонией, Финляндией, Латвией, Литвой, Польшей, Швецией и северными частями Германии, а также странами-партнерами Норвегией, Беларусью и северо-западными регионами России. Программа финансируется Европейским Союзом и утверждается Европейской Комиссией. В проектах должны участвовать как минимум три партнера из трех разных стран региона Программы. Общий бюджет проекта обычно составляет от 1,5 до 4,5 млн. евро для семи или более партнеров, работающих вместе в течение двух-трех лет.

Программа предлагает финансирование для четырех тематических приоритетов: способность к инновациям, управление природными ресурсами, экологически чистый транспорт, первоначальные инвестиции. Проекты на территории РФ или с участием РФ финансируются полностью из бюджета РФ, либо пропорционально с другими членами соглашения. На заседании Мониторингового Комитета в 2018 году из 31 одобренной проектной заявки 11 включали проекты с участием российских партнеров [11].

По состоянию на февраль 2020 г., 189 государств присоединились к Парижскому соглашению (США на данный момент в процессе выхода, Иран и Турция не присоединились), которое нацелено на удержание прироста средней температуры на уровне существенно ниже 2°C, а в идеале не выше 1,5°C, повышение способности адаптации к последствиям изменения климата и переход на низкоуглеродное развитие. Участники соглашения добровольно ставят перед собой амбициозные цели по сокращению нетто-выбросов CO₂ в атмосферу [16]. В рамках работы над ис-

полнением положений Парижского соглашения РФ и ЕС сотрудничают в СПРПС, проекте, предполагающем экспертную работу по исследованию текущей ситуации в сфере энергоэффективности, использования возобновляемых энергоносителей, а также состояния лесных ресурсов и их биоэкономики в целях реагирования на изменение климата.

Таким образом, взаимодействие между ЕС и РФ в сфере экологии активно развивается и приносит свои плоды, несмотря на санкции и политическую обстановку. Хотя стоит отметить, что данное сотрудничество носит скорее региональный характер и затрагивает лишь северо-восточную территорию нашей страны.

17 целей устойчивого развития (ЦУР) ООН

С 2015 года государства-члены ООН стремятся следовать 17 целям устойчивого развития. Данные цели, в отличие от целей развития тысячелетия учитывают взаимосвязь всех проблем и необходимость сосредоточенности на средствах их осуществления — мобилизации финансовых ресурсов. Очевидно, что для их выполнения необходима международная координация действий. В 2020 Аналитический Центр при Правительстве РФ в партнерстве с МИД РФ, Минэкономразвития и Федеральной службой государственной статистики подготовили добровольный обзор об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития в России. Данный обзор обращает внимание на то, что большинство целей и задач устойчивого развития уже в той или иной мере заложены в основные стратегические и программные документы в России [2]. В контексте данной статьи наиболее важными представляются цели, связанные с экологией и защитой окружающей среды. Это ЦУР 7 — Обеспечение доступа к недорогостоящим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех, ЦУР 12 — Обеспечение рациональных моделей потребления и производства, ЦУР 13 — Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями. В ходе работы по достижению перечисленных ЦУР Российской Федерацией были достигнуты следующие успехи:

ЦУР 7:

- В рейтинге Doing Business 2020 Россия вошла в топ-10 государств по легкости подключения к системе электроснабжения, заняв 7 место из 190 государств. Срок подключения к электросетям сократился по сравнению с прошлогодним рейтингом почти в 2 раза — с 73 до 38 дней.
- Экспертные оценки Bertelsmann Stiftung для России по ЦУР 7 составляют 91,2 балла из 100.
- Сокращение сроков подключения к электрическим сетям до 2 этапов (процедур) 224, которые осуществляются за 73 дня, тогда как в 2015 году — 5,6 этапа (процедуры) за 179,1 дня.
- В рейтинге Getting electricity Российская Федерация поднялась со 143-й позиции в 2015 г. до 12-й позиции в 2019 г.
- Уровень газификации сельских территорий в России вырос с 34,8% в 2005 г. до 59,4%, т. е. примерно в 1,7 раза.

ЦУР 12:

- Количество образуемых отходов I класса опасности (чрезвычайно опасные) сократилось за 2015–2018 гг. в 4 раза — с 80 до 20 тыс. тонн. При этом также растет и объем утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления (с 2 685 до 3 818 тыс. тонн за 2015–2018 гг.).
- В 2018 г. объем транзакций в основных секторах совместного потребления вырос на 30% относительно уровня 2017 г. и составил 511 млрд руб. (около 7,8 млрд долл. США). Это свидетельствует о том, что люди стали чаще продавать вещи, каршеринг и краткосрочную аренду жилья. Это способствует сокращению потребления ресурсов и продлению срока службы вещей.
- Несмотря на рост объема образования отходов, параллельно также растут и объемы утилизации и обезвреживания отходов — этот показатель за 2015–2018 гг. вырос на 42,2% — с 2 685 до 3 818 тыс. тонн. Также за этот период почти в 3 раза выросли объемы захоронения отходов — с 354,6 до 1029,2 млн тонн.

- Положительная динамика в переработке отходов, выраженная в уменьшении числа полигонов по утилизации и захоронению отходов и увеличении количества более экологичных установок по утилизации и переработке отходов (см. Рис. 1).

Рисунок 1. «Динамика количества объектов по утилизации, захоронению и обезвреживанию отходов в РФ».

Источник: Свод ДНО по ЦУР

ЦУР 13:

- Начиная с 2000-х гг. экономический рост в России происходит почти без роста выбросов. В период 1998–2018 гг. прирост ВВП России составил почти 100% (1750–3600 млрд долл. в ценах 2011 г.), при этом прирост выбросов парниковых газов составил менее 13% (1880–2115 млн. т CO₂ эквивалента без учета ЗИЗИЛХ за 1998–2017 гг.). Снижению объемов выбросов способствовали меры по модернизации энергетики, повышению энергоэффективности в различных отраслях экономики.
- Работа всех АЭС российского дизайна в мире экономит выбросы порядка 560562 млн тонн углекислого газа в год и является важным инструментом для достижения целей Парижского соглашения.

Выше были перечислены лишь измеримые достижения РФ в области ЦУР по экологии на 2020 год [2]. Важно понимать, что наряду с этим претворятся в жизнь целый ряд государственных программ, стратегий развития в различных подотраслях, составление рейтингов российских компаний, учитывающих экологи-

ческие факторы в своем производстве и многое другое. Нельзя не отметить, что РФ удалось добиться больших успехов в виде низкого роста выбросов относительно роста ВВП с 2000-х годов, четырехкратном сокращении отходов I класса опасности (чрезвычайно опасных) всего за три года, а также обеспечении доступного энергоснабжения и газификации.

В добавок к стремлению улучшения экологической ситуации следование идеалам 17 целей устойчивого развития становится еще и экономически важным.

Почему следование 17 ЦУР выгодно экономически?

Такое понятие как «стандарты ESG» уже укрепилось и приобрело высокую значимость на западе и в настоящее время становится все более важным и в РФ. Стандарты ESG (E — environment, S — social, G — governance) отражают корпоративные цели и задачи в области устойчивого развития, а именно экологии, социальной ответственности и корпоративного управления. В настоящее время глобальный размер активов под управлением с фокусом на ESG на 2018г оценивается примерно в \$30,7 трлн [18]. Соответствие данным стандартам определяет ряд общепризнанных международных компаний, таких как MSCI ESG, RobecoSAM (специализируется на инвестициях в области устойчивого развития), Carbon Disclosure Project (CDP), индексы FTSE4Good [17], Sustainalytics — независимая компания по исследованию и анализу ESG [19].

Согласно ежегодному отчету британской аналитической компании, FTSE Russell за 2018 г., зеленая экономика выросла до \$4 трлн, или 6% объема всей глобальной экономики, и таким образом сравнялась с сектором добычи полезных ископаемых [18]. По данным глобального исследования EY за 2018 год, 97% опрошенных инвесторов проводят оценку нефинансовых показателей, включающую экологические риски. Всего за три года с первого такого исследования количество инвесторов, проводящих оценку нефинансовых показателей, выросло с 52 до 97%. Исследование, проведенное в 2015 году в Германии (Friede G., Busch T. & Bassen A. ESG and financial performance), подтверждает, что акции ком-

паний, доказывающих свою ответственность, показывают более высокий рост и стабильность. Важно, что развивающиеся рынки, к которым стоит относить и Россию, показали взаимосвязь экологических и социальных показателей с финансовыми значительно более высокую, чем на развитых рынках.

Таким образом, рост инвестиционной привлекательности в области ESG иллюстрирует трансформацию рынка и общества. Это серьезный вызов для крупных компаний, привыкших жить по «старым правилам», а именно: не уделять должного внимания заботе об окружающей среде, использовать экстенсивный, а не интенсивный тип развития и относиться к труду лишь как к фактору стоимости. Для инвесторов соответствие компании стандартам ESG сегодня становится уже не просто «дополнительным бонусом», а характеристикой прочных позиций и перспектив, а также гарантий эффективности в будущем.

Хотя стремление следовать данным стандартам возникло в РФ несколько позже, чем в ЕС и США, ряд российских компаний уже добились высоких оценок в международной анкете MSCI ESG (см. Таблицу 1).

Таблица 1. «Оценка от 01.05.2020 Российских ТЭК по анкете MSCI ESG»

Компания ТЭК	Оценка MSCI ESG (AAA -CCC)
ПАО «Интер РАО»	A
НК «Роснефть»	B
ПАО «Газпром»	BBB
ПАО «Лукойл»	BBB

Еще один аспект важности трансформации производства в экологичную сторону — это экономическая выгода. Конечно, это дорогостоящий и сложный процесс, но мировой тренд на переход к «зеленой» экономике закрепляется уже не только во внутреннем законодательстве ЕС, но постепенно выходит на международный уровень. Так, новый законопроект о климате предполагает, что ЕС станет климатически нейтральным к 2050 году, то есть негативное воздействие парниковых газов будет компенсироваться посадкой

лесов [3]. Интересно то, что данный законопроект является лишь частью большой так называемой «зеленой сделки» ЕС, представляющей собой целый комплекс мер по защите окружающей среды и снижению негативного влияния на нее. Одной из таких мер может стать «механизм регулирования углерода» для стран-партнеров. Он заключается в обложении дополнительными пошлинами товаров, произведенных компаниями с высокими выбросами углеродов. Европейская комиссия объясняет необходимость принятия данной меры следующим образом: «Усилия Европы по достижению климатической нейтральности к 2050 году могут быть подорваны отсутствием амбиций со стороны наших международных партнеров. Это будет означать риск утечки углерода. Это происходит, когда компании переносят производство в страны менее строгие в отношении выбросов. В таком случае глобальные выбросы не будут сокращены. Этот новый механизм мог бы противодействовать данному риску, устанавливая цену на углерод для импорта определенных товаров из-за пределов ЕС» [15]. Данная инициатива в настоящее время находится на этапе консультации, а одобрение комиссией запланировано на вторую четверть 2021 года. В настоящих условиях существует мало оснований сомневаться в том, что рано или поздно она будет принята.

В РФ также установлена цель по снижению выбросов парниковых газов к 2050 году. Их уровень должен будет составлять 52% от уровня 1990 года [12].

Немецкие ядерные отходы в РФ — элемент сотрудничества?

Одним из спорных вопросов сотрудничества является утилизация ядерных отходов. Недавнее известие о том, что в РФ возобновляется ввоз ядерных отходов, и до 2022 г. планируется переправить 12000 тонн урана из Германии, которая, стоит отметить, является крупнейшим партнером РФ в Европе, взбудоражило как российскую, так и германскую общественность. На данный момент срок действия разрешения на вывоз в Россию урановых отходов через порты Нидерландов продлен до 2023 года. Помимо Urenco (компания, занимающаяся обогащением урана и поставляющая в РФ отходы из Германии), соответствующее разрешение получило

и предприятие Ogoho во Франции [6]. Беспокойство российских экологов «Росатом» попытался успокоить заявлением о том, что «Обедненный уран — это полезное сырье, которое используется на российских обогатительных предприятиях для производства обогащенного урана. Иностраный обедненный уран ввозится в Россию не «на захоронение», а на переработку до полезного продукта с его последующим вывозом обратно за рубеж» [4]. Нужно отметить, что формально условие возврата обедненного урана является обязательным. Согласно российскому законодательству, импорт ядерных отходов с целью их захоронения запрещен [13]. Однако, согласно данным «Экозащиты», до 98 процентов от объема ввезенных отходов навсегда остаются в России [14].

Вопрос об утилизации немецких отходов за рубежом остро стоит в кругах немецких эко-активистов. Поэтому данный эпизод вызвал волнения не только российских экологов, в ряде немецких городов также прошли пикеты против вывоза ядерных отходов в Россию [1]. Проблемы с переработкой возникают в Германии, не только в отношении ядерных отходов, но даже и с обычным пластиком. Непереработанный мусор отправляется в Малайзию, где он скапливается либо сжигается, нанося вред окружающей среде [7]. Вопрос о том, что делать со слишком дорогим в переработке или неподдающимся ей мусоре очень сложный и является темой отдельной дискуссии. С уверенностью можно сказать лишь то, что мир нуждается в новых разработках в области экологии. Данная сфера будет приобретать все большее значение в международных отношениях и, например, поиск альтернативных путей переработки отходов является потенциальным полем для плодотворного сотрудничества Российской Федерации со странами ЕС. Для повышения инвестиционной привлекательности российских компаний и имиджа РФ на международной арене, нашей стране нужно продолжать упорный труд по экологической трансформации производств и развитию законодательства в данном вопросе.

Перспективы сотрудничества

Основным приоритетом должно оставаться поддержание и развитие уже существующих партнерств, поскольку это уже про-

ложенный путь взаимодействия, на основе которого потенциально могут возникнуть новые инициативы по сотрудничеству.

Одна из возможных инициатив — присоединение России к европейской или создание собственной системы торговли выбросами парниковых газов. Такие системы являются разновидностью мер экономического стимулирования, наряду с «углеродным налогом».

Еще одно потенциальное сотрудничество — это совместный поиск возможностей снижения негативного воздействия на окружающую среду. Это и технологии переработки сложных отходов, и усовершенствование систем по снижению вредоносных выбросов и др.

Для Российской Федерации крайне важно развиваться в соответствии с мировыми трендами. Те успехи, которые мы имеем сегодня, благодаря принятию государственных программ, законодательному регулированию и инициативам частных компаний являются примером наших больших потенциальных возможностей в данной сфере. Важно понимать, что процесс трансформации производств и законодательства в сторону заботы об экологии не только нельзя останавливать, но нужно всячески стимулировать и ускорять, поскольку мы отстаем от наших европейских партнеров. Климатическая повестка создает долгосрочную угрозу российскому экспорту в отношении основных товаров — нефти, нефтепродуктов, угля, природного газа, металлов, продуктов лесной и химической промышленности. Без специальных мер реагирования это может привести к долгосрочному ограничению роста российской экономики.

Список литературы:

1. Активисты в ФРГ критикуют предстоящий экспорт ядерных отходов в Россию. URL: <https://www.dw.com/ru/> — 01.06.20.
2. Аналитический центр при Правительстве РФ, Минэкономразвития РФ, МИД РФ, Федеральная служба государственной статистики. Добровольный национальный обзор об осуществлении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Москва, 2020.
3. В ЕС представили законопроект о климатической нейтральности. URL: <https://www.dw.com/ru/> — 01.06.20.

4. Газета Коммерсант 23.10.2019, «Росатом» назвал дезинформацией сообщение о ввозе радиоактивных отходов из Германии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4134917> — 01.06.20.
5. Европейский Союз и Российская Федерация, Представительство Европейского Союза в Российской Федерации. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia_ru/ — 01.06.20.
6. Из Германии в Россию отправлен новый груз с ядерными отходами. URL: <https://www.dw.com/> — 01.06.20.
7. Импорт или переработка: как Германии избавиться от пластиковых отходов? URL: <https://www.dw.com/ru/> — 01.06.20.
8. Официальный сайт Европейской службы внешних связей. URL: <https://eeas.europa.eu/delegations/russia> — 01.06.20.
9. Официальный сайт Северного Измерения. URL: <https://www.northerndimension.info/ru/northern-dimension-rus> — 01.06.20.
10. По данным 2018 г Global Sustainable Investment Alliance. URL: http://www.gsi-alliance.org/wpcontent/uploads/2018/06/GSIR_Review2018F.pdf — 01.06.20.
11. Российский национальный суб-комитет ИНТЕРПЕК. URL: <http://rncs.leontief-centre.ru/4/> — 01.06.20.
12. Митрова Т., Хохлов А., Мельников Ю., Пердеро А., Мельникова М., Залюбовский Е. Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути. Москва, 2020. 69. с.
13. Федеральный закон от 11.07.2011 N 190-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 16.07.2013).
14. Экозащита. URL: <https://ecodefense.ru/> — 11.07.20.
15. European Union Externalaction. URL: <https://eeas.europa.eu/headquarters/> — 01.06.20.
16. EU Green Deal (carbon border adjustment mechanism). URL: <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12228-Carbon-Border-Adjustment-Mechanism> — 01.06.20.
17. FTSE 4 GOOD. URL: <https://www.ftserussell.com/products/indices/ftse4good> — 01.06.20.
18. FTSE Russels Investing in the global green economy: Busting common myths 2018. URL: <https://www.ftserussell.com/research/investing-global-green-economy-busting-common-myths> — 01.06.20.
19. Sustainalytics. URL: <https://www.sustainalytics.com/> — 11.07.20.

Родина Екатерина Юрьевна

Основные направления экологического сотрудничества России и стран Северной Европы

Main directions of environmental cooperation between Russia and the Nordic countries

Аннотация: Данная статья посвящена определению основных тенденций, направлений и особенностей, характерных для экологического сотрудничества России и стран Северной Европы. В материале рассмотрены двусторонние отношения России и стран Северной Европы; оценена совместная деятельность России и стран Северной Европы в сфере охраны окружающей среды в рамках «Северного измерения»; а также проанализировано участие России в экологическом сотрудничестве со странами Северной Европы в Арктическом регионе.

Ключевые слова: Экологическая политика, Северное Измерение, СИ, Северная Европа, Арктический регион.

Abstract: This article is devoted to determining the main trends, directions and features of environmental cooperation between Russia and the Nordic countries. The article examines the bilateral relations between Russia and the Nordic countries; assesses the joint activities of Russia and the Nordic countries in the field of environmental protection within the “Northern Dimension”; and analyzes Russia’s participation in environmental cooperation with the Nordic countries in the Arctic region.

Keywords: Environmental policy, Northern Dimension, ND, Northern Europe, Arctic region.

Впоследствии глобализации и растущей индустриализации параллельно с технологическими достижениями возрастают и экологические проблемы. Масштабный экономический рост в условиях глобализации послужил поводом для обострения экологической ситуации во всех частях мира. Проблема окружающей среды приняла глобальные размеры и стала затрагивать интересы всего человечества. Очевидно, что для обеспечения устойчивого

развития на глобальном уровне следует, как заявляли представители Римского клуба, «думать глобально, а действовать локально». Поэтому региональное сотрудничество играет большую роль.

Одним из ключевых направлений взаимодействия России и стран Северо-Западной Европы является Северное Измерение. СИ представляет собой политическую концепцию, целью которой является развитие сотрудничества России и Евросоюза, а именно Северного региона. Задачей партнерства является «поддержка стабильности, благополучия и устойчивого развития в регионе посредством практического сотрудничества». Политика Северного измерения обеспечивает положительное сотрудничество России и Европейского союза и препятствует возникновению новых разногласий. В общей сложности СИ действует в рамках четырех партнерств: Партнерство Северного измерения в области общественного здравоохранения и социального благополучия (NDPHS), Партнерство Северного измерения в области транспорта и логистики (NDPTL) и Партнерство Северного измерения в области культуры (NDPC). Одним из ключевых и наиболее плодотворных является Экологическое партнерство Северного измерения (NDEP) [8].

Многие страны Северного Измерения страдают от загрязнения, вызванного плохой очисткой сточных вод, недостаточными мерами по повышению энергоэффективности, неэффективным муниципальным управлением и неправильной утилизацией сельскохозяйственных и ядерных отходов. В некоторых районах Северного Измерения нет должных ресурсов и опыта в решении данных проблем, а такие регионы, как, например, Северо-Запад России нуждаются в дополнительных средствах для реализации экологических проектов. Именно поэтому участие Российской Федерации в СИ столько ценно.

Для решения данных проблем Экологическое партнерство Северного измерения (ЭПСИ) обеспечивает прочную международную основу, которая способствует сотрудничеству между правительствами стран-партнеров, Европейской комиссией, донорами и международными финансовыми институтами (МФИ), что дает возможность регионам, в том числе российским, воплощать в жизнь различные экологические инициативы. Примером та-

кой финансовой поддержки может послужить гранатовое соглашение, подписанное в 2016 году между Гатчинским Водоканалом и экологическим партнерством «Северное измерение» (NDEP). Грант суммой 500 000 евро предназначен для содействия модернизации линий биологической очистки завода, и по мнению директора Водоканала Юрия Цыпкайкина, данные инвестиции помогут городу сократить выбросы фосфора более чем на 25 тонн и азота — на 42 тонны в год. В результате сотрудничества NDEP и Санкт-Петербургского Водоканала к 2015 году город очищал уже 98,4% своих сточных вод [12]. Более того, очистка хранилища отработанного ядерного топлива (ОЯТ), расположенное губе Андреева (в 55 км северо-западнее Мурманска), финансируется за счет грантов в рамках экологического партнерства «Северное измерение». Правительства-партнеры, такие как Норвегия, Европейская комиссия и другие доноры, также внесли значительные денежные взносы.

Также Российская сторона активно участвует в различных форумах и конференциях, посвященных экологическим проблемам, в рамках партнерства Северного Измерения. Одним из недавних событий стал 10-й Форум Северного измерения 4 апреля 2019 года, организованный Деловым советом Северного измерения, Ассоциацией европейского бизнеса и Высшей школой менеджмента Санкт-Петербургского университета в Санкт-Петербурге. Мероприятие было посвящено устойчивому развитию в эпоху глобальных изменений [13].

Североевропейские страны активно поддерживают отношения с Российской Федерацией в сфере охраны окружающей среды и на двусторонней основе. В результате двустороннего сотрудничества были разработаны системы для оценки экологического состояния природы, организованы курсы эко-специалистов и реализованы многие другие проекты. Так, Финляндия активно сотрудничает с регионами Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды: оказывает содействие в реализации ряда крупных экологических проектов в России, в частности, в строительстве водоочистных сооружений в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградской областях [4].

В ходе двустороннего сотрудничества было реализовано огромное количество масштабных проектов приграничного со-

трудничества между Финляндией и Северо-Западом России, а именно Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. В ходе проекта «Адаптация городской окружающей среды к негативным последствиям климатических изменений» для Санкт-Петербурга и городов Юго-Восточной Финляндии были созданы карты рисков, обусловленных природными опасностями для текущей климатической ситуации и выработаны рекомендации по обеспечению экологической безопасности территории городов за счет их адаптации к опасным погодно-климатическим явлениям. В процессе реализации проекта «Шаг к экоподдержке» были организованы обучающие семинары и краткосрочные образовательные курсы для будущих специалистов, а в результате проекта был разработан информационный портал, на котором размещены модули для обучения будущих эко советников. Как итог проекта «Межкластерная лаборатория по снижению экологических рисков и защите окружающей среды» была создана геоинформационная система (ГИС) оценки экологического состояния уязвимости и оценки экологических рисков, обладающая возможностями анализа и обобщения информации об экологическом состоянии, уязвимости и оценки трансграничных рисков для территорий [2].

Швеция также активно сотрудничает с Российской Федерацией на двусторонней основе. Экологическое сотрудничество между двумя странами осуществляется еще с 1994 года и насчитывает более 90 совместных проектов [11]. Так, например, в сфере охраны окружающей среды и наилучших доступных технологий (НДТ)¹ существует четыре проекта, направленных на усиление внедрения в России усовершенствованного законодательства в области охраны окружающей среды, основанного на НДТ. Проекты включает в себя анализ и сравнение правовых основ в Швеции и России, а также разработку учебных пакетов для природоохранных органов и различных отраслей промышленности. Также реализуется три проекта, направленных на модернизацию российской системы управления отходами, сокращение свалок и

¹ НДТ — это технологии производства, основанные на современных достижениях науки и техники с учетом охраны окружающей среды.

содействие устойчивому городскому развитию. Более того, данные проекты направлены не только на улучшение федерального законодательства, но и на сотрудничество с отдельными регионами, например, Нижним Новгородом и Волгоградом. Данные проекты позволят улучшить систему разделения бытовых и отдельных опасных отходов.

В октябре 2019 года Шведское агентство по охране окружающей среды (EPA) совместно с Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации провело 14-е заседание Совместного комитета, на котором была подписана новая двусторонняя рабочая программа на 2019–2021 годы. Программа включает в себя охрану водных и морских ресурсов, сохранение биоразнообразия, утилизацию отходов и химикатов, а также вопросы устойчивого развития городов. В ходе совещания Шведская сторона отметила, что экспериментальными направлениями сотрудничества стали Волгоградская и Нижегородская области. Российская сторона выразила глубокую заинтересованность в применении шведского опыта в сфере обращения с отходами и заявила о работе над Концепцией расширенной ответственности производителей (РОП) с использованием шведской практики [7]. Также были отмечены результаты, достигнутые в сфере изменения климата в рамках проекта «Наращивание потенциала в области регулирования выбросов парниковых газов, включая использование НДТ, для достижения целей Парижского соглашения РКИК ООН. Сотрудничество между Россией и Швецией» [6].

Еще одним активным экологическим партнером России является Норвегия. Основное сотрудничество между двумя странами осуществляется в рамках морской среды, это обусловлено тем, что страны имеют общую границу в Баренцевом море. Сотрудничество осуществляется в рамках совместной Норвежско-Российской Комиссии по охране окружающей среды и совместной Норвежско-Российской Комиссии по рыболовству (Joint Norwegian-Russian Commission on Environmental Protection, the Joint Norwegian-Russian Fisheries Commission.). Сотрудничество сосредоточено на вопросах целостного экосистемного управления Баренцевым морем, где значительные аспекты деятельности сосредоточены на укреплении базы знаний об окружающей среде

и ресурсах, а также деятельности человека и его влиянии на морскую акваторию. Одним из ключевых направлений сотрудничества в области морской среды является содействие разработке комплексного плана управления российской частью Баренцева моря на основе опыта, накопленного в ходе работы над норвежским планом управления. План по двустороннему сотрудничеству 2019–2021 включает в себя 4 основных проекта, посвященных разработке обзора коммерческой деятельности и ее воздействия на окружающую среду и другие отрасли промышленности, публикации норвежско-российских экологических данных через «barentsportal.com», экосистемному экологическому мониторингу. Одним из последних совместных проектов является разработка системы экологической оценки и критериев уязвимости морских видов и мест их обитания в территориальных водах. Работа по составлению карт экологических ценностей начнется в 2020 году и, как ожидается, будет завершена к концу программы работы экологической комиссии на 2019–2021 годы [14].

Еще одним направлением является сотрудничество в Арктическом регионе. Арктика представляет для России большой интерес, так как данный регион богат разнообразными полезными ископаемыми, в том числе нефтью и газом, а также именно по данной территории проходит Северный морской путь, связывающий Европейскую часть России и Дальний Восток, который имеет важнейшее экономическое и стратегическое значение. Тем не менее арктический регион сталкивается с огромными экологическими проблемами, в особенности с глобальным потеплением. Территории арктической зоны России страдают от загрязнений в результате неправильной эксплуатации военных объектов и различной инфраструктуры, отсутствия современных средств для освоения месторождений и мониторинга состояния окружающей среды. Арктические территории России нуждаются в модернизации системы утилизации отходов, а также инвестициях для дальнейшего развития региона с сохранением устойчивой окружающей среды. Согласно Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, обеспечение экологической безопасности являлось одним из ключевых направлений деятельности России в данном регионе.

В Стратегии большая роль уделяется «развитию диалога между регионами и муниципалитетами северных стран для обмена опытом в области разработки климатической и энергетической политики» [9]. Экологическое сотрудничество между Россией и Северными странами в Арктической зоне является одним из ключевых направлений Российской арктической политики для реализации своих национальных интересов в данном регионе.

Еще в 1991 году 8 северными государствами (Россия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, США и Канада) была подписана Стратегия защиты окружающей среды в Арктике (АЕПС), основные цели которой были перечислены как: «Сохранение качества окружающей среды и природных ресурсов, согласование принципов защиты окружающей среды с потребностями и традициями коренных народов Арктики, мониторинг состояния окружающей среды, а также сокращение и, в конечном итоге, устранение загрязнения в окружающей среде Арктики» [15]. А 11 января 1993 года был создан форум регионального сотрудничества — Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), который также играет огромную роль в содействии устойчивому развитию региона. С октября 2015 года до сентября 2017 года Российская Федерация председательствовала в Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). В рамках Совета реализуется ряд важных экологических проектов, разработана перспективная климатическая стратегия региона, направленная на смягчение климатических изменений и адаптацию [1. С. 160.]. Россия уделала большое внимание устойчивому развитию региона и рациональному использованию природных ресурсов. «Основной задачей считаем содействие устойчивому социально-экономическому развитию региона, созданию современной инфраструктуры, повышению его конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности при рациональном использовании промышленного, научно-инновационного и ресурсного потенциала, а также соблюдении экологических требований.», — заявил МИД России [3].

В 2019 году была принята новая Декларация Встречи министров транспорта Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), в которой министры подтвердили, что Финляндия, Норвегия, Россия и Швеция стремятся к развитию эффективной

транспортной системы в Баренцевом регионе для сокращения количества выбросов углеводорода в атмосферу [10].

Одним из ключевых форумов экологического сотрудничества Российской Федерации и стран Северной Европы является Арктический Совет, созданный 19 сентября 1996 года представителями восьми арктических государств: Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии и Швеции. Главными целям АС являются регулирование состояния окружающей среды и предотвращение возможных загрязнений. В рамках Арктического совета созданы специальные рабочие группы по разным экологическим аспектам: устранение загрязнения в Арктике (АСАР), защита арктической морской среды (РАМЕ), сохранение арктической флоры и фауны (САФФ) и др [5].

Впервые Россия председательствовала в Арктическом совете в 2004–2006 годах. Основные направления ее экологической деятельности заключались в укрепление сотрудничества в сфере рационального управления природными ресурсами и более широкое использование возобновляемых источников энергии, а также укрепление международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, включая ратификацию Российской Федерацией Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В рамках своего председательства Российского стороной был организован международный симпозиум по перспективам и последствиям разведки и освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и международная конференции по разработке механизма мониторинга, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике. Более того Россия выступила спонсором семинара по продвижению устойчивого развития в Арктике, который стал первым семинаром такого рода для Арктического совета. В результате данного мероприятия была дана общая оценка деятельности и рекомендации по экономическим и социальным аспектам устойчивого развития Арктики. Россия во второй раз станет председателем Совета в 2021–2023 годах. Основная деятельность будет сосредоточена на экологическом устойчивом развитии арктического региона и реализации экологических проектов по использованию Северного морского пути [16].

Таким образом, экологические проблемы современности требуют для своего урегулирования совместную работу государств, неправительственных и межправительственных организаций и других акторов. Для этого следует продумать более совершенные методы решения проблем на глобальном и национальном уровне. Развитые страны осознали, что для дальнейшего устойчивого развития людям следует уделять большее внимание состоянию окружающей среды. Примером стран с эффективной экологической политики в современном мире являются страны Северной Европы, для которых разрешение экологических проблем является одним из главных направлений внутренней и внешней политики. Именно поэтому сотрудничество России и североευропейских стран, как на основе двустороннего стороннего партнерства, так и в рамках международных организаций, является важным фактором в формировании внешней политики России в сфере охраны окружающей среды. Сотрудничество со странами Северной Европы помогает России реализовывать экологические проекты путем привлечения значительных инвестиций и европейских специалистов, а возможность заимствования опыта у данных стран даст толчок как для активизации экологической политики внутри страны, так и для более активного участия России в международном экологическом сотрудничестве.

Список литературы:

1. Коваль В. П., Лыжин Д. Н. Международное экологическое сотрудничество в Арктике // Арктика и Север. Вып. 22. — Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2016.
2. Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. Программы приграничного сотрудничества URL: <http://kvs.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/06/14/BukletKVS.pdf> — 21.05.20.
3. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с участием Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в 15-й министерской сессии Совета Баренцева/Евроарктического региона. МИД России URL: <https://www.mid.ru/ru/kommentarii/> — 21.05.20.
4. Посольство Российской Федерации в Финляндии URL: <https://helsinki.mid.ru/rossijsko-finlandskie-otnosenia> — 21.05.20).

5. Роль рабочих групп в работе Арктического совета. Университет Арктики (UArctic) URL: <https://ru.uarctic.org/shared-> — 21.05.20.
6. Россия и Швеция обсудили вопросы сотрудничества в области охраны окружающей среды. Пресс-служба Минприроды России URL: http://www.mnr.gov.ru/press/news/v_stokgolme_sostoyalos_14_zasedanie_rossiy — 21.05.20.
7. Россия и Швеция обсудили природоохранное сотрудничество. Пресс-служба Минприроды России URL: http://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_shvetsiya_obsudili_prirodookhranno — 21.05.20.
8. Северное измерение URL: <http://www.northerndimension.info/ru/northern-dimension-rus> — 21.05.20).
9. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Министерство экономического развития РФ URL: <https://minec.gov-> — 21.05.20.
10. Draft Declaration The Transport Ministerial Meeting of the Barents Euro-Arctic Council (BEAC) 12 September in Umeå, Sweden URL: <https://mintrans.ru/storage/app/media/lbs/Declaration%20eng.pdf> — 23.05.20).
11. Environmental cooperation with Russia. EPA URL: <http://www.swedishepa.se/Environmental-objectives-and-cooperation/Cooperation-internationally-and-in-the-EU/International-cooperation/Bilateral-cooperation/Russia/> — 19.05.20.
12. Improving the environment with combined stakeholders. Northern Dimension URL: <http://www.northerndimension.info/news/nd-newsflash/nd-newsflash-no-1-2015-> — 21.05.20.
13. NDI in the 10th ND Forum in St. Petersburg. Northern Dimension URL: <http://www.northerndimension.info/news/news/848-ndi-in-the-10th-nd-forum-in-> — 21.05.20.
14. Norwegian-Russian cooperation on the marine environment URL: <https://www.npolar.no/en/themes/international-> — 21.05.20.
15. Office of Technology Assessment Washington DC (1995). Nuclear Wastes in the Arctic: An Analysis of Arctic and Other Regional Impacts from Soviet Nuclear Contamination. Ft. Belvoir: Defense Technical Information Center SEP. p. 196.
16. The Arctic Council. Russia in the Arctic Council URL: <https://arctic-council.org/en/about/states/russian-federation/> — 23.05.20.

Смирнов Егор Владимирович

Как гром среди ясного неба: перспективы развития энергетического сотрудничества России и Евросоюза в условиях принятия «Зеленой сделки» Урсулы фон дер Ляйен

Like a bolt from the blue: prospects for the development of energy cooperation between Russia and the European Union in the context of the adoption of Ursula von der Leyen's «Green deal»

Аннотация: Данное исследование посвящено потенциальным последствиям принятия и реализации положений «Зеленой сделки» стран Евросоюза для отношений России и ЕС в энергетической сфере, в частности, транзита природного газа. Автором выдвинута гипотеза о том, что потенциальные структурные изменения в производстве энергии в странах Евросоюза могут позволить покрыть растущий спрос на энергопотребление и избежать установления зависимости от импорта российского газа. Для реализации целей, намеченных «Зеленой сделкой», Россия может предложить ЕС новые направления энергетического сотрудничества, среди которых можно выделить поставки декарбонизированного природного газа, строительство новой инфраструктуры по хранению и транспортировке синтезированного газа, экспорт синтезированного газа в другие регионы с помощью существующей инфраструктуры и т.д. Поддержка Евросоюза в амбициозной энергетической программе создаст важную площадку для выстраивания партнерских отношений и преодоления противоречий в других областях, а также положительно скажется на международном имидже России, которая окажется в авангарде реализации запросов мировой экологической повестки.

Ключевые слова: Европейская «Зеленая сделка», Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, энергетическая политика Российской Федерации, энергетическая политика Европейского Союза, Энергетический союз ЕС.

Abstract: This study focuses on the potential consequences of the adoption and implementation of the provisions of EU countries' "Green deal"

for relations between Russia and the EU in the energy sector, in particular, for the transit of natural gas. The author puts forward a hypothesis that potential structural changes in energy production of the EU countries could help them to meet the growing demand for energy consumption and avoid dependence on gas imports from Russia. To achieve the goals set by the “Green deal”, Russia could offer EU new areas of energy cooperation, among which are the supply of decarbonated natural gas, the construction of new infrastructure for the storage and transportation of synthesized gas, the export of synthesized gas to other regions via the existing infrastructure, etc. Providing EU with support in an ambitious energy program will create an important platform for building partnerships and overcoming contradictions in other areas, as well as positively affect the international image of Russia, which will be at the forefront of the implementation of global environmental agenda requests.

Keywords: European “Green deal”, European Commission President Ursula von der Leyen, energy policy of the Russian Federation, energy policy of the European Union, EU’s Energy Union.

История Европейского Союза началась после учреждения Европейского сообщества угля и стали (ЕОУС) в 1952 г. Тогда лидеры ряда западноевропейских стран поддержали потенциальное объединение Европы во имя достижения мира через развитие экономических связей. Это было отражено в Декларации Шумана 1950 г. Первым этапом послевоенной западноевропейской интеграции стало ускорение сотрудничества именно в энергетической сфере [23]. Проблема обеспечения национальной энергетической безопасности и стимулирования развития промышленности остро стояла в странах Европы в XIX–XX вв. Послевоенные западноевропейские лидеры выступили с инициативой совместно снять противоречия в области энергетики для дальнейшего углубления экономического сотрудничества. Впоследствии члены ЕОУС договорились об образовании Европейского сообщества по атомной энергии, предвосхищая возможные столкновения в этой сфере и преимущества совместной деятельности.

Сегодня энергетическое противостояние приобрело глобальный характер. Экспортеры стремятся опередить друг друга в расширении присутствия на различных рынках, а импортеры — диверсифицировать закупки, чтобы избежать односторонней по-

литической зависимости от поставщика энергоресурсов. Одним из крупнейших импортеров является Европейский Союз, более 50% потребляемой энергии которого покрывается за счет импорта [26]. Одновременно на европейском рынке ежегодно растет энергопотребление. Но этот увеличивающийся спрос не может покрываться за счет собственной добычи энергоресурсов. Так, за последние десять лет добыча газа в регионе в целом снизилась на 37% [24]. Именно поэтому одной из задач энергетической политики Европейского Союза является обеспечение энергетической безопасности через диверсификацию маршрутов поставок энергоресурсов. Например, существуют потенциальные газотранспортные проекты ЕС с Туркменистаном и Ираном, хотя они сталкиваются со специфическими трудностями [12]. В целом, энергетическую безопасность можно понимать как совокупность следующих составляющих: диверсификация поставок, обеспечение их гибкости и непрерывности [23].

Хотя вопросы энергетики были включены в совместную компетенцию стран-членов и институтов Евросоюза только в Лиссабонском договоре 2007 г. [17], сотрудничество в этой области под эгидой наднациональных европейских органов было одним из краеугольных камней послевоенной европейской интеграции. Тем не менее важно понимать, что эффективная совместная работа налажена именно в вопросе сотрудничества стран-членов между собой, а не в области внешней энергетической политики. Это объясняется тем, что в рамках европейских экономических сообществ не существовало единого энергетического рынка, и компетенция в вопросе внешней энергетики оставалась на национальном уровне. Таким образом, при попытке выработки единой энергетической политики наднациональные органы сталкиваются с проблемами координации действий стран-членов объединения, что объясняется разнородностью энергетических структур и различной емкостью инвестиционных вложений [23].

В соответствии с Договором о функционировании Европейского Союза страны-члены сохраняют за собой право самостоятельно определять условия эксплуатации энергоресурсов, направления их поставок и общую структуру покрытия национального спроса на энергопотребление. Тем не менее Европейская

комиссия добилась определенных успехов в формировании единого и либерализованного энергетического рынка через выпуск энергетических директив, накладывающих ограничения на поставщиков-монополистов в производстве и транспортировке ресурсов и энергии одновременно, с целью развития конкуренции между импортерами, обеспечения открытого доступа на рынок региона и снижения цен на энергоресурсы [17].

Успешное развитие процесса образования такого рынка позволило начать переговоры о создании Европейского Энергетического Союза, предполагающего проведение его участниками единой энергетической политики. В рамках этого проекта, который на практике был инициирован Председателем Европейской комиссии Жан-Клод Юнкером в 2015 г. в качестве одного из приоритетов его работы, Европейский Союз преследует следующие цели: обеспечить функционирование внутреннего энергетического рынка и взаимосвязь энергетических сетей, обеспечить безопасность энергоснабжения в ЕС; способствовать повышению энергоэффективности и энергосбережению; перейти к низкоуглеродной экономике (декарбонизация) в соответствии с Парижским соглашением; содействовать развитию новых и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) для лучшего согласования и интеграции целей в области противодействия изменению климата в новый дизайн рынка; содействие исследованиям, инновациям и конкурентоспособности [2].

На практике проект подвергался критике за обобщение целей и задач, которые были сформулированы ранее, без конкретных решений, но с большим финансированием [19]. Тем не менее нельзя оспорить значимость тех целей, которые поставил перед собой Европейский Союз, хотя считается, что главной задачи — связать инфраструктурой европейских внутренних энергопоставщиков, например, сжиженного природного газа [8], он достичь не смог.

Другим важным соглашением стала Стратегия-2030 в области климата и энергетики, которая во многом легла в основу целей Энергетического Союза [19]. Основные положения стратегии сводятся к достижению трех целей к 2030 г.: сокращение выбросов парниковых газов на 40% в сравнении с уровнем 1990 г., увеличение на четверть доли ВИЭ в покрытии спроса ЕС на энергопо-

требление и повышение на четверть энергоэффективности экономики ЕС [18].

Новый этап энергетической политики Европейского Союза начался в конце 2019 г. Тогда пост Председателя Европейской комиссии заняла Урсула фон дер Ляйен. Одной из первых законодательных инициатив, направленных ее Еврокомиссией в Европарламент, стал проект европейской «Зеленой сделки», в рамках которого предполагается подготовить новую стратегию роста экономики ЕС, опираясь на создание современной, ресурсоэффективной и конкурентной экономики для преодоления климатических вызовов. Еще раньше она представила его в качестве основного задания первого исполнительного вице-президента Франса Тиммерманса. Главной целью этого проекта было провозглашено реформирование Европы в первый в мире «углеродно-нейтральный регион» к 2050 г., что означает радикальное сокращение выбросов углекислого газа и их сведение к нулю в промышленной сфере [13]. Хотя важно понимать, что такая цель существовала в информационном поле и ранее [7]. До начала «коронакризиса» предполагалось, что на осуществление проекта может быть потрачено до триллиона евро [5].

Такое новое рамочное соглашение Европейской комиссии в области энергетической политики столкнулось с критикой. Во многом такая критика направлена на неадекватные финансовым возможностям цели и сомнительные гарантии для инвестиций из частного сектора, а радикальные эоактивисты и представители зеленых партий делают акцент на необходимости предпринять более решительные действия в ближайшие годы [9].

Европейская «Зеленая сделка» неразрывно связана с изменением образа жизни европейцев, с улучшением условий быта, с повышением энергоэффективности зданий и с обеспечением устойчивого экономического роста. В рамках проекта уже были подготовлены Инвестиционный план, Механизм справедливого перехода, законопроект о Европейском климатическом праве, Европейская промышленная стратегия, План действий в экономике замкнутого цикла, стратегии биоразнообразия и развития устойчивой системы пищевой промышленности [1].

Таким образом, хотя европейская «Зеленая сделка» представляет из себя серию рамочных соглашений, инициатива предполагает серьезную трансформацию экономической системы и нормативной среды Евросоюза. Целью является повышение конкурентоспособности экономики региона и сокращение выбросов парниковых газов через рост доли ВИЭ при покрытии спроса на энергопотребление в ЕС [13]. В этом отношении важно помнить, что рынок энергопотребления Евросоюза является одним из основных зарубежных рынков для России в области экспорта природного газа. В последние несколько лет объем реализации российского природного газа в Европе приближался к отметке в 200 миллиардов куб. м. ежегодно, что составляло треть от всего потребления природного газа [24]. Решительные наднациональные действия в области повышения роли ВИЭ могут ударить по присутствию России в энергопоставках из-за неспособности привлечь европейские инвестиции в добычу газа, если они будут перенаправлены в ВИЭ, негибкости трубопроводных поставок в случае конфликта поставщика и потребителя в сочетании с фактором санкционного давления.

В Евросоюзе традиционно ставится вопрос о том, существует ли возможность ослабить зависимость от России в энергетике, ограничив ее определенным пределом [22]. Тем не менее сотрудничество России и Евросоюза в области энергетики в последние годы переживает период роста, несмотря на санкционное давление на некоторые инфраструктурные проекты, например «Северный поток-2». Это объясняется особенностями внутреннего рынка газа в Европе, где спрос увеличивается, а собственная добыча снижается: ограниченными возможностями сжиженного природного газа оперативно удовлетворять спрос на газ в пиковые периоды потребления, сравнительной эффективностью трубопроводных проектов (низкая себестоимость), наличием развитой и надежной инфраструктуры [15]. Общее стремление двух сторон сократить выбросы CO₂, в понимании российской стороны, может стать основой для наращивания поставок природного газа как самого экологически чистого из традиционных карбонизированных источников энергии [Там же].

Руководство компании «Газпром экспорт» придерживается позиции, что радикальные призывы европейских политиков и экоактивистов отказаться от какого-либо традиционного источника энергии могут привести только к дестабилизации мировой экономики [Там же]. Тем не менее ряд национальных государств, опираясь на эти лозунги и политические соображения, готовы отдать предпочтение финансированию проектов развития ВИЭ, игнорируя традиционное ископаемое топливо, что не всегда оказывается экономически целесообразным. Важно понимать, что в реальности на данный момент полный переход на использование ВИЭ невозможен по финансовым причинам и просто из-за слишком большого количества потенциальных мощностей, которые могут для этого потребоваться. Бесперебойное энергоснабжение может быть обеспечено только за счет обращения к комплексному подходу с использованием традиционных источников энергии, среди которых наименьшим «углеродным следом» обладает природный газ [21]. Именно поэтому Россия в энергетической внешнеторговой политике в отношении Евросоюза сегодня делает ставку на природный газ, реагируя на те изменения, которые происходят в регионе.

Несмотря на это, в случае успешной реализации положений «Зеленой сделки» при достаточном финансировании «зеленых» индустрий в рамках преодоления последствий «коронакризиса» и бюджетной поддержки Россия в ближайшее десятилетие может столкнуться с последовательным сокращением своего газового присутствия в регионе [6]. Кроме того, вряд ли возможно остановить описываемый процесс, так как запрос бизнеса и населения на «зеленое» обновление инфраструктуры в Европе существует устойчиво и не был спровоцирован именно инициативой Урсулы фон дер Ляйен.

Однако Россия может получить выгоду, если предложит Евросоюзу «зеленые» инфраструктурные проекты, хранение и транспортировку синтезированного газа (соответствующая технология развивается, например, в Германии в рамках *Energiewende* — «Энергетического поворота») и начнет декарбонизировать экспортируемый природный газ. Декарбонизированный газ имеет потенциал занять прочные позиции на европейском

рынке энергопотребления, так как сами идеи, которые лежат в основе европейской «Зеленой сделки», не ставятся под сомнение, чего нельзя сказать о сроках и способах их реализации. Развитие сотрудничества и повышение доли природного газа в российском экспорте может поставить вопрос о привлечении инвестиций Евросоюза в российскую газодобычу, хотя препятствием на этом пути являются американские и европейские санкции. Развитие новых инфраструктурных проектов, помимо трубопроводных, также позволит решить проблему диверсификации направлений российского энергетического экспорта в Евросоюз во избежание экономических потерь из-за негибкости трубопроводных поставок в случае политических конфликтов [25].

Мы можем говорить о сложившемся и воплощаемом на практике тренде в европейской политике, который Россия как крупнейший энергетический партнёр не может игнорировать. Поддержка Евросоюза в амбициозном энергетическом проекте положительно скажется на международном имидже России, которая окажется в авангарде реализации запросов мировой экологической повестки. Наконец, она создаст важную площадку для выстраивания диалога на равных и продемонстрирует общность целей и интересов в энергетике, что в качестве важного опыта может положительно сказаться на преодолении противоречий в других областях.

Список литературы:

1. A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en — 19.06.2020.
2. Energy policy: general principles. Fact Sheets on the European Union. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/68/energy-policy-general-principles> — 22.06.2020.
3. European Climate Law. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/eu-climate-action/law_en — 19.06.2020.
4. European Energy Union: It's all swings and roundabouts. URL: <https://www.en-former.com/en/european-energy-union-eu-elections/> — 25.06.2020.
5. European Green Deal: Brussels unveils €1 trillion plan to make EU carbon neutral by 2050 // Euronews. URL: <https://www.euronews.com>

- com/2020/01/14/eu-commission-to-unveil-green-deal-to-make-europe-the-first-climate-neutral-continent — 21.06.2020.
6. Harnessing sunlight, wind, and water: can climate data boost the green energy sector? // Euronews. URL: <https://www.euronews.com/2020/06/26/harnessing-sunlight-wind-and-water-can-climate-data-boost-the-green-energy-sector> — 26.06.2020.
 7. MEPs endorse net zero climate target for 2050. URL: <https://www.wwf.eu/?uNewsID=344612> — 26.06.2020.
 8. Natural gas: Is the EU too focused on its import capacities? URL: <https://www.en-former.com/en/natural-gas-eu-import-capacities/> — 27.06.2020.
 9. The EU's green deal is a colossal exercise in greenwashing // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/07/eu-green-deal-greenwash-ursula-von-der-leyen-climate> — 30.06.2020.
 10. The European Green Deal sets out how to make Europe the first climate-neutral continent by 2050. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/e%20n/ip_19_6691 — 18.06.2020.
 11. Truncated energy sector investment misaligned with energy transition. URL: <https://www.en-former.com/en/truncated-energy-sector-investment-misaligned-with-energy-transition/> — 24.06.2020.
 12. Айвазян Д. С. Газотранспортные проекты в каспийско-черноморском регионе и интересы ЕС / Д. С. Айвазян, Е. М. Кузьмина // Современная Европа. 2019. №3. С. 114–124.
 13. Белов В. Б. Европейская зеленая сделка // Европейский Союз: факты и комментарии. 2020. №99. С. 33–39.
 14. Белов В. Б. Инвестиционный план Европейской зеленой сделки и механизм справедливого перехода // Европейский Союз: факты и комментарии. 2020. №99. С. 39–43.
 15. Выступление Е. В. Бурмистровой «Будущее природного газа на европейском рынке: взгляд Газпрома» на Европейской газовой конференции в Вене 28 января 2020 г.
 16. Зеленые перспективы после кризиса. Что делать России? // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zelyonye-perspektivy-krizis/> — 26.06.2020.
 17. Исаева Е. А. Эволюция энергетической политики Европейского Союза // Инновации и инвестиции. №9. 2019. С. 113–120.
 18. Кавешников Н. Ю. Стратегия ЕС в области климата и энергетики // Современная Европа. 2015. № 1. С. 93–103.
 19. Кавешников Н. Ю. Энергетический союз ЕС — новая упаковка для старых проектов // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/energeticheskiy-soyuz-es-novaya-upakovka-dlya-starykh-proekt/> — 27.06.2020.

20. *Неймарк М. А.* Евросоюз в концептуальных обоснованиях внешней политики России // Современная Европа. 2020. №3. С. 28–38.
21. Перспективный газ // Корпоративный журнал «Газпром». — №4. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2020/promising-gas/> — 25.06.2020.
22. *Положенцева И. В.* Дилеммность политической элиты стран Европейского Союза в сфере энергетики / И. В. Положенцева, А. Е. Алексеев, И. Ю. Новицкий, В. Н. Женжебир, Т. С. Пшава // Наукоедение. 2015. Том 7. №6. С. 1–18.
23. *Ратт Ш.* Проблемы энергетической политики Европейского союза / Ш. Ратт, А. А. Хомутов // Сибирский международный. 2015. №17. С. 192–196.
24. Стремительный рост. «Газпром» увеличивает добычу и сбыт газа // Корпоративный журнал ПАО «Газпром». 2018. №6. С. 6–9;
25. *Чинкова Е. А.* Экспорт российского природного газа в страны Европы // Современная Европа. 2019. №3. С. 182–189.
26. *Шуранова А. А.* Кризис взаимоотношений России и Европейского Союза в сфере энергетики: причины и современность // Неделя науки СПбПУ. 2019. С. 359–362.

Турицева Анна Владимировна

Роль России в решении экологической проблемы: загрязнение Балтийского моря

The role of Russia in solving the environmental problem:
pollution of the Baltic Sea

Аннотация: В наши дни мировая общественность стала уделять внимание проблеме загрязнения Балтийского моря. Стараясь улучшить экологическую обстановку в регионе, страны, имеющие выход к морю, решили прийти к совместному сотрудничеству. Изначально была создана Хельсинская конвенция, участниками которой стали Россия, страны Прибалтики, Германия, Финляндия, Дания и Швеция. Уже позже в рамках этой конвенции стали появляться совместные проекты стран, где ведущую роль стала играть Россия. В статье анализируется роль России в разрешении ряда экологических проблем и её дальнейшие перспективы сотрудничества.

Ключевые слова: Балтийское море, Балтийский регион, Хельсинская конвенция, экологическая проблема, роль России

Abstract: Nowadays, the world community has begun to pay attention to the problem of pollution of the Baltic Sea. Trying to improve the ecological situation in the region, countries with access to the sea decided to come to a joint cooperation. The Helsinki Convention was originally created, participants of which have become Russia, the Baltic countries, Germany, Finland, Denmark and Sweden attended. Already under this convention, joint projects have been created. The article analyzes the role of Russia in resolving a number of environmental problems and further prospects for cooperation.

Keywords: Baltic Sea, Baltic region, Helsinki convention, ecological problem, the role of Russia

В наши дни всё более острой становится проблема загрязнения Балтийского моря, так как загрязнение напрямую влияет на экологическое состояние стран, имеющих выход к этому морю. Для решения этой проблемы страны Северной Европы, Прибалтики и

Россия начали совместное сотрудничество, главная задача которого — улучшить экологическое состояние Балтийского моря.

В загрязнении Балтийского моря можно выделить две причины: первая заключается в человеческом факторе, а вторая — в географическом положении. Балтийское море располагается в Северной Европе и принадлежит бассейну Атлантического океана. Балтийское море взаимодействует с Атлантическим океаном через проливы Северного моря: Скагеррак, Каттегат и Датские проливы. Однако большинство этих проливов мелководные, что не позволяет водам Балтики обновляться за счёт атлантических вод. Для полного обновления воды в море требуется около 50 лет. Кроме того, море обладает тремя крупными заливами: Финский, Рижский и Ботнический и в него втекает множество рек — Нева, Одер, Висла, Неман, Нарва. В свою очередь впадение в море загрязнённых рек тоже ведет к ухудшению экологической обстановки [11].

С целью борьбы с этими факторами и создания в будущем благоприятной экологической среды в 1974 году была создана Хельсинская конвенция (ХЕЛКОМ), объединившая 7 стран: Финляндия, Швеция, Дания, СССР, ФРГ и ГДР, но из-за изменений на политической карте в 2000 году было подписано новое соглашение. Новый состав стран значительно расширился, теперь к конвенции присоединились и страны Прибалтики. С этого момента договаривающимися сторонами стали: Эстония, Литва, Латвия, Польша, Германия, Россия, Швеция, Финляндия, Дания.

Страны-участницы договорились о совместных действиях: разработка общих экологических целей и мероприятий для их выполнения; создание экологического центра, информирующего об экологическом состоянии морской среды; разработка новейших технологий для очищения рек, создание органа, отвечающего за разработку специфических потребностей Балтийского моря; а также создание надзорного органа, контролирующего выполнение всех постановлений всеми странами Балтийского моря.

Россия активно принимает участие в мероприятиях в рамках «ХЕЛКОМА». За реализацию программ конвенции в стране отвечает «Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации». Согласно закону №10-29/13973 Министерства природных ресурсов РФ, датированного 24.05.2017, было решено

назначить Санкт-Петербургское государственное геологическое унитарное предприятие «Минерал» ответственным за исполнение программ Комиссии по защите морской среды Балтийского региона и выполнение обязательств, установленных Хельсинской Конвенцией. Помимо этого, организация обязана ежегодно проводить Международный экологический форум «День Балтийского моря» в Санкт-Петербурге [10].

Россия совместно с другими членами «ХЕЛКОМА» участвует в различных мероприятиях, заключает дополнительные соглашения и реализует программы. На данный момент существует несколько завершённых проектов, доклады с результатами которых уже находятся в открытом доступе.

Одним из завершённых проектов является «EnviSum», суть которого содержится в желании снизить уровень выбросов серы с судов в Балтийское море. В 2015 году Международная морская организация ввела ограничения выбросов. К 2020 году были введены более строгие ограничения для судов, плавающих в Балтийском море. Была спроектирована определенная система, главной задачей которой было совместить строгие экологические ограничения с успешным развитием бизнеса в области судоходства. Стоит отметить, что всего три города ориентированы на получение точных результаты о загрязнении воздуха с судов: Гетеборг (Швеция), Три-Сити (Польша) и Санкт-Петербург (Россия). Результаты исследований показали, что удалось сократить выброс серы на 70% за год. Равным образом эти нововведённые меры оказали большое влияние не только на регион, но и на весь мир, поэтому стоит ожидать их введения повсеместно [14].

Еще один завершённый проект «BaltHazAR», который реализовывался с 2009 по 2011 годы, был направлен на снижение различных сбросов, в том числе и сельскохозяйственных, в Балтийское море. Здесь также стоит обратить внимание на активное участие в проекте Российской Федерации. Были разработаны мероприятия с целью борьбы с отходами на территории государства — преимущественно в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградских областях. Ответственность за реализацию проекта на себя взяла Санкт-Петербургская общественная организация «Экология и бизнес» [9].

«BaltHazAR» принес огромный опыт и, уже основываясь на этих результатах с 2009 по 2012 годы, был создан новый проект «BASE», за исполнение которого снова взялась организация «Экология и бизнес». Опыт в области снижения уровня поступления животноводческих отходов позволил продвинуться в сфере сохранения биологического разнообразия и охраны природы [8].

На проект «BaltHazAR» опирался еще один проект RusNIP, который стартовал в 2009 году, а завершился в 2011. Главная задача проекта заключалась в разработке новых методов оценки биогенных загрязнений, расположенных в российской части Балтийского моря. На данном этапе впервые было заключено прямое сотрудничество между Швецией и Россией с 2010 по 2011 гг. [2].

В 2014 году в рамках «Года финского залива — 2014» была проведена первая акция «Чистый берег», поддерживаемая президентами России, Финляндии и Эстонии. На территории Санкт-Петербурга акция проходила на территории Кронштадта (Западном Котлине), Красносельского и Курортного районов города. Главной целью акции является установление сотрудничества между городами Балтийского региона в области охраны окружающей среды — Таллинна, Турку и Санкт-Петербурга [1].

Что касается действующих проектов, то в рамках программы Приграничного Сотрудничества «Европейский инструмент соседства (ППС ЕИС) «Юго-Восточная Финляндия — Россия» 2014–2020, повествующей об основных приоритетах сотрудничества между Россией и Финляндией в области экологии, было создано три приграничных проекта.

Совместными усилиями России и Финляндии был создан проект SE — 717, направленный на защиту Балтийского моря и реки Луги, впадающей в него. Партнерами были установлены следующие задачи: во-первых, необходимо создать условия для восстановления природного биоразнообразия реки Луги, что в свою очередь сказывается на снижении биогенной нагрузки на Балтийское море. Во-вторых, планируется развить российско-финское сотрудничество на уровне муниципальных образований, а также образовательных и общественных организаций, главной задачей которых является информирование об экологи-

ческой обстановке в регионе и о борьбе с экологическими проблемами [7]. Была выявлена основная причина загрязнения реки — сельское хозяйство: множество отходов животноводства оказывается в водных ресурсах. Финская сторона взяла на себя обязательство по обучению российских партнеров в сфере очищения водных ресурсов и передаче ряда технологий, направленных на борьбу с загрязнением.

В 2019 году состоялось стартовое совещание Международного экологического проекта EnviTox — полигон токсичных отходов «Красный Бор». Проект реализуется в рамках вышеупомянутой программы «Юго-Восточная Финляндия-Россия СВС 2014–2020» и является одной из трех программ, которые реализуются в приграничных регионах Финляндии и России. Еще в 1993 г. «ХЕЛКОМ» объявил территорию «Красного Бора» горячей точкой. Проект основан на стремлении к улучшению экологического состояния в районе полигона токсичных отходов «Красный бор», а также необходимостью является сбор информации о состоянии окружающей среды в данном регионе. На данный момент партнерам удалось:

- 1) Разработать программу для реабилитации региона;
- 2) Закрыть открытые карьеры специальной крышкой с целью предотвращения их испарения и пожаров;
- 3) В 2015 году создан завод по очистке ливневых стоков, что позволило частично очистить близлежащие реки Ижора и Тосна;
- 4) С 2016 года периодически проводится экологический мониторинг территории [13].

Третий Приграничный проект совместного сотрудничества «NaStA» в рамках программы «SERFCBC 2014–2020» нацелен на применение природного камня в строительстве Санкт-Петербурга и городов Финляндии. Наиболее важной задачей проекта является создание постоянной минерально — сырьевой базы для использования в реставрационных работах. Требуется также разработать современные экологически — чистые способы для его добычи и выявить новые методы исследования природного камня [4].

Помимо Приграничных проектов Россия и Финляндия разработали проект «SHEM-WP», созданный для разработки и исполь-

зования инновационных решений для очистки воды с помощью шунгита и ЭМ- технологий. Необходимо создать систему очистки ливневых и сточных вод с целью улучшения качества очистки городских водных каналов. Подход основан на применении нехимической системы очистки. Реализация проекта планируется с 2019 по 2021 гг. В рамках проекта уделяется внимание развитию новых технологий по очистке ливневых и сточных труб с целью очищения городских водных объектов. Приоритет отдается двум нехимическим технологиям: шунгитовому минералу (используется российской стороной) и эффективным микроорганизмам (используются финской стороной). Использование этих технологий с двух сторон может привести к созданию абсолютно новой «Зеленой» нехимической технологии, что приведет к значительному быстрому восстановлению экологии, а значит, уже сейчас мы можем претендовать на улучшение качества очистки ливневых и сточных вод [3].

Стоит обратить внимание на сотрудничество России и Эстонии. Граница России и Эстонии разделена рекой Нарвой, которая является второй по счёту самой крупной рекой, впадающей в Балтийское море. Совместные усилия двух стран направлены на разработки мер для снижения загрязнения реки в рамках проекта «NarvaWatMan», который в свою очередь финансируется «Программой приграничного сотрудничества «Россия — Эстония» 2014–2020». С целью снижения загрязнения на реки было решено:

- 1) Разработать совместный метод стока воды реки Нарва;
- 2) Разработать согласованный метод для оценки питательной нагрузки от реки Нарвы до Балтийского моря;
- 3) Разработать общие критерии и классификацию для оценки качества воды;
- 4) Повысить осведомленность жителей Нарвы и Ивангорода об устойчивом использовании водных ресурсов реки Нарвы [6].

Россия принимает участие и в более крупных проектах, например, в проекте «Interreg. Baltic Sea Region», который также направлена на развитие сотрудничества между партнерами из стран Балтийского моря. Программа была создана в 2014 году и является

продолжением программы «Регион Балтийского моря 2007–2013». Финансируется «Interreg. Baltic Sea Region» Европейским союзом. В свою очередь программа охватывает Данию, Финляндию, Германию, Эстонию, Литву, Латвию, Польшу и Швецию. Россия, Беларусь и Норвегия в свою очередь являются странами — партнёрами.

Россия внесла большой вклад в развитие программы, что было отмечено коллегами по работе. В конце 2019 года Россия добилась следующих результатов. Во-первых, началось активное стимулирование бизнеса экодизайна, суть которого заключается в создании программы для предпринимателей, поддерживающих проектирование без отходов. Он был разработан в рамках проекта EcoDesignCircle. Во-вторых, в городе Санкт-Петербург были предприняты попытки экономии электроэнергии, которые были инициированы «Санкт-Петербургским политехническим университетом имени Петра Великого». Студенты и преподаватели университета начали прибегать к экономии энергии, заявляя о сокращении расходов на отопление и электроэнергию в будущем. В-третьих, произошел большой прогресс в области повышения мобильности в городах. Особых успехов добился город Псков, где полным ходом начался процесс формирования новой более экологичной транспортной инфраструктуры. Проведен анализ поведения в путешествиях, потребности и проблемы с целью нахождения сочетания ходьбы и езды. По мнению администрации города, проект должен будет реализоваться к 2030 году [15].

В рамках вышеупомянутого проекта действует еще одна программа «Балтийское промышленное взаимодействие» («Baltic Industrial Symbiosis», BIS). Согласно программе, планируется создать в регионе сотрудничество между промышленными комплексами с целью использования отходов одной компании в качестве ресурсов для другой. Программа также рассчитана на 2019–2021 годы [12].

Вывод

Подводя итоги, мы можем подчеркнуть, что Россия принимает активное участие в решении экологических проблем на двух

уровнях: локальном и международном. Россия принялась за решение крупных экологических проблем внутри страны и на её границах. ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» обращает большое внимание на уровень загрязнения воды, в первую очередь Невы, и борется с ним путем использования инноваций, например, внедрения снегоплавильных пунктов, которые каждую зиму очищают снег от мусора [5]. Началась реализация проектов совместно с Финляндией по ликвидации угрозы на полигоне токсичных отходов «Красный Бор» и очищению реки Луги, а также очищению реки Нарвы вместе с Эстонией. Самые крепкие партнерские соглашения в экологической сфере Российская Федерация имеет с Финляндией и Эстонией, а с остальными странами сотрудничает косвенно в формате совместной работы в различных проектах.

Однако результаты усилий пока неизвестны и будут известны только в ближайшем будущем, но стоит выделить тот факт, что успехи России стали заметны мировой общественностью и страну стали ценить как партнера в этом направлении. Хотя присутствуют и значительные проблемы: раньше Россия уделяла мало внимания вопросам экологии, поэтому сотрудничество со странами Северной Европы в этой сфере стране дается ей с трудом. В первую очередь это вызвано тем, что у РФ нет опыта в борьбе с экологическими проблемами и ей не хватает специальных технологий. В настоящий момент большинство программ на территории России финансируется извне. На данном этапе страна только начинает приобретать навыки и возможно в скором времени сможет применить их в других регионах.

Список литературы:

1. Акция «Чистый берег». URL: http://helcom.ru/clean_beach — 16.06.20.
2. Готовность к выполнению Плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю. Мероприятия в поддержку разработки и проведения российских национальных программ по сегментам вредных веществ и эвтрофикации в рамках ПДБМ. Проект RusNIP, фаза II. URL: <http://helcom.ru/projects/rusnip> — 16.06.20.
3. Инновационные природные решения применения шунгита и ЭМ-технологии для очистки воды (SHEM-WP). URL: <http://www.helcom.ru/> — 20.02.2020.

4. История и будущее природного камня в архитектуре — мост между Юго-Восточной Финляндией и Россией (NaSta). URL: <http://www.helcom.ru/> — 20.02.20.
5. Официальный сайт ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга». URL: http://www.vodokanal.spb.ru/kanalizovanie/tehnologii_ochistki/ — 20.02.20.
6. Официальный сайт проекта «NarvaWatMan». URL: <https://www.narvawatman.com/t-ru-ru/> — 20.02.20.
7. Официальный сайт проекта SE — 717. Чистые реки в здоровое Балтийское море. URL: <http://lugabalt.ru/ru/node/4> — 20.02.20.
8. Проект «Выполнение Плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю» (BASE). URL: <http://helcom.ru/projects/base> — 15.06.20.
9. Снижение опасных и сельскохозяйственных сбросов на Балтике – BALTHAZAR. URL: <http://helcom.ru/projects/balthazar> — 15.06.20.
10. Хельсинская конвенция по Балтийскому морю. URL: <http://www.helcom.ru/> — 20.02.20.
11. Экологические проблемы Балтийского моря. Справка // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20100210/208437078.html> — 20.02.20.
12. Baltic Industrial Symbiosis (BIS). URL: <http://www.helcom.ru/media/BIS%20poster%20RU.jpg> — 30.06.20.
13. Environmental impacts of the Krasny Bar toxic waste landfill (EnviTox). URL: <https://envitox.infoeco.ru> — 20.02.20.
14. EnviSuM. URL: <https://projects.interreg-baltic.eu/projects/envisum-16.html> — 15.06.20.
15. Interreg Baltic Sea Region. URL: <https://www.interreg-baltic.eu/news-detail/news/what-russian-partners-do-in-interreg-projects-5-examples-from-the-baltic-sea-region.html> — 20.02.20.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ИНСТИТУТАХ: РОЛЬ, СТРАТЕГИЯ, ПРОБЛЕМЫ»

Заяц Елизавета Александровна

Деятельность международных неправительственных организаций на Ближнем Востоке

Activities of international non-governmental organizations in
the Middle East

Аннотация: В статье описывается деятельность международных неправительственных организаций в ближневосточном регионе. Достоинства, которые присущи организациям в вопросах урегулирования и разрешения конфликтов. А также, на примерах проанализирована успешность работы организаций.

Ключевые слова: международная организация, неправительственная организация, гуманитарная организация, урегулирование конфликта, вооруженный конфликт.

Abstract: The article describes the activities of international non-governmental organizations in the Middle East region. The advantages that is inherent in organizations in matters of conflict resolution and resolution. And, by examples, the success of organizations is analyzed.

Keywords: international organization, non-governmental organization, humanitarian organization, conflict resolution, armed conflict

Международные неправительственные организации (МНПО) являются достаточно молодыми акторами международных отноше-

ний, но нередко именно их деятельность определяет вектор развития мировой политики. Они осуществляют сотрудничество с международными правительственными организациями (МПО), непосредственно с правительством, а также с местным населением, что играет значимую роль в период конфликтных действий, также организации могут выступать арбитрами и посредниками в переговорных процессах между первостепенными участниками конфликта.

На протяжении многих лет международная неправительственная организация Хьюман Райтс Вотч освещает тему войны в Ближневосточном регионе. Так, на данный момент актуальна сирийская проблема. Организацией Хьюман Райтс Вотч создана программа результатом, которой является донесение до правительств, прессы о нарушении прав человека. В своем Всемирном докладе от 2019 г. описываются события, происходящие в Сирийской Арабской Республике, задокументированы нападения и применение запрещенного оружия. «С 2011 г. десятки тысяч человек подверглись задержанию или исчезновению, в подавляющем большинстве случаев — со стороны правительственных сил. Тысячи человек умерли в правительственных тюрьмах от пыток и нечеловеческих условий содержания. В 2019 г. сирийские власти обновили списки сотен людей, которые числятся пропавшими без вести или умершими, однако ни в одном из случаев семьям не передавались останки или не сообщались новые сведения» из Всемирного доклада от 2019 г. [1].

Международная неправительственная организация Международный Комитет Красного Креста (МККК) осуществляет свою деятельность в Сирийской Арабской Республике (САР) с 2011 г., так за многие годы работы в рамках предоставления гуманитарной помощи лицам, пострадавшим от военных действий только за 2018 г. совместно с Сирийским Арабским Красным Полумесяцем (САКП) более полумиллиона человек смогли получить более качественную медицинскую помощь, как в поликлиниках, так и в мобильных пунктах оказания помощи. Более двух миллионов человек в САР получили различные средства обихода в рамках гуманитарной помощи [2].

Кризис 1995 г. в Сомали показал международному сообществу, что МНПО могут оказывать наибольшую поддержку лю-

дям, находившимся в зонах конфликтов. С 1988 г. государство Сомали переживало гражданскую войну, МККК сотрудничал с Сомалийским красным полумесяцем и только МККК и небольшая группа МНПО остались в стране в самый тяжелый момент кризиса, также в помощь МККК были предоставлены силы учреждения ООН (Мировая продовольственная программа и Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)) для поставки продовольствия [3].

С помощью коммуникативных каналов, благодаря которым помощь неправительственных организаций остается одной из ключевых и наиболее адаптированной к среде вооруженных столкновений. Регулярные данные двусторонних каналов связи помогают держать связь с людьми, пострадавшими от конфликтов и стихийных бедствий, а также давать ответы на интересующие их вопросы. Для поддержания и правильного выполнения обратной связи МККК и Гарвардская гуманитарная инициативная группа опубликовали документ «Установление и поддержание контакта с людьми, пострадавшими от вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия: рекомендации для гуманитарных организаций и доноров в эпоху цифровых технологий» [4].

Нынешние технологии, конечно, увеличили возможности людей, затронутых конфликтами, высказывать свои опасения, идеи и критические замечания, но для сотрудничества между международными организациями и местными группами существуют некоторые описки, так могут быть подвержены риску общины и частный сектор. Важно понимать, что для международных неправительственных организаций остается ключевым поддержка и взаимовыгодное сотрудничество с правительственными организациями.

Достоинства, присущие МНПО в системе международных отношений, неоспоримы. Перечислим некоторые из них:– процедура оказания помощи со стороны НПО менее бюрократична, чем аналогичная процедура правительственных учреждений или межправительственных организаций, которая к тому же нередко характеризуется высокой политизированностью;– МНПО выступают в качестве нового механизма в противовес государственной власти, в демократизации общества, в деле защиты прав человека, открывая двери для широкого участия масс и способствуя

плюрализму в обществе. Это привело, в частности, к созданию Всемирного союза (форума) за гражданское участие (CIVICUS); – МНПО являются лучшим средством мобилизации общества, однако степень мобилизации напрямую зависит от того, насколько деятельность МНПО нацелена на демократизацию данного общества.

Со второй половины XX в. проявилась четкая тенденция к увеличению численности МНПО и влияния их на жизнь мирового сообщества. Причем особенностью мировой политики начала XXI в. является возрастание роли и количества международных неправительственных организаций (МНПО). Например, если в 1850 г. в мире существовало всего пять организаций, то в 1914 г. — 330, в 1939 г. — 730, в 1970 г. — 2300, а в 2000 г. насчитывалось уже 45 674 МНПО [5], то на сегодняшний день число неправительственных организаций превышает показатель прошлых десятилетий в несколько раз.

Международный комитет спасения с 2012 г. работает на территории Сирийской Арабской Республики, на официальном сайте организации задокументировано, что только за 2018 г. была оказана помощь более 900 тысячам человек. Международный комитет спасения сотрудничает с диаспорами, как и другие неправительственные гуманитарные организации для того, чтобы обеспечивать бесперебойный поток медикаментов, продовольствия, а также оказание мобильной помощи. Программы организации охватывают также и материальную (денежную) помощь лицам, которые в этом крайне нуждаются, перемещенные семьи могут получать помощь для быстрой адаптации к новым жизненным условиям. Работники организации оказывают помощь и поддержку женщинам и детям для устранения негативных последствий стресса, также осуществляется помощь в построении экономически стабильных домохозяйств для того, чтобы минимизировать разрушения. Права беженцев еще одна насущная проблема XXI века на Ближнем Востоке. Неправительственная организация Хьюман Райтс Вотч создает программы, целью которых является реагирование на кризисные, военные ситуации, когда лица ищущие убежища не в силах сами отстаивать свои права. На официальном сайте публикуются исследования, интервью и непосред-

ственно результаты деятельности организации. Так как МНПО имеют консультативный статус в органах ООН, они участвуют в формировании повестки дня для ЭКОСОС, передают информационные заявления, исследования, разрабатывают документы и прочее [6]. Неправительственная гуманитарная организация «Врачи без границ» является одной из многочисленных организаций, которые работают в Сирии в период военных действий. В 2018 г. «Врачи без границ» продолжали свою деятельность, когда районы, где была сосредоточена большая часть инфраструктуры, включая медицинские учреждения, попали под линию огня. Путем переговоров со сторонами конфликта работникам организации удалось скоординировать и поддержать работу медицинских учреждений и оказать помощь в лагере вынужденных переселенцев. Несмотря на ограниченность в доступе к ресурсам, работники тщательно собирают информацию и проводят независимую оценку на любой территории, где они находятся [7].

В урегулировании вооруженных конфликтов мировое сообщество, предоставляет МНПО политические, правовые средства для разрешения противоречий. Это закреплено в статье 33 главы VI Устава Организации Объединенных Наций «Мирное разрешение споров» прописано, то что «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, прежде всего, должны стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, применения арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» [8]. Данное соглашение применяется как для межправительственных организаций, так и для неправительственных объединений.

Международные гуманитарные организации являются постоянно действующими неправительственными образованиями, осуществляющими свою деятельность в соответствии с международными правовыми актами в целях содействия разрешению международных вооруженных конфликтов и иных проблем, угрожающих жизни мирного населения. На данный момент не существует единого универсального средства предотвращения или урегулирования вооруженных конфликтов, которые могли бы

предложить МНПО. Формулирование, представление интересов, информирование населения, поставка гуманитарной помощи, медицинской — не только во всем этом заключается деятельность международных неправительственных организаций, их главная задача заключается в том, что они являются независимыми акторами, что влияет на их ответственность непосредственно перед людьми и международным сообществом. Каналы коммуникации, которыми обладают международные неправительственные организации, помогают в обмене информацией между организациями и населением, так снижается ее искажение.

Российская Федерация играет важную роль в деятельности организаций и помощи им, так Россия сотрудничает с МККК. Данное сотрудничество заключается в вопросах гуманитарной помощи, урегулирования конфликтов, постконфликтном миростроительстве и др. В 2009 г. МККК совместно с российскими отрядами МЧС организовали эвакуацию из зоны палестинско-израильского конфликта. В России представлены филиалы других МНПО таких как Хьюман Райтс Вотч, «Врачи без границ» и т. д. Развитие неправительственных организаций дает весомое преимущество в вопросах, которые касаются международной обстановки, а именно терроризма, вооруженных конфликтов в которые втянуто мирное население, также установлением прав человека в Ближневосточном регионе занимаются именно неправительственные организации. А. Х. Абашидзе подчеркивает, что в разработке Арабской Хартии прав человека инициаторами и участниками были арабские неправительственные организации это в очередной раз, доказывает, что деятельность МНПО способствует мирному разрешению с выработкой дальнейших соглашений между субъектами конфликта.

Список литературы:

1. Refworld. Хьюман Райтс Вотч, Всемирный доклад 2019: Сирия, 2020. — URL://<http://www.refworld.org.ru/docid/5e256b9d.html> — 02.01.2020.
2. Международный комитет красного креста. Сирия, 2011. — URL://<http://www.icrc.org/ru/where-we-work/middle-east/syria> — 10.12.2019

3. The banality of the interagency: U.S. in action in the Rwanda genocide. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2012. — URL://<http://www.unhcr.org/publications/sowr/3ebf9bb60/state-worlds-refugees-2000-fiftyyears-humanitarian-action-chapter-10-rwandan.html?query=genocide> — 12.12.2019
4. Ответственность перед пострадавшими от вооруженных конфликтов, 2018. — URL://<http://www.icrc.org/ru/document/otvetstvennost-pered-postradavshimi-ot-vooruzhennyh-konfliktov> — 03.02.2020
5. Yearbook of International Organizations: Guide to Global Civil Society Networks // International business books. Vol. 1. 2002. P. 2470.
6. Малкина И. Б. Международные неправительственные организации в современном международном праве // автореферат. Казань, 2001. С. 35.
7. Врачи без границ. Сирия, 2018. — URL://<http://ru.msf.org/country/siriya> — 12.12.2019
8. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда, 1945. — URL://<http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> — 12.12.2019

Золотова Виктория Эдуардовна

Стратегия России в рамках современной системы межправительственного взаимодействия

Russian strategy within the framework of modern system of intergovernmental interaction

Аннотация: В статье рассматривается влияние российских некоммерческих организаций на систему межгосударственного взаимодействия, определяются причины приоритета деятельности российских НПО и НКО для РФ в рамках современной системы межправительственного диалога, а также проводится сравнительный анализ российских НКО с учетом административно-исполнительной структуры, формы и методов деятельности, тематической составляющей.

Ключевые слова: Российская Федерация, НПО, внешнеполитическая стратегия, историческое просвещение.

Abstract: The article deals with the influence of Russian non-profit organizations on the system of interstate interaction, determines the reasons for the priority of Russian NGOs for the Russian Federation in the modern system of intergovernmental dialogue, in conjunction with a comparative analysis of Russian NGOs, taking into account the administrative and executive structure, form and methods of operation, as well as the thematic component.

Keywords: Russian Federation, NGOs, foreign policy strategy, historical education.

Сегодня, в эпоху глобализации в международных отношениях, установилась система межгосударственных отношений, основывающаяся на взаимозависимости и выстраивания тесных экономических, социокультурных связей. Одной из главных форм этого является создание межправительственных организаций с целью выработки совместных механизмов взаимодействия. Основной функцией любой межправительственной организации

является выявление единого общего вектора в зависимости от интересов стран-участниц, а также реализация поставленных целей.

В рамках сложившейся системы межгосударственного взаимодействия Россия сталкивается с рядом проблем, препятствующих реализации ее собственных национальных интересов [4]. Дискуссионным остается вопрос, являются ли межправительственные организации действительно единственным рабочим внешнеполитическим инструментом или становятся новой модернизированной площадкой для противостояния ведущих держав на международной арене. Нужно ли России в рамках внешнеполитической стратегии полагаться на существующую систему взаимодействия, безальтернативна ли она, или существуют иные способы добиться установки необходимого пути реализации интересов? В российской внешнеполитической мысли действительно господствуют идеи глобальных проблем (климат, разоружение и т.д.) или стратегия заключается в поиске путей установки такой международной системы, где будут реализованы наши национальные интересы? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, требуется провести анализ статуса и деятельности НКО в России, роли государства в деятельности именно некоммерческих и неправительственных организаций, а также изучить формы работы организаций на конкретных примерах и их влияние на межправительственное сотрудничество.

Одной из специфических черт стратегии России в рамках выстраивания межправительственного взаимодействия становится популяризация НКО в государстве, особый статус различных российских НПО и НКО в стране, форматы деятельности данных организаций. Среди причин, аргументирующих выбор в качестве инструментария именно НКО, можно выделить следующие: форма финансирования НПО упрощена и понятна и имеет открытую форму отчетности при одновременном отсутствии у организаций коммерческих интересов; официальная независимость НПО и НКО от непосредственного источника финансирования; деятельность организаций данного вида всегда является следствием выражения общественного мнения граждан по различного рода вопросам, что обеспечивает независимость и свободу действий в реализации международных проектов, поскольку

юридически организация выступает от лица заинтересованной группы участников проекта, а не от лица государства [5]. С учетом тенденции к «демонизации» России, усиления тенденции к стереотипной форме выстраивания межправительственного диалога, НПО и НКО для России становятся важнейшим инструментом для продвижения национальных интересов государства за рубежом в рамках организации деятельности представительств российских НПО и НКО за рубежом, популяризации российской культуры за пределами государства; организации способствуют созданию позитивного имиджа государства, а также обеспечивают участие российской стороны в совместных международных проектах от лица конкретной организации.

Особенностью НПО и НКО в России становится специфика их статуса. Организации данного вида с начала своей деятельности в России сформировались как самостоятельные, независимые институты, способствующие переходу от централизованного управления к системе, способствующие реализации общественного самоуправления и поэтапному реформированию социально-политического фундамента в государстве. Однако, значение деятельности НПО и НКО для государства возрастает при определении организацией руководящей и наиболее значимых идей и ценностей, которыми руководствуются участники и которые становятся предметом обсуждений и дискуссий [2]. В частности, особую значимость приобретает деятельность по вопросам культуры, исторического просвещения, вопросам сохранения национальной памяти, популяризации отечественной истории за рубежом. В данном контексте государство не может игнорировать проекты по заданным тематикам, обеспечивая поддержку, в первую очередь финансовую. Таким образом, с учетом тематического направления деятельности организации приобретают негласный статус «социально-политически ориентированных», поскольку их деятельность полностью соответствует реализации публичной дипломатии государства [3]. Соответственно, ключевыми становятся вопросы выстраивания отношений различных органов власти и подразделений организаций, определение роли в разработке плана деятельности и выбора формы проектной деятельности.

В последнее пятилетие роль НПО и НКО в России приобрела крайне важное значение, о чем говорит частое упоминание в публичных выступлениях политиков, увеличение числа НПО и НКО в России, а также упрощение системы финансирования проектной деятельности. Например, на форуме активных граждан «Сообщество» В. В. Путин заявил о необходимости «опираться на гражданскую активность, вместе с общественными палатами создавать благоприятные условия для работы НКО в социальной и других сферах» [7]. Особо важное значение приобретает реформирование системы в рамках получения правового статуса организациями. Например, в 2017 году Владимир Путин заявил о принятии необходимых решений для предоставления особых условий социально ориентированным НКО, а также о том, что с 1 января 2017 года будут внесены поправки в законодательство с целью реализации практического механизма получения особого правового статуса социально ориентированными НКО [9].

Законодательство Российской Федерации предусматривает несколько видов источников финансирования некоммерческих организаций. Главными источниками финансирования являются: гранты Министерства экономического развития, президентские гранты, образующие группу федеральных грантов, региональные гранты — средства, выделенные министерствами экономического развития субъектов, а также гранты глав различных регионов), донорские средства, например различных крупных неправительственных организаций или фондов, а также частные пожертвования [10]. Особую значимость приобретает программа президентских грантов для НКО. Среди особо важных факторов специфики грантовой системы можно выделить: безвозмездность и целевой характер, общественная значимость проектов, реализованных за счет грантов, открытая отчетная система по факту реализации средств. Конкурс президентских грантов проводится на основании распоряжения президента, впервые был проведен в 2005 г. Сегодня прослеживается тенденция к упрощению конкурсной системы и сжатию сроков получения организациями финансовых средств. Например, новый формат конкурса впервые был проведен в 2020 году: решение о предоставлении грантов для 2021 года

планируется принимать в январе, а не в середине календарного года как это было ранее [1].

Среди организаций, способствующих продвижению национальных интересов России, а также способных оказывать влияние на межгосударственное взаимодействие, можно выделить Российское историческое общество, Русское географическое общество, Российское военно-историческое общество. Основными целями Российского исторического общества стали объединение и организация совместной деятельности в рамках проектов государственных и общественных деятелей науки, искусства с целью сформировать общероссийскую историческую культуру, фундаментом чему служит объективное изучение, освещение и популяризация отечественной и мировой истории, сохранение национальной памяти [12]. Российское историческое общество поддерживает научные исследования и способствует популяризации деятельности российских ученых, содействует доступности архивов РФ, оказывает помощь в обеспечении сохранения и изучения документов. Одной из главных и фундаментальных целей, которая способствует приобретению обществом социально-политической ориентации на фоне сегодняшней международной политической ситуации, становится деятельность по обеспечению научно-просветительского противодействия распространению фальсификации исторических фактов. Среди стратегических направлений общества крайне важным представляется привлечение государственных и частных средств для формирования и организации деятельности новых просветительских центров с использованием новых информационных платформ — различные интернет ресурсы, а так же учреждение новых НКО для оказания поддержки деятельности организации.

Основным направлением деятельности Русского географического общества стала организация экспедиций и исследований, образование и просвещение, деятельность, направленная на обеспечение охраны природы, издание книг и работа с молодежным крылом. В настоящее время под эгидой Русского географического общества осуществляется более 600 проектов. Об особом статусе Общества можно судить по особой системе грантов Русского географического общества: организация реализует собственную

систему распределения целевых денежных средств, предоставляя их как физическим, так и юридическим лицам для проведения различных научных исследований, а так же для иных проектов, в частности, издательских образовательных или медиапроектов, которые способствуют заявленным целям общества и расширяют область его деятельности. В качестве основных требований к проектам, претендующим на грант Общества, организация обозначает общественное значение проекта и ориентация на реализацию практического значения в интересах Российской Федерации. Гранты общества присуждаются ежегодно в рамках конкурсного отбора [13].

Деятельность Российского военно-исторического общества характеризуется не в рамках формулировки целей, но систематизации задач, среди которых особо важными представляются следующие: содействие государственным институтам общества при разработке проектов, совместная координация деятельности, разработка целевых и иных программ, законотворческая деятельность с целью создания и улучшения нормативной правовой базы в сфере военно-исторической деятельности; поддержание общественной инициативы с учетом ориентации общества на всестороннее и глубокое изучение военно-исторического прошлого; активная работа с молодежью с целью воспитания молодежи любви и уважения к Родине; координация совместной деятельности партнерских организаций и заинтересованных лиц, занимающихся изучением военной истории, или содействующих расширению и распространению исторических знаний; пропаганда военно-исторических знаний с учетом задействования современных информационных технологий и инноваций; привлечение широкого внимания общественности, в том числе международной, к уникальным историческим объектам и памятникам России с целью способствовать развитию туризма на территории России; поддержка деятельности имеющихся центров военно-исторической культуры — музеев, библиотек, архивов и иных структур, создание новых музеев, центров изучения истории и культуры России и других объединений [11].

Формат работы и методы, которые используют рассматриваемые организаций, схожи и заключаются в проектной деятельно-

сти. Под проектом может подразумеваться как одно мероприятие, так и цикл. Основное различие в рассматриваемых организациях в тематическом выборе для проектов, не смотря на общую формулировку о сотрудничестве в области культуры и исторической памяти. Особо важным представляется схожая организация административного аппарата организаций: рассматриваемые НКО обладают разветвленной региональной структурой, а так же обеспечивают деятельность представительств за рубежом.

Общим для рассматриваемых организаций становятся степень вовлеченности официальных и государственных лиц, а также тематика и методы работы. Организации осуществляют деятельность в рамках сформулированных целей и задач на уровне общественного взаимодействия при одновременном вовлечении государственных структур.

Важная специфика рассматриваемых НКО — все они продолжают традицию ранее созданных организаций. Например, Русское географическое общество было основано Николаем I в 1845 году. В разные годы Обществом руководили представители Российского императорского дома, ученые и государственные деятели. Императорское Русское военно-историческое общество является одним из четырех Императорских обществ, наряду с Русским географическим обществом, Русским историческим обществом и Православным Палестинским обществом, было учреждено в 1907 году по Указу Императора Николая II [11]. Данная особенность способствует формированию особой черты российской социально-политической ориентации, базирующейся на историческом фундаменте, а также тенденции к аргументации какого-либо действия, в первую очередь политического, на базе исторических отсылок.

Среди приоритетных направлений рассматриваемые НКО выделяют включение в работу и использования в качестве важнейшего инструментария различных Интернет-ресурсов. Именно данный пункт стратегии на сегодняшний день остается менее реализованным. Для всеобъемлющей популяризации деятельности, особенно среди молодежного крыла, важным представляется создания механизма научной популяризации в Интернете. Сегодня приоритетным направлением становится не просто распростра-

нение научных данных, но популяризация информации о самой науке с учетом использования различных информационных платформ, а также частичная трансформация традиционного инструментария организации научных мероприятий [7].

В целом, следует отметить довольно успешную деятельность рассматриваемых организаций в рамках различных направлений проектной деятельности, однако специфика работы и источники финансовых ресурсов, организация структуры административно-исполнительного аппарата, тематическая составляющая самих мероприятий, нередко дает основания расценивать данные структуры как вспомогательные государственные институты, образуя дополнительный инструментарий для реализации внешне- и внутриполитических целей [6]. Тем не менее, именно «двойственный статус» некоммерческих организаций позволяет организациям участвовать не только во внутриполитической деятельности, но и влиять на межгосударственные отношения. В рамках содействия межправительственного взаимодействия, НКО занимают особое место в системе социально-политической организации, их влияние неуклонно растет и способствует объединению государственных и гражданских усилий. Некоммерческие организации способствуют созданию благоприятного делового климата, способствуют стабильности социально-политической системы в государстве, способствует формированию нового фундамента в гражданско-государственных отношениях, в основе которого лежат идеи открытости и взаимоконтроля. НКО и НПО в полной мере восполняют работу России на международных площадках, дополняют работу в рамках стратегической линии, задействуя при этом гражданские ресурсы государства. Руководствуясь национальными интересами, НКО существуют в современной наднациональной системе.

Список литературы:

1. 15 октября стартовал прием заявок на первый конкурс президентских грантов 2020 года // Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/51194> — 27.05.20.
2. Багандов Р. М. Роль некоммерческих организаций в обществе // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. №1.

3. Ваганова Ф. Г., Ваганов Р. Н., Устинкин С. В. Некоммерческая организация (НКО) в социально-политических процессах современной России: теоретический аспект // Власть. 2020. №1.
4. Гайнутдинова Л. А. Ослабление государства и гражданское общество в условиях глобализации // ПОЛИТЭКС. 2010. №1.
5. Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: особенности, проблемы и тенденции развития // Социология власти. 2009. №7.
6. Молокова М. А. Организации «Третьего сектора» как «Точки роста» потенциала гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. №6.
7. Поданева Е. С. Научная популяризация в интернете: эксперименты с новыми форматами (опыт создания видеопроектов о науке) // Журналистский ежегодник. 2017. №6.
8. Путин призвал власти регионов опираться на социальную активность и работу НКО // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4701326> — 29.05.20.
9. Путин надеется, что социальные НКО смогут получить особый статус с 1 января // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20161103/1480623859.html> — 23.05.20.
10. Пять источников финансирования НКО // Сообщество Российских Правозащитных Организаций. URL: <https://hrdco.org/manual/pyat-istochnikov-finansirovaniya-nko/> — 25.05.20.
11. Российское военно-историческое общество // Официальный сайт. URL: <https://rvio.histrf.ru/> — 30.06.20.
12. Российское историческое общество // Официальный сайт. URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/o-nas.html> — 30.06.20.
13. Русское географическое общество // Официальный сайт. URL: <https://www.rgo.ru/ru> — 30.06.20.

Кортунова Анастасия Дмитриевна

Россия и Парламентская ассамблея Совета Европы: проблема взаимоотношений

Russia and the Parliamentary Assembly of the Council of Europe: the problem of relations

Аннотация. В современное время на международной арене происходят столкновения стран, государственных и негосударственных акторов. Каждый из них так или иначе оказывает влияние в вопросах мирового значения. Однако, если между странами или политическими институтами происходят столкновения интересов и правил, возникают противоречия и осложнения в рамках двусторонних и многосторонних связей. Так, Российская Федерация и Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) претерпевают определённые сложности в поддержании стабильности отношений. В данной статье рассматривается влияние внешних факторов на политико-экономическое сотрудничество и законное право России быть полноценным участником ПАСЕ.

Ключевые слова: ПАСЕ, РФ, Украинский кризис, санкции, международные отношения, политика.

Annotation. In modern times, the international arena is a clash of countries, state and non-state actors. Each of them in one way or another has an impact on any issues. However, if there is a clash of interests and rules between countries or political institutions, there are contradictions and complications in bilateral and multilateral relations. For example, the Russian Federation and the Parliamentary Assembly of the Council of Europe are experiencing some difficulties in maintaining stable relations. This article examines the influence of external factors on political and economic cooperation and the legal right of Russia to be a full member of PACE.

Keywords: PACE, Russia, Ukrainian crisis, sanctions, international relations, politics.

Испокон веков дипломатия является движущим инструментом «мягкой силы» каждого государства. Проведение успешной

политической кампании в урегулировании международных конфликтов показывает стойкость каждого государства в стрессовых ситуациях. В современном мире противостояние государств в установлении своих правил на международной арене в большинстве случаев заканчивается конфликтами. Политические лидеры стремятся использовать силу ведения переговоров для мирного разрешения спорных вопросов. Однако, итоги определенных кризисных моментов негативным образом отражаются на политике государства. Зачастую, всё это служит причиной разрыва или замораживания дипломатических связей. Существуют такие двусторонние отношения, в которых за всю историю существования происходили неоднократные столкновения, но всегда находились пути примирения.

Ярким примером такого взаимодействия является Россия и Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ). В XXI веке в отношениях между этими государственными акторами были сложные времена. Огромное количество политических аспектов повлияло на стабильное развитие взаимоотношений.

В 1996 году Российская Федерация официально стала членом Совета Европы, при этом свое желание о вступление в Ассамблею РФ заявила еще в 1992 году. Ссылаясь на заключение Парламентской Ассамблеи №193 (1996), Россия прошла долгий путь по принятию. [12] Политический диалог был установлен, однако события 1995 года поставили под сомнение способность политического лидера соблюдать ряд строгих правил в ПАСЕ. В данном случае говорится о «Первой чеченской войне». Ведение военных операций на территории России отсрочили момент вступления, но руководящие элиты Ассамблеи следили за развитием всех событий. Так как одним из ряда обязательств является глубокая озабоченность обеспечением безопасности жизни граждан любого государства, то из этого следует, что России необходимо проводить ряд государственных политических, экономических и правовых реформ. А уже в письме от 18 января 1995 года политическая власть Российской Федерации заверила Ассамблею в дальнейшем следовании курса проведения реформ. Именно это стало положительным ответом со стороны членов ПАСЕ. [1]

При вступлении, каждая страна должна взять на себя обязательства, которых будет строго придерживаться. Со стороны РФ большинство из них было выполнено, а также состоялось присоединение к 60 договорно-правовым актам Совета Европы (СЕ). Следует упомянуть участие делегации в сессиях и право голоса в разрешении спорных вопросов. РФ является одним из основных вкладчиков в бюджет Совета Европы и ратифицировала более 50 конвенций. [9]

С учетом наличия проблем как в стране, так и вокруг нее, стали возникать вопросы о полноправном участии России в ПАСЕ. За годы членства РФ в ее адрес неоднократно звучала критика в нарушении прав человека, недемократичности и несоблюдении подписанных конвенций. Доказательством того служат военные кампании против боевиков в Чечне в 2000 году и мораторий на смертную казнь — отсутствует юридическая база по данному вопросу. Данные события стали «последней каплей», подтолкнувшей к принятию решения о лишении права голоса РФ в Ассамблеи.

Дальнейшее развитие дисгармоничных отношений имели волновую динамику. До 2014 года Россию несколько раз ограничивали в своих полномочиях, но не исключали из Ассамблеи. Год за годом находились точки соприкосновения, способствовавшие развитию и продолжению диалога.

За последние шесть лет отношения между Россией и странами Запада переживают не самые лучшие времена. Толчком для новых сомнений стал Украинский кризис 2012 года. Являясь ярким сторонником соблюдения прав человека, Совет Европы не мог просто пройти мимо. Именно в этом году началось рассмотрение резолюции в отношении России. Присоединение Крыма к РФ рассматривается Западом как аннексия, хотя со стороны России юридически все правила и нормы международного права были соблюдены. В условиях всеобщей конфронтации, новой волны критики и ужесточение санкций против России, ПАСЕ не могла пойти на иные меры, как следовать решениям остальных участников организации. Российская делегация была лишена права голоса и возможности полноценного участия в сессиях Ассамблеи.

Глава делегации РФ Алексей Пушков поднял вопрос о цене моральной силы за строжайшее соблюдение обязательств. По его

словам «...Большинство в ПАСЕ предало принципы верховенства права, верховенства прав человека и верховенство закона. Большинство в ПАСЕ пошло по пути обслуживания политических интересов той группы государств, которая нацелена на геополитическом освоении Украины...». [7] В данном кризисе слишком много спорных моментов. И каждая страна по своему видит исход. Однако, ситуация с Крымом стала переломным моментом. Политика России основывается на поддержании граждан и безопасности их собственных жизней. Политика ПАСЕ основывается на ведении политической кампании главных игроков международного сообщества. Именно здесь возникает полемика четкого и истинного мотива государств, видения ситуации и ее разрешения. С самого начала присоединения Крыма Западное сообщество изменило курс проведения собственной политики. Европа была озабочена таким вмешательством России во внутренние дела Украины. Несоблюдение территориальной целостности Украины и её суверенитета, вторжение как военное, так и политическое — именно так были рассмотрены действия России со стороны Запада и Вашингтона. РФ ответила отказом на призыв к соблюдению международного права и присоединение к урегулированию конфликта в содействии с новой украинской властью, что привело к резкому охлаждению её отношений с США и Западным сообществом. Международное сообщество заверило Россию в том, что если её дальнейшие действия не прекратятся, то это приведет к долгосрочным последствиям, включая широкий спектр экономических мер.

В условиях ужесточения санкций СЕ выдвигала еще более жесткие варианты. В резолюции №1990 (2014) есть поправка, что «РФ не пойдет на деэскалацию конфликта и не откажется от аннексии Крыма», за которую проголосовало простое большинство делегатов апрельской сессии. Тем самым, Ассамблея закрепила за собой право аннулировать любые полномочия делегации. [14] Такие действия негативно отразились на желании Российской Федерации быть полноправным членом правительственной организации. Были попытки восстановить полномочия, но новые санкции оказались весомее. В условиях усиливающихся ограничений, что стало существенным препятствием для полноформат-

ной работы, российская делегация заявила о прекращении своего участия в деятельности Парламентской Ассамблеи до конца 2015 года, а в 2016 году не подтверждала свои полномочия. Так как Россия не предоставила в срок необходимые уставные документы для участия в зимней сессии, страны-участницы утвердили положение об её отстранении на целый год. За всю историю существования ПАСЕ этот случай стал прецедентом. На современном этапе развития международных отношений ПАСЕ начала терять свои влияние и позиции, предоставлять государствам-участникам больше свободы действий. Чтобы преломить всю ситуацию в свою сторону, глава Ассамблеи Анн Брассер выступила с соответствующим заявлением: «...в соответствии со статьей №25 Устава Совета Европы и правилом №6 Процедурных правил Парламентской Ассамблеи, российская делегация не может принять участие в заседаниях...». [20]

Спустя год начался самый неблагоприятный период взаимоотношений между Россией и СЕ. В этот период российские власти заявили о прекращении перечислений взносов в ПАСЕ за участие. Обосновывается это тем, что Россия лишь продолжает сотрудничество, но не участвует в полной мере в жизни Парламентской Ассамблеи. И хотя был поднят вопрос о восстановлении режима работы российской делегации в сессиях ПАСЕ, большинство членов Ассамблеи проголосовали против.

Международная обстановка накалилась под градом действий в отношении Крыма. А выдвинутые ужесточённые санкции правительствами и участниками ПАСЕ поставили под сомнение дружественные отношения внутри самой межправительственной организации.

Подтверждением того служит то, что при возвращении всех полномочий делегации России, встает вопрос о членстве Украины. Страна может временно покинуть Совет Европы. Из этого следует, что в самый разгар Украинского кризиса Парламент был на стороне Украины и предпринял необходимые шаги. Конфликт как внутри страны (Украины), так и вокруг нее пошел на спад, необходимость о введении новых санкций со стороны ПАСЕ утратила свою силу.

Позже, состоялась встреча делегаций РФ и ПАСЕ в Ассамблеи, на которой обсуждались пути выхода из кризисного положения

взаимоотношений Страсбурга и Москвы. Главной темой обсуждения стало «соблюдение равных прав и возможностей для всех без исключения парламентских делегаций». [3] Однако, это не было единственным условием возвращения в ПАСЕ. Российская сторона предложила реформировать режим работы СЕ. Следующим пунктом обсуждений стал принятие поправки в регламенте ПАСЕ об отказе от оспаривания полномочий национальных делегаций. И последнее — изменение регламента голосования. Россия напомнила, что все члены СЕ имеют равные права, однако не всегда страна может присутствовать на какой-либо сессии. В период принятия той или иной резолюции идет подсчет голосов от присутствующих делегаций в зале. Сергей Нарышкин подтвердил своё предложение: «Это ставит под сомнение легитимность принимаемых Парламентской ассамблеей документов», заявил он. [3] Невозможно не согласиться с данным высказыванием. Совет Европы состоит из 47 государств, на сессиях могут отсутствовать лишь несколько из них. Тем не менее все присутствующие делегации должны учитывать мнения остальных членов Ассамблеи.

Несмотря на эти поправки в регламенте СЕ, руководящие лица Парламентской Ассамблеи поддержали вопросы о готовности восстановления диалога с РФ, а также её полноценного участия во всех процедурах и структурных органах СЕ. В этом ключе, председатель Ассамблеи Педро Аграмунт заключил, что руководители политических групп подтвердили необходимость полноформатного участия России в режиме работы ПАСЕ. В новой октябрьской сессии был поднят вопрос о восстановлении полномочий российской делегации. Принятие резолюции подтверждалось голосованием большинства участвующих делегаций с учетом рассмотрения вопросов, касательно Украинского кризиса и всеобщего международного настроения.

Большинство депутатов высказалось против принятий поправок, что отсрочило момент возвращения РФ. Последовательная работа по разъяснению и отстаиванию внешнеполитических позиций России, формированию конструктивной повестки дня с обсуждением проблем, объективно требующих совместных решений, привела к достижению поставленных целей. Первостепенно, комитет по регламенту ПАСЕ высказался против лишения на-

циональных делегаций права принимать участие в выборах Генерального секретаря СЕ и судей ЕСПЧ. [5] Данное решение можно было назвать фактическим восстановлением полномочий России, однако такое положение российскую политическую власть не устраивало.

Дальнейшие переговорные сессии в отношении России, наконец, принесли ожидаемый результат. На апрельской сессии 2019 года был принят текст документа №14922 от 26 июня 2019 года, в котором говорилось о необходимости сохранения членства России в Парламентской Ассамблее Совета Европы и направлении российской делегации на летнюю сессию. Еще один пункт в документе, содержал требование об уплате взноса в бюджет организации за 2019 год. [13] Именно с этого момента началось потепление в таких сложных отношениях между РФ и странами-участницами ПАСЕ. Также, ПАСЕ приняла оговоренную ранее поправку и сделала официальное заявление. Был опубликован текст Комитета министров Совета Европы, руководящего органа СЕ, где говорилось о допущении до участия на равной основе всех стран-участниц в работах КМСЕ и ПАСЕ. Такой шаг в российских политических кругах называют правильным путём к примирению, а также подтверждением «необоснованности и противоправности предыдущих санкционных решений ПАСЕ в отношении российской делегации». С таким заявлением выступил глава комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачев. [1]

Наконец, на июньской сессии Ассамблеи 2019 года, после напряженных дискуссий, была принята резолюция № 2292 (2019) с подтверждением всех полномочий российской делегации без каких-либо объяснений. [18] Всё также были затронуты проблемы, касательно отношений России и Украины. Во-первых, в тексте резолюции был пункт, гласящий об освобождении украинских моряков, задержанных в Керченском проливе. Во-вторых, прописано требование о сотрудничестве со следственной группой и голландской прокуратурой по привлечению ответственности виновных в крушении малайзийского Boeing на Украине. В-третьих, Ассамблея призвала принять эффективные меры в защите прав меньшинств и ЛГБТ. [18] В том же году было выполнено одно из

обязательств страны перед межправительственной организацией. Был не только совершен взнос после восстановления, но и на 97% погашен долг за 2017–2018 года.

Несмотря на приверженность политики Европы в отношении Украины, СЕ предпринял все шаги для восстановления режима работы России внутри своей структуры. 2019 год не только показал необходимость присутствия делегации от России в очном этапе сессий, но и учет её мнения и право голоса по различным вопросам. Например, по вопросам выбора нового Генерального секретаря Совета Европы, судьи Европейского суда и вице-спикера Ассамблеи. При выборе Генерального секретаря возникли небольшие сложности. Петр Толстой заявил, что российская делегация не примет участие в тайном голосовании на выборах Генерального секретаря до подтверждения своих полномочий. [8] Именно поэтому была принята резолюция № 2292 (2019). Дальнейшие парламентские выборы ПАСЕ проходили при очном участии делегации РФ.

В 2020 году глава российской делегации Петр Толстой был избран вице-спикером ПАСЕ. Его присутствие на главенствующем poste позволит развивать Ассамблею как межпарламентскую площадку для конструктивного диалога. [4] Стоит напомнить, что именно благодаря действиям и отличному владению переговорами, российской делегации удалось добиться своего восстановления.

Начало этого года оказалось самым успешным среди предыдущих, но многим членам Парламентской Ассамблеи не дают покоя продолжающиеся вооруженные столкновения на территории Донбаса и Украины. Была принята новая резолюция №2325 (2020) касательно соблюдения Минских соглашений и возвращения «аннексированного» Крыма. Также, было упомянуто о соблюдении конвенции прав человека, которое складывается вокруг вооруженного противостояния и поддержки военных операций и формирований на Востоке Украины. [16] Принятые резолюции за последние два года содержали всё те же требования — разрешение ситуации вокруг Украины и соблюдение равных прав и обязанностей человека в стране.

С одной стороны, возобновление участия РФ в заседаниях ПАСЕ дает возможность влиять на повестку дня Ассамблеи,

а также вести конструктивный диалог с парламентами стран Европы. С другой стороны, ПАСЕ уже давно выступает как площадка для критики России. Поэтому, не отказываясь от взаимодействия в рамках ПАСЕ, России целесообразно дополнить его иными формами сотрудничества со странами Европы.

Возникает вопрос о необходимости участия России в ПАСЕ. Беря во внимание всю критику, можно проследить, как она остро влияет на складывание добросердечных отношения между Россией и Советом Европы. Немалое количество стран-участниц придерживаются мнения, что руководящие должностные лица Ассамблеи прощают грубые ошибки РФ. Конечно, все это связано с Крымом и поддержанием вооруженных столкновений на Донбассе. На данном этапе, именно это влияет на складывание позиций по ужесточению или смягчению санкций против России. Очень хочется верить, что межправительственная организация настояла на возвращении России не только ради поддержания мира и развития сотрудничества между странами ПАСЕ, но и ради создания фундамента для урегулирования отношений во всей Европе. Однако, среди политических деятелей России ходит мнение, что всё это было сделано ради взносов со стороны РФ, так как Россия является одним из главных доноров финансирования в ПАСЕ. Но также ради осуществления контроля за соблюдением прав человека в России, к чему так давно стремится Парламентская Ассамблея. [2] Ведь без налаживания линий во взаимоотношениях между странами, проводить контроль будет крайне сложно.

Для России возвращение в ПАСЕ представляет собой переходный пункт к другим странам Европы. Новые формы сотрудничества могут заключаться в установлении экономических связей, которые могут способствовать развитию экономике этих стран.

Можно бесконечно говорить о прогнозах на будущее развитие двусторонних взаимоотношений, которые никогда не отличались своей легкостью. Любой промах со стороны России, будь то дружеская помощь противнику Европы или отказ от принятия резолюции, может негативно отразиться на жизни российских граждан, вновь поднимет вопрос о лишении права голоса или исключения. Незначительное событие может подорвать столь хруп-

кие отношения. В дальнейшем, хотелось бы увидеть позитивный вектор в отношениях между Россией и ПАСЕ, который станет фундаментом для плодотворной работы на международной арене.

Список литературы

1. *Астапкович В.* Косачев призвал ПАСЕ отреагировать на заявление КМСЕ. URL: <https://ria.ru/20190517/1553568962.html> — 01.06.20.
2. *Джапирадзе М.* ПАСЕ пошла на уступки, чтобы Россия вернулась в организацию. Зачем это нужно Европе? Что получит Россия? URL: <https://meduza.io/feature/2019/06/25/pase-poshla-na-ustupki-chtoby-rossiya-vernulas-v-organizatsiyu-zachem-eto-nuzhno-evrope-chtopoluchit-rossiya> — 01.06.20.
3. *Джапирадзе М.* «При равных примях»: на каких условиях Россия готова вернуться в ПАСЕ. URL: <https://tass.ru/politika/3602587> — 01.06.20.
4. Зампреда Госдумы Петра Толстого избрали вице-спикером ПАСЕ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/01/2020/5e3073909a7947e37fae972b> — 01.06.20.
5. История отношений России и ПАСЕ. URL: <https://tass.ru/info/7616969> — 01.06.20.
6. Конфликт России и ПАСЕ. URL: <https://iz.ru/story/konflikt-rossii-i-pase> — 01.06.20.
7. ПАСЕ лишила российскую делегацию права голоса до конца года. URL: <https://www.interfax.ru/world/370805> — 01.06.20.
8. Российская делегация не будет участвовать в выборах генсека ПАСЕ до подтверждения полномочий. URL: <https://www.interfax.ru/russia/666570> — 01.06.20.
9. Россия в Совете Европы. URL: <https://www.mid.ru/rossia-v-sovete-evropy> — 01.06.20.
10. *Собин А.* Зачем России участие в ПАСЕ. URL: <https://www.pnp.ru/top/site/zachem-rossii-uchastie-v-pase.html> — 01.06.20.
11. *Сушенцов А.* Зачем России членство в ПАСЕ. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/zachem-rossii-chlenstvo-v-pase/> — 01.06.20.
12. Opinion 193 (1996). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=13932> — 01.06.20.
13. Report Document 14922. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?fileid=28016&lang=en> — 01.06.20.
14. Resolution 1990 (2014). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=20882&lang=en> — 01.06.20.
15. Resolution 2034 (2015). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?FileID=21538&lang=EN> — 01.06.20.

16. Resolution 2035 (2015). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=21956&lang=en> — 01.06.20.
17. Resolution 2132 (2016). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=23166&lang=en> — 01.06.20.
18. Resolution 2292 (2019). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=28049&lang=en> — 01.06.20.
19. Resolution 2325 (2020). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=28597&lang=en> — 01.06.20.
20. Speech Anne Brasseur. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/News/News-View-EN.asp?newsid=5980&lang=2&cat=15> — 01.06.20.

Лоцилова Анастасия Михайловна

Россия и Совет Европы: сотрудничество или противостояние?

Russia and the Council of Europe: cooperation or confrontation?

Аннотация: В статье проводится анализ статистических данных ЕСПЧ, основных концептуальных документов и высказываний официальных лиц РФ, на основании чего автором составляется портрет видения Совета Европы в глазах Российской Федерации. Автор делает вывод о том, какое место занимает Совет Европы в системе институтов, частью которых является Россия. Итогом статьи является анализ возможности использования Совета Европы как инструмента по налаживанию отношений с европейскими партнерами.

Ключевые слова: Совет Европы, ЕСПЧ, международные организации, международные отношения, Россия.

Abstract: The article analyzes statistical data of the ECHR, the basic conceptual documents of the Russian Federation, the statements of Russian officials, on the basis of which the author introduces a portrait of the Council of Europe in the vision of the Russian Federation. The author discovers a place of the Council of Europe in the system of institutions, where Russia takes part. The result of the article is an analysis of the possibility of using the Council of Europe as a tool for building relations with European partners.

Keywords: Council of Europe, ECHR, international organisations, international relations, Russia.

Совет Европы — международная организация, объединяющая 47 стран. Одним из органов, функционирующих в ее структуре, является Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) — международный судебный орган. Все члены Совета Европы подписали Европейскую конвенцию о правах человека, а ЕСПЧ стал тем самым инструментом, который следит за применением Конвенции в государствах-членах Совета Европы.

Актуальность исследования обусловлена несколькими моментами. Во-первых, на данный момент, по моему мнению, наблюдается буксирующая стадия в отношениях Россия — ЕС, переживших серьезный кризис в 2014–2015 гг. Совет Европы является организацией, восстановление диалога в рамках которой значительно способствовало бы движению отношений ЕС-РФ с мертвой точки. С другой стороны, интересно недавнее предложение президента России Владимира Путина о верховенстве национального законодательства над международным. Президент заявил, что «суверенитет народа должен быть безусловным» и предложил внести соответствующую поправку в Конституцию [7]. В связи с этим еще более важным и сложным становится вопрос о том, каким же образом будут осуществляться решения ЕСПЧ в России, сохранит ли международное право свое верховенство, или национальное законодательство возьмет над ним главенствующую роль.

Целью исследования является составление портрета Совета Европы и ЕСПЧ в видении России, что позволит понять, возможно ли устранить препятствия для исполнения решений ЕСПЧ.

Российская Федерация подала заявку на присоединение к Совету Европы в качестве полноправного члена в 1992 г., и в 1996 г. состоялась официальная церемония ее вступления. Тогда же РФ была подписана Конвенция по правам человека. Однако Конвенция вступила в силу 5 мая 1998 г. вместе с Протоколами №1 и №4. Протокол №7 вступил в силу 1 августа 1998, а Протокол №9 — 1 сентября того же года. Эти протоколы расширяют перечень прав и свобод, содержащихся в Конвенции [10, С. 124]. Как видно, между подписанием Конвенции и ее ратификацией прошло два года, что уже говорит о том, что для РФ этот документ первостепенного значения не имел.

После подписания Конвенции Россия автоматически признала правомочность ЕСПЧ обязательной. Это позволяет лицам, находящимся под юрисдикцией РФ, в независимости от гражданства, обращаться в ЕСПЧ, если они считают, что их права были нарушены государством. Таким образом, ЕСПЧ выполняет не только надзорную функцию по отношению к государству — он также является судом высшей инстанции.

Однако существуют несколько условий, которые необходимо соблюсти при подаче заявления в ЕСПЧ. Во-первых, жалоба может подаваться только против тех нарушений, которые были совершены после ратификации Конвенции государством; для России это 5 мая 1998 г. Во-вторых, жалоба должна быть подана в срок не позднее шести месяцев после вынесения постановления соответствующим государственным органом по конкретному делу. В-третьих, жалоба может и должна касаться только тех вопросов, ответственность за которые должно нести государство. И, в-четвертых, заявитель должен исчерпать все возможные средства защиты своих прав внутри страны, прежде чем подавать жалобу в ЕСПЧ. Заявитель также должен собрать всю доказательную базу по своему вопросу. В ЕСПЧ доказательством считаются любые документы, в том числе аудио- и видеозаписи и фотографии. Обязанность доказать факт нарушения права в ЕСПЧ налагается на заявителя. Благодаря такой системе более половины жалоб, поданных в ЕСПЧ, отклоняются. [10, С. 123]

Если обратиться к статистике, которая предоставляется самим ЕСПЧ в открытом доступе, то мы увидим, что количество заявлений, поданных против РФ, не снижается. В 2014 г. было подано, суммарно, 9990 заявлений, в 2015 — 9207, в 2018 — 11745, а в 2019 — 15071 заявление. При этом существенно возросло количество заявлений, поступивших непосредственно на судебный этап: в 2014 г. это 8952 заявления, в 2018 — 12148, в 2019 — 12782. Однако стоит заметить, что в 2015 наблюдалось значительное снижение заявлений, дошедших до судебного этапа: 6009, практически на 300 меньше, чем в предыдущий год. В 2016 эта цифра составляла 5591 заявление, а в 2017 это число снова начало расти — 7957 заявлений дошли до судебного этапа [11, 12, 13, 14, 15, 16]. Это можно объяснить тем, что в 2014–2015 гг. отношения России с Советом Европы и ЕС сильно осложнились из-за ситуации с Крымом. Поэтому большое число заявлений, поданных гражданами России, отклонялось и не дошло до судебного этапа в ЕСПЧ.

В целом, согласно статистике, Российская Федерация находится на втором месте по числу вынесенных решений за период с 1959 г. по 2019 г. По заявлениям, поданным против РФ, было вынесено 2699 постановлений, что составляет приблизительно

12% от общего числа вынесенных постановлений. Наибольшее число постановлений при этом вынесено по делам, относящимся к праву на свободу и безопасность [18].

Обратимся к более конкретным датам. На 2014 г., когда отношения Россия — ЕС и, соответственно, Россия — Совет Европы значительно обострились вследствие украинских событий, Россия лидировала по количеству вынесенных против нее постановлений — 129 или 14,5% от общего числа [19]. В 2015 это повторилось — РФ снова находилась на первом месте по числу вынесенных решений — 116 или 14% [20]. Это можно назвать тенденцией, так как в 2018 г. Россия продолжила «занимать пьедестал» и снова лидировала по числу вынесенных решений — 248 или 24,5% от общего числа [21]. И, наконец, эта закономерность продолжается в 2019 г., когда РФ вновь находится на первом месте по числу вынесенных решений — 198 или 22,4% [22].

В 2014 г. большинство постановлений было вынесено по делам, относящимся к праву на свободу и безопасность (56 из 129), на втором месте — бесчеловечное и унижающее достоинство обращение (50 из 129 постановлений). В 2015 г. право на свободу и безопасность снова находилось на первом месте (58 из 116 постановлений, ровно половина), на втором — снова бесчеловечное и унижающее достоинство обращение (44 из 116). В 2018 же году лидирующую позицию делили постановления, относившиеся к праву на свободу и безопасность, а также постановления по бесчеловечному и унижающему достоинство обращению (по каждому было вынесено 99 решений, в сумме 198 из 248). В 2019 г. на первом месте по числу постановлений находится право на свободу и безопасность (90 из 198), а на втором — право на справедливое отправление правосудия (61 постановление из 198) [19, 20, 21, 22]. Таким образом, видно, что на первых местах по числу постановлений занимают дела с нарушением одних и тех же прав, и количество вынесенных решений находится в одном и том же диапазоне. Поэтому из приведенного выше анализа становится очевидно, что существуют проблемы в осуществлении решений ЕСПЧ Российской Федерацией, из-за чего гражданам (или лицам, находящимся под юрисдикцией РФ) приходится обращаться в международный судебный орган вновь и вновь для защиты своих прав.

Кроме того, согласно ежегодному отчету Комитета Министров Совета Европы, одной из функций которого является контроль за исполнением решений ЕСПЧ, Россия занимает первое место по числу дел, находящихся под усиленным надзором (18,1% из всех) [17, р. 71]. Усиленный надзор осуществляется над делами, требующими срочного решения или решения, которое раскрывает важные комплексные структурные проблемы национального законодательства. То есть, можем отметить уже здесь, что даже сам Совет Европы указывает на то, что в национальном российском законодательстве есть пробелы, которые не позволяют в полной мере защищать права человека, перечисленные в Конвенции, из-за чего и возникает необходимость обращения в ЕСПЧ. А так как большинство постановлений выносятся по одним и тем же вопросам, то становится очевидным, что попыток улучшить национальное законодательство по этим вопросам нет.

Помимо этого, Россия в 2018 г. занимает второе место по объему присужденных выплат: 13 115 481 евро (19%) и первое по числу невыплаченных компенсаций (которые должны быть осуществлены в течение года, и срок их выплат уже прошел) — по 159 делам в 2018 г. РФ не провела выплату (40,9% из всех). [17, рр. 76–77, 79–80] Делаем из этого вывод, что Комитет министров Совета Европы осознает существование препятствий при исполнении решений ЕСПЧ Российской Федерацией. Также мы видим, что выплаты не всегда осуществляются в срок, — то есть, по сути, в полной мере решения ЕСПЧ Россией не исполняются.

В чем же существует проблема при исполнении решений ЕСПЧ?

Обратимся к основополагающим доктринам: Концепции внешней политики России, Стратегии национальной Безопасности и Военной доктрине. Из трех этих документов, Совет Европы упоминается только один раз в Концепции внешней политики: «67. Россия продолжит работу в рамках Совета Европы как самостоятельной универсальной европейской организации, обеспечивающей за счет своих уникальных конвенционных механизмов единство правового и гуманитарного пространств континента» [2]. Это довольно общая формулировка, которая не содержит указания на какие-либо конкретные планы налаживания диа-

лога и работы в рамках Совета Европы. ЕСПЧ и вовсе никак не упоминается в данных доктринах. Такое ограниченное внимание к Совету Европы показывает, по моему мнению, реальное отношение России к этой международной организации. Для РФ она находится далеко не на первом месте по важности — и это может оказывать влияние на исполнение решений ЕСПЧ. Так как сам Совет Европы не воспринимается как значимый субъект международных отношений, в рамках которого нужно налаживать отношения, продвигать какие-то свои интересы и так далее, то и к исполнению решений ЕСПЧ отношение будет соответственным. Если эти решения не соответствуют более значимым интересам, то исполнять их РФ не будет, так как санкции, неодобрение, осуждение и другие меры в рамках данной организации не будут оказывать влияние на основной политический курс государства.

Обратимся к мнению официальных лиц Российской Федерации, чтобы понять их видение (а, следовательно, официальный взгляд государства) видения роли Совета Европы на международной арене.

Сергей Лавров, глава МИД РФ, в 2012 г. указал на «политизированный характер работы ЕСПЧ» [3]. Вячеслав Володин, председатель Государственной Думы в 2016–2020 гг., «поставил под вопрос легитимность решений ЕСПЧ» в связи с тем, что Российская Федерация в 2014 г. была лишена права голоса в ПАСЕ, а, следовательно, лишилась возможности участвовать в избрании судей ЕСПЧ [1]. Дмитрий Медведев, президент РФ в 2008–2012 гг., в 2010 г. отметил, что «Россия никогда не передавала такую часть своего суверенитета, которая позволяла бы любому иностранному суду выносить решения, изменяющие российское законодательство» и добавил, что на такие попытки он, как глава государства, будет реагировать [5]. Президент России, Владимир Путин, на встрече с рабочей группой по подготовке поправок в Конституцию в 2020 г. подчеркнул, что «Россия выполняет все решения ЕСПЧ», даже если некоторые из них носят явно неправовой характер. Он добавил, что «у кого-то всегда возникает соблазн поуправлять Россией со стороны», и иногда даже ЕСПЧ пытается вмешиваться во внутренние дела РФ. Именно поэтому он предложил внести в Конституцию поправку о том, что она должна

иметь приоритет над международным законодательством. [9] На данный момент (лето 2020 года) была предложена следующая поправка в Конституцию РФ: «Ст. 125. Конституционный Суд Российской Федерации... в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащим Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию...» [6]. Таким образом, если решения международных (межгосударственных) и иностранных судов войдут в противоречие с национальным законодательством, исполнять их или нет, будет решать Конституционный Суд. То есть теряется то самое верховенство международного права.

Глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас отметил, что иногда ЕСПЧ трактует некоторые положения Конвенции [по правам человека] таким образом, что это приводит к появлению таких положений, под которыми Россия не подписывалась [8]. В 2017 г. депутат Дмитрий Вяткин, который ранее был председателем Государственной Думы в Конституционном суде, отметил, что «в отношении России суд [ЕСПЧ] превратился просто в инструмент политического давления» и что «Европейский суд уже давным-давно не занимается защитой прав простых граждан, он занимается разбором неких политических дел» [4].

Теперь мы можем суммировать вышесказанное и составить некоторый портрет видения Совета Европы и ЕСПЧ непосредственно. Я выделю несколько основных черт:

1. Второстепенная роль. Для Российской Федерации Совет Европы не является приоритетным международным институтом, в котором следует налаживать диалог, устанавливать прочные отношения, искать компромиссы.
2. ЕСПЧ является, в видении РФ, политизированным институтом. Суд, который был призван помогать гражда-

нам (и другим лицам под юрисдикцией РФ) восстановить справедливость, занимается не чем иным, как политическим давлением на государство.

3. От ЕСПЧ нужно быть готовым защититься. Он может выносить несправедливые решения и покушаться на национальное законодательство, и в этом случае нужно быть готовым дать отпор.
4. ЕСПЧ вмешивается во внутренние дела России.

Таким образом, Совет Европы и ЕСПЧ воспринимается скорее враждебно, чем положительно. Очевидным является факт, что Россия не доверяет ЕСПЧ, считая его решения политизированными, несправедливыми в отношении себя. Также РФ видит, что ее права в Совете Европы ущемлены — у нее не было права голоса в ПАСЕ, что тоже осложняет и без того запутанные отношения.

По моему мнению, после таких заявлений складывается впечатление, будто Россия одновременно является частью Совета Европы (и, следовательно, ЕСПЧ), но этот институт воспринимается ею скорее как нечто внешнее и представляющее угрозу внутреннему укладу государства. При таком восприятии, совершенно очевидно, что устранить проблемы при исполнении решений ЕСПЧ невозможно, так как проблема коренится в первую очередь не в национальном законодательстве, а в роли, которая отводится Совету Европы в системе институтов, частью которой является Российская Федерация.

Отвечая на вопрос в заголовке, можно сказать, что на данном этапе о сотрудничестве между Россией и Советом Европы говорить не приходится. Но и противостоянием это назвать сложно. На мой взгляд, наиболее подходящее слово, которое могло бы описать отношения ЕС-РФ, — это равнодушие. Россия ведет себя достаточно индифферентно по отношению к решениям ЕСПЧ и Совету Европы в целом, а заявления о политизированности и несправедливости Суда — это, скорее, попытка найти оправдание отсутствию действий со своей стороны. И пока отношение будет таким, говорить о том, что Совет Европы может служить плацдармом для улучшения отношений с европейскими коллегами, не приходится.

Список литературы:

1. Вячеслав Володин поставил под вопрос легитимность решений ЕСПЧ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3561195> — 06.02.2020.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 — 06.02.2020.
3. Куденко А. Лавров назвал политизированной работу Страсбургского суда. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20121023/265101781.html. — 06.02.2020.
4. Латухина К. Путин внес в Госдуму протокол о роли ЕСПЧ. URL: <https://rg.ru/2017/03/15/putin-vnes-v-gosdumu-protokol-o-rol-i-espch.html> — 06.02.2020.
5. Медведев: Россия не позволит ЕСПЧ выносить решения, меняющие ее законы. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20101211/251213459.html — 06.02.2020.
6. Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> — 06.02.2020.
7. Полный примат. Эксперты оценили предложение президента зафиксировать в Конституции приоритет российского права над международным. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220873> — 01.02.2020.
8. Путин отметил, что ЕСПЧ иногда принимает неправовые решения в отношении России. URL: <https://tass.ru/politika/7539009> — 06.02.2020.
9. Пятницкая С. Путин: Россия исполняет все решения ЕСПЧ, даже неправовые. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3735561/> — 06.02.2020.
10. Семерникова А. И. Европейский суд по правам человека и Россия. // Вестник Томского государственного университета. 2013. №373. С. 124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-sud-po-pravam-cheloveka-i-rossiya> — 23.10.2018.
11. Analysis of Statistics 2014. / European Court of Human Rights. January 2015. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2014_ENG.pdf — 29.01.2020.
12. Analysis of Statistics 2015. / European Court of Human Rights. January 2016. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2015_ENG.pdf — 29.01.2020.
13. Analysis of Statistics 2016. / European Court of Human Rights. January 2017. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2016_ENG.pdf — 29.01.2020.

14. Analysis of Statistics 2017. / European Court of Human Rights. January 2018. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2017_ENG.pdf — 29.01.2020.
15. Analysis of Statistics 2018. / European Court of Human Rights. January 2019. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2018_ENG.pdf — 29.01.2020.
16. Analysis of Statistics 2019. / European Court of Human Rights. January 2020. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2019_ENG.pdf — 29.01.2020.
17. Supervision of the Execution of judgements and decisions of the European Court of Human Rights. 12th annual report if the Committee of Ministers // Council of Europe. Committee of Ministers. 2018, pp. 71, 76–77, 79–80. URL: <https://rm.coe.int/annual-report-2018/168093f3da> — 06.02.2020.
18. Violations by Article and by State. 1959–2019. / European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2019_ENG.pdf - 29.01.2020.
19. Violations by Article and by State. 2014. / European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2014_ENG.pdf — 29.01.2020.
20. Violations by Article and by State. 2015. / European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2015_ENG.pdf — 29.01.2020.
21. Violations by Article and by State. 2018. / European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2018_ENG.pdf — 29.01.2020.
22. Violations by Article and State. 2019. / European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2019_ENG.pdf — 29.01.2020.

Розенштейн Валерия Васильевна

Аспекты гуманитарного сотрудничества России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества

Aspects of humanitarian cooperation between Russia and China
within the Shanghai Cooperation organization

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках развития Шанхайской Организации Сотрудничества. Выделяется особая важность отношений в данной сфере в связи с преобладающими позициями России и Китая в организации, как странодними из первых заявивших о гуманитарном типе взаимодействия. Автором проанализированы аспекты взаимодействия стран в таких сферах как образование, культура, а также туризм и сделан вывод о растущей степени глубины сотрудничества.

Ключевые слова: Гуманитарное сотрудничество, российско-китайские отношения, ШОС, двустороннее сотрудничество, культурная дипломатия.

Abstract: The article discusses the main directions of Russian-Chinese humanitarian cooperation within the framework of the development of the Shanghai Cooperation Organization. The special importance of relations in that direction is highlighted in connection with the prevailing positions of Russia and China in the organization, as countries that were among the first to declare a humanitarian type of interaction. The author analyzes the aspects of the collaboration between states in such areas as education, culture, and tourism, and concludes the growing depth of cooperation

Keywords: Humanitarian cooperation, Russian-Chinese relations, SCO, bi-lateral cooperation, cultural diplomacy.

Современная система международных отношений, сложившаяся после окончания холодной войны и распада СССР, строится на принципах глобализации и демократизации отношений в различном измерении мировой политики: от цивилизаций до отдельных государств.

Особенно важным аспектом современного взаимодействия правительств различных стран является смена вектора действия с использования агрессивных военных методов на использование мирных инструментов борьбы с мировыми проблемами и способов сотрудничества государств. Традиционно основными сферами, где происходит активное взаимодействие являются политическая и экономическая. Однако с началом нового XXI века все большее внимание также стало уделяться и гуманитарной стороне кооперации, включающей в себя исключительно мирные методы, включающие в себя сотрудничество в сферах культуры, науки, искусства, здравоохранения, а также в информационном контексте.

Кроме того, отдельно нужно сказать о таком факторе становления новых международных отношений, как региональное и мировое сотрудничество. Уход от формата биполярного противостояния и становление многополярного мира способствуют все более активной региональной интеграции стран во всех частях света. Конечно, наиболее известными проектами в данном контексте являются Североатлантический альянс, ставший центром еще в биполярное время в Америке, а также Европейский союз, который оказался символом новой региональной европейской интеграции XXI века. Однако данные организации более направлены на развитие и сотрудничество западных стран и продвижение их ценностей. Оставшее Евразийское пространство начало развивать свою деятельность с опорой на сотрудничество лишь в конце XX — начале XXI вв.

Среди многих организаций, которые начали свою работу в этом регионе наиболее масштабной и влиятельной можно назвать Шанхайскую Организацию Сотрудничества. Этот проект стал ярким примером совершенствующейся модели регионального взаимодействия стран Евразии.

За годы своего существования Организация стала объединением, полностью отвечающим на все международные вызовы и ответственным за своевременное решение проблем не только регионального, но и мирового характера. Шанхайская Организация Сотрудничества за почти 20 лет своей работы смогла стать неким «антагонистом» западных интеграционных проектов, в равной степени принимающей участие в мировой политике.

Учрежденная в 2001 г. ШОС включает в себя 8 государств: Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Пакистан и Индия [2]. Однако основополагающую роль в создании и в деятельности организации с самого начал играли России и Китай. Оба государства являются инициативными акторами, создавшими некий стержень взаимодействия не только между собой, но и с остальными странами в рамках Организации, а также странами, чьи взаимоотношения напрямую определяют статус всей организации. Для России и Китая это абсолютно новое пространство для развития двусторонних отношений с возможностью обеспечения стабильного и безопасного развития региона.

Согласно Хартии Шанхайской Организации Сотрудничества в приоритет выделены несколько направлений, в том числе традиционное обеспечение стратегической безопасности региона, а также содействие устойчивому региональному экономическому сотрудничеству. Однако данные сферы — центральные и привычные для организаций любого уровня и региона. Что более важно — страны-члены Организации Сотрудничества делают сильный упор на взаимодействие в гуманитарной сфере, которая прописывается в вышеупомянутом документе как одно из приоритетных направлений: «расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма» [18].

Особенно важная роль в гуманитарной деятельности в рамках проекта принадлежит двум локомотивам — России и КНР, которые в то же время несут основное финансовое бремя и развивают все проекты организации. Гуманитарное направление является, пожалуй, единственным, где у обеих сторон не возникает разногласий.

Так чем обусловлено такое тесное и успешное сотрудничество данных стран в этом направлении в рамках ШОС?

Во-первых, помимо того, что Россия и Китай создали могущественный тандем, находящийся на верхушке в структуре организации, что можно практически сравнить с тандемом Франции и Германии в ЕС, это также два государства, обладающие настолько масштабной историей относительно обеих — китайской и российской цивилизаций. Почитание культурно-исторического

наследия этих цивилизаций стоит в приоритете и способствует развитию сотрудничества в сфере культуры, науки, туризма и тд.

Во-вторых, ШОС — ведущая площадка, где оба государства в полной мере могут реализовать направления своей внешней политики в контексте выстраивания своего международного образа.

Для КНР — это пространство, способствующее развитию направления добрососедства в отношении стран Центральной Азии и России, и созданию благоприятной стратегической обстановке в регионе. Для России же ШОС выступает в первую очередь как площадка, предоставляющая возможность развивать свои стратегии обеспечения безопасности российского Дальнего Востока, укрепить свои позиции в Центральной Азии, а также способствовать становлению многополярного мира, углубляя свое взаимодействие с Китаем в рамках Организации, в некоторой мере ставшей восточной версией НАТО, однако с немного другими целями и задачами, отвечающими современным проблемам.

Что касается гуманитарного сотрудничества двух стран, их цели здесь практически идентичны и выражаются в создании положительного внешнеполитического образа, основанного на популяризации культуры, языка и традиций [3]. Несмотря на приверженность российской культуры и к западной, и к восточной цивилизациям одновременно, глобальное продвижение все же больше идет на Востоке, ввиду не только неких ценностных противоречий со странами прежде всего Европы и Америки, но и из-за политических проблем, существующих во все времена именно в отношениях с Западом. В этом контексте Российская Федерация даже после периода Холодной войны делает упор на развитие сотрудничества со странами пост-советского пространства в СНГ и Азии, и, в особенности, с Китаем, как с ведущей державой в азиатском регионе. С китайской стороны также можно отметить стремление расширить влияние своей культуры, так как глобализационное развитие способствует глубокому взаимодействию всех культур с когда-то «чужой» культурой Востока. Особенно следует отметить непрерывный рост влияния китайской культуры, продвижение которой также стало ведущей целью китайского правительства в гуманитарном сотрудничестве после доклада Председателя КНР Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК в

2012 году [4]. При этом специфика активной деятельности Китая в немалой степени обусловлена развитием концепции «китайской мечты».

Таким образом, обоюдные стремления двух стран способствуют построению непрерывного культурного диалога и развитию многополярности и демократизации не только в рамках одной Шанхайской Организации Сотрудничества, но также во всем мире.

С углублением взаимодействия стран ШОС и, в особенности, России и Китая, в международном словаре появилось понятие «шанхайского духа», описывающее все аспекты деятельности Организации именно в гуманитарном контексте.

Данное понятие составляет 20 китайский иероглифов, каждый из которых означает «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию» [5]. Эта концепция незримо присутствует на всех саммитах Организации и является базой для всей ее деятельности. Особенно ярко дух ШОС просматривается в культурном взаимодействии России и КНР через многочисленные мероприятия и проекты культурно-гуманитарного аспекта, так как именно культуры и их взаимоуважение являются главной составляющей содействия стран.

Кооперация Китая и России в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества в гуманитарной области предусматривает двустороннее взаимодействие во многих сферах. Главными инициативными проектами двух стран необходимо считать, во-первых, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года и Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству [1], координирующая работу множества подкомиссий по всем сферам гуманитарного взаимодействия.

Наиболее яркий прогресс сегодня происходит в нескольких областях. И самым масштабным можно назвать образовательное сотрудничество.

В первую очередь стоит отметить учреждение нескольких новых университетов на базе уже существующих китайских и российских ВУЗов. Несмотря на то, что в Китае концепция двусторонних университетов развита сильнее и с другими странами, нежели

с Россией, такие совместные образовательные проекты успешно воплощаются в жизнь. Уже сейчас обучают студентов и принимают абитуриентов со всего мира Российско-Китайский университет в Шэньчжэне на базе МГУ и ППИ, Китайско-Российский институт Шелкового пути, Институт искусств в г.Вэйнане, Китайско-Российский университет на базе НГУ и Хэйлунцзянского университета, а также начал работу проект Центра российских исследований на базе Санкт-Петербургского университета и Китайского народного университета в Пекине[14].

Главным достижением Китая и России совместно с другим членами ШОС в данной сфере является учреждение Университета ШОС, проект которого был предложен В. В. Путиным в 2007 г., а в 2008 г. уже учрежден сам Университет[17], структура которого подразумевает сеть образовательных учреждений в странах-членах Организации. Главной целью данного проекта является многосторонняя интеграция молодежи в культуры стран ШОС и подготовка высококвалифицированных специалистов, которые в будущем будут развивать свою карьеру на пространстве Организации и своей деятельностью способствовать экономическому и социальному развитию. Подготовка кадров проходит по всем ступеням высшего образования и проводится обычно на 3 официальных языка: русском и китайском, что не может не говорить о преобладании этих стран в количестве студентов в ВУЗах, и на языке государства, где расположен университет. Важно отметить — Университет ШОС является восточным аналогом европейской системы образования и пока что действует согласно условиям Болонского процесса [8]. Однако нельзя отрицать что с расширением деятельности Университета и углублением Российско-китайского сотрудничества возможно создание собственного проекта восточной системы образования в рамках ШОС.

Проект Университета ШОС стал ведущим проектом, характеризующим прежде всего двусторонние отношения Китая и России. Именно это учреждение может в будущем стать примером глубокой интеграции стран с одной стороны очень близких в своем культурном развитии, а с другой — абсолютно отличающихся по менталитету, группе языка и религиозной стороной. Кроме того, в контексте сотрудничества ведущих держав Организации, проект

сетевого университета соответствует национальным интересам обеих сторон в вопросе продвижения как русского, так и китайского языков в глобализационном процессе, а также повышению престижа российского и китайского образования для того, чтобы оно по качеству было равно европейскому.

Помимо отдельных совместных университетов в российских и китайских ВУЗах широко развиты программы академической мобильности, благодаря которым студенты имеют возможность получить опыт образования за рубежом. Так, подобные гуманитарные обмены осуществляются во многих ведущих университетах России, в том числе в СПбГУ, МГУ, МГИМО, РУДН и других. В рамках такого же обмена был учрежден проект «Сто вузов — десять тысяч студентов» в 2015 году. Следуя данным проектам, можно предположить, что к концу 2020 года количество китайских учащихся в России и российских в Китае возрастет и достигнет более чем 100 тыс. человек [16].

Другой немаловажной сферой гуманитарного сотрудничества является межкультурное взаимодействие.

За последние 10 лет для граждан обеих стран уже стали привычными многочисленные перекрестные года, такие как Год России в Китае и Китая в России (2006 г., 2007 г.), «Годы регионов» (2018–2019 гг.) [12], форумы городов-побратимов, регулярно проходят совещания министров культуры стран ШОС и в отдельном диалоге Россия-Китай. Текущий 2020-й год также объявлен перекрестным годом Китая и России и запланированные мероприятия не собираются отменять даже из-за пандемии коронавируса [11].

Отдельное место в данной сфере занимают многочисленные российские и китайские культурные фонды, как представительство Россотрудничества, Институт им. Конфуция, Фонд Горчакова, Центры русского языка российский и китайский культурные центры в Москве и Пекине соответственно.

Также ежегодно проходят выставки китайских и российских художников, фотографов, популяризируются музыканты и музыкальные группы. В последнее время активно активизируется сотрудничество в кинопроизводстве, проявляющееся в кооперации кинофондов. В данный момент также ведется работа над 5 совместными национальными фильмами.

Не затрагивая сферу двусторонней популяризации культур и традиций, необходимо отметить развитие медиа-сферы в диалоге России и Китая. Уже происходит активное сотрудничество китайских и российских СМИ, в том числе благодаря проведению в 2016–2017 гг. проекта перекрестных годов СМИ, в рамках которого было осуществлено взаимодействие профильных информационных агентств и ведомств и сотрудничество многих издательств и медиа-редакций. Была проведена работа по обмену сотрудниками крупнейших СМИ в целях повышения их квалификации и развития разных сфер журналистики в обеих странах. Также были заключены несколько соглашений между «Российской газетой» и несколькими китайскими СМИ: Международным радио Китая, информационным агентством «Синьхуа», газетами «Чужого Жибао», «Хуаньцю Шибао» [13].

Основная часть работы по проведению многочисленных культурных мероприятий ложится на учрежденные Российский культурный центр в Пекине и Китайский культурный центр в Москве, активно взаимодействующими с государственными организациями и НКО, фондами и творческими и молодежными объединениями Китая и России [15].

Таким образом, межкультурный диалог двух стран с каждым годом существования ШОС становится все глубже и приобретает новые масштабы в измерении проектов. А сотрудничество России и Китая стало некой манифестацией данного диалога в развитии и популяризации обеих цивилизаций.

Последней, но не менее глобальной по проектам сферой, нужно отметить туристическое взаимодействие.

С 2018 года Китай стоит на 1-м месте по количеству своих туристов в России. Рост отмечен и в желании россиян посетить Китай. Прежде всего такая тенденция обусловлена успешной популяризацией туризма в рамках Шелкового Пути. Историческая значимость данного феномена развития человечества способствует привлекательности туризма в регионе ШОС и двигает эту сферу гуманитарного сотрудничества России и Китая в правильном направлении. Развитие этого туристического проекта происходит в рамках диалога «Один пояс-один путь». Следствием деятельности данного диалога стало подписание соглашения о соз-

дании «Фонда Эрмитажа в Китае» под эгидой Государственного Эрмитажа и телевизионной компанией КНР «Red 19 TV Limited» [6]. Также по двусторонней инициативе был создан гуманитарный фонд «Великий шелковый путь», направленный на сотрудничество в музейном деле.

Помимо государственного Эрмитажа с китайской стороной сотрудничают и другие объекты, например, «Ясная Поляна» и «Горки Ленинские».

Отдельное место в развитии туризма отводится созданию новых маршрутов, посвященных схожим страницам в истории государств. Как, например, военно-исторический проект «Красный маршрут», связанный с коммунистическим и революционным прошлым КНР [16]. В России активизировалось проведение туров по «Золотому кольцу России», которые позволяют китайским гостям ближе познакомиться с культурой, традициями и национальной кухней России.

Увеличению китайских туристов в Россию поспособствовал проект «China Friendly», в рамках которого туристы обеспечены качественными услугами во всех аспектах их пребывания в России, а также различными привилегиями на отдельных экскурсионных объектах [7].

Традиционные пляжные и сельские виды туризма также занимают большую часть в гуманитарном сотрудничестве стран, в целях повышения уровня туристической инфраструктуры обе стороны осуществляют масштабный обмен сотрудниками туристических агентств, гостиниц и других организаций. Данные обмены происходят согласно инициативам, утвержденным в основных соглашениях двух стран. В 2019 г. в рамках VIII Санкт-Петербургского международного культурного форума между государствами был подписан меморандум об укреплении сотрудничества в сфере координации деятельности в туризме, где предусмотрено сотрудничество для подготовки гидов и руководителей туристских групп [10].

Туристическая сфера гуманитарного взаимодействия Китая и России становится все более обширной по количеству создаваемых проектов, что напрямую определяет увеличивающееся количество туристов.

Осуществляемые программы по взаимодействию профессионалов туристической сферы, а также популяризация культур через туристические маршруты дают полное основание для понимания глубокого сближения не только политического верха государств, но и обычных граждан.

Подводя итог, можно с полной уверенностью сказать, что ШОС стала для России и Китая главной площадкой, где обе страны могут осуществлять свои амбиции в гуманитарной политике и представлять свои культуры, как равные западной.

Двусторонний диалог в данной сфере выводит китайско-российские отношения на абсолютно новый уровень и позволяет найти все больше точек соприкосновения в совместной экономической и социальной политике в рамках ШОС благодаря «Шанхайскому духу». Кроме того, связи двух государств, настроенные еще в XX в. и углубленные за счёт уменьшения внимания России сотрудничеству с европейскими странами и перехода на интеграцию с Востоком, дают прочную базу не только для межкультурного взаимодействия, но и для совместной борьбы с международным терроризмом и экологическими проблемами.

Россия и Китай, как два локомотива развития Организации, не ставят себе в целях превратить ее в военный блок, по примеру НАТО. Именно гуманитарные связи и масштабная культурная дипломатия обеих стран не дает сделать из ШОС антиамериканский блок противостояния. Основанная на принципах добрососедства и стремления к многополярности в международных отношениях, ШОС направлена на мирное сотрудничество и региональную интеграцию.

Гуманитарные контакты помогают обеим странам формировать положительный международный имидж своих государств и Организации в целом для сотрудничества на международной арене, а также обеспечивать взаимопонимание культур.

Список литературы:

1. 20-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. // Новости, Сайт Правительства России. — 16.09.2019. URL: <http://government.ru/news/37873/> — 28.06.2020.

2. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничест-ва // Официальный сайт ШОС. — 14.06.2001. URL: <http://rus.sectscs.org/documents/> — 28.06.2020.
3. Касюк А. Я., Онищук С. М. Шанхайская организация сотрудни-чества: взаимодействие в гуманитарной сфере. // Вестник МГЛУ. Выпуск 25 (631), 2011. С. 58
4. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК // Официальный сайт. Газета «Женьшен» URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023960.html> — 28.06.2020.
5. Пань Гуан. Что такое «шанхайский дух»?//ИнфоШОС — информа-ционный портал ШОС.—27.11.2008. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=3296> -28.06.2020.
6. Протокол о намерениях и условиях сотрудничества в целях подго-товки и реализации программ Центра «Эрмитаж — Китай». Сайт Государственного Эрмитажа. URL: http://www.hermitagemuse-um.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/2017/news_165_17/?lng=ru — 28.06.2020.
7. Программа «China Friendly». Сайт программы «China Friendly». URL: <http://chinafriendly.ru>. — 28.06.2020.
8. Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в со-пряжении образовательных пространств Евразии. Филиппов В. М., Сунь Ю. // Государственная служба. 2015. No 6 (98). С. 15—17.
9. Россия и Китай готовят Годы научно-технического сотрудничества// РИА-Новости. — 09.06.2020. URL: <https://ria.ru/20200609/1572677978.html> -28.06.2020.
10. Россия и Китай усилят сотрудничество в сфере туризма// РИА-Новости. Официальный сайт.—15.11.2019. URL: <https://ria.ru/20191115/1560992801.html> — 28.06.2020.
11. С 1 мая «Красный маршрут» начнет принимать туристов. Отдых в России. URL: [https:// rustur.ru/article/s-1-maya-krasnyj-marshrut-nachnyot-prinimat-turistov](https://rustur.ru/article/s-1-maya-krasnyj-marshrut-nachnyot-prinimat-turistov) — 28.06.2020.
12. Си Цзиньпин выразил готовность расширять сотрудниче-ство с Россией в 2018 году. ИТАР- ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4853729> — 28.06.2020.
13. Сергей Иванов назвал отношения России и Китая образцовыми // Газета «Российская газета» [Официальный сайт]. 25.03.2016. URL: <http://rg.ru/2016/03/25/ivanov-partnerstvo-rf-i-knr-obrazec-mezhgosudarstvennyh-otnoshenij.html> — 28.06.2020.
14. СПбГУ и Китайский народный университет готовят к открытию центр российских исследований в КНР// Санкт-Петербургский го-сударствен-ный университет [Официальный сайт]. 23.05.2014. URL: <http://spbu.ru/news-spsu/20853> — 28.06.2020.

15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном учреждении культурных центров. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902196994> -28.06.2020.
16. Статья Посла КНР в РФ Ли Хуэя. Посвящение официальному визиту Председателя КНР, 15.04.2015 // URL: <http://ru.china-embassy.org/chn/sghd> -28.06.2020.
17. Университет ШОС//Официальный сайт. URL: <http://uni-sco.ru/>-28.06.2020)
18. Хартия ШОС. Правовой Департамент МИД России. Перечень многосторонних международных договоров. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spm_md.nsf/511940DA90AA7F77C3_257D8D0036F3A9 — 28.06.2020.

Сведения об авторах

Aref Bijan, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, аспирант

Dalsooz Jalal Hussein, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, аспирант

Ануфриева Анастасия Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр

Асланов Ильяс Васифович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр

Белухин Никита Евгеньевич, МГИМО (У) МИД РФ, факультет международных отношений, магистр

Габриелян Максим Олегович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр

Данилова Екатерина Николаевна, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, аспирант

Даровская Анастасия Михайловна, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр

Заяц Елизавета Александровна, Омский государственный педагогический университет, факультет истории, философии и права, бакалавр

Золотарев Федор Евгеньевич, Уральский федеральный университет, департамент международных отношений, магистрант

Золотова Виктория Эдуардовна, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистр

- Ильиных Алина Валентиновна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистр
- Ишутинова Анастасия Станиславовна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Коровина Анастасия Максимовна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Кортунова Анастасия Дмитриевна*, Алтайский государственный университет, институт истории и международных отношений, магистр
- Коцур Глеб Владиславович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, аспирант
- Кузина Оксана Евгеньевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, аспирант
- Лабенский Ярослав Владимирович*, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, факультет международных отношений и политический исследований, бакалавр
- Леонов Юрий Игоревич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Лощилова Анастасия Михайловна*, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, исторический факультет, бакалавр
- Морозов Максим Константинович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистр
- Москаленко Диана Денисовна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Назаров Батыр Сердарович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр

- Новиков Кирилл Михайлович*, Санкт-Петербургский государственный университет, магистр политологии
- Олейникова Анна Дмитриевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Писаревская Дарья Дмитриевна*, МГИМО (У) МИД РФ, факультет международных отношений, бакалавр
- Попов Дмитрий Игоревич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Поснякова Анна Алексеевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Пронина Валерия Александровна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Родина Екатерина Юрьевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Рознитейн Валерия Васильевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Росяков Федор Сергеевич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет востоковедения, бакалавр
- Садомцева Анна Романовна*, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, магистр
- Севрюк Владислав Сергеевич*, Российский государственный гуманитарный университет, факультет международных отношений и зарубежного регионоведения, магистр
- Сергеева Дарья Олеговна*, Дипломатическая академия МИД России, факультет международных отношений и международного права, бакалавр
- Симанов Егор Сергеевич*, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, исторический факультет, бакалавр

- Смешко Елизавета Игоревна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Смирнов Егор Владимирович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Турцева Анна Владимировна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Федорова Изабелла Владимировна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, аспирант
- Филиппова Зида Николаевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Фокин Ярослав Павлович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Царапкина Валерия Вячеславовна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Шубина Дарья Сергеевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Югзов Вадим Максимович*, Астраханский государственный университет, факультет социальных коммуникаций, бакалавр
- Юдина Александра*, Воронежский государственный университет, бакалавр лингвистики

Научное издание

**РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**

Сборник работ VIII международной
студенческой научной конференции

Верстальщик *О.С. Михайлова*

Издательство «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. А. пом. 32-Н
тел. (812) 982-83-94